Посвящается 10-летию
со дня смерти философа,
историка, писателя
Хорхе Анхеля Ливраги

Хорхе Анхель Ливрага
(1930–1991)

Хорхе Анхель ЛИВРАГА
Делия Стейнберг ГУСМАН

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Издание 2-е

МОСКВА
Культурный центр
«Новый Акрополь»
2003

УДК 130.2:101:17
ББК 87:87.7:71.04
С59

Ливрага Х.А., Гусман Д.С.

С59 Сокровенный смысл жизни. Сборник / Пер. с исп. — М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2003. — 408 с.: ил.

ISBN 5-901650-04-2

В сборник вошли статьи и лекции, посвященные Философии в ее истинном значении — как любви к Мудрости. В них затрагиваются вопросы о прошлом и будущем человечества, об истории великих цивилизаций, о законах Вселенной, о жизни и смерти и тайнах внутреннего мира человека. Такой подход дает авторам возможность выйти за пределы традиционно относимых к философии тем и вместе с читателем поразмышлять о человеке и его месте в мире.

УДК 130.2:101:17
ББК 87:87.7:71.04

ISBN 5-901650-04-2

© Культурный центр «Новый Акрополь», 2001

Об авторах

ХОРХЕ АНХЕЛЬ ЛИВРАГА (1930–1991), доктор философии Ацтекской академии искусства, науки и литературы, академик Международной Буркхардтовской академии Швейцарии, академический член Филовизантийского университета, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы, — основатель и первый президент международной классической философской школы «Новый Акрополь», которая в настоящее время имеет свои отделения более чем в сорока странах.

Он автор множества работ в области философии культуры, среди которых «Лотос» (поэтические произведения), «Анкор-ученик» (роман), «Письма к Делии и Фернану» (философия), «Алхимик (Что кроется за образом Джордано Бруно)», «Элементалы, духи Природы», «Театр Мистерий Древней Греции» и др. Все его труды переведены на многие языки. Значительную часть его наследия составляют статьи и публичные выступления в самых разных уголках мира.

ДЕЛИЯ СТЕЙНБЕРГ ГУСМАН — философ, писатель, музыкант, лауреат многих музыкальных конкурсов, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы. Автор многих статей и книг, среди которых «Игры Майи», «Сегодня я увидела...», «Основы акропольского Идеала», «Мне сказали, что...», «Повседневный герой» и др. Ведет активную деятельность по организации международных музыкальных и литературных конкурсов.

В настоящее время Д.С. Гусман является президентом международной классической философской школы «Новый Акрополь», продолжая культурно-просветительскую деятельность и читая в разных странах мира лекции по философии, философии истории, символизму древних культур, истории искусства, психологии, метафизической эстетике и т. д.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем интереснее и богаче личность человека, тем сложнее определить и описать ее.

В наше время назвать кого-то философом — значит дать повод для самых разных и порой противоречивых суждений. Одни говорят, что его жизнь состоит лишь из выдумывания заумных суждений, не имеющих никакой практической ценности, другие — что его деятельность сводится лишь к письменному или устному изложению неких пассажей с целью привлечь внимание.

Но античный мир и мир Возрождения относились к понятию философа по-другому, видя в нем не только просвещенную личность, но и человека, отличающегося глубиной мысли, открытого всему, что может обогатить его дух, эклектика в стремлении к знаниям, последовательного в своих действиях как отражении своих идеалов, человека, чья нравственная стойкость может послужить ярким примером той древней, изначальной Любви к Мудрости, коей и является Философия.

Это определение наилучшим образом применимо к профессору Хорхе Анхелю Ливраге: философ, большой знаток истории, психологии, искусства, науки, религий; неутомимый исследователь; человек, способный понять и, более того,

научить, способный последовательно изменяться и одновременно являть собою постоянный пример, вдохновляющий своих учеников.

Он не был плодовитым автором, за исключением сферы Риторики, ораторского искусства. Ему удалось превратить свое слово, увлекательное и полное энтузиазма, в действенные узы, соединяющие с тем, кто приходил его слушать. Его лекции и беседы многочисленны, и тот факт, что они публикуются в этой книге, подразумевает, что они отражают его воззрения, хотя и не в полной мере. Не в полной мере, поскольку, записанные, они не передают всей силы искренности его слов, этой важнейшей черты его личности, которая помогала ему обращаться и к незнакомым слушателям на лекциях, и к своим ученикам на занятиях.

Не часто можно наблюдать такие глубокие изменения в облике, во взгляде человека, когда он начинает говорить: все его существо словно было проникнуто тем, что он произносил, то подчеркивая важность искусно вытканной мысли, то выражая качество чувств, намного более высоких, чем те, что мы обычно испытываем. Его никогда не видели читающим по бумаге на своих лекциях или занятиях. Разумеется, он читал много, но во время выступления его идеи струились с непосредственностью, характерной для того, кто их проживает, или для того, кто обращается с открытой молитвой ко всей Вселенной.

Интересно было наблюдать, с какой легкостью он развивал ту или иную тему. Будучи большим знатоком древних цивилизаций и их культурных традиций, он, тем не менее, был страстно увлечен временем, в котором ему довелось жить, и своим философским видением он постоянно вносил лепту в дело борьбы с социальным, политическим, нравственным, экономическим злом, окружающим нас. Ему всегда удавалось выражать свои мысли ясно и искренне, твердо отстаивая свою позицию и не склоняясь ни перед модой, ни перед влиятельными (в той или иной мере) персонами.

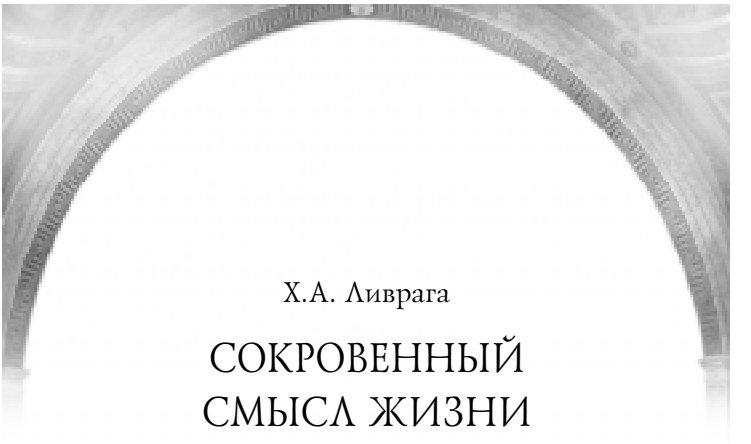
Нередко ему удавалось заглянуть дальше собственного времени и увидеть будущее в духе истинного пророчества.

Сколько раз он предвещал то, что впоследствии, через несколько лет становилось действительностью! Сколько раз даже те из нас, кто знал его лучше, думали, что он излишне категоричен в своих прогнозах! И сколько раз мы могли убедиться в правоте этих так называемых предсказаний, которые, в конце концов, оказались не чем иным как квинтэссенцией здравого смысла и плодом далеко не всякому доступной способности к анализу!

И мы надеемся, что этот сборник выступлений и статей даст возможность не только прочесть, но и услышать его слово. Хотя стиль речи не всегда можно передать на бумаге, но, в любом случае, наибольшую значимость имеют выраженные в них идеи. Они, как стрелы Мудрости, могут обогнать время и не терять своей жизненной силы и в наступившем тысячелетии, указывая на самую светлую часть человеческого сердца, как и надлежит Философии.

Делия Стейнберг Гусман

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ



Х.А. Ливрага

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Лекция

Есть вопрос, который волновал философов всегда, — это жизнь и различные ее аспекты: вечен ли человек, существует ли смерть, что происходит, когда мы покидаем сцену этого мира?

И этот вопрос весьма занимает лично меня: ведь все, кто живет сегодня, обречены на смерть. Все мы должны умереть.

Зачастую мы думаем — придерживаясь при этом излишне материалистических позиций, — что об этом не стоит особо размышлять, а лучше и вообще не затрагивать эту тему; без сомнения, очевидно, что все мы рождаемся, живем и рано или поздно должны будем умереть.

Меня — как философа и как человека — беспокоит то, что люди не озабочены вопросом о сущности и смысле жизни. Есть вещи, которые в большей или меньшей степени волнуют всех, — например, политические или экономические проблемы, — но есть одна проблема, которая затрагивает каждого. Ведь умирают все.

Поэтому мне — как философу и как человеку — кажется странным, что столько людей вовсе не задаются вопросом о самих себе и не обращаются за ответом к величайшим источникам древней мудрости и величайшим мыслителям современности.

Мы знаем, что все в мире в той или иной мере является живым. Раньше мы все вещества не задумываясь делили на органические и неорганические и даже сейчас продолжаем различать органическую и неорганическую химию. Мы говорим, что собака, кошка, человек являются живыми существами, а окно или кусок дерева — нет. Но почему?

Исследования, проводившиеся на протяжении веков, показывают, что все вещи, все существа состоят из одних и тех же химических элементов и различного рода взаимодействий: механических, термических, электрических, магнитных и т. д.

Очень трудно сказать, где есть жизнь, а где нет. Нам кажется, что если кошка мурлыкает, когда ее гладят, и мяукает, если ее бьют, то она, конечно, живая. Но когда я ударяю по куску дерева, оно точно так же издает звук... И звук, возникающий при ударе вот этого древнего этрусского кольца о дерево, и есть голос дерева. А если мы станем сгибать или ломать дерево, оно затрещит, и этот треск будет криком агонии умирающего существа. То есть с философской точки зрения мы не можем различить, что является живым, а что нет.

Классическая философия учит нас и другому: не оперировать абсолютными понятиями. В этом мире все относительно. Здесь нет абсолютно большого или абсолютно маленького, черного или белого — не существует ничего, что имело бы абсолютные характеристики. В проявленном мире все явления относительны. Я сейчас уже минут 15–20 говорю с вами, произношу слова, а через полчаса перестану это делать — у каждого момента времени свое простое, прямое назначение, которое не нужно путать с его сутью.

Любой предмет сам по себе ни хорош, ни плох. Он получает характеристики лишь в зависимости от того, для чего его используют. Нож в руках разбойника, грабителя с большой дороги станет орудием насилия, смерти. И тот же нож в руках хирурга будет нести добро, спасение жизни. Так что же, нож — это хорошо или плохо? Вот один из примеров относительности. А эта сцена большая или маленькая? Если мы сопоставим ее, к примеру, с муравьем, то огромная, а

если с целым Мадридом, то крошечная. В пространстве не существует ни величины, ни возраста.

* * *

Если мы попробуем подойти к этим жизненным вопросам с такой позиции, то, возможно, придем к выводам, которые с научной или иной точки зрения будут не совсем совершенными, но зато останутся глубоко человечными. И что самое главное, они помогут нам жить, в то время как мы будем продолжать наш духовный поиск. Первый же вопрос, который мы перед собой ставим, — что такое жизнь? Ведь те характеристики, которые мы используем для определения живых существ, подходят именно для живых существ, но не охватывают целиком и полностью саму Жизнь.

Платон проводил различие между Прекрасным и прекрасными вещами. Представим себе сад, а в нем статую и человека. Мы говорим, что этот сад, эта статуя, этот человек прекрасны. Почему? Потому что они отражают частицу сущности Прекрасного. Ведь Прекрасное — это Сущность, Существо, стоящее гораздо выше всех проявлений и лишь отражающее себя в них. Именно так оно раскрывает себя, хотя уловить его очень сложно: так из рук ускользает песок, и чем сильнее мы сжимаем ладонь, пытаясь удержать его, тем быстрее он утекает.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что все, что нас окружает, является живым.

Жизнь как таковая, согласно древним философам, проявляет себя как деятельность, активность; все, что активно, мы называем живым, а все то, что не дотягивает до этой границы, имеет какую-то иную жизнь, которую мы порой просто не способны понять.

Ведь существует Бог, существуют боги, и они безусловно живые. Но они являются живыми в ином измерении, отличном от того, в котором существуем мы. Они живут на другом уровне сознания и на другом уровне времени. Понятие времени тоже весьма относительно. Для крошечного насекомого несколько часов порой составляют всю жизнь, а для

Статуя юноши, опирающегося на дерево.
Париж, Версаль

звезды срок человеческой жизни — лишь только мгновение. Так что временные измерения оказываются очень относительными. И за всеми этими относительностями нам нужно различить сокровенный смысл жизни.

Что есть Жизнь? Для чего она существует? Какие возможности дает нам? Как проявляет себя? Ответы на эти вопросы можно найти во многих учениях.

* * *

Материалистические теории утверждают, что Жизнь возникла случайным образом: в результате столкновения определенных элементов, не имеющих жизни, появилась искра Жизни, и эта искра продолжает свое существование постоянно.

С философской точки зрения очевидно, что эта теория не очень-то основательна, ибо... Что движет этой случайностью? Можно было бы ответить: ничто. Тогда получается, что существует нечто, что ничем не движимо? Но это невозможно. Ведь все, что движется, должно иметь свой двигатель, должно иметь нечто, что дает ему толчок к движению, пусть даже этот толчок будет похожим на то, что в свое время описывал Аристотель. Он говорил о всеобщем двигателе, который, побуждая к действию все сущее, сам остается неподвижным. Это наталкивает на размышление о том, что наши представления о скорости также весьма относительны.

Религиозные учения доносят до нас представления о некоем Космическом Существе, очень часто персонифицированном, которое вдыхает Жизнь в свои творения. Но в таком случае встает вопрос: кто же тогда сотворил саму эту Космическую Сущность, этого Бога или богов — можем называть их как хотим, это не столь важно.

Я вспоминаю один пример, который приводили мои старые учителя. Думаю, что он нам поможет. Представьте себе наш ум — наш конкретный ум, а не разум какого-то более высокого порядка — в виде ложки. Мы погружаем ложку в чашку и зачерпываем несколько кубических сантиметров воды. Если мы погрузим ее в Тихий океан, то зачерпнем ров-

но столько же. Другими словами, дело не в том, откуда черпать ответы на свои вопросы, а в том, чтобы увеличивать свою «ложку» — расширять поле своего сознания, чтобы с каждым разом «зачерпывать» все больше и больше — все больше и больше понимать. А это уже большая индивидуальная работа.

Философия «Нового Акрополя» предполагает, что каждый из нас должен развиваться как индивид, ибо каждый из нас имеет свой ритм, свою судьбу, свои творческие потенциалы. Но это не должно становиться препятствием для того, чтобы объединяться, чтобы быть вместе, общаться, вести научную работу, заниматься литературным творчеством или — как сейчас — беседовать друг с другом, пусть даже это происходит в форме лекции. Ведь за всем этим стоит поиск и встреча каждого из нас с самим собой, со своими проблемами.

Внутри человека есть все... Только встречи с самим собой и с сокровенным голосом своего сердца дадут нам ответы на многие волнующие нас вопросы, и более того, они придадут нам внутреннюю уверенность, в которой каждый из нас так нуждается... Все остальные привычные толкования в той или иной форме являются частью общепринятых верований, и, говоря об этом, я не имею в виду лишь только религиозные представления.

Материалисты насмехаются над верой в существование духов природы, ангелов, богов. Аргументы незамысловаты: их никто никогда не видел. Философский ответ на это очень прост: а кто-нибудь видел атом? Кто-нибудь измерил расстояние от Земли до Луны? А вы лично когда-нибудь были в Японии? Но ведь тогда вполне можно поставить под сомнение и существование атомов, и дистанцию от Земли до Луны, и реальность Японии.

В общем-то ни у кого из нас, за некоторыми исключениями, нет в этом личного и непосредственного опыта. Просто мы верим в это — как верим, например, в существование Трои. Но тогда не так уж сложно принять как рабочую гипотезу существование неких Разумных Существ, пусть даже и невидимых, которые каким-то образом направляют Жизнь.

Точно так же не видел человек эпохи Каролингов ни бактерий, ни каких-либо других микробов. Но эпидемии чумы бушевали в то время по всей Европе. Эти эпидемии реально были, хотя виновников их никто не видел. Значит, вполне возможно, что есть какие-то Существа, побуждающие или направляющие Силу Жизни. Мы не можем видеть их, а лишь воспринимаем по последствиям их деятельности — но ведь и обо всем мы судим по последствиям. Если я сейчас отпущу микрофон, он упадет. Увидим ли мы при этом закон гравитации? Нет, мы увидим упавший микрофон, и не более того. Масса Земли, во много раз превышающая массу микрофона, заставит его упасть, и мы сможем наблюдать последствие действия одного из законов природы — но не сам закон.

Те стороны Жизни, которые мы видим, суть ее внешние проявления. Продолжим эту нить размышлений: кто может убедить нас в том, что мы не существовали прежде, до того как появиться здесь, на этом плане бытия? И что мы не продолжим существовать, когда здесь нас уже не будет? С точки зрения логики, с точки зрения философии, мы никоим образом не можем отвергнуть возможность существования непрерывной Жизни, потока, постоянно проявляющегося в какой-то форме и на каком-то плане, видимом или не видимом нами.

Кто-то может подумать, что речь идет о каком-то ограниченном сроке, составляющем многие тысячи лет. Возможно; но для нас и это вечность. Древние восточные книги рассказывают о великих циклах времени — Манвантарах и Пралайях. Для нас каждый из них является вечностью, хотя и насчитывает определенное — предполагаемое или, может быть, реальное — количество лет.

Древние полагали, что все проявленное существует благодаря великому Макробиосу, огромной живой Сущности. Индусы называют его Брахма и представляют, что он то засыпает, то просыпается, то просыпается, то вновь засыпает. Подобная легенда есть и на Западе — это легенда о Короле Мира, который спит, но пробуждается, когда приходит вре-

Аллея сфинксов и пилоны храма Амона-Ра в Карнаке. Египет, Фивы

мя. Согласно этим древним учениям, существует нечто непрерывное, которое мы воспринимаем как прерывающееся, поскольку сосредотачиваем свое внимание то на одной его части, то на другой.

Поэтому древние философы полагали, что Вселенная не является порождением случайности, что она подобна огромному живому Существу. Платоники и неоплатоники также говорят нам об этом огромном живом Существе, частью которого является видимая Вселенная, имеющем — если сравнивать с нашим телом — свои «органы», «ткани» и «клетки». По его образу и подобию во Вселенной галактики, солнца, планеты суть не что иное, как жизненные части этого великого Существа, которое, подобно человеку, так же где-то начало свой путь, так же развивается и так же куда-то идет.

Если мы освободимся от собственных предрассудков, то увидим, что все вещи пребывают в движении. Я бывал в пустынях Египта и других местах, где сквозь многие тысячелетия сохранились удивительные величественные сооружения. Есть среди них храм, о котором я хочу вспомнить. Когда приближаешься к нему, издалека кажется, что он все еще живет, что вот-вот из него выйдут жрецы, чтобы приветствовать нас, вот-вот вновь заколышутся опахала Амона... Но как только подходишь ближе, становится видно, что все здесь занесено песком, что камни растрескались от времени, что колонны не падают только потому, что подпирают друг друга. Этот древний храм жив, он родился, когда были отесаны его камни, воздвигнуты его колонны и изваяны его статуи. Это храм в Карнаке — возможно, самый великий храм в мире. Он был задуман не случайно, на то была историческая необходимость — теологическая, политическая, социальная, сегодня можно понимать это как угодно. Его строительство было поручено самым искусным мастерам, они нашли для его стен самые лучшие камни. Храм был призван показывать беспредельность земли, на которой он стоит, беспредельность, отражающую небесные пределы. Он стал мостом между Небом и землей, установив связь между звездами и зем-

ными символами. Для того чтобы построить его, нужно было провести серьезные астрономические и астрологические исследования.

К этому великому храму добавлялись все новые и новые детали и элементы — вплоть до эпохи Рамессидов и Позднего времени. Он служил на протяжении веков, но постепенно появлялись знаки старения; в какой-то момент он был покинут, и разрушение его продолжалось...

Вселенная когда-то началась, в какой бы форме мы это себе ни представляли — следуя ли теории Большого взрыва или древним религиозным воззрениям, которые утверждают, что она произошла от лика Брахмы или была сотворена каким-то определенным богом. Вселенная когда-то началась. Вселенная находится в движении.

Древние полагали — и мы, философы, можем лишь подтвердить это своими собственными размышлениями, — что то, что индусы называли Садхана, смысл жизни, существует, ибо присутствует во всех живых существах.

Я всегда прошу моих учеников наблюдать за огнем и водой. Когда мы льем сверху воду, она падает, двигается, перемещается. Вода обладает особой мудростью поиска: она устремляется к своей цели и движется, движется без остановки. Когда она не может найти прямого пути, она сворачивает; так река образует излучины, огибает камни и горы, двигаясь непреклонно, пока не достигнет моря. Что происходит затем? Тепло испаряет воду и превращает ее в облака; облака эти плывут в воздухе, пока, в определенный момент, не проливаются дождем. И вот это снова вода, и, падая на землю, она снова ищет путь к морю.

Но если вода обладает этой мудростью, этой силой жить, искать, сталкиваться с препятствиями, подниматься вверх, снова возвращаться за новым опытом и снова достигать высшей точки этого цикла, почему же мы не можем жить в соответствии с этим законом? Если даже наше тело состоит по большей части из воды, почему оно не могло бы стремиться к той же цели, почему наша душа не могла бы двигаться, как о том говорит Плотин, к Мировой Душе, к иному плану су-

ществования, иной вибрации, где ей гораздо легче и спокойнее, чем здесь?

Разве не похоже движение воды на воплощение и развоплощение, на рождение и смерть? Когда мы рождаемся, наши души словно конденсируются в капельки воды. Каждый из нас — одна капля, и эти люди-капли соединяются, движутся вместе по пути, образуя общество, а в нем группы, до тех пор пока не «впадают в море», как бы растворяясь в нем. И, возможно, существует какая-то космическая Сила, которая вновь поднимает нас, снова превращает в этих невидимых «духов», которые в свое время снова спускаются на землю.

То, что я рассказываю, — лишь некая логическая вероятность, хотя в древности это считалось неоспоримой истиной. Одна старая гипотеза утверждает, что все это не только истинно, но и логично, поскольку если бы это было не так, жизнь была бы слишком жестока. Мы оказались бы посреди самого настоящего безумия. Представьте себе: мы выходим на сцену этого мира в Испании, Танзании или любом другом месте, где рождаемся; мы появляемся на свет, растем, нам говорят: это твоя мама, твой папа, дядя, бабушка; нас отправляют в колледж, мы учимся, живем, любим, ненавидим, решаем проблемы; и вот когда мы уже достаточно изучили жизнь, та же рука, что привела нас, уводит нас отсюда. Мы уже получили большой опыт, действительно научились жить — и тут нас уводят со сцены.

Если все это не имеет смысла, не имеет продолжения, этот мир поистине безумен.

Понаблюдайте за растением, самым обычным растением из тех, что мы разводим на даче, и вы увидите, что оно сотворено гениальным, разумнейшим образом. Сейчас много говорят о солнечных батареях, улавливающих лучи солнца, но подобные «батареи» существовали еще до карбона. Это листья растений. Листья растений улавливают солнечные лучи для фотосинтеза; более того, посредством системы капилляров (открытой физиками несколько веков назад) растения достигают того, что их жизненные соки поднимаются от корней к листьям, обновляются и опускаются обратно к кор-

ням. Но это же просто великолепно, потрясающе задумано! А теперь возьмем животное, например леопарда или тигра. Для чего тигру полосы? Для чего у бразильского леопарда пятна? Тигр полосатый, поскольку он обитает в зарослях бамбука, и полосы создают ему такой камуфляж, что его практически не видно. Бразильский леопард пятнистый, потому что живет в сельве, где много цветов и листьев разного цвета, темных и ярких, и пятна на шкуре животного, смешиваясь с цветами и листьями, делают его незаметным.

Все это говорит о том, что существуют иные, нежели наш, виды разума, сущности, которые замышляли, создавали и создают до сих пор архетипы, принципы, управляющие растениями и животными. Но что мы можем сказать, к примеру, о минералах? Вы видели скалы, камни, кристаллы? Вы видели, какие совершенные формы они создают, подчас даже более совершенные, чем Великая пирамида? И как Природа могла из одного и того же вещества, углерода, создать непрозрачный графит и прозрачный алмаз? Это показывает, что в Природе существует единая мысль, управляющая всем, что все подчинено единому замыслу.

Но неужели То или Тот, кто придумал для амеб удивительную способность изменять свое поверхностное натяжение, позволяющую им двигаться, кто изобрел для птиц полые кости, делающие их легкими и дающие им возможность летать, кто создал эскиз рыбьей чешуи, благодаря которой рыбы могут легко передвигаться в воде, кто наделил их плавательным пузырем, чтобы погружаться и всплывать не хуже современных субмарин, — неужели Тот, кто задумал все это, ограничился лишь физическим строением, не задумав также строение психологическое, ментальное и, в конечном счете, само наше предназначение?

Как же можно думать, что этот космический Разум позаботился о растениях, животных и минералах, но не подумал о человеке — ведь мы тоже живые существа! Жизнь существует, ее задумал Некто, Нечто, и она задумана прекрасно. Почему? Для чего трудился в такой мере и с такой интенсивностью Разум, создавая эту совершенную гармонию? Ведь

все это для чего-то нужно. Никто не возводит мост, если по нему никто не будет ходить. Никто не строит лодку, если на ней никто не будет плавать. Никто не делает стул, если на нем никто не будет сидеть. Очевидно, что наш органический состав и органический состав Природы созданы для чего-то, созданы, чтобы послужить чему-то, что должно быть гораздо больше, чем просто цель сама по себе, что может принести пользу.

И это «что-то», которому они служат, этого «некто», который будет пользоваться всеми этими чудесными формами, мы, философы, называем Душой, Духом, пронизывающим все. Нам, заключенным в свою оболочку из плоти и погруженным в экономические, семейные, бытовые проблемы, подчас очень трудно бывает задуматься об этих вопросах. Я вспоминаю фрагмент из книги Овидия Назона «Искусство любви». Когда я впервые прочитал ее, она произвела на меня очень сильное впечатление. Овидий, как вы знаете, был одним из величайших поэтов эпохи императора Августа, но, кроме того, говорят, что он был немножко — как бы сказали в Испании — кутилой. Он любил по ночам гулять с женщинами, пил вино, ложился спать очень поздно (или, лучше сказать, рано, поскольку солнце уже вставало)... Но, тем не менее, он был Овидием. В своей книге он, среди прочего, рассказывает о том, что произошло с одной из его возлюбленных, настоящего имени которой он не называет. В те далекие времена считалось бесчестием упоминать имя дамы, и взамен подлинного придумывали другое (очень хороший обычай, не правда ли?). Он называет ее Кориной.

Овидий рассказывает, что как-то раз он зашел во дворец Корины, дамы из высшего римского общества. В этом дворце было много дорогих и ценных вещей, и в том числе привезенный из Индии попугай, который умел говорить. Он повторял все, что произносила хозяйка, задавал вопросы, разговаривал — в общем, составлял ей прекрасную компанию. И вот Овидий входит и видит рыдающую Корину, на руках у которой лежит попугай, по всей видимости, мертвый. Овидий спрашивает: «Корина, почему ты плачешь?»

Она отвечает: «Помнишь, как этот попугай разговаривал с нами, повторял наши слова любви, наши песни? Это было настоящее сокровище, зеленое, как изумруд. А сейчас это всего лишь пучок перьев. Где же мой попугай? Что происходит? Почему всему приходит конец?» Овидий, желая утешить Корину, посвящает ее в то, чего она не знает: «Ты должна знать, Корина, что есть небо, где пребывают люди, но также есть небо и для животных; на этом небе есть уголок, где пребывают высшие животные, в том числе и те, что умели говорить с человеком и повторять его слова. Они утешают всех остальных животных, пребывающих на небе, изображая голоса их любимых хозяев и напоминая таким образом о них. А позже все вновь возвращаются на землю, чтобы стать спутниками людей». Но Корина безутешна: «Нет, не говори мне об этом! Ведь теперь это всего лишь пучок зеленых перьев, это больше не мой попугай, он уже не живет!» И в этот момент попугай в последнем предсмертном усилии поднимает свою головку, смотрит на нее и произносит: «Корина, Корина, смерти не существует».

Как прекрасно встречать эти старые примеры! Как прекрасно думать, что иногда животные, цветы, деревья умирают в мире и спокойствии, ибо знают нечто, что мы, люди, утратили в своей слишком уж интеллектуальной жизни. Мы утратили осознание собственной вечности, мы утратили осознание своей внутренней жизни, мы утратили осознание своей бессмертной Души.

Нам нужно вновь вернуть это осознание, ведь на самом-то деле в глубине души, несмотря на весь наш технический прогресс, мы порой тоскуем. Несмотря на то, что мы живем в мегаполисах, всегда находимся среди людей, имеем возможность общаться и читать газеты, смотреть телевизор или слушать радио, порой мы ощущаем себя одинокими, страшно одинокими. Порой нам так хочется, чтобы кто-то, как тот попугай, сказал нам, что смерти не существует, что эта жизнь имеет смысл, имеет цель. И ведь очевидно, что имеет!

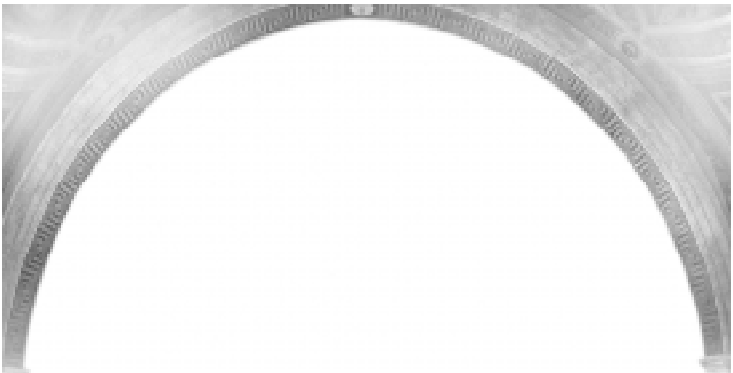
Когда вы видите летящую стрелу, вы ведь не задумываетесь о том, что она пущена из лука и летит в цель. Та жизнь,

которую мы видим, — это летящая в воздухе стрела, и стрела эта пущена Божественным Лучником. Когда-то нас отправили через пространство и время, и мы должны достичь цели, должны куда-то прийти.

Вся наша жизнь имеет смысл. Имеют смысл наши радости, ибо они укрепляют дух, помогая жить. Имеют смысл и наши горести и слезы, ибо они помогают нам обрести опыт, стать чуточку мудрее, а иногда и чуточку лучше.

Те, кто разделял с кем-то радость, знают, что это хорошо, поскольку помогает вдохновляться и вдохновлять; те, кто разделял с кем-то слезы, знают, что это хорошо, поскольку создает родство душ. Ибо в Жизни и в Природе нет ничего плохого, все есть благо — в глубинах ее Сокровенного Смысла.

Мадрид, октябрь 1987 г.



Х.А. Ливрага

ЧТО ТАКОЕ ИДЕАЛ?

Что есть Идеал — вот главное, что мы пытаемся определить, насколько это возможно.

Идеал — это Сущность, пребывающая в высшем измерении, превосходящем то, в котором живет наше обыденное сознание. Лишь возвысившись, встав на цыпочки, устремившись вверх, Душа может на мгновение неясно различить его. Я имею в виду собственно Идеал, Идеал в буквальном смысле слова. Мое понимание Идеала связано с представлениями Платона об Архетипах. Это небесная модель, которая взывает к своей земной тени, требуя от нее все большего совершенства и как можно большего сходства с собой. Таким образом, это цель, одновременно намечающая и определяющая путь — напряженную линию сознания между его природным и избранным им высшим состоянием, ибо духовное сознание стремится слиться с Идеалом.

«Субъективность» Идеала — лишь кажущаяся, поскольку субъективность и объективность относительны и одна может существовать лишь вместе с другой, как большое и

Глава из книги «Письма Делии и Фернану», составленной из ответов профессора Ливраги на вопросы его учеников — Делии Стейнберг Гусман и Фернана Шварца.

маленькое, новое и старое, верх и низ и т. д. Но не следует пренебрегать этой относительностью, ведь наше «Я» по инерции несет в себе накопленные представления о ней. Если мы возьмем карту мира и перевернем ее, то с удивлением обнаружим, что с трудом узнаем привычные очертания, ведь «верх» всегда отождествляется нами с севером, а «низ» — с югом. Но поскольку в пространстве не существует ни верха, ни низа, по сути не важно, где расположить Арктику. А для нас, конечно, несравненно удобнее читать карту, на которой Северный полюс вверху. Этот пример, безусловно, не вполне применим к Идеалу и его многочисленным отблескам на разных ступенях сознания. Однако он может дать приблизительное представление о границах нашего разума и о ложных препятствиях, которые он ставит на пути познания.

Идеал, хотя мы лишь изредка видим его сколь-нибудь ясно, — это то, что должно освещать, подобно Солнцу, всю нашу жизнь. Мы не часто можем видеть само Солнце, но это не мешает нам всегда знать, где оно, ощущать его присутствие, чувствовать его воздействие на нас и на все, что нас окружает. И если Идеал в чистом виде может быть воспринят лишь в «теофаниях», да и то далеко не каждым, то его отблески на всем, что окружает одного человека или группу людей, следующих этому Идеалу, должны быть заметны всегда. Его нужно видеть в каждом цветке, в каждой птице, в шуме каждой волны прибоя. Человек, проснувшись, должен первую свою мысль обращать к нему и с этой мыслью засыпать по вечерам. Человек, идущий за Идеалом, неотступно думает о нем, живет в его атмосфере, чем бы он при этом ни занимался. Когда все помыслы обращаются к Идеалу, он открывается в самом обыденном — даже на дне чашки бульона, который мы пьем. С ним связывается всякое происходящее с нами событие. Он видится нам в облике любимого человека, звучит в скрипе тяжелых корабельных цепей и в едва уловимом шорохе упавшего на песок листка. Идеал — оправдание жизни и смерти, ибо он равно осеняет колыбель и смертное ложе; им мы живем, с ним и за него умираем. Нет

Х.А. Ливрага и Д.С. Гусман в Риме,
у памятника Джордано Бруно

большей славы, чем служить Идеалу, которому мы вручили душу, как нет бесчестия страшнее, чем отвернуться от него. Предать Идеал означает предать самого себя, ощутить в груди пустоту, с холодом которой не сравнится ледяное дыхание смерти. Идеал надрационален: о нем можно рассуждать, его можно обосновывать, но этого недостаточно. Нужно проживать его полностью на всех планах сознания, при всех условиях и во всякий момент.

Идеал — это не сумма всех мыслимых совершенств, это метафизический корень, на котором зиждется наше осознание совершенства.

Не существует идеала розы, но, как учили платоники, есть Тот, кто находится в цветке, и красота, воспринимаемая нами, — это отражение Идеала в нем.

Делия и Фернан: Перед нами возникают некоторые проблемы. Например, материалист имеет свой идеал — комфорт, и за этот идеал он сражается. В этой борьбе он способен убить или умереть сам. Является ли такой идеал истинным?

Не следует смешивать Идеал, который, как я сказал, является Архетипом и который мы не создаем, а лишь улавливаем, с индивидуальными или коллективными устремлениями, которые превращаются в тотем, созданный самими людьми и, следовательно, не способный возвыситься над породившими его чаяниями, выйти за пределы сознания его создателей, хотя мы и вкладываем в эти устремления лучшую часть себя. Плотина, небоскреб, самолет, прежде чем были построены, являли собой тип искусственного идеала, который, впрочем, становится полезным, служа импульсом для создания всех этих вещей. Я предпочитаю называть все это скорее проектами, замыслами или желаниями, нежели Идеалами. Идеал — это всегда нечто духовное, хотя он объемлет все, ибо все есть Дух. Проект возводится снизу вверх, в основе его всегда лежат более или менее материальные нужды и потребности. Идеал же всегда воспринимается как нечто

лежащее за пределами всякой материальности. Он неэгоистичен, а функциональное в нем всегда вторично.

Можно было бы сказать, что есть Идеалы разной величины, однако это будет неверно. Это вопрос не размеров, а сути. Одно дело — желание получать много денег или намерение сделать стол, и совсем другое — Идеал утверждения в мире Порядка, в основе которого лежало бы все Доброе, Справедливое и Прекрасное. Идеал всегда универсален, он связан с Природой и Богом. Те, кто не видит в Природе чудесного творения Мыслителя и не воспринимает Бога за пределами всего Сущего, никогда не смогут осознать Идеал в его истинном величии. Все остальное — психические построения, рожденные неудовлетворенностью и личными интересами. Достигнутый Идеал порождает более высокий; осуществленный замысел оттачивается, совершенствуется, укрепляется и — гибнет, ибо природа его материальна. И когда вызвавшая его к жизни необходимость удовлетворяется, он перестает существовать. Он может принести удовлетворение, но никогда — Славу и Благодать.

Д. и Ф.: Тогда замысел или, как мы привыкли его называть, идеал, идеал достижения материального, является неполноценным?

Нет ничего абсолютно неполноценного. Даже самый маленький, незначительный замысел или идеал, если он правильно задуман и совершается, может дать положительные результаты в любом масштабе, хотя он не обязательно будет тем идеалом, который мы обычно называем «духовным». Проект автомобиля, если созданная по нему машина оказывается надежной, недорогой и служит долго, даже будучи осуществленным, продолжает оставаться благом и радовать людей. Однако создатели и проекта, и автомобиля останутся такими, какими они были, они не изменятся настолько, чтобы мы могли назвать этот проект «Идеалом».

Одной из основных характеристик Идеала-Архетипа является то, что он влияет на тех, кто следует ему, изменяет их,

делает лучше, совершеннее по мере того, как они проникаются этим Идеалом, впитывают его. Идеал помогает подниматься по пути развития сознания и открывает новые горизонты далеко за пределы собственно физического, он развивает скрытые духовные Силы. Процесс подлинной алхимической трансформации, изменения по типу алхимического происходят с теми, кто доверился Идеалу, омылся и очистился, кто отринул все наносное, каждый раз делаясь более подлинным, кто обладает душой, не подверженной искажению. Я знаю, что подлинность и чистота души для многих остается лишь метафорой, но вечное, подлинное в нас всегда неизменно; я хочу лишь прояснить, что в своем стремлении к Идеалу наше «я» все более приобщается к своей собственной природе, познает себя и все полнее реализуется. Осуществление намерения, замысла дает нам радость, достижение Идеала дарует Славу. Ее дарует нам даже простое стремление к нему.

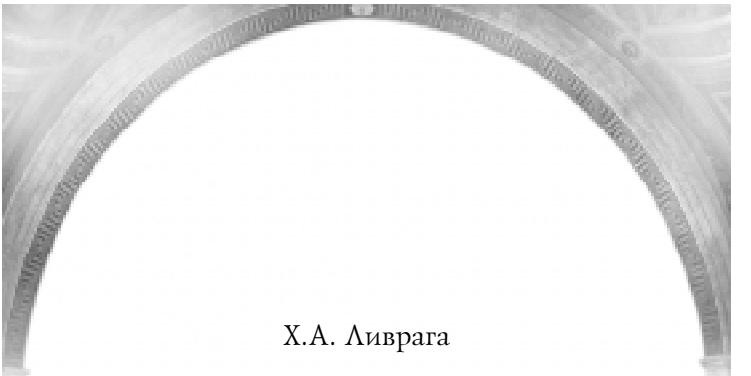
Д. и Ф.: Что есть для Вас Слава и чем она отличается от радости, той, например, что мы испытываем, хорошо выполнив трудное дело, которое потребовало от нас большого присутствия духа?

Радость и счастье, как учит нас Сократ, относительны и преходящи, их суть всегда проявляется при сопоставлении с чем-либо другим. Сократ говорил, что если с человека, чьи ноги долгое время были опутаны цепями, снять оковы, он почувствует радость и испытает удовольствие. В данном примере такое восприятие объясняется тем, что человек избавляется от источника боли и страданий. Прекращение этих страданий он назовет удовольствием. Чувство освобождения от оков рождает в нем радость, радость вновь обретенной свободы. Радость и счастье — психологические состояния, проистекающие из внешних обстоятельств, которые могут зависеть от других людей, имеющих значение и влияние на нас.

Радость, которую мы подчас испытываем, пробуждаясь ото сна, есть всего лишь сумма некоторых условий: того, что

мы хорошо и удобно спали, что разбудило нас пение птиц. Это приятное, желанное чувство, но не Слава. Радость и скорбь исключают друг друга. Слава же не исключает ничего: распятый мистик пребывает в славе, как и пронзенный копьем воин или паломник, чьи ноги покрыты язвами. Слава не исключает боли и страданий. Для того, кто достиг ее, так называемые боль или удовольствие значат немного. Им владеет сияющее чувство вознесения, полета, подобное природной стихии, столь могучее, что он делается нечувствителен ко всему происходящему внутри или вне его. Желание, замысел могут доставить удовольствие, но лишь один Идеал дарует Славу, которая есть полнота Духа, неподвластная обстоятельствам и стоящая над ними. Познавший Славу одновременно плачет и смеется, оставаясь невозмутимым, ибо она не принадлежит этому миру и не признает его изменчивости и противоречивости.

К моему величайшему прискорбию, в наше время эти понятия смешались, особенно у молодежи. Получая удовольствие, люди думают, что достигли Славы, а всякое более или менее благородное и полезное желание или намерение спешат назвать Идеалом. Таким образом мельчает само понятие, идея оказывается ограниченной, лишается своей сущности и ценности. Все это рождает недовольство, страх и растерянность. Тот, кто служением Идеалу и стремлением к нему достиг Славы, никогда не поддастся отчаянию, не собьется с пути, ибо ему нечего ждать и нечего просить для себя или для других: он ничего не хочет взамен. Вершина его глубинного изменения являет собой духовную эпоптию, своего рода Посвящение. Ему уже ничего не нужно, и чтобы как-то обозначить это ощущение полноты, я называю его Славой. Это Живой Идеал в нас самих. Знаю, что слова не способны вполне выразить все это. Жаждущий познать Славу должен вверить себя Идеалу, посвятить ему всего себя и пережить таинственный процесс внутреннего возрождения, процесс, суть которого любое определение только ограничивало бы. Слава, хотя и невыразима, есть Реальное, и ее возможно пережить.



Х.А. Ливрага

ЧТО ТАКОЕ «БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ»?

Делия и Фернан: Расскажите, пожалуйста, о человеке. Этим словом называют всех существ, имеющих человеческий облик, но поскольку их поведение нередко различается самым решительным образом, а интересы разнятся до такой степени, что благородное и доброе для одних является неблагородным и злым для других, то оказывается, что под человеческим обликом скрыты существенные противоречия. Кроме того, мы видим, что в нас самих порой преобладает одна часть нашей природы, а порой — другая. Иногда мы даже не знаем, какие возможности таятся внутри нас, а когда они обнаруживают себя, это становится для нас полной неожиданностью. Как направить эти наши различные «я» в нужное русло, чтобы они не замутняли наше сознание или, по меньшей мере, не разрушали нашу жизнь и не наносили вред другим?

У этого вопроса несколько аспектов. Одни мы затронем сейчас, а другие — чуть позже.

Из книги «Письма Делии и Фернану».

Прежде всего, стоит напомнить, что существо, которое мы называем человеком, строго говоря, не является ни единым, ни тем более однородным. И поскольку оно неоднородно по своей природе, мы не можем ожидать в его проявлениях постоянства и неизменности. Даже на чисто физическом плане порой возникают ситуации, когда одними и теми же словами называются вещи тесно связанные, но все же имеющие различия. Если я, к примеру, произнесу слово «стул», в вашем воображении возникнет образ этого предмета. Но если я вас спрошу, является ли этот предмет горизонтальным или вертикальным, что вы мне ответите? Вы ответите, что у него есть и вертикальные, и горизонтальные элементы, и есть даже такие, которые не являются ни строго вертикальными, ни строго горизонтальными. К тому же, кроме неподвижных в нем могут присутствовать и подвижные элементы, которые можно установить как вертикально, так и горизонтально. Согласитесь, что можно привести и другие характеристики: стул может еще состоять из жестких и эластичных элементов и т. д.

Так же нужно рассматривать и человека. На наших занятиях мы говорили о том, что все древние народы, рассматривая строение человека, делили его на различные, более или менее гармоничные, тела, своего рода «проводники», которые сознание использует для своего перемещения, в зависимости от необходимости и от накопленного опыта. И у нас в потенциале есть тела, которые нам предстоит использовать в будущем, когда позволит наша эволюция и когда у нас возникнет реальная потребность в них.

У древних египтян и древних индийцев мы почерпнули знания о семеричной структуре, согласно которым каждый человек в действительности состоит из семи тел. И поскольку эти тела находятся во взаимосвязи, действуя в семи различных измерениях или планах природы, для наглядности их можно представить как бы наложенными одно на другое, как чешуя или водолазный костюм. Повторяю, что это сравнение условно, но на первоначальном этапе оно поможет нам создать соответствующий образ.

Анатомия показывает, что различные системы физического тела, например нервная система и система кровообращения, очень похожи по форме и во многих местах переплетаются. Если бы мы могли идеально вычленить нервную систему, костную систему и систему кровообращения, то на первый взгляд они показались бы очень близкими по своему строению. Тем не менее, они различны, и если их тщательно исследовать, мы убедимся, что они коренным образом отличаются — настолько, что если бы мы не видели их вместе, то не смогли бы представить их в непосредственном взаимодействии, как это происходит в действительности. Для неискушенного глаза место прикрепления мышцы к большой кости может показаться простой неровностью, проход артерии через мозг — одной из мозговых извилин, ответвление нервного узла, отвечающее за кровоснабжение определенной зоны, — чем-то похожим на волокно и т. д.

Все это нетрудно понять, если с достаточной долей скромности отнестись к самому себе и своим познаниям. Но если мы вдруг захотим все знать и наше тщеславие (в той или иной мере являющееся проявлением нашего подсознания) станет грубо толкать нас вперед, то, подобно стаду буйволов, мы проскочим мимо нежных цветов. И когда пыль и расстояние скроют их от нас, мы спросим: «А где же эти цветы?» И если цветы понимать как символ знания, станет ясно, как легко пройти мимо них, не заметив и даже — из лучших побуждений — растоптав.

Я советую вам, дорогие друзья, идти по жизни ровно, без лишней беготни и бесполезных остановок, наслаждаясь прекрасным пейзажем. В сущности, окружающая действительность именно такова.

Но вернемся к нашей теме. Итак, согласно древним учениям, которые мы принимаем — не потому что они древние, а потому что верные и потому что ни одна другая теория в нашем веке не отличается таким правдоподобием, — тот, кого мы называем человеком, состоит — «снизу вверх» — из семи тел: 1) физического, 2) жизненного, 3) психического, 4) ментального конкретного, 5) ментального духовного, 6) интуи-

Санскритская терминология	Западная терминология
7. Атма	Духовное тело
6. Буддхи	Интуитивное тело
5. Манас	Ментальное духовное тело
4. Кама-Манас	Ментальное конкретное тело
3. Линга-шарира	Психическое, или астральное, тело
2. Прана	Жизненное тело
1. Штула-шарира	Физическое тело

Представления о семеричной структуре человека, основанные на древнеиндийских и древнеегипетских учениях

тивного и 7) высшего, истинно духовного. Дадим более подробное объяснение каждого из них.

Физическое тело: запрограммированный «робот», совершеннейшая электротермодинамическая машина, которая, впрочем, представляет не бо́льшую ценность, чем любая другая машина. Наше «я» влюблено в него и отождествляет себя с ним, как порой мы отождествляем себя с нашим автомобилем или любимым животным. На физическом плане оно нам необходимо, но мы преувеличиваем эту необходимость, полагая, что оно будет полезно всегда и что без него невозможно наше дальнейшее существование. Мы настолько отождествляем себя с этой машиной и придаем ей такое значение, что, как правило, верим, что от нее зависят все остальные наши функции и способности, и не замечаем, что они лишь отражаются в ней, точно так же, как в тормозящей машине отражается воля водителя остановиться.

Жизненное тело: еще один «робот», но состоящий не из материи, а из энергии. Это тело обуславливает взаимосвязь молекул и определяет их функции. Именно здесь происхо-

дят все явления, обобщенно именуемые жизненными, характеризующие объективную жизнь. Не надо быть искушенным экстрасенсом, чтобы ощутить его как своего рода прозрачный «двойник», копию физического тела. Вернее, это физическое тело является его копией. Тело умирает, именно когда этот «двойник» распадается (я имею в виду непосредственную причину смерти).

Психическое, или *астральное, тело:* еще один «робот», но значительно более «духовный». Это тоже своего рода «двойник», но состоящий из психической субстанции. Здесь находится источник наших поверхностных эмоций и чувств. Отсюда исходит множество импульсов нашей жизни, таких, как внезапный гнев или быстротечная радость. Это тело питается удовольствиями и отвергает боль, в прямом и переносном смысле. Находясь во власти иллюзий этого мира, оно испытывает чувства и само по себе является переменчивым, непостоянным, боязливым и коварным — не потому, что оно плохое, а вследствие необходимости «чувствовать», наслаждаться или вызывать наслаждение. Это основа секса и всех вожделений плоти. Оно постепенно растворяется после смерти, за исключением тех случаев, когда его существование продлевается слишком материалистичной природой человека либо состояниями глубокого «шока», последствия которых — в виде комплексов, тоски, привязанности — связывают данную физическую жизнь человека с его последующим воплощением.

Ментальное конкретное тело, или *тело желаний.* Продолжая наше «восхождение», мы встречаем этот «проводник», созданный из ментальной материи. Это основа нашего эгоизма, как разумного, так и излишнего. Корень глубинной радости и печали. Вместилище великих желаний, великой любви и великой ненависти. Это самое «низкое» из наших «Я». Все предыдущие тела остаются машинами. Им не свойственно какое бы то ни было осознание своего «Я», за исключением сопротивления разрушению. Последнее, по сути, является «инстинктом самосохранения», присутствующим во всех существах, в том числе и в тех, которые неверно называ-

ют неодушевленными предметами. Строго говоря, конкретный разум — это не тело, но, будучи частью того, что находится «внизу», он является опорой для последующих и венцом для предыдущих. Его существование носит двойственный характер. Он и умирает, и не умирает, так как от одной жизни до другой от него остается ряд подпланов, которые определяют следующее воплощение и хранят опыт, помогающий нашему «Я» совершенствоваться. Это корень эгоизма, агрессии и страха. Кроме того, это эффективный двигатель всякого рода действий, и прежде всего тех, что носят «индивидуальный» характер. Это последний уровень нашей «частной жизни», в обычном понимании этого слова.

Собственно *ментальное тело*: это наш Разум, наше «Я». Это то, что уже не является нашей оболочкой и дает нам осознание нашей индивидуальности и существования отдельно от существования других. В нем пребывают возвышенные, альтруистические мысли, великие идеи и математические абстракции. В нем покоятся, в ожидании своего времени, все наши героические мечты. Здесь сплетается нить, которая посредством воспоминаний соединяет самое лучшее, что остается от наших реинкарнаций, как в плане индивидуальном, так и в плане сознательного участия в коллективном. Это наше Сознание, внутренний голос, который нас вдохновляет или укоряет. Если в конкретном разуме пребывает наше любопытство, то собственно Разум является точкой опоры для наших диалектических вопросов и ответов, основой мистических откровений, приходящих тогда, когда обычные аргументы бессильны. Здесь рождаются и умирают все противоречия, которые мы можем постичь разумом.

Интуитивное тело. На этих «высотах» понятие «тело» употребляется лишь условно — не то чтобы здесь не существовали принципы организации, но на этом уровне действуют другие законы, которые мы не способны воспринять как принципы и цели, а можем только почувствовать интуитивно. Здесь обитает непосредственное Знание, находящееся за пределами рационального, еще не получившее своего развития на данном этапе эволюции человечества. В дейст-

вительности то, что мы обычно называем интуицией, — это своего рода проявление интуитивного подтела, действующего внутри нашего ментального тела. Ведь, согласно традиционным учениям, каждое из этих тел состоит из семи подтел, которые как бы воспроизводят внутри него целое как единство его составных частей — наподобие концентрических колец, когда одни прочно вставлены в другие.

Духовное тело: место, где обитает Воля Бытия. Начало нашего непосредственного существования, выделенного из Космического Разума. Наше «Я» в своем высшем значении. Безмолвный Наблюдатель всех наших действий и конечный судья нас самих. Это Бог Платона и Павла в нас. Это Осирис-Ани египтян, который «ростом подобен богам».

Восточные источники, которые в наиболее полном виде дошли до нас и к настоящему времени наиболее глубоко изучены, обычно наделяют три высших тела весьма аморфными характеристиками. Но дело просто в скудости наших бытовых языков, которые не могут в точности передать то, что выражали священные языки. Вследствие этого все метафизическое пропадает или теряет свое звучание, когда мы пытаемся охватить его нашим ограниченным разумом. Простонапросто система высшей организации не поддается нашему пониманию, когда мы рассматриваем ее «снизу» при помощи ограниченного набора «инструментов». Точно так же для наблюдающего невооруженным глазом звездное небо является не более чем беспорядочным нагромождением звездочек-огоньков. Звезды, расположенные на расстоянии миллионов световых лет от нас, мы видим как бы в одной плоскости, но нам, тем не менее, кажется, что они недалеко. Все это так непостижимо, когда смотришь невооруженным глазом, что в конце концов мы ощущаем нечто вроде вращающегося хаоса у нас над головой.

То же самое происходит и в микромире, и студент, наблюдающий в микроскоп за сложной жизнью мириадов форм, воспринимает ее как пыль, без всякого смысла и связи. Но во Вселенной все разумно взаимосвязано и подчинено общей гармонии. Всюду, насколько хватает нашего понимания,

это так, а если мы не можем понять чего-то, то это еще не основание для того, чтобы в это не верить.

Ассоциировать духовность с хаосом и случайностью — не что иное, как отрицать то, что недоступно нашему пониманию. Людям свойственно наделять все неизвестное сверхъестественными, фантастическими качествами. Но все подчинено чудесной гармонии благодаря Божественному Мыслителю, или Богу, как бы мы Его ни называли. Если Добро — это выбор лучшего, чистого и неподкупного; если Справедливость — это определение ценности каждой вещи в ее взаимосвязи с другими; если Порядок — это расположение каждой вещи в естественном для нее месте, — тогда Добро, Справедливость и Порядок — опоры этой прекрасной Вселенной, лишенной в своей сути каких-либо противоречий. Кажущиеся противоречия на самом деле являются движителями гармонии и условием функционирования Вселенной как единого целого. Тот, кто знает Цели, понимает Принципы. Как говорит «Кибалион», «что вверху, то и внизу».

> *Д. и Ф.:* Но если мы признаем существование этой гармонии, почему тогда в нас уживается столько противоречий, что порой мы себя ощущаем и действуем как святые, а порой, напротив, нами управляют зло и эгоизм? Причем эти разные состояния могут сменяться и в течении дня, и за одну минуту.

Представьте себе эти тела в виде дома из семи этажей, связанных лифтом. Перемещающегося на лифте назовем в этом случае Сознанием. В зависимости от этажа, на котором оно остановится, перед ним открывается тот или иной вид, та или иная панорама. Лифт направится именно на тот этаж, с которого поступил вызов, а не на другой, на котором он, возможно, остановится через несколько минут. Восточные мудрецы сравнивали сознание с обезьяной, прыгающей по одному и тому же дереву с ветки на ветку, почти не задерживаясь ни на одной из них. Например, если ваше сознание направлено на то, о чем я только что говорил, вы, в нашем

примере со зданием, находитесь на четвертом или пятом этаже. Но если в эту минуту кто-то нанесет вам сильный удар, вы мгновенно переместитесь на нижний этаж, и на какое-то время синяк на теле может стать для вас самым важным местом в мире.

Д. и Ф.: Тогда получается, что сознание — это в некотором роде восьмое тело, которое, будучи подвижным, может посещать остальные тела и быть связующим звеном между ними?

Нет. Сознание — это не тело, которое является сложно организованной структурой. Сознание — это «Око Души» (соответствующее на Востоке восьмому аспекту Шивы), которое направлено в разные стороны. Сознание, в том виде, в каком мы можем его воспринимать и использовать, не состоит из того же материала, из которого состоят эти тела, а является своего рода подтелом, абсолютно подвижным, состоящим из ментальной субстанции. Повторяю, я имею в виду сознание в том смысле, в котором мы его воспринимаем и используем в обычной жизни. В действительности следует вести речь о семи типах сознания, но это выходит за рамки данной темы и намного сложнее нашего вопроса.

Д. и Ф.: Можем ли мы каким-то образом контролировать это сознание, чтобы не находиться постоянно в состоянии «разброда и шатания» под действием либо внешних факторов, либо внутренних переживаний?

Да, можем. Примечательно, что в нашем веке, когда психология была открыта вновь и были изучены с разных точек зрения причудливые полеты бабочки-Психеи, исследования еще до сих пор не установили принципиальное строение и устройство нашей тонкой части. И полученные знания служат лишь для «латания дыр» в отдельных «травматических» случаях, а не для того, чтобы предоставить обычному человеку возможность самоконтроля. Сами психологи, попадая в

критические или затруднительные ситуации, ведут себя так, как если бы они занимались не психологией, а работали, скажем, часовщиками или астрономами. Это как сапожник без сапог: ведь, к примеру, мы меньше всего можем ожидать от механика, что он сможет починить собственную машину. Во всяком случае, иногда.

Таким образом, современная наука психология парадоксальна, и психологические исследования, за редким исключением, являются по сути лишь нагромождением запутанной терминологии. Юнг родился слишком рано, и те, кто сегодня изучает некоторые из его ценных идей, нередко подвергаются атаке со стороны прямолинейной, материалистической науки, которая трактует душу как эманацию тела, во всем неразрывно связанную с ним.

Но вы знаете простые и эффективные средства, благодаря которым, при условии большого желания и упорства, можно в значительной мере контролировать свои действия, чувства и мысли. Если каждый раз, перед тем как что-то сделать, вы спрашиваете себя, к какому плану в основе своей принадлежит это действие и какое тело «направляет» его, вы увидите, что не так трудно достигать самоконтроля исходя из самосознания. Об этом говорил Сократ, и он показал это на примере собственной смерти. А вам нужно доказать это собственной жизнью.

Например, если знаешь, что вспышка гнева вызвана возбуждением твоего эмоционального тела, над которым есть другое, отвечающее за разум; если видишь все «за» и «против» и ощущаешь, что все подчинено свету высокой духовности, — тогда вполне вероятно, что ты посмеешься над собственным гневом или, по крайней мере, подобно божественному Платону, не будешь ни действовать сам, ни судить других, находясь в состоянии раздражения. Поэтому внимательно наблюдайте за собой, изучайте себя и, если возникнут сомнения, обращайтесь к Учителям Мудрости, которые в своих учениях оставили золотые ключи к нашим деяниям. Спросите себя, к примеру: как бы действовал Сократ или Конфуций на моем месте? И свет озарит вас изнутри.

Д. и Ф.: Это так, но будем исходить из того, что мы молоды и не являемся ни Сократом, ни Конфуцием. Кажется, последний сетовал по поводу того, что ему не хватает еще ста лет жизни, чтобы понять некоторые из тайн Природы, о которых говорится в «И цзин». Как молодой человек, не обладающий достаточным опытом, может достойно справиться с такими ситуациями, при том что молодости свойственна импульсивность поступков?

Это хороший вопрос. Но если вы перестанете отождествлять себя со своим телом и задумаетесь над тем, что ваш дух бесконечно стар и что ваше сознание перевоплощается в течение миллионов лет, накапливая свой опыт... Тогда какая, по существу, разница между молодым человеком 20–30 лет и стариком? Что значат эти годы в сравнении с огромным числом веков, которые вы прожили?.. Ваша Душа стара и знает, как справиться со множеством ситуаций. Если вы обратитесь к своей Душе, а не к новым формам своей нынешней личности, вы убедитесь в том, что в вас присутствует очень большой потенциал Мудрости. Усердное чтение классиков освежит эти воспоминания, и вы сможете сдерживать свои эмоции и желания, вместо того чтобы с легкостью отдаваться им.

Вы знаете, что любая форма жизни заключает в себе «войну», иными словами, конфликт между ее составными частями. Как учит нас индийская Бхагавадгита, покинуть поле боя — значит повести себя низко, недостойно. Внутри самих себя необходимо вести бой со всем, что преграждает нам путь к совершенству. Достоинство — это естественное стремление к доброму и вечному. Достоинство как таковое — это не высокомерие и не смирение. Это способность определить нашему сознанию именно то место, которое оно вправе занимать в соответствии с долгим путем развития человечества. Так, выполняя свои обязанности, вы получите доступ к своим правам, будете вести правильную жизнь и не будете совершать действий, в которых пришлось бы раскаиваться впоследствии.

Я знаю, что постоянно применять все это на практике будет нелегко: мир полон развоплощенных человеческих сущностей, которые, обретая свою эфемерную физическую жизнь или движимые своими фантазиями, создают препятствия на пути. Но уместно вспомнить древнейшую мудрость, гласящую, что лучше пострадать от несправедливости, чем допустить ее. И поскольку (как утверждают стоики, которых вы так много читали) есть вещи зависящие и не зависящие от нас, вы почувствуете, что в практической жизни есть ситуации, которые вы не в состоянии изменить, но есть и другие, непосредственно касающиеся вас, на которые вы можете повлиять. В первом случае остается лишь ждать другого, благоприятного момента, а во втором — вступать в бой мужественно и активно, стараясь преодолеть трудности, не забывая, что, прежде чем победить в войне, приходится проиграть великое множество сражений.

Остерегайтесь также оказаться во власти чрезмерного стремления к совершенству, которое может заставить вас отказаться от вашей работы и достижений, помешать добиться оптимальных результатов. Каждый шаг вперед — правильный шаг, и необходимо иметь кроткое сердце, чтобы избегать неуместных сравнений с великими, чтобы наши усилия не сошли на нет после первых же поражений. Если вы не можете выстроить дворец из мрамора, возьмите, по крайней мере, бревна, чтобы построить небольшую хижину, где можно было бы жить, — это лучше, чем жить в чистом поле, как животные.

Итак, нам нужно настойчиво стремиться к духовным свершениям, но при этом не отчаиваясь и довольствуясь тем, чего мы достигаем, приложив все силы и все тепло своего сердца. Придут другие, более одаренные, которые продолжат наше дело, но наши усилия не пропадут никогда. Даже наш самый скромный внутренний шаг в сторону Добра в каком-то смысле является шагом всего человечества. Ни один человек не избавлен от ответственности за ход Истории, но, с другой стороны, никто не является хозяином Истории, ее собственником. Все мы должны творить ее понемногу, и луч-

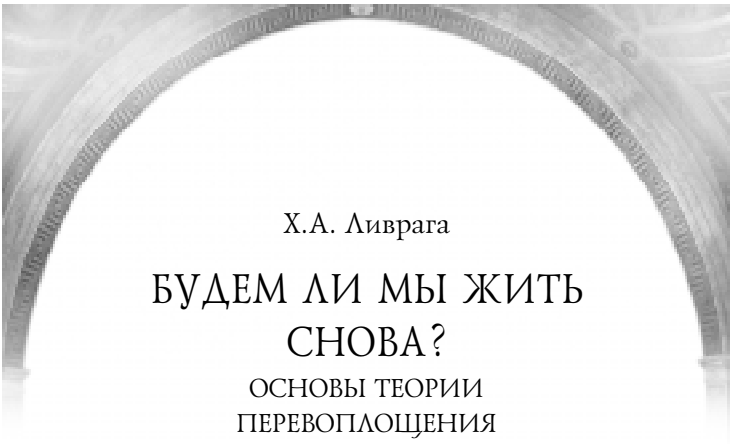
шее начало — не то, что исходит из преходящих материальных ценностей, а то, что осуществляется на других, менее эфемерных планах сознания, неизбежно находя свое отражение в мире в должное время.

Если каждый день вы преодолеваете в себе хотя бы одно негативное побуждение; если каждый год справляетесь с одним пороком; если каждое десятилетие вам удается совершенствовать свой самоконтроль, — значит, вы творите Историю и своими действиями помогаете не только самим себе, но и всем людям. Даже один человек, который хотя и не владеет собой в полной мере, но все же умеет вовремя сдерживать свои агрессивные порывы в мыслях, словах и делах, который может верно и убедительно объяснить и себе и другим природу нашего поведения, который самой жизнью своей доказывает, что человек — это не мыслящее животное, что он принадлежит к другому царству Природы, который считает вопросы духа первичными по отношению к вопросам «спящего духа», или материи, — такой человек — это островок мира и согласия в океане катаклизмов нашего века, как и любого другого периода времени, подвластного материализму.

Материализм — это деспот, взгромоздившийся на голову миллионам, и все внутренне жаждут избавиться от него, отдают они себе в этом отчет или нет. Материализм продолжает существовать потому, что люди не знают самих себя, свое устройство, не знают Природу. Дайте людям пример настоящей культуры, понимая под культурой знания и их правильное применение, и тогда ваше дело не пропадет даром.

Простите, что я повторяюсь, но это важнейший вопрос. Перед лицом реальности и необходимости человеческого сосуществования один неграмотный человек, освоивший основы искусства познания себя и самоконтроля, стоит тысяч наших эрудитов в различных областях этого иллюзорного мира. Они без устали разглагольствуют о философии, о психологии и т. д., но при этом орудуют как простой дворник, который ничего другого не умеет, кроме как подметать, с той лишь разницей, что дворник свою работу делает хорошо.

Окажись такие «знатоки» перед пламенем пожара, или красивым телом, или горой денег, и вы увидите, как они засуетятся, движимые импульсом желания, совершенно забыв о том, что они обладают «телом желания» и, следовательно, не делая ни малейшей попытки сдержать это желание или направить его на достижение благородных целей. Но тогда какой смысл в том, что они знают — или думают, что знают? Для чего все это?.. Это лишь пыль, сор, шелуха. Работать с такими «специалистами» бесполезно, а если мы и изучаем их «науки», то лишь для того, чтобы уметь их опровергать. Точно так же извлекают яд из змеиных зубов лишь затем, чтобы сделать из них противоядие и побороть силу самих змей.



Х.А. Ливрага

БУДЕМ ЛИ МЫ ЖИТЬ СНОВА?

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Лекция

Сегодня мы с вами рассмотрим основные положения теории перевоплощения и, прежде всего, попробуем ответить на главный вопрос: будем ли мы жить снова? Эта проблема важна для каждого, потому что это один из вопросов философии — то есть поиска Мудрости, поиска глубинного Знания.

Наша цивилизация характеризуется колоссальным развитием науки и, в особенности, техники. Технические средства, которые мы имеем в своем распоряжении, позволяют нам быстро перемещаться из одного места в другое, передавать информацию и общаться друг с другом. Но в то же время эти технические средства, это всеобщее «помешательство» на науке, этот перекос в сторону материализма и практицизма, — все это порой лишает нас стремления и возможности постигать незыблемые законы Природы.

Были когда-то другие времена и другие эпохи, другие люди и другие народы, которые уделяли больше времени этим вопросам и имели больше предрасположенности или просто больше интереса к ним. А сегодня мы очень много знаем о сопротивляемости материалов, о физических величинах; мы очень много знаем о том, как переместить свое тело из одного места в другое, как вылечить поврежденную руку... Но в том, что касается фундаментальных проблем человеческого

существования, мы оказываемся столь же невежественны или даже еще более невежественны, чем человек, оставивший свои рисунки на стенах пещер Альтамиры.

Поэтому сегодня мы продолжаем задавать все тот же старый вопрос, вопрос, который шепчут все новые и новые губы: «Что будет с нами? Что будет с нашей жизнью?» Мы пришли в этот мир, мы появились на свет в лоне своей семьи, в определенном обществе, определенном государстве, у нас есть друзья, иногда есть проблемы в общении с людьми, нас любят, нас понимают или не понимают... Но за всем этим встает древний, идущий из глубины веков вопрос, главный вопрос: кто мы? Откуда мы пришли и куда идем?

Разные религии в разные времена стремились найти на него ответ. Они передавали человечеству — посредством символов, как это сделал, например, Иисус в Новом Завете, — ряд истин, которые помогали ему становиться лучше. Очевидно, что при нашей современной отчужденности, в нашем повседневном мире, в повседневных нуждах наше сознание остается глухо к важнейшим проблемам. Но один вопрос все же бьется внутри, звучит в душе снова и снова: откуда мы пришли и куда идем — ведь все мы куда-то уходим? Что происходит, когда мы умираем? Неужели мы просто-напросто растворяемся? Проходим ли мы через какую-то область испытаний? Существует ли ад? Существует ли рай? Возвращаемся ли мы в этот мир снова? Неужели наше сознание исчезает в небытии?

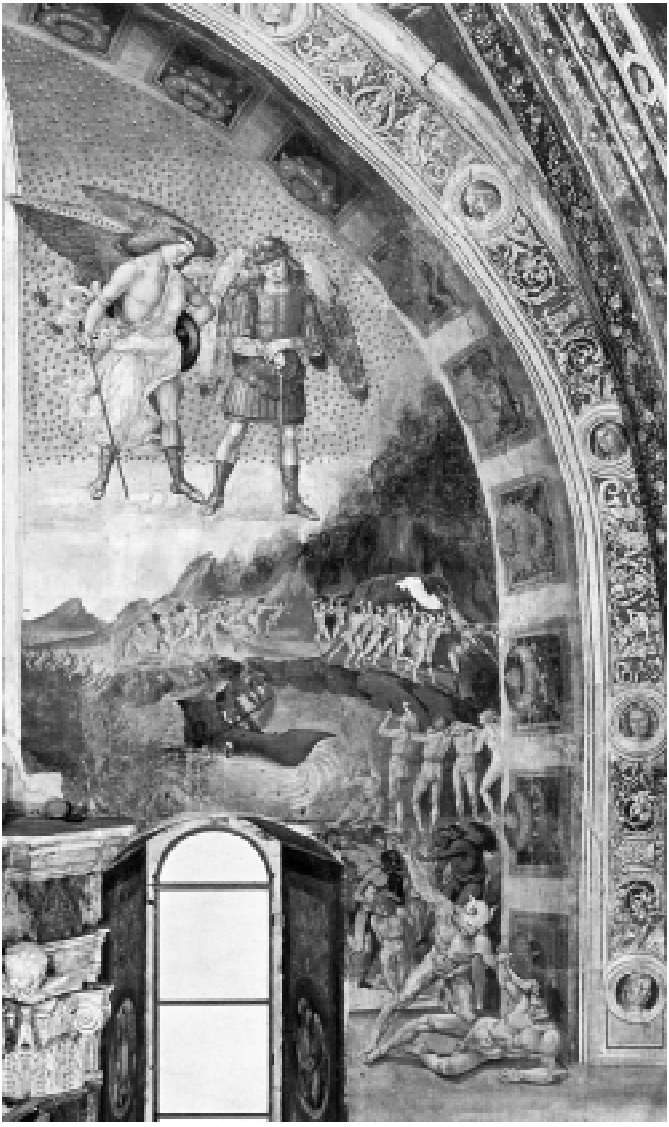
И поэтому я хочу рассмотреть разные теории о возможности вернуться в этот мир, о философской возможности того, что мы можем снова вернуться к жизни. Но для начала давайте вспомним, что идея эта вовсе не нова и что она не является неким парадоксом, внезапно пришедшим нам в голову. Все древние культуры, все древние цивилизации, о которых мы можем говорить, владели определенными методами познания, позволявшими им рассматривать перевоплощение не просто как возможность, но как очевидную истину.

Конечно, сейчас невозможно будет привести все возможные примеры. Возьмем наугад некоторые. Например, Аме-

рика. Ацтеки верили в то, что люди вновь возвращаются в этот мир. Согласно их теории, умершие, которые были слишком привязаны к земле, остаются как бы в плену земного очарования — как тот, кто, однажды увидев прекрасный пейзаж, жаждет увидеть его вновь, а тот, кто познакомился с приятным, интересным человеком, хочет снова с ним пообщаться. Ацтеки были тонко чувствующим народом, они размышляли о вещах, имеющих подлинную ценность; они говорили, например: «Сделанное из нефрита — ломается, сделанное из перьев — уносится ветром»... Они не были ни примитивными, ни легковерными людьми. Уже прошло то время, когда мы, европейцы, пытаясь оправдать свое не всегда миролюбивое отношение к древним американцам, представляли их как невежественных дикарей с перьями на голове. Но истина состоит в том, что та цивилизация и культура, которая развивалась, например, в районе Мехико, ничем не уступала тем культурам и цивилизациям, которые существовали в Азии и Африке. Мы можем говорить в этом смысле и о майя, и об ацтеках, тольтеках, ольмеках и т. д. Все они считали, что души, освободившиеся от этого мира, не испытывающие к нему привязанности и убежденные в том, что существует нечто гораздо более возвышенное и далекое, — эти души после смерти уходят в ту область, которую мы сегодня называем фотосферой Солнца; иначе говоря, они продолжают жить в Свете, подобно колибри, являющимся формой бога Уитцилопочтли.

Древние египтяне также полагали, что люди могут перевоплощаться. Каждый человек после смерти проходит испытания в Амдуате. Амдуат — это род чистилища, место, где на весах взвешивается сердце умершего и где ему задается ряд вопросов, на которые он должен дать ответ. Очевидно, что все это нужно понимать символически. Те, кто оказывался достаточно чистым, могли достичь Аменти — Страны Амона, магического места, где каждый находил то, что желал найти. Это прекрасный край, где лотосы никогда не закрываются, где ладьи не тонут, где поцелуи не предают, где пища не портится, где данное слово соблюдается, где все люди по-

Лука Синьорелли. Страшный суд. Левая и



правая части композиции. 1499–1502/04 гг. Собор в Орвьето

нимают друг друга на любых языках... Но те, кто не обладает этой духовной возвышающей силой, кто остается во власти привязанности к земному, не могут преодолеть границу Амдуата и вынуждены вновь проходить через земной опыт.

Те же представления мы видим у китайцев, о том же говорят греки и римляне. Вы сами знаете, что Гомер говорит об Ахилле и о том, каким образом можно избежать возвращения на землю. Вы знаете также и о том, что римляне считали, например, что Сципион Африканский оставил некие наставления, связанные с его возвращением в этот мир. Даже в учениях ранних христиан вплоть до Трентского собора обнаруживаются утверждения о том, что люди возвращаются на землю и что Иисус Христос был новым воплощением одного из древних пророков. Итак, мы видим, что вера в перевоплощение проходит через всю историю человечества.

Но, пожалуй, наиболее ясно и определенно тема перевоплощения, или реинкарнации, раскрывается в Индии. Именно здесь мы можем найти более доступные нашему сегодняшнему пониманию элементы знания. Остановимся на этом чуть подробнее. Все многочисленные и разнообразные религии и секты индусов согласно утверждают, что все в мире перевоплощается, все вновь возвращается в жизнь. Вопреки общепринятому мнению, у индусов была философия и диалектика задолго до греков, которым сегодня приписывается «изобретение» философии, диалектики, логики. Еще за много столетий до греков в индийских школах, называемых пурушическими, был создан целый ряд трактатов и исследований по диалектике и логике, которые, опираясь не только на веру, но и на разум, доказывают, что человек может воплощаться много раз. Эти учения говорят о том, что все в мире происходит циклически, что существуют огромные циклы, огромные периоды времени — Манвантары, что между Манвантарами, то есть состояниями космической активности, существуют периоды сна — Пралайи. Эти учения говорят и о том, что подобная цикличность, чередование активности и пассивности, обязана своим существованием вдохам и выдохам Брахмы, то есть дыханию Божества, и распространяется

на все вещи и существа; точно так же мы бодрствуем одну часть суток и спим другую.

Еще тысячелетия назад древние индусы открыли законы Лавуазье: в Природе ничто не исчезает, все трансформируется. Наблюдая Природу, они заметили, что сезоны дождей сменяются засушливыми периодами, и этот ритм порождает разные типы климата, позволяющие жить и размножаться разным типам растительности. Они обратили внимание на циклическое движение звезд на небе и на возвращение Солнца, каждое утро озаряющего землю. Из всего этого они заключили, что все вещи и явления цикличны, что все вещи и явления, с одной стороны, уникальны и неповторимы, а с другой стороны, повторяются вновь и вновь.

Мы можем убедиться в этом, если возьмем в качестве примера нашу повседневную жизнь. Каждый день мы повторяем одно и то же: работаем, едим, ходим и т. д. Но при этом каждый день и в каждый момент времени у нас разные состояния души, разное самочувствие и разная расположенность к тем или иным вещам; каждый день мы говорим на разные темы и встречаемся с разными людьми. Следовательно, несмотря на ту неповторимость, которая присуща любой человеческой деятельности, циклы ее повторимы и возвращаются вновь и вновь. Для индусов непрерывность и вечность не являются чем-то статичным, не являются сохранением одного и того же; скорее, это постоянное становление. Для них идея длительности, идея вечности заключается не в объективной неизменности чего-то, а в постоянстве изменений, цель которых остается тайной, в постоянном развитии внутреннего духовного импульса, который движет все сущее к конечной цели, к смыслу бытия.

Этот импульс проходит через целую цепь взаимосвязанных явлений. Индусы говорят о законе Кармы, законе причин и следствий. Всякая вещь и явление, все происходящее являются следствием того, что было раньше, и причиной того, что будет после. Ни одна вещь, ни одно слово, ни одно действие, ни одно существо, ни один мир, ни одна жизнь не являются во Вселенной отдельными и единичными; все есть

плод того, что было, и семя того, что будет. Мы можем видеть это и в культуре: не существует такой теории, такой книги, такого слова, такой выставки, которые не основывались бы на чем-то и, в свою очередь, не являлись бы основой для чего-то последующего. Нет ни одного существа во Вселенной, которое не было бы потомком другого подобного ему существа и не могло бы породить других подобных. Такое порождение подобного подобным индусы и называли законом Кармы, законом действия и реакции.

Этим законом действия и реакции руководит космическая направленность, Закон, гласящий, что все чем-то движется. И перед нами встает следующий вопрос: а почему происходит то, что происходит? Мы все задаемся этим вопросом — как правило, в самые критические моменты нашей жизни. Подобные вопросы могут показаться глупыми, но они волнуют нас, потому что мы люди. Сколько раз перед лицом смерти родственника или друга, в момент смерти близкого человека мы задавали вопросы, которые с точки зрения философии могут показаться наивными, но которые все же так свойственны человеку: «Почему это произошло именно со мной? Почему это произошло с ним, ведь он был таким хорошим человеком? Почему это произошло с ним, таким хорошим, а тот, другой, порочный и подлый, пользуется всеми благами жизни и живет припеваючи? Откуда такая несправедливость?» И человек закономерно впадает в своего рода атеизм. Он говорит: «Бог добр и справедлив. Но если Бог добр и справедлив, то почему одни рождаются калеками, а другие имеют тело Аполлона? И если Бог добр и справедлив, то почему одни рождаются в золотой колыбельке, а другие — в хлеву? Если Бог добр и справедлив, как такое может быть? Если мы никогда прежде не жили, если мы никогда прежде абсолютно ничего не совершали, если мы возникли вместе с нашим телом, насколько же несправедлив тот, кто одних создал парализованными, слепыми, искалеченными, а других наделил всеми возможными благами! Что же это за Бог, который так относится к своим детям, что одним дает все, а другим ничего!»

Это извечный вопрос.

Индийские философы и метафизики полагали, что существует путь, который они называли Садхана, и закон, который они называли Дхарма, Всеобщий Закон, движущий все сущее к некой предопределенной цели.

Индусы верили в реинкарнацию, в перевоплощение душ, но это не было то упрощенное представление, согласно которому человек, умирая, некоторое время находится в тонком мире, а затем снова возвращается. Ибо если бы все было так легко и просто, то все мы прекрасно помнили бы, кем были прежде, и необходимость говорить о реинкарнации отпала бы сама собой: ведь мы так же легко могли бы вспомнить предыдущие жизни, как вчерашний и позавчерашний день.

Для того чтобы по-настоящему понять это учение, необходимо помнить, что индусы ни в коей мере не считали человека состоящим из какой-то однородной материи. Они полагали, что мы имеем что-то подобное семи телам или оболочкам и что одни из этих тел перевоплощаются, а другие нет.

Рискуя утомить вас, я все же попробую вкратце пояснить эту мысль, поскольку в противном случае трудно понять индийскую теорию перевоплощения. Философы Индии утверждали — и о том же говорят древние книги, — что человек состоит из семи тел, или семи оболочек, отличающихся частотой вибраций. Если мы будем рассматривать их «снизу вверх», первым будет тело, общее у нас с камнями и другими окружающими нас предметами, — физическое тело. Индусы называли его — скажу для тех, кому это интересно, — штула-шарира. «Штула» на санскрите означает тело или оболочку, а «шарира» — то, что можно потрогать, то, что обладает плотностью.

Выше находится (когда я говорю «выше», я не хочу, чтобы вы представляли себе какое-то подобие луковицы, состоящей из множества слоев один поверх другого; можно сказать, что разные тела находятся как бы в разных измерениях) прана-шарира, жизненное тело, тело энергии, наличие которого отличает живого человека от умершего. Существует ряд термодинамических и электрических феноменов, от-

личающих даже только что умершего человека от живого, и они связаны именно с праническим измерением человека, с его жизненным телом.

Третьим снизу телом является линга-шарира, то, что в восточном эзотеризме называется двойником и что египтяне называли *ка*, психическим двойником человека. Линга-шарира — это то, что роднит нас с животными, прана-шарира — с растениями, а штула-шарира, как уже было сказано, — с минералами. Здесь мы видим, как само строение человека связано со структурой Природы, с различными ее царствами: физическая часть человека — с минералами, энергетическая — с растениями, психическо-животная — с животными. В линга-шарире берут начало наши страсти, наши сны, наши фантазии.

Наконец, индусы говорят о кама-манасе, то есть «уме желаний», эгоистическом уме, который пугается, ужасается, трепещет, узнав, что с ним что-то должно случиться; это маленький ум, ум, который испытывает страх.

Эти четыре низших тела, четыре измерения смертны, они умирают и после смерти разрушаются. Смерть для них является заключительной стадией того «изнашивания», которое начинается с момента рождения. Иными словами, человек начинает умирать с того момента, как рождается, и постепенно, мало-помалу умирает, пока не наступает финальный коллапс, когда умирает и его физическая часть, и энергетическая, и психологическая, и ментальная эгоистическая.

Но индусы говорят также и о том, что в человеке есть индивидуальная, неделимая часть, которая и проходит через перевоплощения. Они говорят о Манасе, высшем Разуме, ясном, спокойном, постоянном. Далее следует оболочка, называемая Буддхи, — наделенная разумом Интуиция, не искажающая реальность. И, наконец, Атма, чистая Воля, отражение Божества в человеке.

Эти три наиболее глубоких плана сознания — Манас, Буддхи и Атма — служат ступенями, по которым можно подняться к Небу. Как я уже сказал, именно они составляют индивидуальную, неделимую часть человека, которая пере-

воплощается. Перевоплощения происходят на основе сканд — причин действия, накопленной Кармы. Если на протяжении миллионов лет человек жил и действовал (я имею в виду человечество в целом), получал богатый и разнообразный опыт, и опыт этот у каждого свой, то становится понятно, почему мы иногда рождаемся в золотой колыбельке, а иногда в хлеву. Так почему же? Потому что, с философской точки зрения, мы отнюдь не всегда учимся большему, когда рождаемся в золотой колыбельке, чем когда рождаемся в хлеву, — не забывайте, что даже Учитель Иисус Христос родился в хлеву. Это просто символ, помогающий понять, что где бы человек ни родился, в одном месте или в другом, он всегда может извлечь из этого опыт. Однако необходимо понимать, что опыт этот всегда ограничен. Ведь если человеку выпало на долю родиться в такой семье и в таком окружении, где единственное, что он может делать, — это быть крестьянином, то он проходит опыт крестьянина, но лишен возможности пройти опыт художника, военного, политика или поэта. Именно поэтому, согласно учению древних индусов, та часть человека, которая нуждается в опыте, вновь возвращается на землю, чтобы поселиться в телах рождающихся детей, возвращается за новым опытом. Эта жажда нового опыта, сканды, зерна и есть то, что ведет человека к новым встречам, к новому биологическому существованию.

Итак, перевоплощается не весь человек, а та его высшая, духовная часть, которая, как правило, у нас не столь уж развита. Пусть меня простят те из присутствующих, к кому это не относится, но придется сказать, что у всех нас духовная часть развита очень слабо. Сколько времени в году, друзья мои, мы посвящаем чистке зубов, прическе, одежде, сколько времени мы посвящаем еде и питью? А сколько времени мы уделяем хорошей книге, глубокому, возвышенному разговору, молитве, размышлению? Так сколько же? Практически нисколько. Очень мало. В основном мы обращаем внимание на свою материальную часть. Молодые говорят: «Да, это так, но это потому, что мы молоды. Вот когда доживем до соответствующего возраста, тогда и будем задумываться и раз-

мышлять». Но это самообман. Когда человек достигает «соответствующего возраста», он говорит: «Нет-нет, еще не сейчас! Я хочу, наконец, пожить для себя; сейчас будет поспокойней, я выхожу на пенсию, буду возиться с внуками...» Иными словами, у человека всегда найдется оправдание тому, чтобы продолжать двигаться, путешествовать, одеваться и т. д., оставляя очень мало времени для вещей другого рода. И не то чтобы мы игнорировали эти вещи, потому что неспособны к ним; не то чтобы рука неведомого божества закрывала нам глаза, лишая зрения... Просто мы посвящаем свою жизнь тому, чему хотим посвятить.

Я с радостью вижу в этом зале более ста человек, которых интересует тема перевоплощения, и я, со своей стороны, от всей души пытаюсь объяснить ее. Но сколько людей в мире интересуются совсем другими вещами? Очевидно, что если бы сегодняшняя лекция была посвящена не реинкарнации, а какой-то политической, социальной или экономической теме, на нее собрались бы тысячи людей, хотя все мы давно уже убедились в том, что ни самые лучшие политики, ни самые лучшие социологи, ни самые лучшие экономисты не способны привести мир в порядок. А в мире с каждым днем все больше кризисов, проблем, столкновений, конфликтов. Одни говорят, что причина конфликта в одном, другие — что в другом, но сам конфликт от этого не исчезает. Цены на хлеб растут, арендная плата повышается — это наша реальность. И мы, несомненно, и дальше будем продолжать слушать всех тех, кто обещает навести в мире порядок, и дальше у нас не будет хватать времени, чтобы хоть изредка поразмышлять совсем о другом — о том, что будет с нами, когда мы умрем, ибо все мы однажды умрем. Мне бы не хотелось показаться пессимистом, но разве кто-то считает, подобно Гильгамешу, что будет жить вечно? Я искренне желаю вам прожить сто лет в здоровье и достатке, но разве по прошествии этих ста лет не наступит момент, когда нить жизни прервется? Древняя Атропос перережет нить и оставит нас наедине с вечной тайной. И к этому нужно относиться естественно, ведь мы естественно относимся к тому, что

люди рождаются. Так же естественно нужно подходить и к тому, что люди умирают — в противном случае был бы неизбежен страшный демографический взрыв.

Итак, древние индусы говорят о том, что, согласно законам, направляющим судьбу, перевоплощается лишь высшая часть человека. Однако об этой высшей части мы знаем очень мало. Но что говорил об этом Платон, также объяснявший понятие перевоплощения, мы знаем очень хорошо. Он говорил о водах Леты, которые, если испить их, приносят забвение. Именно поэтому мы ничего не помним, когда рождаемся вновь; лишь изредка в человеке сохраняется искра воспоминаний, но и она не является чем-то оформленным, осознанным и упорядоченным. Платон говорит — с тем характерным сарказмом древних греков, который отчасти унаследовали и мы, — что самые страстные и нетерпеливые бросаются к водам Леты и жадно пьют, зачерпывая обеими руками, после чего крепко засыпают; благоразумные же и умеренные пьют немного и поэтому могут потом хоть что-то вспомнить.

В мифе об Эре и в «Федоне» Платон развивает и прекрасно объясняет эти идеи. Вспомним хотя бы тот отрывок, где Сократу задают вопрос: «Откуда берутся живущие?» — на что он, в свою очередь, спрашивает: «А откуда берутся мертвые?» — «Мертвые происходят от живых». — «А откуда берутся живые?» — «Живые происходят от мертвых». Для Платона, Сократа и всех греческих философов было очевидно существование неизбежного цикла, внутри которого человечество восстанавливает свои силы, чтобы вновь прийти в этот мир и приобретать новый опыт.

Правда это или выдумка? На этот вопрос ответить нелегко, и я этого сделать не смогу; я лишь излагаю это учение, а каждый уже может судить в соответствии со своим собственным опытом. Сегодня одна половина человечества пытается убедить другую в том, что ей следует делать. Все мы осознаем, что живем в мире, где правит пропаганда. «Чистите зубы именно этой пастой, потому что она — особенная», «Покупайте именно эту машину — единственную, которая не ломается», «Ходите по этой улице, потому что она луч-

ше», «Голосуйте за такого-то, потому что он решит все ваши проблемы», «Стригитесь именно у нас, и ваши волосы будут расти вовнутрь»... Нас пытаются убедить в чем-то любыми средствами, и это свидетельствует о недостатке уважения к человеческой индивидуальности, о недостатке уважения к тому философскому «Я», которое живет в каждом из нас. Такое ощущение, что нас путают со стадом — стадом свиней. Нам говорят: «Идите все сюда!» — и мы все — топ-топ-топ — идем в эту сторону; потом приходит кто-то другой и говорит: «Нет, не сюда! Вон туда!» — «Ах, туда!» — и все — топ-топ-топ — бегут в другую сторону. Так происходит и в политике, и в экономике, и когда мы идем в кино, и даже в наших личных отношениях.

Именно философия, и в рамках философии позиция «Акрополя», предлагает каждому внутреннюю встречу с самим собой, чтобы каждый думал сам. Поэтому я не буду говорить, что правильно, а что неправильно, поскольку уважаю вас и полагаю, что каждому дано естественное право познавать истину. Лучше ошибаться, но ошибаться самому, чем быть ведомым кем-то к некоей истине, которую мы никогда не поймем и которая никогда не даст пробудиться нашей индивидуальности. И поэтому мы спрашиваем, не ожидая ответа: будем ли мы жить снова? Действительно ли мы перевоплощаемся?

Оставим пока в стороне то, что думали по этому поводу индусы и о чем мы с вами говорили сегодня, и, призвав на помощь так называемый здравый смысл — к слову сказать, наименее здравый из всех, — вместе поразмышляем. Если человек, едва войдя в дом, уже прекрасно знает, как здесь расположена мебель и где что находится, что мы скажем — бывал он здесь прежде или нет? Конечно, бывал — иначе он бы ничего этого не знал. Разумеется, можно вспомнить об интуиции, о Третьем глазе, глазе Дангма, как его называют в Индии; тот, кто обладает им, знает, что находится в запертом шкафу, и может прочитать, что написано на обратной стороне этой картины. Однако мы говорим не о таком сверхчеловеке, хотя и не отрицаем, что он может существовать. Мы с вами обычные люди, мы живем, дышим, желаем чего-то,

любим, едим — и не обладаем глазом Дангма; многие мечтают о нем, но у нас его нет. И если нам известно, что написано на обратной стороне картины, значит, мы ее уже поворачивали. Чем объяснить ту легкость, с которой некоторые дети в четыре-пять лет, например, играют на музыкальных инструментах, или ту естественность, с которой скульпторы порой работают с камнем, хотя их никто этому не обучал?

Я знаю одного мальчика из Риба де Сантъюсте, который с помощью молотка и гвоздя высекает статуи. Однажды мне показали одну из его работ, сказав: «Смотрите, какая прекрасная романская статуя! Спросите, сколько она стоит». Я очень люблю археологию, и статуя вызвала мое восхищение. Однако, присмотревшись, я увидел, что изваяние слишком свежее, чтобы быть романским. Я сказал об этом стоявшему рядом господину, на что он ответил: «Да что вы, она вовсе не древняя и не романская, это мастерит мой парнишка!» Мне представили мальчика лет восьми-десяти, и я спросил у него: «Послушай, ты, наверное, прочитал какую-то книгу или видел фотографии?» А он ответил: «Что вы, синьор, я еще слишком маленький, я просто играю гвоздем». Хорошо, что это был чистый и наивный ребенок, потому что если бы он посвятил свою жизнь изготовлению подделок, их бы с радостью приобретал Британский музей. Его скульптуры были совершенны по исполнению, мальчик был настоящим мастером своего дела; слава богу, что он этого не понимал. У этого маленького человечка было внутри нечто, что трудно объяснить как-то иначе.

Я знаю, что сегодня существуют теории о коллективном бессознательном, о том, что посредством физиологической наследственности мы приобретаем внутренние потенциалы... Но, господа, лично для меня подобные теории не более убедительны, чем бытовавшие в средние века представления об оплодотворяющем воздухе — некой особой субстанции, которая проникает в окно и от которой беременеют девушки. Для меня это одно и то же. Говорят, что в хромосомах есть что-то такое, с трудно произносимым греческим названием, что приходит к нам из прошлого. Следовательно, каждый

человек обладает суммой всего опыта этого прошлого, и если его ударить по голове, то произойдет активизация, и он сразу заговорит по-гречески. Я не говорю, что этого не может быть, — чего только в жизни не бывает! Но все же думать так — гораздо менее научно, чем просто принять, что человек живет не в первый раз.

Очевидно, что если вследствие удара человек начинает в совершенстве говорить по-гречески (как это произошло с одним итальянским крестьянином), то это означает, что он что-то вспомнил, тем более что он упоминает и какие-то исторические реалии, о которых нигде не мог узнать.

Все мы обладаем определенным индивидуальным предопытом, и я уверен, что многие из присутствующих в этом зале так или иначе испытывали его воздействие — может быть, не всегда ясно и отчетливо. Например, мы встречаем человека, смотрим ему в глаза, и нам кажется, что мы знали его всю жизнь. Или нас знакомят с милейшим человеком, а мы говорим себе: «Ну нет, с ним мы не поладим»; почему, как, откуда такая мысль — непонятно, но именно так и происходит. Или, например, в туристической поездке мы прогуливаемся по каким-то историческим местам, спокойно, расслаблено, ничего не подозревая, и вдруг рядом с каким-то храмом или памятником истории нас охватывает внезапная тоска, ностальгия, возникшая неизвестно откуда. У нас появляется ощущение, что мы здесь уже были, и приходит вопрос, почему камни так истерты и куда подевалась процессия, которая вошла слева... А где-то в укромном уголке мы обнаруживаем дверь, которую нам не показывал ни один гид.

Очевидно, что если это и не абсолютная правда, то, по крайней мере, это может быть правдой; и если и не абсолютно точно, то, по крайней мере, вполне вероятно, что мы уже жили прежде. И где мы могли жить, в этом мире или в каком-то ином? Очевидно, что если мы подготовлены к жизни в этом мире, то мы и жили в этом мире и можем в нем же жить снова.

Есть, однако, еще одна вещь, которая, как говорят некоторые, полностью опрокидывает теорию перевоплощения: демографический рост. Ведь если во времена Древнего Египта

население Земли составляло меньше 50 миллионов (по приблизительным подсчетам, поскольку точных данных нет), а сейчас три миллиарда — как такое возможно? Неужели существует какая-то «фабрика», где создаются все новые и новые души?

Это очень хороший вопрос. Древние, например индусы, предвидели его. Они говорили, и об этом же позже говорил Пифагор, что существует определенное, фиксированное количество душ. Но в такое время, как наше, когда население Земли очень велико, эти души пребывают на небесах очень короткий период (индусы называли это Девахан: «дева» — «светящийся», «хан» — «город»). Когда этот короткий период заканчивается, души вынуждены вновь возвращаться в физическое существование. Таким образом, души получают очень и очень небольшой небесный опыт, а вследствие этого становятся все более материальными, и более материалистичным становится мир. Именно это происходит с нами сегодня. Так, наши бабушки рассказывают, что раньше дети были более чистыми и наивными, что они знали больше сказок... Да, дети и сегодня знают сказки, но такие, что заставят покраснеть извозчика. Сегодня дети обладают такими знаниями и такими способностями, которые нельзя объяснить только образованием или воспитанием и которые, кажется, присущи им от рождения. С самого раннего возраста дети начинают проходить опыт, больше свойственный взрослым, и, естественно, у них уже не может сохраниться чистоты и наивности детей прежних времен.

Это очень хороший вопрос. Но правда ли то, что говорили индусы, — что когда огромное количество душ очень быстро воплощаются и имеют очень небольшой небесный период, у них очень мало времени, чтобы омыться, очиститься — они вынуждены возвращаться, возвращаться и возвращаться? И, с другой стороны, правда ли то, что когда мир мало населен, души имеют продолжительную небесную жизнь, и именно в такие времена рождаются великие мистики, великие философы, а дети долго сохраняют способность верить в сказки о феях и гномах и в другие подобные вещи?

Возникает и другой вопрос: а действительно ли выдуманы истории о феях и гномах? Сформулируем по-другому: разве абсолютно невозможно, чтобы параллельно с нашим существовали другие измерения, где живут существа, имеющие тела из другой материи? Разве не удивительно, что легенды Китая, легенды Центральной Европы, легенды Америки говорят об одних и тех же существах — элементалах, гномах, называйте их как хотите, — и описывают их совершенно одинаково, хотя между этими странами, очевидно, не было никакой связи? А даже если бы она была, то что поддерживает это сходство? Откуда такое совпадение? Откуда эти общие знания? Как получается, что человек, хорошо знающий китайский эзотеризм, может прекрасно понять человека, знакомого с эзотеризмом Америки, например ольмека? Откуда это? Как это происходит? Может быть, это сходство проистекает из описания чего-то реально существующего? Может быть, не совсем сказки то, что нам представляют как сказки, и не совсем реальность то, что нам представляют как реальность? Может быть, где-то, в какой-то форме существуют Волхвы? Может быть, им можно написать письмо? Конечно, нам скажут: «Что за глупость! Волхвов не существует!» Но если все верят в Волхвов, не кажется ли вам, что где-то в другом измерении, измерении не физическом, они могут существовать, что в каком-то небесном измерении может существовать некая коллективная мысленная форма, которая заставляет нас принимать это как факт и дарить подарки — не только чистым и наивным детям, но и друг другу? Иногда мы пишем на открытке: «Подарок от Деда Мороза» или «Это тебе от Волхвов». Разве не живет в нас какая-то большая сила, духовная и благородная, благодаря которой мы хотя бы на один день в году, хотя бы на одно мгновение становимся более щедрыми, более добрыми, более чистыми?

Какое очарование таит в себе встреча с рождественской елкой, полной подарков — даже если это и не настоящие подарки, а просто пустые коробочки, сделанные ради шутки, — какую радость она несет! И ведь существует большая разница между тем, когда нам говорят: «Вот, это тебе гал-

стук в подарок», — «Да, спасибо», — и тем, когда новогодним утром или даже еще ночью мы находим под елкой сверток, адресованный нам, разворачиваем его и обнаруживаем внутри подарок! Пусть это тот же самый галстук, но он приносит с собой дух Рождества, дух уходящего года и дух года нового. И разве мы едим виноград только на Новый год, когда бьют часы? Нет, мы едим его в течение всего года, но запоминается только один момент: как с каждым ударом часов в новогоднюю ночь мы съедаем по виноградине. Он запоминается нам потому, что это другой виноград, волшебный, не из этого мира, потому что он несет с собой нечто, что объединяет нас в эти минуты, что делает нас другими и дарит новое счастье. Но для того чтобы в полной мере понять это новое счастье, необходимо, как говорил Иисус, как говорили древние греки и римляне, вновь стать детьми, стать детьми в истинном смысле этого слова.

Да, мы утратили многое. Мы утратили также и веру, и не только в Бога. Мы утратили веру даже в самих себя, веру в поцелуй, веру в пожатие рук, веру в объятия, веру в знамена, в гимны, веру в человека. Но вопреки этому ужасному кризису веры мы сегодня говорим о вещах, в которые можно только верить. Сегодня, когда все взвешивается и измеряется, я говорю вам, что, возможно, существуют гномы и феи. Сегодня люди во всем мире, увидев водопад, сразу спрашивают: «А сколько воды проходит здесь за одну секунду? Если столько, значит, за четыре секунды столько-то...» А я говорю вам, что где-то там, между каскадами воды и каменными уступами, куда мы не можем заглянуть и куда солнечные лучи попадают только преломленными и рассеянными, живет, может быть, один из этих гениев-хранителей другой стороны вещей. Если это и не так, то, по крайней мере, это красиво, а жизнь без красоты не имеет смысла.

Нам нужно хотя бы на мгновение представить себе, что мы вновь вернемся в этот мир, но руководствоваться при этом не земным эгоизмом — «я хочу сюда вернуться». Нам нужно сделать это со спокойствием и знать, что мы никогда не закончимся, что мы всегда будем продолжаться, что мы

можем осуществить все наши мечты. Знать, что мы не умрем со словами: «А ведь я так хотел быть художником, хотел быть поэтом, хотел быть политиком!» — знать, что все мы однажды сможем быть художниками, поэтами или политиками. Знать, что мы однажды увидим новый мир. Это знание сделает нас более ответственными, и мы будем пытаться построить этот новый и лучший мир, ибо он будет и нашим миром, и мы не сможем сказать, как тот король: «После меня хоть потоп». Мы скажем: «После меня — мир, в котором мог бы жить я и все существа, которых я люблю».

Эта простая метафизическая концепция, эта телеология, без сомнения, меняет все наши концепции и представления — научные, политические, экономические, социальные, этнические; она делает нас лучше, делает нас более разумными, интеллигентными, благородными и щедрыми. Мы поймем, что нищий, сидящий на перекрестке, проходит опыт, который мы сами уже проходили или еще должны будем пройти. Нужно попытаться помочь этому человеку, которому сегодня приходится нищенствовать, помочь не только потому, что это хорошо само по себе, но потому, что это наш брат, наш товарищ по пути, ибо все мы вместе идем по трудному пути, по тернистому пути, по пути, где есть подъемы и спуски; и по этому пути мы должны продолжать идти все вместе, осознавая наше единство.

Перед тем как закончить, я хотел бы напомнить, что все это невозможно исследовать за один миг; это нужно изучать, об этом нужно размышлять. И поэтому такое значение имеет то приглашение на занятия «Нового Акрополя», которое вы сегодня услышали. В данный момент важна не сама организация — вы сами видите, что у нас нет помещения, которое могло бы принять всех желающих, и это сейчас большая проблема. Важно, чтобы каждый из вас захотел глубоко прожить то, о чем мы говорили. Я сейчас не думаю о «Новом Акрополе», не думаю о своей ответственности, ни о чем подобном; я просто делюсь с вами как с друзьями, как с людьми, с которыми, кажется, знаком всю жизнь. Об этих вещах недостаточно слегка размышлять или слегка изучать их; преж-

Перуджино. Поклонение волхвов. 1476 г.
Перуджа, Национальная галерея Умбрии

де чем отвергнуть или принять, их необходимо хорошо взвесить, изучить, оценить.

Те представления, о которых мы говорили сегодня, заложены в недрах любой религии; они не вступают в противоречие ни с одной из них, и о них в той или иной форме говорили все великие основатели религий. Сам Иисус сказал: «Вам нужно родиться заново», — это можно интерпретировать и одним образом, и другим.

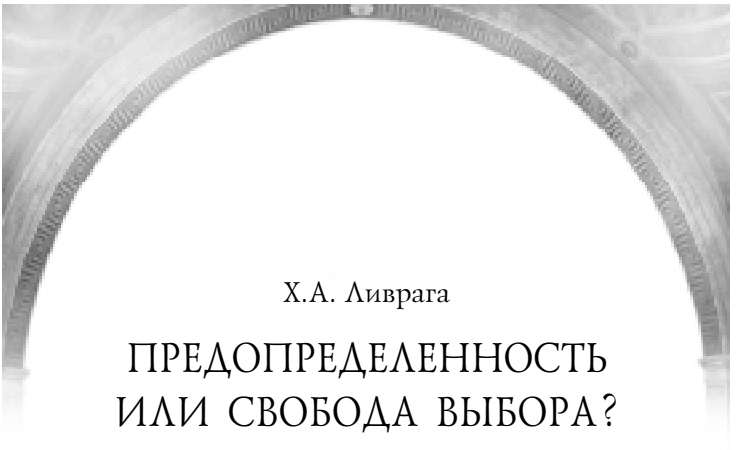
Все эти вещи существуют в сознании любого, кто обладает исследовательским, позитивным ощущением жизни, поскольку то, что я пытался сегодня объяснить, — научно и возможно с позитивной точки зрения.

Я прошу вас поразмышлять обо всем этом, изучить насколько можно серьезно (потому что это касается всех нас) вопрос о том, будем ли мы жить снова. Я полагаю, господа, что мы не будем жить снова. Я полагаю, что мы будем продолжать жить. Ведь говорить, что мы будем жить снова, значит признать, что мы можем каким-то образом умереть.

Я не верю в смерть. Смерти не существует. Смерть — это лишь пугало, фантом, предназначенный для того, чтобы вселять в нас страх. Ничто не умирает. Все трансформируется. Все изменяется. Мы не можем сказать, что будем жить снова, мы можем лишь сказать, что продолжим жить — в этом мире или в другом.

Необходимо учитывать, что милость Божья в той или иной форме достигает каждого. Посмотрите, как разумно устроил Бог, что зерна и семена падают далеко от родившего их растения, чтобы их освещало солнце. Посмотрите: на крыльях бабочек он поместил рисунок в виде головы филина, чтобы их не трогали птицы. Он окрасил маленьких гусениц в зеленый цвет, чтобы их не было заметно среди растений, а глубоководным рыбам дал светящиеся глаза. Это тот же самый Закон, Бог, называйте его как хотите, что ведет нас в жизни и в смерти. Чего вам стоило родиться? Того же вам будет стоить умереть. И пусть Бог будет с вами.

Мадрид, ноябрь 1976 г.



Х.А. Ливрага

ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИЛИ СВОБОДА ВЫБОРА?

Лекция

Люди всех культур во все времена сталкивались с этой проблемой, с этими двумя подходами к жизни: все ли предопределено или же мы можем каким-то способом изменить ход вещей — силой нашей воли, наших желаний, наших слез, преодоленных нами опасностей и ошибок?

Все известные нам культуры и народы задавались таким вопросом; с этим были связаны даже определенные божества. Например, относительно традиций и истории Древнего Рима нам известно сегодня гораздо больше, чем мы знали о них десять лет тому назад, когда считалось, что Рим основали только Ромул и Рем, когда не уделяли должного внимания произведениям Вергилия и не учитывали символического значения мифа об Энее и маленькой группы его соратников. Так вот, нам сегодня известно, что в мифах римлян упоминается Бог, стоящий выше Юпитера, божество без имени, которого называли просто «Неизвестный».

Древние греки также почитали божество, стоящее выше самого Зевса, владыки Олимпа; его называли Зевс-Зен. Эсхил говорит о нем как о божестве, управляющем Судьбой. В греческой драме, которая была отражением Элевсинских мистерий, часто упоминается загадочный принцип Судьбы, управляющий всем сущим. Вспомним, например, «Проме-

тея прикованного», знаменитое произведение Эсхила. Когда Прометей крадет Огонь — Свет и Разум — для блага всех людей, Зевс карает его: титан прикован на горе Кавказ, и орел, прилетающий каждый день, выклевывает его печень, вырастающую после этого вновь и вновь, чтобы таким образом, через боль и страдания, каждодневно совершалось великое жертвоприношение любви. В более эзотерических вариантах этого мифа говорится, что в левый бок Прометея был вбит железный лемех. И когда распятое божество вопросило: «Почему вы делаете это со мною?» — раздался таинственный голос из далеких высот, высоко над Олимпом и над самим Зевсом. Этот голос, дошедший до Прометея через Гермеса — вестника, бога Мудрости, — ответил: «Потому что так хочет Судьба, потому что это Судьба...»

Все народы интуитивно чувствовали, что далеко за пределами проявленного, даже выше любого персонифицированного божества, существует таинственный принцип Судьбы. В древнееврейской Каббале его называли Ain Soph (Эйн-Соф), «Ничто». Это тот, кто находится на вершине Короны*, кто управляет всеми невидимыми существами. Его импульс спускается с высот, для того чтобы дойти до нашего дуального мира, в котором все вещи проявляются и принимают форму благодаря «столкновению», сплетению сил, энергии и материи.

В древнеиндийском пантеоне также есть Божество, выходящее за пределы любого рационального, интеллектуального понимания.

То же самое мы встречаем в пантеонах Древней Америки и Древнего Китая. Всегда упоминается высшее Божество без имени и атрибутов, представляющее неумолимую Судьбу.

* * *

Так существует ли на самом деле такая Судьба, неумолимая и непреклонная? Существует ли какой-нибудь способ

---

* Имеется в виду Кетер, или Корона, высший из десяти Сефирот Каббалы, символизирующих десять эманаций Божества. — *Прим. ред.*

К. Корт (по Тициану).
Титий (Прометей?). Гравюра на меди. 1566 г.

жить в согласии с этой Судьбой? Или можно сказать, что Судьбы не существует и есть только свободная воля, благодаря которой мы и только мы создаем свою собственную судьбу?

Ответить на этот вопрос очень трудно, так как всегда можно привести примеры в пользу и того, и другого подхода. Когда слушаешь некоторые из них, даже становится страшно.

Несколько месяцев тому назад в Англии обнаружили книгу под названием «Титаник», написанную малоизвестным писателем где-то в 1890 году. В этой книге говорится об огромном лайнере, который размерами превосходил все корабли той эпохи и весил около шестидесяти тысяч тонн; он назывался «Титаник». Отправляясь в свое первое торжественное плавания, из Англии в Нью-Йорк, этот корабль принял на борт более двух тысяч человек. За день до прибытия в порт назначения он столкнулся с айсбергом, серьезно повредившим его, и затонул. На все сигналы тревоги и просьбы о помощи, которые он посылал сразу после аварии, практически никто не обратил внимания и не пришел на помощь — так сильна была всеобщая убежденность в том, что подобный корабль неуязвим. В результате погибло много людей, это было самое серьезное крушение в истории мореплавания. Через 20 лет после выхода книги история, описанная в ней, точь-в-точь повторилась в реальности.

Как можно объяснить подобное? Как, откуда этот не известный нам писатель мог узнать о том, что произойдет через 20 лет? И вообще, как получается, что иногда те ситуации, которые должны произойти, уже до этого, заранее заявляют о себе, проявляясь для людей в символической форме?

Моим первым учителем эзотерической философии был пожилой профессор, немец; звали его Шмит. Мне было тогда 17 лет. Помню, однажды он рассказал мне историю своего друга, также пожилого господина, жившего в Лондоне и очень увлеченного астрологией.

Истинным ученикам, которые из жизни в жизнь на своем ученическом Пути дают обет служения на благо людей,

при изучении астрологии запрещается вычислять дату своей смерти. Учителя, боги считают, что мы были бы не в состоянии жить нормально и полноценно, если бы знали, когда наступит момент смерти. Даже тот, кто уже не привязан к физическому миру и, соответственно, не верит в смерть, может иметь детей, учеников, о которых еще нужно заботиться, дела или книги, которые нужно закончить, и если человек знает, когда наступит его смерть, это может плохо повлиять на всю его оставшуюся жизнь и оставить неиспользованными многие неведомые ему возможности. Поэтому хотя для того, кто владеет истинным знанием астрологии, вычислить собственные «точки смерти» (ибо у нас их несколько) не представляет труда, он никогда не делает этого.

Чтобы понять тот факт, что каждый человек имеет несколько «точек смерти», мы должны представить, что наша жизнь подобна конусу, внутрь которого мы входим и движемся по кругу; первую «точку смерти» мы минуем относительно легко, потом проходим через остальные, в которых, может быть, спасемся, а может быть, и нет, но эти круги постепенно становятся все меньше и меньше, пока мы не доходим до последнего, которого уже не избежать.

Также запрещается вычислять «точки смерти» людей, которые нам дороги, которых мы любим.

Итак, профессор Шмит рассказал мне о том, как его друг вычислил собственную «точку смерти»: он определил не только дату, но и то, каким образом умрет. Он узнал, что погибнет от удушения. И несмотря на все свои великие познания, он отреагировал на это несколько упрощенно: уехал жить в пустыню Сахара, пребывая в полной уверенности, что в отсутствии людей уж как-как, но от удушения умереть не сможет. Но что он забыл вычислить в своем гороскопе, так это способ, которым произойдет удушение. И этот человек умер в тот самый роковой день, который он сам вычислил, задохнувшись в песках во время сильного самума, знойного ветра пустыни.

Геродот рассказывает историю одного принца, который приказал удалить из своего царства все повозки, запретив

также любым повозкам из соседних государств пересекать границы его владений. Он сделал это потому, что один прорицатель предсказал, что причиной его смерти станет повозка. В этом царстве произошел государственный переворот, и один из восставших убил властителя, пронзив его мечом в сердце, когда тот восседал на троне. Последнее, что увидел умирающий, была рукоять меча с выгравированной на ней повозкой, символом царского дома, к которому принадлежал убийца.

Все эти близкие по смыслу истории, рассказанные разными людьми, приводят нас к мысли о том, что существует Предопределенность, неумолимая Судьба, которой подвластны все вещи и явления.

В индийской философии говорится о Дхармане — Законе, управляющем Вселенной и всеми ее обитателями; она также учит, что существует Садхана — Смысл жизни и предопределенный Путь, на протяжении которого этот смысл проявляется. Она утверждает, что существует Карма — закон действия (акции) и реакции.

Индусы представляли Дхарму как широкий путь, по которому нужно идти; его никому не избежать. В чем же тогда может состоять свобода выбора, которая дана человеку? Каким образом среди идущих по этому пути можно было бы отличить плохих от хороших, поддающихся инстинктам, убивающих все человеческое от тех, кто идет вслед за высокими, священными мечтами своей Души? Философы Индии говорили, что свобода выбора состоит в том, чтобы идти по этой стезе быстрее или медленнее. Каждый раз, когда мы слишком сильно отходим от пути и бьемся о его края, мы страдаем, мы чувствуем боль, и эта боль пробуждает в нас осознание того, что нужно возвращаться к центру пути.

Боль всегда была инструментом пробуждения сознания; мы реально умеем ценить только те вещи, которые однажды потеряли.

Внутри каждого из нас живет маленький голос, тот голос Совести, который в Гималаях называли Голосом Нади; он направляет нас по пути, рассказывает, что мы должны де-

лать, и помогает разобраться, хорошо или плохо то, что мы уже совершили. Но обычно мы его не слышим — в основном, потому, что у нас нет привычки обращать на него внимание. Его звук мы воспринимаем так же, как шум воды, падающей с высоты, или ветра, колышущего ветви деревьев. И мы всегда допускаем, чтобы он приходил и уходил, оставаясь незамеченным нами. Мы забываем, что это голос Бога в нас самих, голос нашей бессмертной Души, нашего Высшего «Я», нечто самое священное и таинственное, что мы имеем; это загадочное Нечто будет продолжать обращаться к нам даже тогда, когда физически мы покинем этот мир. Этот внутренний голос подсказывает нам, в чем состоит наш собственный путь, вплетающийся в Великий Путь, в Великую Предопределенность, которая проявляется во всем.

* * *

Итак, существует ли свобода выбора? К сожалению, в том материалистическом мире, в котором нам приходится жить, людям удалось до совершенства развить диалектический способ мышления в самом плохом смысле этого слова — для нас вещи бывают либо черными, либо белыми, либо хорошими, либо плохими. Я говорю «к сожалению» не потому, что я против аксиом или против существования какой бы то ни было системы оценок, а потому, что не всегда то, что не является белым, автоматически становится черным, и наоборот. Быть поглощенным такой диалектикой, созданной из крайностей и абсолютистских утверждений, попасть в ловушку подобного догматизма, в самом деспотическом его смысле, очень опасно. Рассматривать и объяснять подобным образом все, что происходит в природе, опасно, потому что такой подход рано или поздно приведет нас ко многим ошибкам и к столкновениям не только с другими людьми, но также и внутри нас самих: мы будем вечно терзать себя и жить все время страдая, так как придется постоянно выбирать между двумя крайностями. В действительности этот выбор часто оказывается ложным, искусственным и иллюзорным, ибо является плодом нашей фантазии.

Так предопределенность или свобода выбора? А почему бы не предположить, что есть и то, и другое? Почему одновременно не могут существовать оба понятия — при условии, что мы перестаем рассматривать их как две взаимоисключающие, абсолютные крайности?

В проявленном мире не существует абсолютных оценок: все зависит от того, с кем и с чем мы сравниваем то, что оцениваем.

Итак, все имеет свою судьбу. Каждая вещь на данном этапе эволюции имеет искру сознания, в которой отражается то, ради чего она существует, ее собственная судьба. На самом деле, эта судьба является лишь только отправной точкой, ведущей к новым путям, к новым далям, о которых ни сейчас, ни впоследствии мы не можем даже мечтать.

Все мы идем навстречу собственной судьбе. Чем более мы продвигаемся по пути, тем более открываем, что каждая судьба имеет свою метафизическую сторону. Далеко за пределами нашего физического тела и физического мира есть загадочное Нечто, и оно постоянно зовет нас, направляя все наши шаги, подобно отцу, ведущему по пути любимого сына.

Да, Предопределенность существует, но в ней нет ни боли, ни тревоги. Такая Предопределенность несет в себе радость и жизненную силу, ибо указывает нам новые пути и новые дали, пока недоступные нашему пониманию, к которым мы должны приближаться шаг за шагом, даже неся с собой все свои боли и страдания. Эта неизбежная Судьба дает нам толчок, чтобы идти и идти навстречу загадочной Метаистории, которую мы не можем понять, но которую каждый из нас в глубине своего сердца чувствует.

Но все это может прекрасно сочетаться с нашей свободой выбора, которую мы также должны понимать не как нечто абсолютное, а, скорее, как нечто более или менее относительное. В рамках великого метаисторического продвижения по пути эволюции мы можем создавать нашу собственную историю, и мы в ответе за все, что создаем, и за все, что делаем. Ибо хотя верно, что все повторяется, движется и возвращается на круги своя, с другой стороны, ничто никогда

не повторяется таким, каким было прежде. То, что происходит сейчас, в данный момент, — уникально и неповторимо. В таком виде и в такой форме оно никогда больше не вернется, и в каком-то смысле оно, на самом деле, никогда не существовало. Поэтому каждое мгновение ценно и священно именно тем, что мы из него делаем здесь и сейчас, поскольку оно никогда больше не повторится таким, каково оно в данный момент. И потому мы в ответе за то, что сейчас с нами происходит, за то, чтобы не опускать руки и не опускаться самим. Ибо тот, кто, полностью веря в неизбежность судьбы, позволяет, чтобы его уносило течением жизни, рискует превратиться в бревно, которое может разбиться в щепки. Каждый человек имеет шанс, возможность идти по пути согласно своему ритму и своим способностям; но, какими бы ни были его ритм и способности, он должен двигаться вперед, постоянно совершенствуясь и очищая самого себя.

Есть люди, которые плетутся по пути еле-еле, есть другие, шагающие решительно и прямо. Есть люди, которые ступают по пути, опираясь на всех окружающих, а есть другие, идущие так, чтобы остальные могли опереться на них. Есть люди, для которых вовсе не важно, будут ли они идти по головам других и сколько людей пострадает, пока не осуществятся их интересы и желания. Но есть другие, для которых не важно, сколько людей пройдут по их головам, если таким образом можно помочь им продвинуться по пути. Не все люди одинаковы, уравниловка — это один из мифов XX века. Все мы разные: у нас разные лица, разные вкусы, разный образ жизни. Но это не значит, что мы противостоим друг другу, что мы друг для друга враги. Именно благодаря различиям мы можем объединить все те элементы, которые нужны, чтобы продвигаться по пути эволюции.

Истинный философ — тот, кто действительно ищет Истину, — должен привыкнуть идти рука об руку с Мистериями. Он не всегда может объяснить все, что происходит, и должен принимать то, что не может понять. Ибо желание все понять, все знать, все выразить в цифрах и в словах — это проявление тщеславия. Люди XIX века сильно ошиба-

лись, когда говорили: «Да что же еще теперь остается изобрести?» Изобретя первые паровозы, первые прототипы машин, двигавшиеся со скоростью двадцать километров в час, они полагали, что уже изобрели все. Но сколько всего было изобретено после них — столько же останется изобрести после нас с вами. А сколько еще осталось вещей, которые мы хотели сделать, но забыли, или которые не хотели, но все-таки совершили.

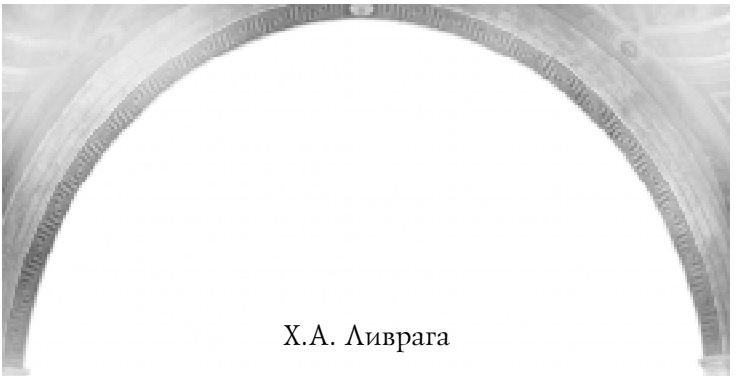
Итак, мы должны научиться идти по пути, как будто ведем за руку маленького ребенка — ибо он является символом Тайны. Часто в инициатических Мистериях та часть Бога, которая живет внутри нас, а также и вне нас, изображалась в виде ребенка, улыбающегося и несущего в руках факел — для того чтобы мы могли лучше видеть, куда идем и куда ступают наши ноги. Этот ребенок, сопровождающий нас на пути, представляет то внутреннее сокровище, о существовании которого мы ничего не знаем. Он напоминает о том, что каждый из нас должен хранить в своем сердце хотя бы маленькую долю скромности, а еще — твердую веру в самого себя, в человечество и в Бога. Я имею в виду не Бога христиан, евреев или мусульман, но ту великую, загадочную Сущность, которая глубже и выше любой проявленной формы. Я имею в виду Того, кого каждый из нас несет в глубине своего сердца, чью любовь и покровительство мы чувствуем постоянно, в жизни и в смерти.

ЧЕЛОВЕК С БОГОМ НИКОГДА НЕ ОДИНОК.

Когда человек чувствует присутствие Бога, он не может быть одиноким. В рамках собственной судьбы он может делать все, что захочет и о чем мечтает.

ЧЕЛОВЕК С БОГОМ ВСЕГДА В БОЛЬШИНСТВЕ.

Мадрид, февраль 1987 г.



Х.А. Ливрага

ВЕРИМ ЛИ МЫ В ПРЕДСКАЗАНИЯ?

Слово «предсказание» (от латинского praesagium — букв. «предвещание») обозначает знание о событиях будущего благодаря приметам или явлениям, видимым или невидимым для обычных людей, но всегда воспринимаемым и потому значительным для тех, кто сумел развить в себе дар пророчества. Этот дар божественного, или, можно сказать, парапсихологического свойства с самого начала сопутствует истории человечества.

В страхе перед невзгодами и в поисках счастья человек обращался к прорицателям, магам, астрологам, медиумам, чтобы каким-то образом попытаться приоткрыть завесу над своим будущим, индивидуальным или коллективным.

Даже сегодня, на исходе XX века, предсказания и пророчества, несмотря на всеобщий скептицизм, по-прежнему имеют огромное психологическое значение.

Несколько месяцев назад[1], во время моей последней поездки во Францию, я видел, насколько жители города Лиона были обеспокоены визитом папы. Причина заключалась в пророчестве Нострадамуса, гласившем: «Римский понтифик, ты приблизишься к городу, омываемому двумя реками. Кровь

[1] Статья написана в 1980 г.

твоя пойдет горлом. И твоя, и кровь твоих людей, когда распустится роза».

Дело в том, что город Лион омывают две реки: Рона и Сона, а в городе в изобилии растут розы. Не было недостатка и в тех, кто упоминание о цветке соотносил с розой, венчающей эмблему Социалистической партии.

В конце сентября, когда я пишу эти строки, седьмой преемник святого отца в местечке Арс доказал, что пророчество уже исполнено и Иоанн-Павел II подвергнется в Лионе не большему риску, чем риск стать жертвой терроризма, охватившего всю Францию. Отец Тевенар имеет в виду папу Пия VI: он умер от воспаления легких, в результате которого у него горлом пошла кровь, в 1799 году в Валансе, городке вблизи Лиона, омываемом двумя реками, в большом доме, который был знаменит своим розовым садом.

Загадочный французский мудрец, известный нам под именем Нострадамус, жил с 1503 по 1566 год. Его астрологические «Центурии» и другие сочинения, некоторые из которых сегодня считаются апокрифами, охватывают целый ряд событий будущего — приблизительно 550 лет после его смерти. Его версия этих событий настолько туманна, что различные исследователи не смогли прийти к единому мнению практически ни по одному из эпизодов. Поэтому одни его считают настоящим ясновидящим, указывающим на события, которые неизбежно должны произойти, а другие — мистификатором, который использует игру слов, в результате чего одни и те же слова могут соотноситься с самыми разными личностями, с самыми разными эпохами. Но в целом, если воспринимать его слова буквально и не напускать еще большего тумана своими собственными комментариями, можно обнаружить ряд описаний поистине пророческого свойства, хотя их число и невелико.

Тем, кого удивляет тот факт, что христианский католический священник говорит об этих пророчествах так, словно действительно верит в них, хочу напомнить, что вся история римской церкви (как и других ветвей христианства) полна ссылок на предсказания, и немало пап (например, Силь-

вестр II и Григорий VII) с упорством, достойным восхищения, посвящали многие часы изучению так называемых оккультных наук. Лишь тонкая грань между «пророчествами», исходившими от Бога, и «предсказаниями», вдохновленными дьяволом, спасла их и многих других священников от костров инквизиции.

В самой Библии упоминается девять разновидностей прорицания:

1. Меонен, как ее называет Моисей. Это так называемая судебная, или апотелесматическая, астрология. Ее практика состояла в наблюдении и слежении за всеми звездами и природными явлениями на небе.

2. Менашех, т. е. прорицательство, согласно Вульгате и практически всем другим переводам.

3. Мескашеф, или колдовство с использованием оккультных и вредоносных практик, как его квалифицируют Вульгата и Септуагинта.

4. Итоберон, или волшебство, чародейство.

5. Оракулы, вопрошавшие пифий.

6. Индеони, или ворожба и магия.

7. Некромантия, или взывание, обращение к усопшим.

8. Рабдомантия, или гадание на палочках, о котором упоминает пророк Осия.

9. Гепатоскопия, или гадание по печени.

Примеры весьма распространенной веры в эти явления можно найти в самых развитых цивилизациях, от египтян до китайцев, от этрусков до майя. Все они верили в то, что существует возможность узнать будущее. И эта вера была так сильна, что и во времена Римской империи, уже после ее раскола на Западную и Восточную части, и даже во времена Византийской империи под страхом смертной казни были запрещены гадания на будущее императоров.

Геродот, которого называют «отцом Истории», приводит множество таких фактов, как, например, история об одном правителе с Востока, которому прорицатели предсказали, что причиной его смерти станет колесница. Узнав об этом, он приказал, чтобы в его владениях не осталось ни одной колес-

Микеланджело Буонарроти. Моисей.
Скульптура из ансамбля мавзолея папы Юлия II.
1513–1516 гг. Рим, церковь Сан-Пьетро ин Винколи

ницы. Он умер в своем дворце во время мятежа, пригвожденный к трону мечом... на рукояти которого была изображена колесница.

Этот и множество других примеров заставляют нас задуматься над смыслом вопроса, вынесенного в заголовок этой статьи: можем ли мы верить в предсказания?

Действительно ли будущее уже предначертано и неумолимо? И если это так, то в чем заключается свобода человека, свобода его выбора?

Попробуем ответить на эти вопросы с точки зрения философии.

Как древнейшие учения, так и современные открытия и теории о строении Вселенной указывают на существование метафизической силы, соотносимой с нашим понятием Воли, которая посредством законов Природы разумно управляет всеми вещами и явлениями и наделяет их определенными свойствами. Таким образом, становится очевидна цель, лежащая далеко за пределами собственно механических структур Космоса. Для всех вещей существует путь и предопределенный, продуманный порядок, или дисциплина, при которой возможность случайности исключена. Случайность уступает место причинности, или гармоничному соотношению между причинами и следствиями, которые, в свою очередь, являются причинами дальнейших следствий.

Великие технические достижения нашей цивилизации стали возможны не вопреки этим законам Природы, а, напротив, благодаря следованию им и использованию природных свойств исследуемых явлений. Это необходимо четко уяснить. Самолет поднимает сотни людей на высоту в тысячи метров не вопреки физическим законам Природы, а благодаря неукоснительному следованию им и определенной их комбинации. Изобретатели ничего не «изобретают»: они лишь открывают и используют то, что ранее было неизвестным — но не было несуществующим. Новым может быть только сочетание элементов, которые уже существовали в Природе. Именно этот результат мы и называем изобретением.

Энергия заключалась в атоме с начала времен. Людям в результате их исследований удалось высвободить ее. Но, с другой стороны, в Природе этот процесс происходил и ранее, в том или ином месте и времени проявленной Вселенной, иногда через равные, а порой через неравные промежутки времени. Именно понимание и использование соотношения «пространство-время» и дает возможность человеку управлять явлениями, опираясь на их природные свойства.

Эти соображения приводят нас к двойственному заключению: существует и космическая упорядоченность, и способность людей открывать законы, которые Космосом управляют. В свою очередь, люди используют эти законы в силу собственной воли, которая, в конечном счете, есть не что иное, как проявление космической Воли, поскольку ничто не возникает из ничего.

Понятие «творение» вновь осознано нами как проявление.

Существование гармонично развивающейся Вселенной предполагает наличие универсального замысла, плана, который по определению должен включать в себя все персональные планы.

Из этого мы могли бы сделать вывод о существовании того, что индийские философы тысячи лет назад обозначили как Садхана, или Смысл жизни, Дхарма, или правящий Закон, и Карма, или совокупность действий и их последствий в рамках этого Закона.

В таком случае, как мы могли бы изменить направление хотя бы одной ниточки нашей судьбы? Рассматривая то, что Платон называл послушанием природе вселенских законов, мы обнаруживаем, что в этом послушании заключена и некая доля свободы, которая развивает в человеке склонность к рассуждению и поиску истины. Кажущееся противоречие (с точки зрения логики) между послушанием и свободой на самом деле не является таковым, поскольку то, что кажется реальным, в действительности реальным не является. Заблуждение вызвано тем, что мы стремимся оперировать абсолютными истинами, которые на самом деле являются относительными, какими бы незыблемыми они ни казались в

определенный момент. Все наши понятия о большом и малом, новом и старом, близком и далеком — это лишь чистые иллюзии, порожденные нашим эгоцентризмом, поскольку мы определяем ценность вещей в зависимости от своих физических размеров, продолжительности своей жизни либо своего местонахождения.

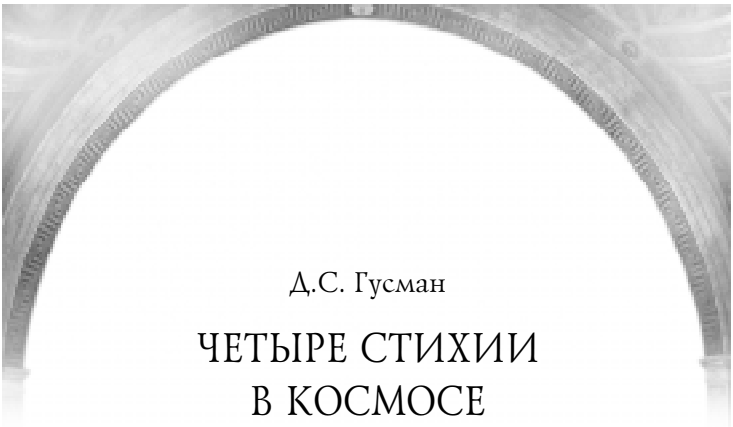
И поскольку очевидно, что существует путь, на котором произойдут все события, — и это подтверждает, что предсказания имеют право на существование, — мы не можем отрицать, что человеку мудрому, обладающему даром предвидения, который движется не против течения жизни, а, напротив, умело плывет по ее руслу, удается, лавируя, причалить к тому или иному берегу реки, если только какая-то неведомая высшая сила не помешает этому.

Настоящие предсказания становятся неотвратимыми из-за отсутствия у нас собственных знаний, в результате стратегии бездействия, которую мы вырабатываем в ходе своей жизни, и, что самое важное, вследствие нашей неспособности реагировать на непредвиденные обстоятельства.

Таким образом, то, что уже запланировано для нас судьбой и определено нашей индивидуальной кармой, изменить невозможно. Но мы все же можем — с большим или меньшим успехом — научиться жить в согласии с новыми обстоятельствами, возникающими в ходе наших поисков того большого счастья, которого мы достойны.

Да, мы можем верить в предсказания, но мы также должны верить и в самих себя, и в Милость Божью, которой лучше, чем кому-либо, известно, что на самом деле больше всего подходит нашей душе и судьбе всего мира.

Отбросим страх. Как говорил император-философ Марк Аврелий, «что может случиться с человеком такого, что не было бы свойственно человеку?».



Д.С. Гусман

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ В КОСМОСЕ И В ЧЕЛОВЕКЕ

По определению Платона, стихии, или элементы, — это то, из чего состоят и на что распадаются сложные тела. Иными словами, стихиями являются простые, изначальные субстанции, которые, согласно эзотерическим традициям всех древних цивилизаций, лежат в основе и Космоса, и человека.

Отметив в общих чертах, что представляют собой эти стихии, хотелось бы пояснить, почему речь идет о четырех из них. Числу «четыре», как и числу «семь», во всех учениях, пытавшихся найти объяснение существования мира и живых существ, придавалось большое значение. Число «четыре» взято не наугад. Оно неразрывно связано с Космосом.

В традиции всегда существовали представления о четырех базовых элементах, составляющих Вселенную, Макрокосм и Микрокосм (то есть, в том числе, и человека), хотя на разных языках они назывались по-разному.

Этими четырьмя элементами, или стихиями, являются Огонь, Воздух, Вода и Земля. Данные термины нам всем хорошо известны и знакомы, однако эти элементы не вполне совпадают с тем, что мы называем огнем, воздухом, водой и землей, хотя и включают в себя эти понятия.

Слово «космос» вызывает у нас ощущение чего-то огромного, бесконечного, не поддающегося ни осознанию, ни

исчислению настолько, что словно бы ускользает от нас. Мы предпочитаем не думать о нем, все предлагаемые объяснения кажутся нам фантастическими, лишенными логики, скорее, результатом воображения, нежели чего-либо другого. Именно в этом секрет Космоса: согласно древним традициям, он является третьей ступенью сложного процесса, который обычно представлялся в виде треугольника. Первый этап этого процесса — Хаос; но хаос не как беспорядок, а как бесконечность, как то, что потенциально может однажды проявиться. За бесконечным Хаосом следует Теос. Этот второй этап заключает в себе сумму схем, идей и понятий, способствующих преобразованию первоначального Хаоса, его организации и систематизации. И, наконец, третья фаза процесса — Космос, который возникает и формируется на основе обоих предыдущих элементов: Хаоса, дающего бесконечность, и Теоса, придающего форму и порядок.

Космос, пользуясь терминологией древних учений, начинает развертываться, материализоваться, или, иными словами, последовательно приобретает более конкретные формы, проходя через семь стадий, или элементов, этого процесса.

Тот факт, что из них нам известны четыре, еще один — лишь отчасти, а два других остаются тайной, вынуждает нас сосредоточиться на тех, которые мы знаем хорошо. Низшим, самым конкретным, материальным элементом является Земля. Далее следуют более тонкий элемент — Вода, еще более тонкий — Воздух и самый тонкий — Огонь. За ними должен идти пятый элемент, который назван Эфиром и характеристики которого еще неизвестны.

Земля соотносится с материей, со всем, что имеет размеры, что можно взвесить, измерить, переместить. Земля — это то, что имеет конкретную форму, вес, причем не только в масштабах Космоса (форма планет и звезд), но и применительно к человеку (то есть его тело).

Вода символизирует жизнь, пронизывающую материю. Это энергия, омывающая ее, сила, побуждающая материю к действию, чтобы та не оставалась инертной. Это то, благодаря чему мы можем ходить, говорить, иметь температуру,

можем утверждать, что мы живые. Вода дает жизнь всему, что движется в Космосе, подчиняясь непреложным и математически безупречным законам. Таким образом, Вода — это жизненная энергия, «кровь» Земли, ее жизненная сила.

Воздух — это «психе», душа, сочетание наших эмоций и чувств; это то, что определяет наше отношение к вещам — положительное либо отрицательное, то, что движет нами в плане чувств. В этом суть Воздуха: выражение чувств, мир эмоций.

Огонь — это мир мысли, идеи. Причем процесс происходит на абстрактном плане и может быть воспринят лишь столь же абстрактным инструментом, каковым у нас является мышление. Такова природа Огня в Космосе.

Мы ведем речь о космических элементах, но говорим также и об элементах человеческих. То, что в Космосе является первичными субстанциями, непостижимым для нас образом воплощается в материю, в человека: Огонь как разум, Воздух как чувство, Вода как жизненная энергия, Земля как тело.

Так Макрокосм как бы создает свое подобие — Микрокосм, то есть человека, и наделяет его тем же содержанием, тем же строением, теми же характеристиками в миниатюре. Таким образом, благодаря Макрокосму человек связан с Космосом и может стремиться познать свои тайны. Более того, эти тайны привлекают его, поскольку в природе людей заложена природа Космоса. Тело для человека — это то же, что тело для Вселенной; то, что является жизненной энергией для человека, является ею же и для Космоса; то, что составляет сферу его чувств, представляет собой то же самое и в большем масштабе, и то, что мы называем менталитетом, есть одновременно Огонь для всех Вселенных, чье существование мы сегодня ощущаем интуитивно и надеемся обнаружить в дальнейшем.

Всегда существовало нечто более глубокое, неизведанное не только в отношении самих элементов (в том смысле, как они нам открываются в Природе), но и в отношении загадки человека, объединяющего в себе все четыре элемента. Мифы, дошедшие до нас из глубины еще более древних времен, повествуют, что, подобно тому как сейчас мы пребываем в состоянии

людей, когда-то раньше мы прошли через состояние минералов, как бы будучи элементом Земля. В результате множества циклов эволюции мы пребывали в состоянии растений, являясь элементом Вода, прошли через стадии эволюции животного мира в рамках элемента Воздух и, наконец, достигли человеческой стадии эволюции, относясь уже к элементу Огонь, что было ознаменовано возникновением мысли, мышления.

Когда древние люди обращались к богам стихий, или элементов, поклоняясь Огню, Воздуху, Воде и Земле, они не имели в виду лишь их физические проявления, а интуитивно чувствовали присутствие чего-то, стоящего за земными явлениями, ощущали сокровенную суть, лежащую в основе стихий.

Для древних всегда оставался бесспорным тот факт, что планеты и звезды — это не мертвые образования, вращающиеся в пространстве безо всякой логики, а живые тела, в своем развитии подчиняющиеся действию законов эволюции и заключающие в себе дух, точно так же как и человек — вследствие этой постоянной взаимосвязи между Макрокосмом и Микрокосмом.

Отсюда стремление человека к пониманию своей духовной сущности — чтобы в дальнейшем осознать другие сущности, одухотворяющие Природу. Поэтому говорилось о богах элементов. Более того, считалось, что эти четыре основных элемента многократно подразделяются, и каждый, соответственно, состоит из семи более мелких. Таким образом, существует бесконечное множество подэлементов, которыми управляют те, кого древние называли элементалами. Это слово, смысл которого часто остается для нас недоступным, обозначает сущностей, управляющих маленькими элементами, подэлементами, подразделениями элементов. Когда мы говорим об огне, воде, воздухе и земле, с которыми сталкиваемся ежедневно, речь ведется именно о подразделениях элемента Земля.

Огонь — это элемент, лежащий в основе наиболее ярких символов всех религий, не только на уровне божеств или сущностей, представляющих Огонь, но и в плане строительства храмов.

Пирамиды Менкаура, Хафра и Хуфу в Гизе, Египет

Например, пирамиды. Все конструкции, заключающие в себе типичную конфигурацию из квадрата, лежащего на земле, и треугольников, устремленных вверх, как пламя, и сходящихся в конечной точке, — это храмы, посвященные Огню. Само слово «пирамида» заключает в себе понятие Огня (от греческого «пирос» — «огонь»). Эти храмы устремлены к тому, что находится вверху и содержит в себе все остальное, в том числе то, чему всегда придавалось большее значение, чем всему остальному.

Примечательно, что во всех цивилизациях особо значимыми были боги, ассоциировавшиеся с Огнем. При этом не следует забывать, что в этих случаях имелся в виду Огонь не только как физическое явление.

Алхимики утверждали, что четыре элемента соотносятся с металлами: Огонь — с золотом, Воздух — с серебром, Вода — с ртутью и Земля — со свинцом. Особый интерес вызывает также соответствие четырех космических элементов четырем психологическим качествам человеческой личности: Огонь связан со Знанием, Воздух — со Смелостью, Вода — с Желанием и Земля — с Молчанием. Вкратце коснемся того, что имели в виду алхимики.

Если Огонь — это ум, способность мыслить, понимать, работать с идеями, то Огонь несомненно подразумевает Мудрость. Таким образом, Огонь — это Знание, а Знание — кульминация человека.

Воздух — это Смелость, храбрость, которая помогает нам прийти к знанию. Это нечто большее, чем сила; это импульс, вера. Дерзать — значит бесстрашно бросаться вперед, чтобы достичь Мудрости.

Вода — это Желание. Иными словами, для того чтобы быть смелым и мудрым, сначала надо по-настоящему захотеть. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Мы привыкли говорить «хочу в отпуск», «хочу посмотреть фильм». «Хотеть» стало словом малозначащим, и, следовательно, оно практически не отражает волю к действию. Но это качество гораздо более глубокого свойства. Оно идет из самой сути человека и простирается до последних этапов человечества.

И, наконец, элемент Земля соответствует Молчанию. Молчание — первый этап пути. Во всех древних цивилизациях мы обращаем внимание на тот факт, что великие знания носили эзотерический характер. Почему эзотерический? Почему закрытый? Да потому что если не молчать, очень трудно захотеть; если нет тишины, очень трудно дерзать, очень трудно знать.

Те, кто был большим знатоком человеческой души, например Пифагор, считали обязательным для своих учеников пребывать в молчании в течение пяти лет (так называемая акусматическая ступень Пифагорейской школы). Было ли это тяжким испытанием? Молчание — необходимый инструмент для того, чтобы ученик смог научиться основному — слушать. Не только слушать все, что вокруг, но слушать самого себя, обрести спокойствие, подавить в себе вихрь, заставляющий постоянно хотеть все больше, даже не зная точно, чего именно хочется.

Сейчас, когда мы пытаемся что-либо усвоить, в первую очередь работает критика и лишь потом — знание; сначала мы задаемся вопросами: «почему?», «как мне это объяснят?», «как будет то, как будет это?». Произносится так много ненужных слов, что конкретного результата достичь практически невозможно. А все древние школы владели чудесной тайной молчания, знали, что сначала надо понять суть, а потом уже все остальное.

Именно молчание было призвано стать завесой на пути к сокровенным учениям — не для того, чтобы утаить их, а чтобы сохранить, защитить от тех, кто, не понимая и не умея применить, употребил бы их во вред, а не на благо.

Многие из нас хотят (почему бы и нет?) работать с этими учениями, даже не всегда понимая, что они из себя представляют. Опасность заключается не в нашем любопытстве. Опасность в том, что, поскольку эти учения находятся в зависимости от законов или природных процессов, мы, не зная их, можем совершить серьезные ошибки, нанести значительный вред себе и всему окружающему. Молчание было своего рода способом защиты, предохранения, не по злому

Джованни Страдано.
Алхимики. XVI в.

умыслу, а, наоборот, из-за огромного чувства ответственности.

Отсюда — эзотеризм как замок, на который запирались знания. Поэтому сегодня мы часто замечаем, как мало у нас слов и выражений, с помощью которых можно было бы вести разговор на эти все еще непривычные для нас темы. До того непривычные, что, не будучи предметом каждодневного обсуждения, они как бы ускользают от нас.

Но все же древние, искусные эзотерики, оставили нам ключ, способный открыть запертую дверь и проникнуть сквозь молчание. Это символы. Символы, составляющие универсальный язык, доступ к которому имеют все люди, независимо от того, на каком языке они говорят.

Когда мы хотим сберечь, оградить что-либо, нам требуется минимальное количество простых, понятных символов. Но Природа также таит в себе великие символы, за которыми, как правило, сокрыты великие знания. Четыре стихии содержат великие ключи для понимания, которые могут быть применены как к Космосу, так и к человеку, как к великому, так и к малому.

Наша задача — расшифровать эти символы, обучиться их загадочному языку и вновь понимать друг друга, общаясь на едином языке, вновь почувствовать себя братьями в единой традиции, в едином знании. Вновь вернуться к истокам, обрести прежние корни, прежнюю судьбу и путь к этой судьбе. Тогда, вероятно, и возникнет чувство братства, которого нам сейчас так не хватает.

Ни «Новый Акрополь», ни я лично не ставим целью полностью раскрыть затронутые здесь темы. Они заслуживают более глубокого анализа, требуют больше времени. Я предлагаю открывать символы и управлять ими. Я хотела бы, чтобы все мы захотели и смогли вернуться к подлинным, настоящим, глубинным элементам, которые принадлежат нам, потому что пришли из глубин нашей Истории. Я хотела бы, чтобы все мы вместе смогли устремиться к цели, к основам, к тому, что мы называем будущим, к БУДУЩЕМУ ИСТОРИИ.

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ МЕЧТЫ

Х.А. Ливрага

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ МЕЧТЫ

Лекция

Мы полагаем, что каждый человек в душе — философ. Мы полагаем также, что нет такого университета, который создавал бы философов, как на конвейере. Любой человек может получить диплом, ученую степень или определенные технические знания, но нет университета, который на пустом месте мог бы «слепить» из человека готового философа, поэта, музыканта. Тягу к философии каждый человек несет глубоко внутри себя.

Philo-sophos — влюбленный в мудрость и в сокровенную суть всех вещей — живет внутри каждого из нас. Дело только в том, что, как говорил Сократ, мы должны вновь встретиться с самими собой, чтобы узнать философа в глубинах собственной души и чтобы в этом магическом зеркале увидеть свое истинное лицо.

Именно это наше истинное лицо — наша сокровенная Душа — будет вдохновлять нас сегодня в попытке поговорить о том, как осуществляются мечты. Ибо эта глубокая часть нас самих неразрывно связана с загадочным и таинственным миром, в котором живут Архетипы и Мечты, пронизывающие все физические вещи и явления. Мы все точно знаем, что существует, например, закон гравитации, благодаря которому горные реки текут к морю. Но сам по себе этот

закон является лишь только обычным механизмом, за которым — как, между прочим, и за любой вещью или явлением — стоит невидимая «Душа», сокровенная Сущность, им управляющая. Эта сокровенная Сущность и есть Мечта. Река в нашем примере тоже содержит в себе Мечту... То есть река остается рекой, но течет она потому, что когда-то мечтала об этом. И птицы когда-то мечтали о том, что будут летать... И каждый из нас когда-то мечтал о том, что станет таким, каков он сейчас.

У каждого из нас есть много прекрасных грез. Они могут быть связаны с семьей, с искусством, наукой, с экономическими, социальными или политическими достижениями. Все люди о чем-то мечтают, и мы должны очень осторожно создавать свое представление о каждом человеке, чтобы, не дай бог, не обидеть его, оставив без внимания это драгоценное качество, присущее всем нам. Иногда по тому, как человек одет, как он выглядит и как ведет себя, мы судим, умеет ли он мечтать. Это ошибка, ибо так или иначе все мы способны мечтать, все мы находимся в контакте с тем внутренним измерением, где живут Архетипы и Мечты. Иногда, в редкие моменты внутреннего спокойствия, когда на какое-то мгновение все проблемы и заботы внешнего мира отходят на второй план, в самых глубоких и сокровенных уголках своего сердца мы можем почувствовать, как наша Душа улетает на крыльях Мечты. Мы слышим, как таинственные голоса шепчут нам стихи, которые мы так никогда и не запишем на бумаге, потому что слишком стеснительны, чтобы осмелиться на это... В шелесте листьев на ветру нам слышится волшебная мелодия, которую мы так никогда и не преобразуем в ноты, потому что не играем ни на одном инструменте, потому что вообще ничего не знаем о музыке... Иногда к нам приходят прекрасные идеи о том, как осуществить давно задуманное нами, но мы не можем довести дело до конца, потому что не хватает необходимых экономических средств...

Внутри нас существует загадочный мир Архетипов. В нас звучит идущий из глубины веков зов, стремление к совершенству, к добру, к согласию, к любви. Этот зов, сильный и

могущественный, никогда не умрет, никогда не покинет нас, никогда не состарится. Не имеет значения, сколько времени прошло и сколько теперь нам лет, ибо зов остается... В таинственных глубинах нашей души живет Мечта — и зовет, зовет, зовет...

Как осуществляются Мечты? Мы много раз говорили о семеричном строении природы, точнее, о том, что природа делится на семь планов существования. Подобно тому как существуют семь дней недели, семь музыкальных нот, семь основных цветов, существует универсальная семеричная система, на которой основана вся жизнь Вселенной. Загадочное число «семь» правит всем проявленным миром... Оно управляет также и таинственным процессом осуществления мечтаний.

В природе есть сокровенный план — измерение *Воли;* все существующее на этом плане изначально чисто. Вспомним, что рассказывал об этом измерении Шопенгауэр, говоря о чистых Идеях, чистых импульсах, о загадочных «числах» и «сущностях», которые живут за пределами материального мира, но вдохновляют и дают толчок для развития всего, что в этом материальном мире существует. Этот сокровенный мир Архетипов не знает смерти, он не подвержен разложению, до него не доходит никакая пошлость и грязь, столь свойственная миру земному.

За измерением Воли находится план, дающий возможность прямого созерцания и познания сути всех вещей без посредничества кого-либо или чего-либо, — план *Интуиции*. Примером такого познания может послужить ситуация, когда человек, приезжая в Грецию, впервые в жизни видит, например, Парфенон. Ничего не зная о греческой архитектуре и археологических памятниках, уже с первого взгляда он с с полной уверенностью может сказать, что Парфенон прекрасен. Так же и каждый из нас всегда может сказать о любом предмете, красив он или нет. Мы не всегда согласны с мнением других и часто отмечаем, что критерии красоты у всех разные, но в любом случае, для того чтобы определить, красива вещь или некрасива, нам не нужно, чтобы кто-то

подсказывал или учил, как это делается. В каждом из нас живет загадочный голос, некий таинственный и непреклонный Судья, помогающий отличить прекрасное от дурного во всем, что нас окружает. Именно благодаря этому внутреннему голосу мы сразу чувствуем, привлекает нас что-то или отталкивает.

Опускаясь на план «ниже», мы находим измерение *Разума*. Древнегреческие философы считали, что Разум дает возможность глубокого понимания и познания. То же самое значение мы находим в латинском варианте этого слова: intellectus переводится как «понимание в действии» или «способность понимания», то есть способность проникновения в сокровенную суть вещей.

Еще «ниже» находится измерение *ума*. По своей сути это своеобразный мир желаний, полностью отличающийся от трех предыдущих; можно сказать, что в нем уже проявляется вечный принцип дуальности. Наш ум двойственен. Для того чтобы понять что-либо умом, мы должны прибегать к сравнениям, к выводам и заключениям, к гипотезам и предположениям, нуждающимся в проверке. Наш ум всегда работает с нашими собственными желаниями и потребностями, ему меньше всего интересна вещь сама по себе, его интересует, чем она может быть полезна, на какой срок годна, сколько будет стоить денег, усилий и т. п. Нашему уму свойственно строить предположения и гипотезы, в чем-то выигрывать, в чем-то проигрывать.

Опускаясь еще «ниже», мы встречаемся с миром *психики*. В нем рождаются и живут наши фантазии, которые мы иногда ошибочно называем мечтами. Психический мир больше, чем все остальные, подвержен постоянным изменениям и заставляет человека постоянно метаться из одной крайности в другую. Этот мир — мир эмоций, чувств и ощущений — является источником внезапных симпатий или антипатий, которые мы испытываем по отношению к существам или вещам окружающего мира. Есть, например, люди физически непривлекательные, которым несмотря на это присуще какое-то особое обаяние, нечто прекрасное и очаровательные

ное, притягивающее нас. Они могут даже ничего не говорить — за них скажут их глаза, их улыбка, и мы почувствуем, что они нам очень интересны. С другой стороны, есть люди, которые внешне выглядят весьма привлекательно, всегда хорошо одеты и, может быть, даже очень популярны в обществе, но несмотря на это оставляют нас равнодушными. Их лица ничего нам не говорят, ничем нас не притягивают, а иногда даже чем-то отталкивают, хотя мы сами не знаем чем.

За психическим планом, неразрывно связанным с планом Интуиции, находится *энергетический план*. Все материальное пронизано энергетическими потоками, все живущее в мире материи обладает особой жизненной силой, особой «энергией», которая поддерживает жизнь внутри любой материальной оболочки, дающей возможность существовать «во плоти». Так, опускаясь «ниже» энергетического измерения, мы доходим до хорошо известного нам *физического плана* — мира конкретных проявленных материальных форм.

Как проявляются Мечты? Существует высший, тонкий, абстрактный мир Идей и Архетипов, превосходящий наши возможности понимания настолько, что мы не в состоянии описать его в категориях цвета, формы или размера. В этом мире Архетипов живут наши Мечты. Они опускаются поэтапно, шаг за шагом, следуя таинственному Закону воплощения в материю, чтобы предстать перед нами в своей окончательной, проявленной форме. Согласно утверждениям философов-классиков, Мечты не являются творением человека, они существовали до него: Мечты предшествовали человеку. В качестве Архетипов Мечты существовали с самого начала Бытия.

Приведем еще один пример. До того, как в мире родился первый математик, первый специалист по арифметике, было ли два плюс два равно четырем? Несмотря на то что никто этого не знал и никто не говорил об этом, два и два в сумме составляли четыре, точно так же, как и сейчас. Две тысячи лет тому назад, так же, как и сейчас, существовал процесс старения и смерти физического тела, хотя в то время никто не исследовал его научными методами и никто не сформу-

лировал его как закономерность со строго научной точки зрения. Я хочу сказать, что все это уже существовало в Природе, независимо от того, был способен человек открыть для себя эти закономерности или нет. За гранью нашего понимания и независимо от него в Природе заложены естественные изначальные модели и схемы существования. Сегодня мы говорим о том, что в музыке есть семь нот, мы делим неделю на семь дней, опираясь на знание о движении планет и циклах времени... Но все это уже было заложено и воплощено в самой концепции строения Вселенной.

Именно так существуют Мечты — наши друзья, волшебные, очаровательные и таинственные сущности, никогда не покидающие нас... Они живут в своем сокровенном, архетипальном мире — шалуны и озорники, рыцари и дамы, лучи света и цвета радуги, таинственные, неведомые нам голоса, музыка, которую мы так и не смогли услышать, языки, которые мы так и не смогли выучить. Они словно драгоценности, скрытые в золотом ларце Пандоры, откуда никогда не исчезает надежда, где хранятся все наши священные воспоминания, все наши Мечты, которые рано или поздно должны будут осуществиться.

Как осуществляются Мечты? Они проявляются постепенно. Сначала мы осознаем их как проявление и действие вечного импульса Воли и лишь потом начинаем интуитивно предчувствовать, что наш Архетип, наша Мечта уже стала опускаться, стала воплощаться в форме. За предчувствием идет следующий этап, на котором мы должны понять суть этой Мечты, ради чего она существует и в чем состоит, и тогда к процессу подключаются наш ум и наши желания. С того момента, когда рационально и логически мы расставляем вещи по своим местам и когда начинаем понимать, что путь, ведущий к нашей Мечте, имеет свои конкретные этапы, мы начинаем по-настоящему желать (на плане психики), чтобы эта Мечта осуществилась. Если все мысли и вся наша внутренняя сила сосредоточены на том, о чем мы мечтаем, сильное желание психики, особенно если оно подкрепляется постоянным вниманием, в конечном итоге приводит

к тому, что, получая импульс жизни, со временем все возрастающий, наша Мечта оживает.

Позже мы, конечно, можем осознать, что для окончательного осуществления Мечты нам не хватает конкретных средств и конкретных условий, например, денег. И, возможно, мы сразу вспомним, что есть Мечты, которые не так уж легко осуществить на практике. Но мы коснулись уже другой темы, о которой можно было бы рассуждать до бесконечности. Причины возникновения таких ситуаций бывают разные. Обычно это столкновение противоположных интересов, порой нашу Мечту ограничивают реальные условия или Мечты других людей, а иногда осуществление Мечты связано с выявлением самых разнообразных исторических «долгов», «хвостов», которые волочатся за нами, словно большой груз, тормозящий весь процесс. Случается, что наши Мечты осуществляются не так, как хотелось бы, из-за необдуманности, нереальности наших планов и фантазий. Как бы то ни было, для того чтобы осуществилась любая мечта, нужно упорно и без устали тренировать свою волю, учиться владеть собой, а также необходимо научиться желать по-настоящему. А для этого недостаточно просто думать о вещах и существах, являющихся частью нашей Мечты. Мы должны научиться любить их.

Вспоминая собственный опыт, могу сказать, что я искренне мечтал о школе «Новый Акрополь» и сильно, от всего сердца желал, чтобы эта мечта воплотилась. Я стал основателем этой Школы и сегодня с гордостью могу сказать, что она существует уже в 27 странах мира[1]. 22 года назад[2], когда я мечтал о Школе и когда она начала создаваться, для этого не было никаких реальных условий, а у меня самого не было никаких материальных средств, но, несмотря на это, дело пошло. Нужно возобновить связь с духовным миром, с этой великой сокровищницей духовной силы, находящейся

---

[1] Лекция была прочитана в 1979 г. Сегодня «Новый Акрополь» существует уже в 45 странах мира. — *Прим. ред.*

[2] Школа была основана в 1957 г. — *Прим. ред.*

высоко «на небе», далеко за пределами материи, откуда черпают вдохновение наши Воля, Интуиция и Высший Разум. Там живут наши Архетипы, наши Мечты, которые мы осуществляем сейчас или осуществим потом, в подходящий момент.

Там живет то, что вдохновляло Дон Кихота — рыцаря, который, как говорили, жил безумно, но умер разумно... Впрочем, кто знает? Может быть, все было наоборот? Может быть, он жил разумно, а умер безумно?.. Ибо нет большего безумия, чем придавать такую важность материальным вещам, хотя на первый взгляд это и кажется разумным... И нет ничего, что могло бы более приблизить нас к Истине, чем наша способность мечтать глубоко и сильно и стремиться объединить наши сердца на одной волне, смотреть в одном направлении, петь и беседовать вместе, быть вместе.

Мы должны мечтать. Но, мечтая, мы не должны стать похожими на японского или китайского «мудреца-отшельника» с большим круглым брюшком, сидящего себе спокойно в одиночестве и смотрящего на небо. Мы должны научиться мечтать всей силой своего сердца, упорно и терпеливо, пока слезы не потекут из глаз. Мы должны мечтать так, чтобы почувствовать, как сжаты наши зубы, ощутить вкус крови во рту. Мы должны мечтать, напрягая мускулы и закрывая глаза... Мы должны пробудить всю силу своей воли и устремить ее к Мечте, которую хотим осуществить... Мы должны пробудить в себе внутреннюю силу Души, которая отличает нас от животных, ту силу, которая позволит нам по-настоящему мечтать, сражаться и творить.

Если бы даже сегодня весь мир разрушился, если бы человечество вдруг потеряло все свое искусство, всю свою науку, всю свою философию, если бы исчезли все наши города, дороги и другие достояния цивилизации, а на Земле осталась бы одна только пара, умеющая по-настоящему мечтать, то мир вновь мог бы возродиться. Вновь вернулись бы на Землю наши дети, библиотеки, стихи, картины. Мир вновь обрел бы свои храмы, свои Парфеноны, свои пирамиды... Ибо даже один человек несет в себе Архетипы всего человечества.

Каждый из нас каким-то образом отражает собой всех людей нашей планеты. В каждом из нас живут все мечты людей, живших на Земле раньше нас, и тех, кто только будет на ней жить. Каждый из нас несет в себе скрытые потенциалы, настолько сильные, что мы сами не осмелились бы о них и подумать. Но для их проявления нужны упорство, стойкость и настойчивость. Мечты осуществлять не легко, напротив, это очень тяжело, именно поэтому мы должны научиться быть упорными. Чтобы осуществились наши Мечты, мы должны делать усилия, трудиться постоянно, из года в год, из месяца в месяц, изо дня в день, из часа в час, из минуты в минуту.

Мы не должны позволить умереть нашим мечтам, если они у нас действительно есть и если мы воистину живем ими. А если нет собственной Мечты, давайте следовать за Мечтой кого-то другого. Только, пожалуйста, не оставайтесь без Мечты. Мы не держим звезд на ладони, но научились устремлять свой взор к звездам, живущим на небе. Благодаря звездам, сияющим на небесных дорогах, люди научились направлять свои корабли, ориентироваться на воде и на суше. Мы не несем в груди источника чистой воды, но научились пить ее из родников в горах. Поэтому, если у нас нет своей Мечты, мы должны научиться следовать за Идеалом, который был бы для нас более великим и более возвышенным, чем все то, чем мы привыкли жить. Мы должны найти что-то, что помогло бы нам переосмыслить всю свою жизнь, устремить свой путь вверх, к Небу, и оставаться прямым, а не ползать, теряя человеческое достоинство. Не только снаружи, но изнутри мы — люди. Если даже внешне мы держимся и крепко стоим на ногах, а внутри продолжаем сохранять животные инстинкты: ненависть, страх, зависть, ревность, злобу, — то будем оставаться просто животными, переодетыми в человека, не людьми, а гуманоидами. Но если мы действительно люди, такие, о каких мечтает философия «Нового Акрополя», такие, какими бы хотел нас видеть голос совести, живущий внутри каждого человека, то мы найдем силы, чтобы подняться из болота, в котором увязли. Пре-

клонив колени перед Богом, мы найдем в себе силы высказать то, что давно жило в нашей Душе: «Я человек, у меня есть истинные Мечты. Я слышу внутри себя таинственные голоса, бессонными ночами они шепчут слова, которых я до сих пор не понимаю, но чувствую, что и во мне живут еще не рожденные стихи, музыка, еще не осуществленные стремления. Я не робот, не машина. Я выше всего этого, потому что я человек. Я могу исправить свои ошибки, стать лучше. Я в состоянии мечтать о чем-то высоком, о том, что превосходит меня самого. Я не запрограммированное существо, во мне живет тяга к творчеству, к созиданию...»

Только так все мы могли бы приложить усилия, чтобы добиться осуществления возвышенной Мечты о Новом человеке — о человеке, который уже не имел бы ограничений; который, родившись поэтом, мог бы полностью проявить себя и создать все свои стихи; который, родившись музыкантом, мог бы написать все свои мелодии; который мог бы жить и творить не вопреки природе, а заодно с ней, следуя естественным законам и очищаясь как извне, так и изнутри. Так мы могли бы мечтать о Новом человеке, который не знает страха, злобы и обиды, который, когда нас уже не станет, будет вспоминать о нас не с ненавистью и обвинениями, а с любовью и благодарностью, ибо мы мечтали о нем тогда, когда его еще не было. В эту темную пору истории, во время глубокого кризиса, среди всего того, что разделяет нас, в эпоху, когда разрушаются вечные ценности, а миром правят сомнение и эгоизм, мы осмеливаемся мечтать о Новом человеке, приход которого, возможно, будут сопровождать таинственные знамения. Может быть, его предскажут звезды на небе, а может быть, вновь появится комета, возвещающая о том глубоком, сокровенном и прекрасном, что родится в душе каждого из нас. Мы мечтаем о Новом человеке, который мог бы жить в наших городах, не загрязняя их; который мог бы использовать наши металлы, создавая что-то более нужное, чем оружие; который мог бы заполнять страницы наших газет и журналов чем-то более глубоким, чем сплетни, секс и насилие; который стал бы интегральным, целостным изнутри. Мы

мечтаем о человеке, который не продается даже за все золото мира, которого не могут испугать пули, угрозы, шантаж. Мы мечтаем о человеке, который реально осознавал бы собственное бессмертие и бессмертие людей, окружающих его; который понимал бы, что человек — это не робот из плоти и крови, а нечто гораздо более глубокое; который знал бы, что быть человеком — это значит быть молнией, лучом света в темноте; который почувствовал бы, что в данный момент истории быть человеком значит быть зерном Нового человека, маяком, светящим в ночи, указывающим путь всем потерявшимся во мраке.

Наш путь нелегок, и он не будет озарен нежным светом утренней зари — скорее всего, как сказал несколько лет назад один мыслитель, его будет освещать блеск молний, рожденных грозами. Наш путь идет через ночь, его освещают и мерцание звезд, и вспышки молний. Следуя этим путем, нам нужно будет пройти через участки тьмы — те, что ожидают сразу за углом, и те, которые только намечаются за дальними поворотами. Но мы должны помнить, что под воздействием света звезд и силы неба любая тьма мгновенно исчезает. Мы должны помнить, что именно благодаря этому может родиться тот новый, лучший человек, о котором мы мечтаем.

И тогда мы будем способны призвать наши Мечты, сделать так, чтобы они опустились, обрели форму и плоть. Вновь на ладони наших рук, наполненные семенами будущих творений, прилетят белые голубки вдохновения. Вновь вернутся в мир Гомеры, поющие божественные гимны, и гении искусства, способные создавать бессмертные творения. Вновь мы сможем гордиться тем, что мы люди. Вновь станет возможным объединить людей всех национальностей, рас, взглядов и языков и прийти к такому истинному и великому общечеловеческому согласию, о котором мечтал и которое предчувствовал Август, когда говорил: «Да объединятся все народы и все люди, и да создадут они между собою такое единство и такое согласие, чтобы больше ни один коршун не нападал на голубя и не причинял ему вреда, чтобы больше

ни одна стрела никого не убивала...» Эта потребность мечтать и осуществлять свои мечты, маленькие и великие, даже такие, как мечта о Новом, лучшем человеке, заложена в основе философии и философского пути, и именно она дает человеку силу и способность воплотить мечты, позволить им приобрести конкретную форму. Каждый из нас есть мечта. Каким-то образом вы мечтали обо мне, а я мечтал о вас. Мы встретились, потому что мечтали друг о друге и еще потому, что встретились и узнали друг друга уже давно, в нашем мире грез.

Мы должны узнать, вспомнить, кто мы на самом деле — пламя свечи, луч света, блеснувший на горизонте. Мы люди, мы философы, мы зерно Нового человека. В нас живет великая сила, способная осуществить то, о чем мечтал Сервантес в своем «Дон Кихоте»: превратить великанов в ветряные мельницы, а не ветряные мельницы в великанов. Вспомните, как Дон Кихот яростно бросился на мельницы, поверив, что это огромные чудовища, и как Санчо предупреждал его: «Осторожно, господин, это же мельницы!» А благородный рыцарь ответил ему: «Нет, это чудовища, наши враги. Вперед!» Кинувшись на мельницы с копьем в руках, он упал на землю. Видя все это, Санчо заметил: «Разве я не говорил Вам, господин, что это мельницы?» — и Дон Кихот ответил: «Разве я не говорил, Санчо, что есть вещи, которым учат только в рыцарских орденах? Те, кому неведомо это учение, никогда не поймут, что, как только ты осмелишься напасть на чудовище, оно тут же превращается в ветряную мельницу...» Именно этому мы должны научиться, именно эту истину мы должны запечатлеть в своей душе и почувствовать, что она стала неотъемлемой частью нас самих. Именно эту истину мы должны хранить в своем сердце и уме.

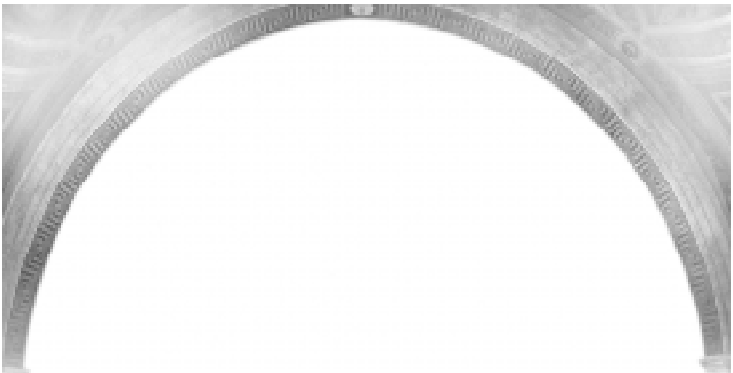
В каждом письме, которое мы пишем, в каждом слове, которое произносим, в каждый момент общения с другим человеком — и даже когда остаемся одни, даже в ванной, мы должны сохранять свое человеческое достоинство. Мы должны помнить, что за нами тысячи и тысячи лет истории, а впереди — тысячи и тысячи лет будущего; что мы звено в

великой цепочке; что на нас лежит историческая ответственность донести древние семена до Нового мира и засеять ими Новую землю.

У нас хватит сил каждое утро просыпаться и подниматься обновленными, словно возрождаясь из пепла. Кем бы мы ни были, что бы мы ни делали, мы должны пытаться делать это хорошо, так, как учит нас философия. И стараться выполнять свою работу как можно лучше. Мы должны быть внимательными и чуткими.

Нам нужно всегда поддерживать связь с миром, который ожидает нас после смерти, чтобы чудесно встретить нас, окутав светом и покоем исполненного долга.

Мадрид, июль 1979 г.



Х.А. Ливрага

«НЕВОЗМОЖНЫЕ» МЕЧТЫ

Делия и Фернан: Для любого молодого человека, имеющего внутренние устремления, очень важно больше узнать о той духовной силе, которая воплощается в Мечтах и Идеях лучшего мира — мира, который, похоже, удаляется от нас по мере того, как мы делаемся старше, ибо трудности, окружающие нас, так сильны и многочисленны, что если к ним подходить с точки зрения взрослого человека, то они кажутся непреодолимыми. И мы спрашиваем: «Что же делать с „невозможными" Мечтами?»

Следует прежде всего осознать, что нет невозможного, а есть лишь ставшее невозможным. Столкнувшись с проблемой, было бы ошибкой пытаться изменить ее суть; от нас требуется лишь одно — найти адекватное решение. И хотя это решение будет отвечать сути проблемы и даже может быть заложено в ней самой, мы не должны искать его исходя лишь только из самой проблемы. Наш разум должен находиться вне ее, чтобы видеть ее со всей объективностью.

Из книги «Письма Делии и Фернану».

Идея о том, что нет невозможного, а есть лишь ставшее невозможным, подводит нас к пониманию того, что неразрешимых проблем не существует. Этот позитивный и рационально-оптимистический подход уже сам по себе становится шагом к разрешению любых трудностей. Он не даст нам ключа к разгадке, но поможет сориентироваться, найти правильное применение своим возможностям, направит нашу работу в нужную сторону и не даст усилиям пропасть даром.

Для того чтобы достичь результатов и не поддаваться отчаянию, мы должны развить позитивное мышление и дополнить его знанием циклов Природы. Рассвет невозможен в полночь, но можно зажечь один или множество огней, которые хотя и не смогут заменить Солнце, но все же скрасят ожидание его восхода и, может статься, позволят приняться за труды, которым темнота была помехой. Сейчас человечество вступает в вечернюю пору, и сумерки еще только начинают сгущаться. Логично предположить, что в столь неблагоприятных условиях Мечты окажутся еще более трудноосуществимыми. Да, это так — но невозможными они не станут. Если мы научимся зажигать необходимые нам огни и не поддаваться панике, жизнь не столкнет нас с еще большими проблемами. Мой собственный философский опыт научил меня, что когда Мечта превращается в тщательно оберегаемое сокровище, лелеемое всеми силами Души, то Мечта эта выживает, преодолевает трудности и распространяется по всей Земле, находя новые сердца, которые несут ее в себе.

Я знаю, что приятно говорить о «творческих способностях» и что они считаются одной из высших добродетелей идеалистов. Однако всякий, кому действительно приходилось создавать что-либо, прекрасно знает: ничто, от поэмы до империи, не может быть «создано» в нынешнем значении этого слова, когда оно стало синонимом «изобретения». «Создаваемое» приходит к нам, и если мы не воплощаем его, не питаем своей энергией, то оно возвращается туда же, где находилось прежде, — в загадочный мир Мечты. Поэма, например, если это настоящая поэма, может расцвести в душе

в самый неожиданный момент; и если в эти мгновения ей не придать значения из-за абсурдности времени ее появления, она исчезнет, покинет нас так же, как и пришла. И то, что удастся ухватить впоследствии, воссоздать рассудком, опирающимся на воспоминание об этом «импульсе», будет лишь печальным отблеском того, что открылось нам вначале.

Д. и Ф.: Значит, можно считать, что существуют «банки», «хранилища» Идеалов и Мечты, а кажущийся «творец» — лишь своего рода антенна, улавливающая их?

Да, думать так вполне правомерно. Существует мир Архетипов, откуда «приходят» все вещи и явления, если не оформившиеся, то в зародыше. Эти Архетипы являются частью Божественного Плана существования и просто «воплощаются» или проявляются, если для этого складываются подходящие условия и приходит соответствующий момент. В большинстве случаев этот момент «творческого» импульса мы можем вызвать сами, настраивая свой духовный приемник в резонанс с Архетипом.

Гончар «мечтает» о своем сосуде, но ему следует запастись глиной, чтобы изготовить его, обладать необходимым умением, чтобы под его руками мечта не исказилась, нужна печь, чтобы закрепить созданное из податливого материала. Вы уже убедились, что я признаю необходимость суммы некоторых условий, которые бывает трудно создать и которые могут требовать много времени и невероятных усилий. Однако это не делает такие условия невозможными. Все, о чем один человек может мечтать, он сам или другие способны воплотить. Если бы существовало нечто действительно невозможное, мы не могли бы даже представить его, ведь уже многие тысячи лет известно, что во Вселенной «что вверху, то и внизу»... и наоборот.

Так что наши Мечты неизбежно оказываются важными и значительными, ибо, уловленные, они уже не исчезают, а стремятся укрепиться, независимо от того, хороши они или плохи. Не только сверху, из невидимого, можно менять про-

явленное и конкретное, но также и снизу, отсюда, можно загрязнять или облагораживать это «хранилище» Идей и Мечты. В этом заключается одна из основных ответственностей всех людей — ведь если посредством воображения или простой фантазии усиливается мощь призраков зла, то они смогут найти на Земле того, кто их воплотит. К счастью, «невозможные» Мечты, даже слишком прекрасные или альтруистичные, также обладают этой способностью к нематериальному существованию в ожидании того, кто окажется достойным воплотить их.

Символы, знамена, штандарты являются катализаторами этого процесса «кристаллизации». Поэтому древние цивилизации, с их магическим вдохновением, в сражениях в первую очередь стремились овладеть неприятельскими знаменами, хоругвями и другими символами; для них это было куда важнее, чем разгром и пленение вражеского войска, ибо им было известно нечто такое, о чем человечество впоследствии забыло.

Небольшая группа людей, объединенная определенным мировоззрением и вдохновляемая своим символом, может больше, чем толпа, лишенная этого. Ибо через мировоззрение и веру проявляются высокие Сущности, способные творить чудеса. Это показали, например, императоры Ашока в Азии и Константин в Средиземноморье.

Бытующее сейчас представление о том, что ничто не может процветать без начальной поддержки деньгами и людьми, уже было развенчано историей. Сила количества, численности — лишь вторичный фактор. Вождь или лидер избирается не людьми, но Богом. Как и поэт, музыкант, художник, философ. Разве народ избрал Августа, Иисуса, Платона, Леонардо, Сервантеса, Шекспира, Бетховена, Наполеона, Кюри, Эйнштейна, Александра, Гомера?

Задумайтесь над этим, пусть даже это и покажется вам детскими сказками — ведь сегодня это обычно понимается именно так... «Худший слепец тот, кто не желает обрести зрение». Тем, кто не верит ни в Господа, ни в Его знамения, очевидное представляется пугающим и зловещим; они не

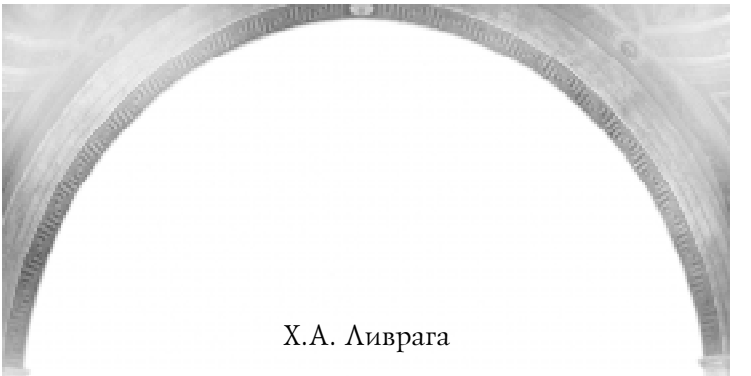
ведают о существовании людей, воплощающих Судьбу, хотя вся история развивалась именно благодаря им.

Именно они воплощают Мечты, которые казались неосуществимыми, они указывают нам путь надежды и действия. Те, кто способен уловить Архетип и умеет воплотить его в том виде, в каком он им явился, так, чтобы не нарушилась связь между его Сутью и его существованием, не нуждаются ни в критике, ни в похвалах. Они не пропустят тот момент, когда Мечта явится им, и, если Идеал окажется им созвучен, они последуют за ним, но не как овцы в стаде, а как соратники, готовые разделить с ним труд, учение и победу.

Остерегайтесь заблуждений, которые могут родиться из ложного понимания идеи Кармы и известного принципа «оставляй до следующего воплощения то, что не можешь сделать в этом». Хотя по сути это верно, ибо мы не можем в одной жизни совершить все, что хотели бы, но все же всякая жизнь неповторима, как и каждый день и каждый час. Пусть знание Законов Природы не побудит молодых к отступлению и не заставит спасовать перед жизненными трудностями. В каждое мгновение мы должны воплощать Судьбу и в то короткое время, что отпущено нам, брать на себя максимальную ответственность. Нужно действовать быстро и успевать сделать много. Нужно научиться ценить не только целое, но и каждую его часть, сколь бы мала она ни была. Не следует задаваться вопросом: «Что мне делать с этой моей жизнью?», ключевым должен быть вопрос: «Что я сделаю сегодня, прямо сейчас?»

Никто не может подняться по лестнице иначе, чем по ее ступеням. Никогда не сопротивляйтесь Законам Природы, если хотите преуспеть в своих начинаниях и воплотить свои Мечты, насладиться ими сполна, увидеть их наяву.

Мало просто искать Истину, надо найти ее.



Х.А. Ливрага

ТАИНСТВЕННОЕ ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ

Быть философом — значит жить с высоко поднятой головой и стремиться все выше и выше к Небу, подобно копью, летящему сквозь ветер и туман, за пределы познанного и непознанного. «Философ» означает «любящий Истину», «любящий Мудрость»; это человек, который поиск Мудрости ставит превыше всего и подчиняет этой благородной цели все остальные жизненные интересы. Он подобен влюбленному, который, возможно, не всегда и не во всем руководствуется логикой ума, но зато живет и действует сердцем и потому твердо убежден, что непременно, рано или поздно, достигнет своей цели. Это человек благородный, мечтающий об Истине и Сокровенном, всеми силами пытающийся достичь того, что лежит за гранью материального существования, того, что он еще не до конца понимает, но предчувствует.

Тема, которой я хочу коснуться сегодня, — загадочное и трудное искусство побеждать. Говоря «побеждать», я не имею в виду покорять кого бы то ни было, выбивать двери, разрушать стены, чувствовать или быть убежденным, что другие слабее нас... Я имею в виду нечто гораздо более глубокое. Много лет назад у меня был учитель, который говорил мне, что *искусство быть счастливым* состоит в том, чтобы осуществлять свои мечты и достигать цели, но не за

чужой счет, не на основе несчастья других; в определенном смысле *искусство побеждать* также состоит в способности мечтать и добиваться осуществления своих мечтаний, но не используя других людей как ступени, ведущие к собственному успеху, не шагая по головам более слабых, не попирая ногами тех, кто, как нам кажется, вставляет нам палки в колеса и препятствует нашему движению. Побеждать можно совершенно иными, благородными способами, сражаясь за дело всеми силами и всем сердцем. Так в чем же состоит это таинственное *искусство побеждать*?

Есть люди, которые, кажется, пришли в этот мир под счастливой звездой, им везет, и все у них ладится. Есть и другие, которым, напротив, очень трудно дается каждое дело. А иногда появляются особые люди, избранники Судьбы и Истории. Порой кажется, что достаточно одного их присутствия, чтобы вокруг совершались подлинные чудеса.

Я вспоминаю один вечер в Греции, точнее в Македонии, два или три года тому назад. В тот вечер я плакал. Среди руин Филиппополя я читал фрагменты из писем Филиппа Сотера. Он рассказывал о походе с Александром, о том, что люди, когда Александр был с ними, поистине совершали чудеса. Однако когда Александр умер, эта способность совершать великие подвиги и творить великие вещи исчезла вместе с ним. Оставшись одни, его соратники оказались годны лишь на маленькие дела. Они хотели быть великими, но в каком-то смысле не могли превзойти себя, перестать быть маленькими и заурядными. Они не могли назвать себя сыновьями Бессмертного, Божественного Амона, ибо были лишь детьми смертных родителей.

Сколько раз, мои дорогие друзья, сколько раз мы сами мечтали о том, чтобы совершить нечто героическое, создать нечто удивительное и прекрасное! Сколько раз мы мечтали о том, чтобы стать примером, который могли бы увидеть другие и которому могли бы последовать, — но были в состоянии совершить лишь маленькие, никому не заметные шаги. Сколько раз мы хотели петь, как соловьи, сколько раз мы хотели летать, как орлы, — но из нашего горла

вырывались лишь слабые звуки, а мечты о полете сдерживались осознанием того, что сначала нужно хотя бы научиться ходить. Ведь нам еще идти и идти вперед, к бескрайнему горизонту, отступающему все дальше по мере того, как мы к нему приближаемся. Поэтому наши сердца философов все еще пытаются ответить на вечный вопрос: в чем заключается искусство побеждать? Почему одни побеждают, а другим это не удается?

Может быть, дорогие друзья, наша жизнь подобна проводу микрофона, который я держу сейчас в руках. Я шагаю вместе с ним, но не знаю его длины, не знаю, когда он кончится и остановит мое движение по этой сцене. Так происходит и в жизни. Мы должны быть очень бдительны, должны подготовить себя к тому, чтобы почувствовать мгновение, когда жизнь подведет нас к завершающему этапу и Судьба известит нас об этом, посылая великие трудности, чтобы, преодолев их, мы осознали высший предел наших сил и возможностей.

Уметь побеждать не означает превратиться в Александра, ибо не все могут стать Александрами, и еще менее вероятно, что внутри каждого из нас спит маленький, еще не раскрывшийся Александр. Каждый таков, каков он есть. Искусство побеждать состоит в том, чтобы стать самими собой, такими, какие мы есть на самом деле, проявить свою подлинную суть, свою душу, сердце и способности. И тогда уже не будет иметь значения, кем мы являемся, великим гением или «маленьким», «простым» человеком.

* * *

Во всех древних культурах и цивилизациях существовали системы обучения, называемые инициатическими и направленные на пробуждение скрытых потенциалов человека. Сегодня мы имеем туманные и довольно стереотипные представления о том, в чем заключалась инициатическая система древности. Обычно считают, что она состояла из рецептов и формул, предписывающих, как лучше жить. Представляется, что к человеку подходил какой-то Пифа-

Александр Великий на Букефале.
Бронзовая копия утраченного оригинала.
Геркуланум, музей

гор или Платон и поучал его: «Сегодня ты должен встать в таком-то часу, скушать на завтрак яйцо таким-то образом и никаким иным, а спать лечь так-то и так-то...» К сожалению, дело обстояло совершенно иначе; более того, по-видимому, пройти этот путь было вовсе не легко, иначе большинство людей того времени были бы посвященными и без усилий дошли до его завершающего этапа. Нет, путь Инициации был нелегок, но зато он был гораздо более человечным, чем любые другие пути и методы.

Сегодня мы смотрим на все через призму формул. Даже рассуждая о победах, триумфах, о решении сложных проблем, мы ищем какую-то «систему», на которой все основывается и которая обязательно должна работать. Если что-то

идет плохо, значит, виновата политическая система. Если в стране экономические проблемы, значит, плохо работает правительство...

У нас даже в мыслях нет задать себе вопрос: а нет ли здесь проблемы человеческой? Может быть, дело во мне самом? До какого предела можно говорить о заслугах или ответственности системы, и в какой момент эта ответственность заканчивается? С какого момента начинается ответственность и заслуги того божественного творения, той маленькой горсточки песка в Вечности, которая называется человеком и несет в себе часть божественного огня самого Творца? Ответственность и заслуги человека — имеют ли они вообще предел?

Человек сам по себе велик, в нем заложены величайшие богатства, огромнейшие возможности. Именно поэтому древние не пытались приписывать ему какие-то дополнительные сверхъестественные силы и качества, передавать какие-то супермагические, супертаинственные секреты. Скорее, их целью было способствовать тому, чтобы человек открыл в себе и пробудил скрытые способности души. Они старались, чтобы он освободился от всех мелких, глупых проблем материального мира, от теневой, «животной» части своей личности, из-за которой он мог бы озвереть и очерстветь, от своих страхов и от всего того, что могло бы остановить его восхождение по пути Мудрости. Они стремились помочь человеку возродиться и раскрыться изнутри, подобно белому лотосу, и проявить свои внутренние потенциалы вовне. Человек должен был проникнуть в скрытую суть вещей и подняться из сокровенного сердца всего сущего до небесных высот, до духовной мудрости, словно колонна храма, раскрывающая свою капитель высоко над землей. Не существует ни одной колонны с капителью внизу, все они возносятся ввысь. Древние оставили нам в наследство это глубокое знание, запечатлев его в своих творениях.

Я помню великий храм в Карнаке и огромное количество колонн с капителями. У колонн, удаленных от святилища, сокровенного сердца храма, капители подобны закры-

Колонны гипостильного зала храма Амона в Карнаке. Египет, Фивы. Капители колонн на переднем плане изображают закрытые лотосы, а на заднем — раскрытые

тым бутонам лотоса. У тех же, что находятся ближе к святилищу и ведут к нему, капители — словно цветущие лотосы, раскрывающиеся навстречу Солнцу. Это вечное учение, призывающее нас вновь вернуться к самим себе, к богатствам, сокрытым в глубинах нашего внутреннего мира, к тому центру силы, который есть в каждом из нас.

* * *

В инициатических школах древности человек обычно обучался, проходя четыре большие группы испытаний: Земли, Воды, Воздуха и Огня. Экзотерически, внешне, эти испытания и в самом деле были связаны с землей, водой, воздухом и огнем. Однако эзотерически это были испытания на способность контролировать определенные части нашей личности: физическую, энергетическую, психическую и ментальную, откуда возникает все, что мы представляем, воспринимаем, постигаем. Однако эти испытания были также и физическими, очень конкретными и весьма реальными.

Близ Сиракуз обнаружены остатки инициатического колодца — я видел их — с рядом боковых отверстий. Когда кандидат на посвящение спускался по ступеням ко дну колодца, очень темного, ничем не освещаемого, из невидимых для него отверстий высовывались руки, толкающие его, а невидимые голоса кричали: «Ты упадешь!» Представьте себе страх ученика, который и не подозревал, что внизу была натянута прочная сеть и он никак не мог погибнуть. Сегодня колодец практически полностью засыпан, видны лишь несколько метров, но в то время он был много глубже. Вообразите себе ученика, изо всех сил вцепившегося в камень, борющегося со своим страхом и пытающегося сделать хотя бы один шаг вперед...

Победить в данном случае означало не просто добраться до конца лестницы — это была бы только окончательная победа. Искусство побеждать состояло в том, чтобы идти шаг за шагом, преодолеть сначала одну ступеньку, потом другую, еще и еще... Одна из самых больших ошибок, которые мы обычно совершаем, состоит в том, что перед подъемом мы в

первую очередь бросаем взгляд на всю лестницу, от начала до конца, а потом решаем, в состоянии ли мы подняться по ней.

Психологически это не самый лучший подход к преодолению трудностей: лучше готовить себя к тому, чтобы подниматься постепенно, ступенька за ступенькой. Лучше задаться вопросом: «В чем моя проблема именно сейчас?» Нужно осознать, что в данный момент это проблема именно той ступени, на которой мы находимся, а не второй или третьей! Если поднимать взгляд слишком высоко — а это происходит со многими идеалистами и теми, кто занят духовными поисками, — очень легко оступиться на первых же ступенях и свалиться в пропасть. Мы обязательно должны знать, куда хотим придти, но при этом идти необходимо шаг за шагом, не планируя слишком далеко. Если, идя по пути, мы сумеем протянуть руки к Небу, всегда найдется какой-то ангел-хранитель, полный сострадания, реальный или воображаемый нами, который примет нашу руку и поможет нам идти дальше.

Вы знаете, как создаются лучшие мечи: они закаляются, переходя от жара к холоду, от холода к жару, способом поистине суровым. Может быть, и мы нуждаемся в закалке, в том, чтобы принимать удары жизни так же, как меч принимает удары молота. Тот, кто хоть раз видел работу кузнеца, знает, что за ударами молота можно услышать и другой звук. Это кричит металл, расплющиваемый на наковальне. Да, меч кричит, но выдерживает, кричит и выдерживает, кричит и выдерживает — и так до тех пор, пока это железо, которое было не более чем обыкновенным металлом, превратится, благодаря ударам, благодаря погружению в холодную воду или в таинственную трансформирующую субстанцию, в чистый стальной лист. Только так он обретает прочность, остроту и гибкость. Не напоминает ли этот процесс этапы нашей собственной закалки в жизни?

* * *

Недавно здесь, в Испании, я прочитал в последнем номере журнала «Новый Акрополь» статью о мечах. В ней

В. фон Ханшильд. Зигфрид в кузнице Регина.
Фрагмент росписи стены в замке Нойшванштайн. 1880 г.

есть японская притча о вишне и иве. Когда выпал снег, вишня с крепкими, жесткими ветвями держала его вес до тех пор, пока не сломалась. Ветви ивы более гибкие. Под тяжестью снега они склонялись все больше и больше, потом снег падал с них на землю, и тогда, освобожденные от тяжелого груза, они вновь выпрямлялись. Мы должны достичь такой же внутренней стойкости и выдержки, нам необходимо понять, что если мы падаем, то только для того,

чтобы вновь подняться. Никто никогда не падает окончательно, ибо все случающееся в этом мире проходит. Все в этом мире относительно, в том числе и наши успехи, и наши неудачи. Храня в сердце такую скромность, мы сможем по-настоящему двигаться вперед. Если нам удастся познать четыре стихии в природе и в нас самих, о которых мы уже говорили, — Землю, Воду, Воздух и Огонь — и добиться господства над ними, возможно, мы не станем еще волшебниками, совершающими чудеса, возможно, мы не будем еще достойны называть себя сыновьями Амона, но, по крайней мере, мы будем в состоянии совершать то, что раньше было нам не под силу.

Есть простые упражнения, которые помогут нам лучше понять это. Возьмите бутылку, наполненную водой, и держите ее в горизонтально вытянутой руке. Сначала бутылка покажется очень легкой — кто же не удержит килограмма? — однако постепенно тяжесть начнет накапливаться, и мы будем ощущать ее все сильнее. Чем дольше мы будем держать бутылку, тем сильнее будем чувствовать, насколько болезненно положение нашей руки, и вскоре нам покажется, что мы держим на весу целую корову.

Когда нарастающая боль в руке станет почти нестерпимой, совершите параллельно какое-нибудь другое действие, приведите в движение свою силу воли. Заставьте, например, свои глаза и ум сосчитать лампочки на потолке (не выпуская при этом бутылки и не изменяя положения руки). Вы обнаружите, что терпеть гораздо легче, когда вы держите ум под контролем, когда сосредоточены на чем-то другом, далеком от боли.

То же происходит и в жизни. Если вы позволяете, чтобы ум зацеплялся за каждую проблему, за каждую маленькую повседневную трудность, когда кажется, что вы вот-вот умрете от ее тяжести, за каждый страх, от которого вы не сумели освободиться, за каждое пятнышко грязи, от которой не сумели очиститься, ибо живете не в V веке до нашей эры, то вы не сможете встретиться лицом к лицу с Судьбой и выйти победителем даже из самой незначительной схватки с нею.

Мы должны попытаться «поднять свою руку», хотя бы немного освобождая ее от притяжения вещей материального мира. Мы должны пробудить свою волю, но не нарочито, не устраивая из каждого проявления воли спектакль. Воля в нас должна действовать естественно, как единая, интегральная сила всего нашего существа.

Сталкиваясь с большими трудностями и серьезными препятствиями, пытайтесь всегда выдерживать *одной минутой больше*. Не думайте о том, что вам придется терпеть еще час, день, год, всю жизнь, — нет, речь идет только об одной маленькой минуте, надо выдержать всего лишь минутой больше — а затем еще минуту, и еще... Вы увидите, что так, мало-помалу, минута за минутой, наберутся цифры гораздо более внушительные, чем если бы вы пытались выдержать все сразу. Мощь нашего ума поразительна.

Проведите еще один эксперимент. Посмотрите на часы. Отмечая по секундной стрелке, сколько реально длится одна минута, попробуйте параллельно определить и ее психологическую продолжительность. Представьте себе, что, когда секундная стрелка снова дойдет до верхней точки, совершив полный оборот, вы получите большой приз, испытаете огромное счастье (каждый может представить то, о чем мечтает). Вы увидите, как медленно во время этого «эксперимента» будет двигаться секундная стрелка; вам может даже показаться, что она не сдвигается с места. Давайте попробуем провести этот опыт наоборот. Представьте теперь, что, когда стрелка совершит полный оборот, разорвется бомба, заложенная под вами; вы обнаружите, как быстро, деление за делением, бежит стрелка. Некоторые даже скажут, что часы мчатся как сумасшедшие. Однако, несмотря на наше психологическое восприятие, часы всегда идут в одном и том же темпе. Что же меняется?

Наш подход, наш угол зрения. Если мы желаем чего-то с излишней страстью и слишком сильно переживаем, если мы мыслями слишком цепляемся за свои желания, они становятся для нас далекими и недоступными, а процесс их осуществления растягивается до бесконечности.

Мы должны придавать всем вещам то значение, которое они реально имеют; только так мы можем создать более реальное представление обо всем, что с нами случается, понять истинный смысл происходящего. Сегодня мы, как правило, гонимся за деньгами, за славой, за признанием: хочется, чтобы у нас была машина получше, чем у других, хорошая, большая квартира и последняя модель холодильника, делающая круглые кусочки льда... И так постоянно — мы всегда из-за чего-то переживаем, всегда в напряжении, всегда хотим иметь еще больше, ибо нам кажется, что того, что мы уже имеем, недостаточно. Нам всегда чего-то не хватает, мы всегда хотим приобрести какую-нибудь новую вещицу... Мы заражены тяжелой болезнью потребительства, глубоко пустившего корни в нашу душу, — одной из худших форм материализма.

Давайте научимся довольствоваться простым. Я не говорю о том, чтобы отказаться иметь больше. Я говорю о такой простой вещи, как жизнь в спокойствии и мире со своим сердцем и своей совестью. Когда мы обретем это, тогда уже можно будет подумать о том, как идти дальше и преуспеть чуть больше, и о том, действительно ли стоит делать это.

* * *

Секрет заключается в том, чтобы понимать, кто мы, *что* мы можем сделать и какими способами, и сосредоточить на этом все свое внимание и все свои силы.

На самом деле мы с вами гораздо сильнее, чем нам кажется. Каждый из нас, каким бы маленьким он ни был, имеет огромные потенциалы. Некоторые думают: «Я не буду писать стихи... В конце концов, кто же их опубликует? Я недостаточно талантлив... Я же не поэт, не профессионал...» Нам нужно перестать обращать внимание на это постоянное соревнование и сравнение с кем-то и чем-то, перестать придавать такое большое значение этому нездоровому «спорту», который навязала нам наша потребительская эпоха. Давайте избавляться от такого подхода, давайте делать вещи ради самих вещей. Если в вашу душу приходят стихи, если они

опускаются к вам подобно птице, прилетающей в свое гнездо, пожалуйста, не прогоняйте их! Примите их с радостью, сохраните их в памяти с благодарностью, ловите их на лету! Разве важно, что их никто не напечатает?!

Как вы думаете, что делали поэты, когда не было типографий? Как удалось Сафо, удивительной древнегреческой поэтессе, донести свои творения до всего мира, даже до средневековья, когда они, к несчастью, были уничтожены? Не было тогда ни издателей, ни типографий — но была поэзия, были стихи, и они передавались из рук в руки. На самом деле нам не нужны большие средства для того, чтобы наши творения, открытия и мечты стали реальностью. Книгу, которую я больше всего люблю, я начал писать, когда мне было 19 лет. Я никогда не думал, что ее напечатают, я писал просто потому, что так чувствовал.

Сколько же нас таких, несущих в глубинах своего внутреннего мира еще ненаписанные книги, множество самых разнообразных сокровищ, интереснейших идей, персонажей? Мы не должны удерживать их для себя, внутри себя — нам необходимо извлечь их, вынести наружу, показать миру, жаждущему вещей простых, естественных, искренних. Мир сыт по горло теми сложными, заумными системами, через которые ему преподносится все сегодня. Он жаждет непосредственности и искренности, обращения от сердца к сердцу, от мужчины к мужчине, от женщины к женщине, от личности к личности, от души к душе. В этом заключается глубокое значение древнеримского понятия *concordia* — *согласие* сердца с сердцем. Это не значит, что все мы должны стать одинаковыми. Уравниловка — это нечто стерильное. *Concordia*, согласие, не рождается само по себе, оно создается большими усилиями. Когда есть согласие, люди дополняют друг друга, словно зубцы шестеренок: выступающие зубцы входят в пустое пространство, оставляемое другими... В этом вращении и сцеплении зубчиков шестеренок скрыта прекрасная и глубокая символика. Если перенести ее на людей, объединенных согласием, то речь идет о прекрасной и реальной возможности передачи друг другу силы — силы духовной,

силы физической и, самое главное, *внутренней силы души*... Это и есть та загадочная внутренняя сила, которая несет победу, великую, окончательную победу, ожидающую всех нас на пути, ведущем к осуществлению наших мечтаний. А путь этот и наша окончательная победа сотканы из множества маленьких усилий, достижений и подвигов, *постоянных*, ежедневных, наполняющих наши сердца верой и вдохновением.

Возможно, вы почувствуете потребность писать картины, или рисовать, или сочинять стихи... Так, пожалуйста, делайте это! Неважно, узнают ли люди о ваших творениях, получат ли они всеобщее признание. По ту сторону мира людей, за гранью внешнего, за пределами видимого глазами есть другой, загадочный Судья, столь великий и столь таинственный, что при одной мысли о нем исчезают все наши мелкие домыслы и предположения. Судья этот столь добр и столь благороден, что мы даже представить себе не можем, как велико его сострадание. Он справедлив — столь справедлив, что его не могут обмануть внешние факты. За каждым действием человека он видит его душу, читает скрытые в ней намерения и судит не само действие, а *сердце*, вдохновляющее его.

И этот великий Судья развернет над нами свой покров и укроет, соберет и сохранит все наши маленькие удачи, наши маленькие грезы, все то, о чем мы мечтали глубоко-глубоко в сердце: стихи, которые мы так и не сочинили, картины, которые мы так и не написали, любовь, которую мы так и не пережили, возможности и шансы, которыми мы так и не воспользовались. Благодаря этому все наши еще не осуществившиеся мечты никогда не умрут. Таинственным и магическим образом они будут продолжать жить внутри нас, в том тонком и возвышенном мире, созданном из мечтаний и искуплений, которым пронизана наша бессмертная душа. И они будут сопровождать нас через тысячелетия, до тех пор, пока не пробьет час их проявления и полного осуществления.

Каждый из нас, даже самый маленький, даже тот, кто чувствует себя самым слабым и самым обделенным, даже

тот, кто убежден, что совсем одинок в этом мире, обладает способностью *побеждать*. Каждый из нас способен идти и идти к победе, совершая маленькие шаги, маленькие усилия, которые мало-помалу сложатся в постоянное движение вперед. Для этого не нужны ни какие-то особые формулы, ни чья-то специальная помощь: всегда можно идти вперед, всегда можно совершенствоваться, всегда можно становиться лучше. Каждый из нас должен искать свой собственный свет, свое собственное место в мире, и если мы счастливы там, где мы есть, это прекрасно, а если нет, то мы можем быть счастливы на другом месте. Главное — не причинять никому зла, а если нужно что-то сжигать, главное — сжигать воск собственной свечи, а не свечи соседа. Главное — это давать свет. Необходимо выбрать. Представьте, что у вас есть свеча. Что для вас важнее — иметь свечу или ее свет? Если вам достаточно иметь свечу, то вы всю жизнь будете идти в темноте. Если же для вас важнее свет, то вы должны понять великую истину: для этого свеча должна гореть! Вам придется найти спичку, очистить фитиль и позволить огню загореться. И не забудьте: пламя всегда вертикально, оно тянется к Небу, словно светящийся клинок.

Так или иначе, все материальное погибает, разлагается и исчезает. Древние говорили: «*omnia transit*» — «все проходит», все находится в движении, все идет своим путем... Все течет к морю, как текут к морю реки. Все имеет свою Судьбу! А что если нам вновь восстановить связь с Судьбой? И тогда мы увидим, как низвергаются с гор поющие потоки вечно движущихся вод. Какие воды чище? Те, что, сбегая с гор, бьются о камни, спадают каскадами и взрываются облаками белоснежной пены, или те, что трусливо застревают в болотах и заводях, оставаясь неподвижными и загнивая, так что никакое живое существо не может обитать в них?

Приложите усилия, чтобы ваш мир стал миром великих идей, чтобы благие мысли и благие чувства нашли приют в вашем сердце — и запели там, подобно птицам в ветвях деревьев, и хранили там тайны в благоговейном молчании,

подобно рыбам в морских глубинах. Помогите им жить в ваших великих Душах, свободных и прекрасных.

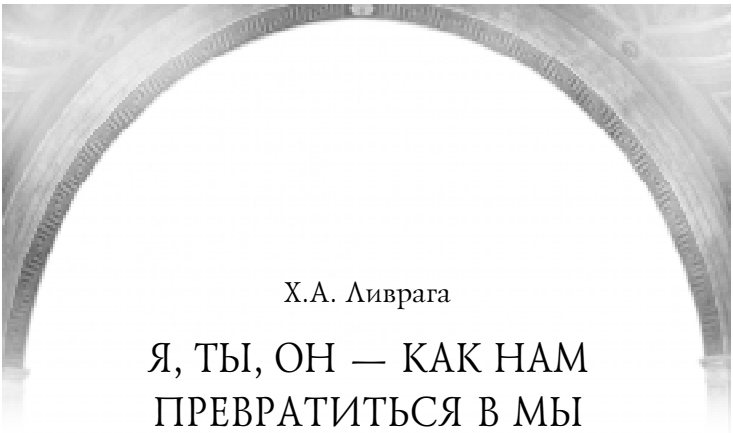
Не позволяйте себе падать, долго оставаясь согнутыми, вставайте снова и снова. Своими руками словно крыльями, словно когтями, поддерживайте стены Истории и устремляйтесь вперед, всегда только вперед. Все мы должны умереть и, может быть, все мы должны снова родиться. Все мы подвластны вращению великого Колеса Судьбы, великой Сансары. Но за пределами всего этого мы также подвластны великому закону нашей собственной Воли.

* * *

Несколько лет назад близ Фермопильского ущелья я обнаружил старинную надпись: «Гражданин, если ты придешь в наш город, скажи, что здесь погибли триста спартанцев, служивших своему Закону и исполнявших свой долг». Своим примером они сумели оставить след в Истории. Леонид не считал, сколько персов готовы его атаковать. Он просто знал, что необходимо защитить от них ущелье, ибо за ним оставались духовные и культурные сокровища Афин, которые не должны были попасть в руки врагов. Он сумел продержаться три дня, всего три, однако за эти три дня было спасено многое.

Где же они сейчас, эти люди? Где они, эти благородные воины, спросившие Леонида: «Господин, сегодня мы вступаем в бой. Не следует ли нам хорошо поесть, чтобы быть сильнее при встрече с врагом?» Леонид ответил им: «Нет, ешьте сегодня немного, ибо этой ночью мы будем на великом пиру у Плутона, бога мертвых». Не дрогнули воины, но лишь, взглянув на него, спросили: «И ты, Леонид, будешь на том пиру?» И он ответил: «Я буду первым». На это воины Леонида сказали: «Тогда этой ночью мы будем пировать все вместе, с тобой и Плутоном...» Где они сейчас, эти герои легендарных времен? Где же, если не в нас самих? Они не забыты, не потеряны, они просто погребены под тяжестью наших страхов, неуверенности, нерешительности и сомнений.

Как хорошо было бы сбросить с себя весь этот мусор и в современном мире увидеть вновь пернатые шлемы благородных и доблестных воинов древности, увидеть вновь свет Неба, сияющий среди руин крепостных стен, и услышать вновь музыку собственных шагов, звучащую в такт ударам сердца, бьющегося в груди. Победа! Победа! Победа!



Х.А. Ливрага

Я, ТЫ, ОН — КАК НАМ ПРЕВРАТИТЬСЯ В МЫ

Лекция

Итак, друзья, сегодня мы начнем наш разговор с темы, которую не назовешь простой. Действительно, сложно говорить о таких понятиях, как «я», «ты», «он», и о том, как нам превратиться в «мы». Сегодня для всех очевидно, что человечество появилось давно, бесконечно давно. Новейшие исследования все дальше и дальше в прошлое отодвигают ту эпоху, которую обычно называют «колыбелью человечества». Давно прошли времена, когда полагали, что человек появился на планете всего несколько тысяч лет назад, когда официальная наука считала человеческую цивилизацию совсем юной, совсем новой. Все археологические открытия заставляют нас признать, что человек — существо очень и очень древнее.

По мере того как мы погружаемся в прошлое — словно кто-то опускает руку в ящик иллюзиониста, — перед нами предстают различные творения человека, поражающие воображение: города, механизмы, инструменты, произведения искусства. В Америке, Европе, Азии и Африке — везде существовали свои формы видения мира, свой угол зрения, своя позиция. Кто-то стремился развивать красоту, эстетику и этику, кто-то — искусство политики, кто-то — науку, кто-то — просто-напросто модель сосуществования, которая по-

зволила бы обеспечить каждого самым необходимым. Но через все эти проявления мы прослеживаем некий импульс, присущий человечеству изначально, — стремление к объединению с другими людьми.

Люди верующие решали этот вопрос, говоря, что все мы — дети Бога, а если это так, значит, мы имеем общего Отца и образуем одну семью. Неверующие разрешали эту проблему несколько иначе, говоря, что все мы живем на одной земле и у всех нас есть право и необходимость иметь крышу над головой, хлеб насущный, немного достоинства и немного свободы. Каждый со своего угла зрения, со своей позиции хотел внести вклад в обеспечение человеческих потребностей. А врожденная потребность человека — это потребность к объединению, и необходимо найти пути решения этой задачи.

Самое древнее решение, самое старое из известных нам, сформулированное в доступной для нас рациональной форме, было предложено Платоном: троичное деление на Индивида, Общество и Государство. Мы не раз уже затрагивали эту тему, а сейчас рассмотрим ее под другим углом. Что подразумевал Платон, когда говорил об Индивиде? Он имел в виду не только человеческую персону, но и нечто более глубокое, что заключено в самом слове «индивид» — «неделимый»: то, что находится внутри каждого человека и не может быть отделено, то самое глубокое, что стоит за всем. У всех людей, у всех человеческих существ возникают эмоции, все имеют физическое, биологическое тело, разум, позволяющий мыслить; есть в нас и нечто, пытающееся работать интуитивно. Но, без сомнения, у каждого из нас есть еще нечто большее, что находится в самой глубине, нечто, что невозможно разделить, своего рода «наблюдатель».

Платон рассказывал об этом очень тонко и очень красиво. Те, кто хотя бы раз глубоко размышлял или занимался ментальной концентрацией, прекрасно знают, что, по мере того как прекращает работать психика и отступает «я», всегда остается что-то еще, что как будто наблюдает за всем происходящим. Сознание никогда не сможет достичь абсо-

лютной глубины вещей. Его всегда что-то ограничивает, оно всегда работает методом сопоставления или противопоставления чего-то чему-то.

Если я вам скажу: «Друзья, внимание! Закройте на минуту глаза и представьте белую точку, абсолютно белую точку», — как вы сможете себе это представить? Белая точка должна быть чем-то более светлым по сравнению с чем-то более темным.

Если я попрошу вас назвать мне что-нибудь большое, это может быть музей «Прадо». Музей «Прадо» вполне может представляться нам большим. Однако по сравнению с Мадридом или целым Иберийским полуостровом он совсем маленький. Если я попрошу вас привести пример чего-нибудь очень маленького, вы можете сказать «комар». Однако ваш комар, будучи действительно очень маленьким, в то же время является огромным и сложным чудовищем по сравнению с палочкой Коха, например. Таким образом, не существует ни белого, ни черного, ни маленького, ни большого — все двойственно.

Иными словами, при сосредоточении, когда наши мысли пытаются отыскать «индивида» внутри себя, они всегда сталкиваются с двойственностью, которую способен оценить лишь тот, кто находится вне этой двойственности, — та загадочная сущность, которая живет внутри нас самих и играет в нас роль Безмолвного Наблюдателя, пребывающего вне всех вещей. Этого Безмолвного Наблюдателя, которого нельзя выделить, которого нельзя разделить и которого нельзя разрушить, Платон и называл Индивидом. Таково его определение Индивида, его определение «я».

Платон подразумевал существование большого количества «я», потому что людей много. Следовательно, существует некое Общество, «я» и «ты», иначе говоря, базовый социум. Первичный базовый социум — это, конечно же, человеческая пара. Мужчина и женщина — это первичное сообщество, из которого образуются все остальные.

Платон рассматривал общество, где каждый человек для чего-то служит, поскольку, согласно его учению, нет людей

бесполезных, каждый мужчина и каждая женщина имеют свое предназначение. Когда нам кажется, что кто-то бесполезен, это означает просто, что мы не сумели понять, для чего он нужен. Твердая убежденность в том, что каждый человек для чего-то служит, составляет основу платоновского Общества. Платон полагал, что в группе людей всегда кто-то делает что-то лучше других. Предположим, что кто-то делает обувь, кто-то умеет ткать, кто-то шьет хорошую одежду, кто-то ваяет статуи. Тогда в обществе устанавливается взаимный обмен: тот, кто умеет делать обувь, делает ее для остальных, и все ходят обутыми; тот, кто умеет ваять красивые статуи, создает их для всех, и у всех в домах появляется это прекрасное украшение; тот, кто шьет одежду, шьет ее для всех, и все хорошо одеты.

Платон рассматривал Общество как разумное объединение всех «я», где каждый отдает не только для себя, но и для всех остальных. Так рождаются взаимоотношения между «я» и «ты», и становится понятно, каким образом могут сотрудничать «ты» и «я» и каким образом можно вместе сделать что-то, от чего выиграли бы все.

На этом Платон не останавливается. После Индивида и Общества он переходит к Государству. Я знаю, что сегодня слово «государство» имеет иное значение, отличное от того философского смысла, который вкладывал в него этот греческий философ. Сегодня, говоря о государстве, мы имеем в виду нацию или страну с определенным политическим режимом и т. п. Платон, понимая его таким же образом, помимо этого, однако, наделял его более глубоким смыслом. Он полагал, что в том человеческом объединении, которое мы называем обществом, найдутся люди, у которых некоторые достоинства более развиты, чем у других, и они смогут поставить их на службу остальным. Например, найдутся люди с более развитым чувством справедливости, чувством меры, силой воли, и они могли бы передавать свою волю или чувство справедливости всем остальным.

Таким образом, Платон, размышляя о Государстве, говорит нам о нас с вами, об объединении людей, в котором мы

можем принимать участие при наличии трех основных составляющих.

Первая составляющая — это осознание того, что существует в нас нечто неразрушимое, находящееся за пределами всего (мы могли бы назвать его Духом, Первопричиной и многими другими именами, но, чтобы избежать разногласий, не будем давать ему названия). Существует нечто, что постоянно «наблюдает» за всем, что мы делаем. И во мне сейчас есть это что-то, что видит вас и видит, как я с вами разговариваю, и слышит меня так же, как слышите вы. Таким образом, существует в нас некий процесс, который постоянно приводит нас к этой последней, самой последней точке.

Но помимо этой первой составляющей у нас есть еще и вторая — стремление к объединению, к сообществу человеческих существ, в котором существует взаимная поддержка, где все работают и помогают друг другу, как две руки. Руки противоположны, руки отличаются друг от друга, но, чтобы поднять что-то, нужны обе. Точно так же, чтобы чему-то научиться, чтобы воспринять что-либо от природы, чтобы иметь возможность питаться и расти, человечество нуждается в этом социальном чувстве.

Человечеству необходима и третья составляющая. Она может предоставить человечеству возможности и условия, для того чтобы оно могло почувствовать загадочные метафизические узы, связывающие его со Вселенной, со всем Божественным и Вечным. Эти узы — особые, они пробуждают состояния, идущие далеко за пределы материального мира и биологических порывов, дают возможность причастности к сокровенному. Ибо основным различием между человеком и животным (если основываться на рефлексах Павлова) является то, что животное повинуется своим инстинктам спонтанно. Когда оно голодно, оно ищет еду, когда хочет пить — ищет воду, когда в нем начинает говорить половой инстинкт — ищет способ его удовлетворить. Человек же может сдержать их, трансформировать, может сознательно сохранять свое время и энергию для тех или иных дел. Пред-

положим, мне страстно захотелось съесть бутерброд с ветчиной — но я же не выбегу сейчас из зала со словами «хочу бутерброд с ветчиной!», ведь вы пришли, чтобы слушать меня; кроме того, я следую основному человеческому принципу. (Я даже не буду говорить о воспитанности, поскольку это слово уже слишком извращено.) Основной человеческий принцип в нас — это возможность быть причастным чему-то. Но эта врожденная потребность человечества не раз разрушалась, уничтожалась, искажалась различными элементами культуры.

Как я уже говорил, человечество существует очень давно, и поэтому вряд ли следует вести отсчет, допустим, с протошумерской цивилизации. За время, прошедшее от картезианской эпохи до сегодняшних дней, установились определенные различия, сформировались определенные особенности, связанные с тем, что мы живем в сложном мире. Тем или иным образом эти особенности разделили нас, заставили пройти путь, обратный тому, что предлагал Платон, — путь регресса, путь, приведший нас к крайнему индивидуализму, который сам по себе не так уж и плох, если только не перерастает в эгоизм. Эгоизм же разделяет людей, в этом и заключается опасность.

Предположим, что у нас нет сегодня никакой конкретной темы, мы просто хотим побеседовать. И вот парадокс: наш культурный уровень позволяет говорить о чем угодно. «Вот Вы, к примеру, о чем бы хотели, чтобы я рассказал?» — «О философии». Хорошо, сеньору хочется, чтобы я поговорил о философии. И если я расскажу о категорийных императивах Канта, скорее всего, этот сеньор останется доволен и скажет: «Прекрасно, отлично». Но вокруг много других людей, которым нет до этого дела, и они будут скучать. Они ничего не поймут и спросят: «О чем же, в конце концов, он говорит?» — «Сеньора, а о чем бы хотели услышать Вы?» — «Я? О чем? О теософии». Предположим, я стану говорить о теософии, представлю вам учения, которые Елена Петровна Блаватская привезла с Востока, поведаю о Глобусах и Цепях, которые, согласно этим учениям, способствовали разви-

тию миров. Остальные же, те, кому это не интересно, что они смогут понять?! Какая получится связь между мной и вами? «А Вы, сеньор, о чем бы хотели поговорить?» — «Об археологии». Об археологии. И если я, например, стану говорить об открытиях Шлимана, тот, кто не интересуется археологией, спросит: «А кто он такой, этот Шлиман?»

Итак, мы увидели, что существует некий барьер, границы, разделяющие людей. И одним из таких барьеров, которые разделяют людей, является то, что мы сегодня называем культурой. Я еще раз отмечу, что то, что мы понимаем сегодня под культурой, это культура разрозненных специальностей, не связанных друг с другом, культура сект, культура партий (я имею в виду не политические, а именно культурные «партии»), которые сейчас в моде и которые собирают людей вокруг избранных ими идолов и кумиров. Предположим, мы будем говорить об искусстве, о своих кумирах в искусстве. Но сеньору, который хотел говорить о философии, сеньоре, интересующейся теософией, или сеньору, которого увлекает археология, будет неинтересно слушать об искусстве. И значит, говоря лишь только о своих кумирах в искусстве, я на самом деле занимаюсь культурой, но культурой в материальном ее значении, то есть тем, что разделяет людей, вместо того чтобы их объединить.

Чтобы вновь возродить те древние мировоззрения, которые тысячи лет старались объединить вокруг себя людей, нужна новая встреча. Иначе говоря, нам нужно заново встретиться с самими собой, нужно посвятить некоторое время размышлению над тем, кто мы. Кто я такой? Вот первый и основной вопрос. Что я здесь делаю? Я — это всего лишь набор клеток, немного костей и немного мяса? Я — результат случайной встречи моих родителей? Или, как говорил Юнг, мое истинное «Я» живет в том, о чем думали на протяжении тысячелетий, и я сам являюсь символом чего-то более глубокого? В любом случае, первым вопросом должен быть вопрос «кто я, зачем я здесь?».

Вот первый вопрос, на который мы должны сами себе ответить. Чтобы дойти до социальных чувств, нужно попы-

таться выйти за свои эгоистические границы. Нужно попытаться встать на позицию того, кто находится перед нами, увидеть и почувствовать себя таким, каким тебя видят и чувствуют другие. И я уверен, что если бы кто-то собрался напасть на другого, а с помощью магии или колдовства оказался на его месте, он вряд ли напал бы. Если бы тот, кто эксплуатирует, оказался «внутри» эксплуатируемого, почувствовал, как его притесняют, и взглянул на мир его глазами — он перестал бы быть эксплуататором. Если бы вор хоть на миг почувствовал, что значит копить свои сбережения, работая всю жизнь, а на закате своих дней в одночасье лишиться всего, — если бы вор оказался в шкуре этого человека, он ни за что бы не украл.

Все выглядело бы несколько иначе, если бы психологически и ментально мы могли выходить за пределы своей кожи. (Являясь для нас определенной границей, физической границей, выполняющей задачу объединения человека в тело, она превратилась в границу психологическую). Если бы я, предположим, наступил на ногу этому сеньору, то больно было бы ему, а не мне. Другое дело, если бы я наступил на ногу себе. Тогда эту боль почувствовал бы я сам. То есть если бы я мог оказаться внутри другого человека, если бы я каким-нибудь образом смог видеть и чувствовать, находясь на месте другого, с такой же интенсивностью, как на своем собственном, независимо от всех социальных, экономических, религиозных и моральных теорий, я чувствовал бы своего ближнего как самого себя и старался бы не навредить ему, старался бы приносить добро всем остальным, поскольку желаю добра самому себе.

С третьей стороны, если бы каким-то образом мы могли заложить основы культуры, которая не разобщает ни в интеллектуальном, ни в моральном, ни в эмоциональном, ни в высшем, ни в духовном; культуры, которая не создает племен; культуры, которая не отделяет одного человека от другого, — мы могли бы снова отыскать тот культурный модуль, который находится за пределами всех стандартных культур, который лежит вне всех старых структур, разделя-

ющих нас. Нам следует открыть этот модуль, тот модуль, который греки называли Философия — любовь или стремление к Знанию. Что греки вкладывали в понятие «знание»? То, о чем я уже говорил раньше, — познание самого себя, то знание, которое позволяет оказаться на месте другого человека и почувствовать то, что чувствует он. Знание, позволяющее иметь настоящее человеческое братство. Знание, позволяющее понимать вещи в их изначальной абстрактной чистоте, в их субстанциональной основе. Это приведет нас к новому представлению о мире и новому представлению о жизни.

Не требуется большого усилия ума, чтобы понять, что мы можем построить другой мир. Я знаю, что тех, кто говорит о строительстве иного мира и иного человека, называют идеалистами (и обычно с оттенком презрения). Это те идеалисты, которые хотят изменить мир, те идеалисты, которые хотят, чтобы больше не было бедных, те идеалисты, которые хотят, чтобы больше не было злых людей... И все же, господа, великие творения человечества — из камня и бумаги, мрамора и керамики, стекла и дерева — были придуманы и воплощены идеалистами. Именно идеалисты вызывали из глубин Истории и выковывали новые нормы, новые миры; не те, кто соответствовал своему веку и своей эпохе, а те идеалисты, которые видели дальше.

Мы живем в мире, который пребывает в кризисе. Мы живем в мире, который полон проблем. Мы живем в мире, где одиночество преследует и ранит нас каждый день. Несмотря на то что мы живем в мегаполисах, несмотря на то что мы практически все время окружены людьми, мы достаточно часто чувствуем себя одинокими. Нам не с кем поделиться своей мечтой или стихотворением, возмущением или жалобой. У нас нет никого, с кем мы могли бы разделить печаль. Каким мужеством обладали древние, каким мужеством обладали римляне, которые собирали свои слезы в особый сосуд и говорили: «Я плакал из-за того-то». Кто сейчас способен на подобное? Мы стараемся спрятать слезы. Кто осмелится собрать свои слезы в сосуд и сказать: «Я плакал,

потрясенный этой музыкой» или «Я плакал, потому что умер мой друг»? Сегодня мы пытаемся утаить свои чувства, пытаемся сдержать свой восторг, свой крик, свои слезы и тем самым заключаем себя в свою собственную тюрьму.

Нужно заново открыть это особое психологическое состояние, которое позволяет нам не стыдиться того, кто мы на самом деле, позволяет проявить нашу суть, проявить ее в высшем значении этого слова.

Значит, нам необходимо новое философское понимание. Но не такое философское понимание, которое позволяет нам просто беседовать о каких-либо философах или мыслителях, — ведь хотя я и говорю о Платоне и Платон помогает мне, все же он жил в свою историческую эпоху, и очевидно, что я не могу копировать Платона. Если даже Дионисий из Сиракуз не мог понять его, если даже Аристотель отрицал многие вещи, как мы сегодня можем претендовать на то, чтобы буквально следовать Платону? Гораздо важнее уловить дух того, что он предлагал, чтобы затем применять это к себе. Иными словами, нам нужна новая философия жизни, новая форма поиска причин всего сущего.

Очевидно, что нам также нужна новая Наука. Наука без предрассудков, наука, отличающаяся от современной, наука, не заявляющая, когда говорится о существовании Атлантиды: «Это невозможно! Невозможно представить себе, что 50 тысяч лет назад существовал обитаемый континент с городами, машинами, искусством и всем прочим. Это невозможно!» Но почему? «Потому что невозможно». Точно так же говорили всего сто лет назад о невозможности существования шумерской цивилизации, так же отрицали существование Трои. Это невозможно по определению, потому что существует официально принятый догматизм.

Следовательно, нам нужна новая Наука. Наука, которая позволила бы серьезно изучать те вещи, которые находятся за пределами земного и повседневного. Вы все прекрасно знаете — поскольку это широко известно, — что есть эксперименты, позволяющие сфотографировать и зарегистрировать эфирный двойник растений, животных, металлов и т. д. Од-

нако, за исключением некоторых моментов, об этом не рассказывается нашей молодежи, поскольку это выходит за рамки общепринятого, поскольку это «парапсихология» — странная вещь, ею не стоит заниматься. Все мы знаем, что на Востоке еще есть йоги и мистики, которые сохраняют парапсихологические способности, позволяющие им не чувствовать физической боли. Любой путешественник может увидеть в Индии людей в совершенно неестественных позах, приводящих к тому, что у них, например, высыхает рука и становится как бы деревянной из-за отсутствия кровоснабжения. Очевидно, что эти люди открыли способ не страдать. Но нас, продолжающих употреблять всевозможные обезболивающие, не заботит то, что делает такой человек — по-видимому, йог. А почему? Потому что он живет на Востоке, а Востоком занимаются ориенталисты. Иными словами, мы живем в мире ярлыков: на все навешивается ярлык, а если непонятно, какой ярлык дать, подойдет первый попавшийся под руку: «Этот господин — ориенталист, а этот — парапсихолог».

Нам нужно новое Искусство. Искусство, которое нас преображает, искусство, которое мы могли бы понять, к которому могли бы быть причастны. Когда я говорю о новом искусстве, я не имею в виду какие-то определенные художественные течения, требующие объяснений. Я говорю о подлинном искусстве, подобном самой Природе, где все понятно и без конкретных имен или названий. Если я указываю на сосну и спрашиваю: «Что это?», любой ребенок, даже самый маленький, скажет: «Дерево». Он не скажет: «Это корова», он знает, что это дерево. Но если я подведу ребенка к какой-нибудь из современных картин и спрошу его: «Что это?», я не знаю, что мне ответит бедный малыш. Он может ответить что угодно, как в психологическом тесте с пятном краски, где каждый видит что хочет.

Очевидно, что нам необходимо нечто, что позволит всем нам понимать друг друга. Потому что если я на абстрактной картине вижу дорогу, другой видит кипарис, третий — рыбу, какое же между нами будет понимание? Что мы сможем рассказать об этой картине? Как мы можем что-то о ней гово-

рить, оценивать ее и чувствовать, привлекает она нас или нет? Следовательно, нам нужно искусство, проникающее в нас, позволяющее нашей интуиции раскрыться. Когда мы, например, видим сегодня развалины Парфенона, прежде чем понять, мы уже знаем, что это красиво, и чувствуем эту красоту. Это чувствует и профессор пластических искусств, и самый несведущий турист. Те же чувства испытывает греческий крестьянин, живущий неподалеку и восклицающий: «Как это прекрасно!» Иными словами, существует нечто, что оставляет более глубокий след, чем ментальное изучение.

Разумеется, в рамках новой Науки нам нужна новая Медицина, охватывающая не только то, что сегодня подразумевается под официальной медициной, но и некоторые другие области. Существуют такие направления, как гомеопатия или акупунктура, которые во многих случаях дают хорошие практические результаты. Однако множество медицинских учреждений отказываются принимать их как чистую науку. Существуют также психологические и парапсихологические процессы, такие как гипноз, реальность которых доказана, и все равно порой слышишь: «Да, это, конечно, возможно, но...» или «Нет, этого не может быть, потому что мы не можем с этим согласиться». Мы снова сталкиваемся с той же самой преградой.

Нам нужна новая Музыка, не только та, которая воздействует лишь на наши инстинкты. Нам нужна новая, а быть может, и старая музыка, каким-то образом трогающая нашу душу. Недавно, когда я был у себя в кабинете, поставили диск с записью колокольного звона. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Звучали колокола. Мы так далеки от реальности, так далеки от всего естественного, что слушать звон колоколов — это для нас роскошь, потому что мы отвыкли от этого. И я уверен, что если бы кому-нибудь в голову пришла идея — и это когда-нибудь случится — записать на диск пение птиц, просто пение птиц или шум дождя, это было бы хорошо для многих, потому что мы забыли, как поют птицы, мы забыли, как звучит дождь, когда он касается деревьев или земли.

Парфенон, мраморный храм Афины Парфенос на афинском Акрополе.
Построен в 448–438 гг. до н.э. архитекторами Иктином и Калликратом под руководством Фидия

Нам нужно вернуться к естественному миру, миру, который в то же время является миром божественным, миром, где люди могут быть причастны к происходящему, миру, где люди могут общаться, миру, где люди могут говорить о простых, но настоящих вещах, достигающих сердца каждого человека. Я сейчас выступаю здесь, импровизирую перед вами. Вы видите, что у меня нет ничего такого, что обычно называют «домашней заготовкой», нет никаких записей. Что это за оратор, если он выходит с листочком в руках и начинает: «Дорогие друзья! Я здесь, чтобы объяснить вам...» — а потом зачитывает свои записи, подготовленные совсем в другое время и, может быть, даже написанные другим человеком? Как можно читать лекцию или проводить конференцию, общаться с людьми, если не видишь этих людей, если зависишь от того, что было написано на бумаге в тиши кабинета или вообще кем-то другим. Таким образом выступающие отворачиваются от публики, отворачиваются от тех людей, которые пришли узнать о чем-то и что-то услышать. И, хотя глаза у оратора открыты, он не видит открытых глаз других людей, которые тоже открыты и которые чего-то ждут или ищут.

Когда мы читаем лекцию, проводим занятие и во всех других ситуациях, в которых ораторское искусство становится средством затронуть душу людей, мы должны проявить вдохновение, творческий импульс, искусство импровизации, за исключением, конечно же, технических тем. Если я буду говорить о квантовом спине, мне придется зачитать некоторые цифры. Но если это тема гуманитарная — философская, политическая, искусствоведческая или литературная, — то, чтобы захватить внимание публики, стоит прибегнуть к искусству импровизации. В каком-то смысле, оратор должен говорить не о том, что он хочет сказать, а о том, что, как он интуитивно чувствует, нужно людям, потому что, в каком-то смысле, ораторское искусство, как и все важнейшие действия нашей жизни, — это особый вид магии, особый вид священнодействия, объединяющего группу людей, которые в какой-то момент достигают единства духа, единства

понимания, единства чувств. Мы должны пробудить такое состояние сознания.

Я знаю, что идеалисты, о которых я говорил раньше, существуют. В этом мире много идеалистов, некоторые из них находятся в одних частях света, другие в других. Но большинство из них живет и работает поодиночке. Они похожи на маленькие песчинки, разбросанные по всему миру так далеко друг от друга, что уже теряется ощущение самого песка как единого целого. Когда необходимо принять решение, это молчаливое большинство не имеет веса, не говорит ничего. Когда объявляются литературные, художественные или научные конкурсы, не эти идеалисты представляют на них свои работы, и уж точно не эти идеалисты получают премии.

Если мы вспомним о последних награждениях премиями мира, например Нобелевской (не будем называть имен, чтобы никого не обидеть), мы поймем, какое воздействие оказывают политика, личные интересы или групповые предпочтения на то, чтобы мы могли сказать: этот человек был самым главным пацифистом в мире в этом году. Сколько было пацифистов, сколько было людей, отрицавших насилие, а в ответ получавших только удары! Сколько было людей, пожертвовавших собой, чтобы помочь больным, слабым, бедным, старым! Однако они не получили ни Нобелевской, ни Пулитцеровской премии. Поэтому нам нужно понять, что эти официальные премии и эти награждения имеют весьма ограниченную ценность, и нужно иметь мужество признать это.

Наш философский ответ на вопрос о том, как «я», «ты», «он» могут превратиться в «мы», основывается на том, что можно было бы назвать «антикультурой», противостоящей материалистической культуре, культуре в современном ее понимании. Он основывается на предложении новой культуры, на новом значении молодости, новом значении риска, на умении правдиво отражать вещи, на умении видеть деревья такими, как они есть, на умении слышать, понимать и чувствовать шум бегущей воды. И это украсит нашу жизнь. Нам нужно уметь общаться с людьми, уметь разговаривать с

ними без предрассудков, с уверенностью, что в душе каждого мужчины, в душе каждой женщины существует некто, внимающий простым и правдивым словам.

Наше «Я», наша душа подобна птице, томящейся в клетке. Ее можно услышать, ее можно увидеть, но у этой души, у этого внутреннего «Я» нет свободы — она не может взлететь, она зажата в тисках материи и плоти. В противовес этому всеобщему «приговору» нам нужно создать новый вид культуры, которая, по сути, будет являться антикультурой. Нас не волнуют ни имена, ни определения. Нас больше волнует то, что находится внутри любого предмета и явления и благодаря чему мы можем узнавать деревья, животных, звезды, узнавать друг друга.

На этом основана наша акропольская позиция. Я знаю, я уверен, что во многих местах, не зная, что это такое, на «Новый Акрополь» наклеили бы какой-нибудь ярлык. Это элементарно: просто берется какая-нибудь вещь, о которой не ясно, чем она является, — но кто же осмелится сказать «я не знаю»? Уже в эпоху Сократа существовала проблема сознаться в своем незнании. Если вы зададите мне вопрос о том, чего я не знаю, я вам просто отвечу: «Не знаю». Но очень трудно найти людей, которые признают это. И когда кто-то говорит об «Акрополе», он берет первый попавшийся под руку ярлык и приклеивает его. И говорят: «Акрополь — это то-то». Однако «Акрополь» — это совсем не то и не это. На него нельзя приклеить ярлык, потому что еще не создан такой, который можно приложить к «Акрополю».

«Акрополь» — это просто новая форма действия перед лицом жизни. «Акрополь» обращается к молодежи, но молодежи не только по плоти и крови. «Акрополь» обращается к тому, что греки называли «Золотой Афродитой», — к внутренней Молодости. Мы много раз говорили о том, что человек стареет не тогда, когда съеживаются клетки его эпителия, совсем нет. Человек стареет тогда, когда съеживаются его мечты. Человек стареет тогда, когда съеживаются его надежды. Есть старики двадцати лет от роду, и есть молодые, которым за восемьдесят. Есть 70-, 80-летние люди, продол-

Профессор Ливрага читает лекцию «Фивы: ключ к таинствам жизни и смерти». Москва, сентябрь 1991 г.

жающие творить, пишущие книги, картины, оставляющие свое послание. И есть 20-летние, но лишенные воли, жалобно вопрошающие: «Для чего я родился? Что мне делать? Я не знаю... Работать мне не нравится, учиться — тоже. Жениться — тоже. Нет, жениться — ни в коем случае». Эти люди, каков бы ни был их возраст, более чем стары. Они — мумии. Рамсес рядом с ними покажется юношей. Значит, то, что мы ищем, — это внутренняя молодость. Внутренняя молодость, которая преклоняется перед Истиной и перед силой в подлинном значении этого слова.

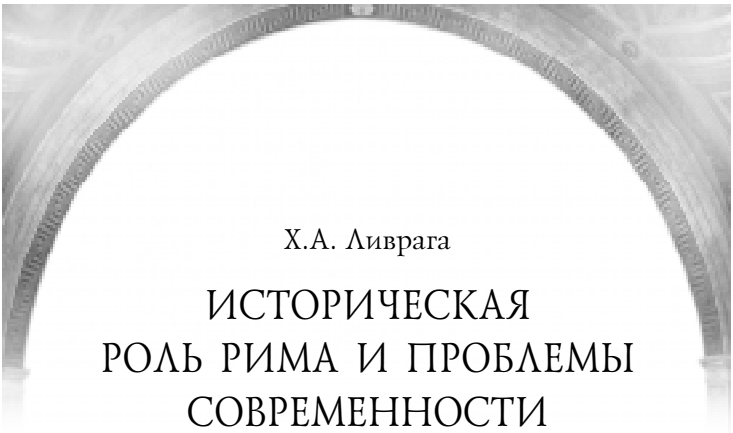
Порой, когда мы говорим о силе, нас упрекают: «Ах, вы жестоки!» Но мы не имеем в виду силу кулака, мы говорим о внутренней силе, которая заставляет зерно прорастать, а волны — набегать на берег, о силе, которая уводит Солнце за горизонт и заставляет двигаться звезды. Мы говорим об этой силе. Мы говорим о новой философии, помогающей раскрыть

в нас эту силу, которая делает нас оптимистами, способными воплотить то, что мы хотим, способными оживить наши замыслы. Я не раз говорил вам: самые худшие кладбища — это не кладбища людей в наших городах. Худшие кладбища — это кладбища мечты в наших сердцах. Это все наши неудавшиеся дела, то, чего мы не смогли совершить, то, чего мы не смогли достичь: человек, с которым мы так и не встретились; мечта, которую мы не смогли воплотить на Земле; книга, которую не смогли написать; стихотворение, которое от нас скрылось; картина, которую мы не создали. Все это — внутренние поражения, внутренние кладбища, те кресты, которые мы носим в себе.

Нам нужна новая жизненная сила, которая позволит нам быть оптимистами перед лицом жизни и не просто начинать что-то, а начинать и завершать это так, как мы хотим. Нам нужна философия риска и мужества, способная противостоять материализму, который день за днем пытается опутать и раздавить нас. День за днем материализм наступает на нас, и мы мечемся в поисках еды, одежды, дома, света и в течение всего дня заняты тем, чтобы ублажить свое тело, полностью забывая о душе, о своем внутреннем существе, забывая о других человеческих существах.

С помощью этой силы, этой новой философии, этой новой концепции жизни, новой вертикализации нашего внутреннего существа наше «я» может общаться с «ты», и тогда рождается «мы». Рождается «мы», сложное и разнообразное, рождается «мы», которое, как лепестки лотоса, разделено, но в середине сходится в единое ядро. Примем же человечество со всеми его различиями, примем человечество со всей его полихромией. Будем уважать других, как самих себя. Но давайте осознаем, что за полихромией звучит лишь одна тема. Давайте осознаем, что за всеми звуками и за молчанием существует лишь одна воздушная вибрация. Отдадим себе отчет, что за всеми молитвами на всех языках мира стоит одна и та же Мистика, а за всеми людьми мира — одно Человечество.

Мадрид, 1977 г.



Х.А. Ливрага

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ РИМА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Лекция

Когда говорится о Риме как об империи, как правило, утверждается, что его миссией была реконструкция, восстановление элементов эллинистической культуры в искусстве, литературе и науке. И это отчасти верно. Однако если Древний Рим в каких-то своих элементах и наследует эллинизму, все же надо признать, что на древнем полуострове было много самобытного, делающего Рим уникальным явлением. Его корни идут не только от таких малоизвестных народов, как тирренцы или сабиняне, но и от одной из великих империй — империи этрусков. Тот факт, что сегодня мы не можем прочитать их древние трактаты, не дает нам основания отрицать влияние, которое этруски оказали на развитие других цивилизаций.

Я много путешествовал по Европе и всегда рассказываю своим ученикам, что в каждой стране есть нечто замечательное, достойное внимания; что в каждой стране можно увидеть следы в камне — будь то арка, стена, каменная плита — с глубоко человечным содержанием, которое сумел вложить в них Рим. Из раздробленного эллинского мира, из разделенного на части, фрагменты и течения мира Александра Рим сумел создать единое целое, соединить все. Он создал плавильную печь, где из разных металлов возник удивительный

сплав — римская цивилизация. Сколько мы могли бы говорить о Риме, как много нам могут поведать эти древние камни! Во время одной экскурсии в местечко Сегобрига в Кастилии я увидел огромную расколотую мраморную плиту, на которой по-латыни было написано: «Смотри, о странник, здесь прошли легионы Августа. И помни, мы проходим быстро, подобно ветру». Сегодня из всей этой фразы цитируются лишь последние слова, все остальное забыто. Но разве даже в этих словах не чувствуется нечто истинно римское, нечто великое? Разве в этих словах не слышится нечто от оракулов?

Вспомним одну легенду времен начала существования Рима, далекого 507 года до н.э., когда пала древняя монархия. Царь этрусков не смог взять приступом город, впоследствии названный Вечным, и подверг его осаде. Отважный римский юноша вместе с небольшой группой людей (сейчас их назвали бы «коммандос») попытался убить завоевателя. Но он ошибся, потому что некоторые приближенные этрусского царя были одеты лучше своего господина — сейчас этого, наверное, не бывает, но цари древности были царями не столько по одежде или регалиям, сколько благодаря своему авторитету и любви к своему народу, — и случилось так, что вместо правителя юноша убил его писца. Храбрец был пойман и на допросе сказал, что единственное его желание — убить царя. Его спросили: «Ну и сколько вас, желающих убить царя? Кто они?» Юноша не отвечал. «Что ж, если не скажешь, мы будем держать твою руку в огне до тех пор, пока не заговоришь». Гай Муций Сцевола (так звали юношу) сам положил руку на огонь и держал ее, пока от руки не остались лишь обуглившиеся кости. И только тогда сказал царю: «Есть еще триста юношей, которые тоже поклялись убить тебя». — «Мы пришли, — сказал царь, — чтобы сражаться с людьми, а не с богами. Если таких, как ты, сотни, тогда нам лучше уйти».

Обратите внимание, что именно после этих событий появился символ — ладонь руки, который позднее стал символом Мира Августа (Pax Augusta). Что такое Мир Августа? И

кем был Август? Давайте не будем обсуждать эту тему исключительно с точки зрения истории. Это можно прочитать в книгах или услышать на других лекциях. Но я — философ. И я расскажу вам об Августе и о его «безумии», его чудесном «безумии». О «безумном» стремлении объединить народы — людей различных рас, убеждений, людей, говорящих на разных языках.

Давным-давно, две тысячи лет тому назад, Август был гражданином мира. Он построил алтарь — Ara Pacis, Алтарь Мира. Алтарь с раскрытой ладонью, представляющей символ мира и согласия между всеми людьми. Он созвал правителей разных стран, представителей различных религий, всех и отовсюду, чтобы создать великое Государство, чье кровоточащее сердце должно исцелиться. И он провозгласил Согласие как самое разумное, самое прекрасное, самое гуманное и самое естественное равенство. Что такое Согласие — Concordia? Чем оно было для Августа? Что такое римское Согласие? Для Августа оно означало то, что означает и само слово con-cordia — «сердце с сердцем». Сегодня, пытаясь объединить людей на основе равенства, мы забываем, что одинаковое отталкивает друг друга, а противоположности притягиваются. Забываем, что за днем следует ночь, а за холодом — жара; забываем, что основой семьи является не связь мужчины с мужчиной или женщины с женщиной, а союз мужчины и женщины. Согласие Мира Августа было единством. Что получится, если мы захотим все уравнять, сделать одинаковым, если скажем, что эта картина такая же, как та, что столбы равны лампам или что светильники равны полу? Чтобы быть гармоничным, этот зал нуждается в разных предметах: ему нужны колонны, потолки, кресла, ковры, разные столы, нужна люстра, освещающая всех нас, нужен и этот красивый узор паркета. И Август это понял, Август открыл Согласие, не исключающее индивидуальности; Согласие, не подавляющее индивидуальность, не требующее, чтобы люди отказались от собственной силы, от того, что каждый несет в себе. И прежде всего, он дал возможность каждому жить с честью — с той древней честью, кото-

Ara Pacis (Алтарь Мира) Августа.
Мрамор. 13–9 гг. до н.э. Рим

рая и сегодня присутствует в мире, но сокрыта от большинства глаз.

Единство, о котором мы говорим, было присуще даже рабам Рима. Во времена Августа один из городов был окружен варварами. Воины вышли на битву и были побеждены. В городе остались женщины, дети и рабы. Услышав о поражении, рабы обратились к своим госпожам: «Разрешите нам сражаться! Дайте нам оружие, дайте нам доспехи ваших мужей, и мы будем бороться». В это время катапульты забрасывали город посланиями: «Если этот город падет, женщи-

ны и дети будут предоставлены рабам, и рабы смогут ограбить дома и сжечь все, что захотят». Узнав об этом, рабы стали настаивать на своей просьбе и наконец получили разрешение. Вооружившись, они вышли на поле сражения и победили, а потом сложили в центре города большую пирамиду из оружия. Когда женщины спросили у них, почему они так поступили, рабы ответили: «Лучше быть рабами Рима, чем свободными в мире варваров».

Чему может научить нас это чувство чести, верность данному слову, которые в Риме были присущи даже рабам? Сегодня обещания ничего не значат. В те времена люди знали тайну силы данного слова. Вспомним того стража, охранявшего ворота Помпеи, который видел идущую с Везувия лаву, но остался на месте, так как не получил приказа оставить пост. Ему было приказано охранять ворота, и приказ не был отменен. Ему не было сказано: «Охраняй ворота от врагов, а не от лавы с Везувия». Ему сказали просто: «Охраняй ворота». И он остался там, перед воротами, с обуглившимися ногами, остался, встретив лаву с Везувия на своем посту. В истории были люди, способные бросать вызов королям; рабы, бросавшие вызов целым армиям; стражи, которые не отступали перед грозной силой Природы. Откуда эта сила? Откуда эта мощь? Откуда этот идеал, каким являлся Рим?

Рим — это не город, не место. Рим — это центр, фокус, мощный источник, освещающий весь мир. Рим вобрал в себя все самое ценное, что было у других народов. Часто, говоря о Риме, его оценивают несправедливо. Говорят о развращении, об упадке. Конечно, было и это. Рим был сильно развращен, и он пал... Но почему пал Рим? Рим пал потому, что однажды был велик. Горе тем народам, у которых никогда не будет возможности пасть! Пасть может лишь тот, кто был велик. Несомненно, есть народы, которые умирают «детьми», умирают карликами. Они так и не смогли подняться, не смогли стать чем-то — и поэтому, естественно, не могли пасть. Говорят, что в Римской империи были бездны безнравственности. Да, это так. Но, с другой стороны, Рим имел высочайшие вершины чести и достоинства. Видели ли вы

когда-нибудь горы, у которых есть пики, но нет склонов и пропастей?

В чем заключается наш Идеал, который мы называем Идеалом «Акрополя»? В стремлении опираться на самое лучшее, видеть вершины, а не пропасти. Мы стремимся вспоминать великих людей, а не карликов, помнить великие триумфы, а не поражения. У нас есть Идеал, корни которого уходят глубоко в землю и в память предков. Это Идеал великого мирового гражданства, при котором все люди могли бы быть римлянами не по происхождению, а благодаря высокому уровню культуры, нравственности, в силу глубокого чувства, которое нельзя почерпнуть из книг, ибо оно не относится к сфере интеллектуального. Это такое же наследство, доставшееся нам от предков, как вода, как земля.

Иногда мы забываем, что можно учиться у природы. Мы изучаем историю по книгам. Но давайте учиться и у воды. Вода падает с высоких облаков, спускается с гор и неустанно движется к морю, удаленному иногда на тысячи и тысячи километров. И вода бежит, струится по скалистым горам, среди утесов, она течет, преодолевая препятствия, течет, сопровождаемая песней водопадов, течет, даря жизнь новым деревьям и сметая все препятствия. Свободная, она, вернувшись в море, снова испаряется, чтобы подняться к небу; и так она движется по кругу от жизни к смерти, от смерти к жизни.

Рим научил нас тому, что можно иметь Столицу Мира. Он научил нас, что все дороги ведут в Рим. Иными словами, все дороги могут привести к центру силы и духовности. Знаете ли вы, что на римских дорогах (как и на древних дорогах здесь, в Америке) первыми пропускали тех, кто возвращался из Рима, а не тех, кто шел в Рим? Ибо возвращавшиеся из Рима несли с собой дух великой Столицы, и люди уступали дорогу тем, кто нес в себе этот дух. Сегодня мы не уступаем дорогу тем, кто является носителем духовного; по правилам дорожного движения мы пропускаем тех, кто движется справа.

Мы живем в эпоху технократии, но, друзья мои, техника же и убивает нас с вами. Она позволяет нам путешествовать,

общаться, но посмотрите: единственное, что усовершенствовалось, — это машины, но не люди. Человек, управляющий космическими аппаратами, не стал лучше тех, кто стоял у кормила римских кораблей. Расти должен сам человек. Он должен обрести самого себя. Поэтому мы предлагаем новый Гуманизм, несущий в себе нечто от Рима. Речь идет не о гуманизме, опирающемся на преходящие ценности, а о Гуманизме, корнями уходящем в глубь Истории; о Гуманизме, который основан на Согласии и дает возможность жить «сердце с сердцем». Это не интеллектуальное согласие, а единение сердец. Это Согласие, благодаря которому мы можем видеть брата и в человеке с другим цветом кожи, и в человеке другого вероисповедания, поскольку он также наделен жаждой созидания.

Вспомним старого Катона, который пахал землю, когда к нему пришли с вестью, что он должен занять трон. Он сказал: «Дайте мне закончить эту борозду. Правители уходят, а борозды остаются». Безусловно, сегодня мы считаем борозды маловажными, недооцениваем все то, что исходит из земли, все то, что обладает внутренней глубиной. Мы забыли, что именно в этой глубине заключается сила нашей цивилизации. В ней заключалась мощь латинского мира — не во власти машин, а в чести. Вы задавались вопросом, почему римский воин был так храбр, даже стоя лицом к лицу с преобладающими силами атакующего противника? Римский воин нес в себе дух Рима, он чувствовал себя частью Империи, частью возвышенной и сильной Идеи. Человек силен и велик настолько, насколько силен и велик Идеал, который он несет в душе. Человек, узнающий в другом своего брата, брата по Согласию, брата, с которым он может идти вместе, способен преодолеть все препятствия, выйти из всех кризисов.

Идеи Единства, Согласия, Духовной Силы — это идеи, которые не умирают. Эти идеи, посеянные или даже втоптанные в землю, снова прорастают, подобно семенам. Тот, кто сеет семена, обязательно увидит мириады новых, выросших в колосьях. Те, кто сеет идеи Гуманизма и Духовности,

кто стремится посеять чувство чести, которое оберегало Рим, сеют семена, и однажды в будущем они увидят поля с новыми колосьями и новыми семенами чести, новую силу, новую мощь.

Этому научил нас Рим. Он научил нас также, что первично не золото, а качество души. Рим показал, что мы можем преодолеть пропасти, построив мост на прочных опорах. Он убедил нас в том, что люди, которые кажутся сломленными, могут вновь обрести силу, позволяющую достичь любой цели. Рим научил нас силе Слова, божественной силе Слова, того Слова, о котором говорят все религии. Цицерон говорил, что Слово — это самая мощная из всех сил, что оно ведет армии, что перед его силой отступает мощь монархов. А что сказал Марк Аврелий, прибыв в Александрию, когда его приветствовали с поднятой рукой, как цезаря? Глядя на своих друзей, друзей по риторике, он сказал: «Мне бы больше понравилось, если бы вы просто обняли меня». Когда его спросили почему, он ответил: «Цезари приходят и уходят, а Риторика остается». Риторика, та Риторика, которую нам завещал Рим, — это Риторика триумфа и силы, это не обычная риторика.

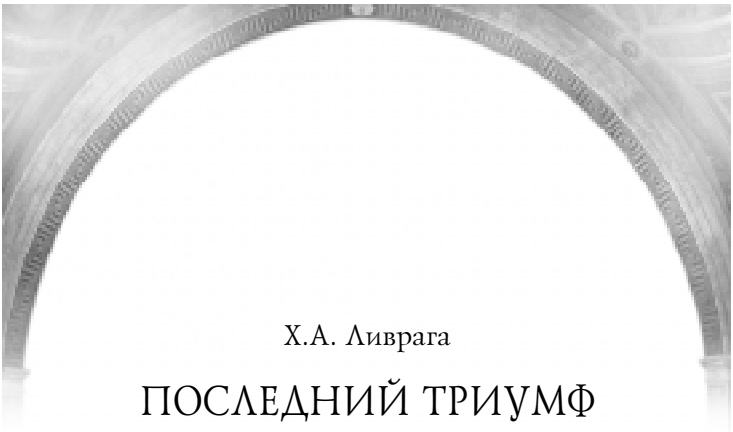
Сегодня в мире, где мы живем, мы постоянно встречаемся с одной и той же проблемой. И она заключается не в демократических или недемократических формах. Есть лишь одна форма в разных ее аспектах и окрасках — я называю ее «карликократией», «правлением карликов». Все стали карликами; одни говорят, что мир должен быть желтым, другие — что он должен быть зеленым, но все они — карлики. Если говорят об искусстве, то не ищут вдохновения у великих Мастеров Духа, не вдохновляются космическим Величием, не вдохновляются тем, что находится в Душе, тем, что Божественно. Говоря о политике, все сводят к массам; к людям относятся так, будто они пельмени в упаковке или шарики в коробке; все — карлики. Если речь идет о литературе или о поэзии, великих людей истории стараются представить мельче, чем они есть. С помощью психоанализа пытаются найти их слабости, жаждут любыми способами выя-

Арка Септимия Севера в Риме. 203 г.

вить их ошибки, недостатки, найти у великих темную, плохую сторону. Если говорят о св. Терезе Авильской, спрашивают, не было ли у нее фрустрировано либидо. Если говорят об Августе, утверждают, что он был великим Императором, но тело у него было слабое, и поскольку он не смог стать гладиатором, то вообразил... и т. д. и т. п. Я слышал, что снимается фильм о любовных похождениях Иисуса. Оказывается, некоторые считают, что Иисус передал человечеству свою доктрину Любви не потому, что нес в душе великую весть, а потому, что был охвачен мирской любовью и, не имея возможности реализовать это чувство, скажем так, ненароком приобщился к высоким материям. Это и есть то, что я называю карликократией, это как масса все пожирающих муравьев, это то, что принижает все и вся. Поэтому мы советуем молодым людям в «Акрополе» изучать Рим — ибо Рим имел много недостатков, но карликом он не был никогда. Римляне были гигантами, а их супруги — героинями, подобно той, которая спросила Юлия Цезаря, возвращавшегося из боевого похода: «О Цезарь, шестеро моих сыновей были в легионах. Скажи мне, что с ними?» Натянув поводья, Цезарь сказал: «Матрона, плохие вести. Скорблю, но твои сыновья погибли». На это матрона сказала: «Цезарь, я не спрашиваю, живы они или нет, я спрашиваю, исполнили ли они свой долг». — «Да, матрона, они исполнили свой долг. Они умерли как герои, умерли за своих Орлов, умерли за то, во что верили глубоко и искренне». Со слезами на глазах, но со светлым сердцем она повернулась к своим родным и рабам: «Идемте. Пусть сегодня вечером будет праздник, ибо сыновья мои погибли за родину». Такими были женщины Рима, такими были его мужчины, такой была их идея: они ощущали себя Орлом — символом Империи, который обладал силой подняться высоко над горизонтом, глядя в даль.

Если вы отправитесь туда, то найдете следы величия, мудрые слова, остатки огромных стен. Это следы гиганта... Там прошел гигант, там прошел Рим.

Сантьяго (Чили), ноябрь 1972 г.



Х.А. Ливрага

ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ ИМПЕРАТОРА

«Государство будет процветать, когда править будут философы, а правители станут заниматься философией» (Платон).

Эта фраза была одним из любимых высказываний императора Марка Аврелия — настоящего императора-философа, или, как сам он предпочитал, чтобы его называли, философа на троне.

Его конная статуя выполнена из бронзы, размеры ее несколько превышают натуральные. Обе части этого скульптурного изображения — фигуры всадника и взнузданного коня — полые, основа их сделана из бронзы. Вся статуя покрыта позолотой и весит более двух тысяч килограмм.

Создание ее относится, очевидно, ко второй половине II века н.э., примерно к 170 году. Эта статуя не разделила судьбу многих других, переплавленных в средние века, лишь благодаря тому, что ее приняли за скульптуру Константина, первого императора, который принял христианство уже в зрелом возрасте. Впрочем, Константин продолжал исполнять функции великого понтифика и сохранил большую часть верований, унаследованных им от предков. Но если вспомнить, что всего лишь через 200 лет — два века спустя — произошло разграбление Рима варварами и в это время стали вновь использоваться предметы, учения и верования, при-

надлежавшие древним языческим культам, если вспомнить, что все это происходило в атмосфере полного невежества и крайнего фанатизма, то ошибки подобного плана уже никого не удивят.

Девять лет назад[1] скульптура покинула свое привычное место в Капитолии — она была снята с постамента эпохи Возрождения и отправлена на реставрацию. К тому времени позолоты на ней практически не осталось. Отчасти это объясняется чистым благоговением людей, которые на протяжении многих веков прикасались к статуе, считая, что это приносит городу удачу и процветание. Существовало поверье, что, пока цела скульптура, Риму ничто не угрожает, но стоит ей исчезнуть, как вместе с ней исчезнет и город и настанет конец света.

Автор этих строк четыре года назад имел возможность увидеть эту статую в Институте реставрации. Составляющие ее части хранились отдельно друг от друга, их восстановлением занималась группа специалистов — весьма немногочисленная, испытывающая острый недостаток технических средств и финансов, как это нередко бывает в средиземноморских странах. Впрочем, объем необходимых реставрационных работ оказался не очень велик, и при наличии достаточных средств они могли быть выполнены гораздо быстрее — в течение нескольких месяцев. Окончание реставрации было приурочено к 12 апреля 1990 года. Парадоксально только то, что причиной этому послужило открытие чемпионата мира по футболу! Чемпионат привлек в Италию миллионы туристов — именно для них старались реставраторы.

Но за четыре года до этого спешить им было некуда... Я помню сваленные в беспорядке материалы и инструменты. А специалисты, которым это восстановление было доверено, проводили у скульптуры несколько часов в неделю. Даже неспециалисту с первого взгляда становилось ясно, что для восстановления статуи этого явно недостаточно. В ответ на

[1] Статья была написана в 1990 г. — *Прим. ред.*

вопросы о сроках окончания реставрации любезные молодые люди, сопровождавшие меня по институту, пожимали плечами и с чисто итальянской беспечностью отвечали: «Примерно... Да кто знает!»

И вот в один из дней переменчивой римской весны, точнее, 12 апреля, без широкой огласки и особой торжественности обе части статуи были доставлены на прежнее место. Несколько полицейских машин и мотоциклистов охраны сопровождали два красных грузовика. Первый вез статую Императора с вытянутой вперед рукой, опущенной ладонью вниз в римском приветствии, — жест, означающий одновременно и благословение.

И тут произошло чудо.

На пути следования процессии стала собираться толпа, которая воодушевленно аплодировала и встречала появление статуи древним приветствием: «Аве, Император!» Над статуей кружил вертолет, обеспечивающий ее безопасность... Но эта предосторожность была явно излишней. Абсолютно все выражали свою любовь и глубокое почтение Императору-Философу. И хотя один из антифашистских законов Италии запрещает поднимать в приветствии правую руку с опущенной ладонью, тысячи людей в порыве, идущем из глубины души, именно этим жестом встречали статую Императора. В этом порыве и этом жесте не было ничего политического, и никому даже в голову не приходило связывать их с мрачными событиями Второй мировой войны. Просто жители Рима, так же как и почти восемнадцать столетий назад, вдруг ощутили свою сопричастность новому триумфу Императора. Сияющая в еще неярких лучах весеннего солнца простертая рука словно в последний раз благословляла заполнивших улицу людей. Народу было так много, что кортеж продвигался со скоростью пешехода. Движение, обычно интенсивное в эти утренние часы, было полностью парализовано. Но на этот раз многоголосье автомобильных гудков звучало не протестующе, а приветственно, и, наверное, никто из автомобилистов не сетовал на задержку, поскольку ее причиной была не обычная пробка. Водитель одного из ав-

тобусов со счастливой улыбкой сказал вездесущим репортерам: «Сердиться? Что вы! Разве можно сердиться на Императора?»

Колоссальную бронзовую статую всадника, словно бы слитого воедино со своим боевым конем, первоначально решили поместить в музей и закрыть колпаком из бронированного стекла. Но это решение вызвало неоднозначную реакцию многих. Известные деятели культуры, истории, ответственные чиновники, включая советника из Министерства по вопросам окружающей среды, выступали за то, чтобы статуя Императора была поставлена на открытом месте у всех на виду и стала доступной для прикосновения рук любого желающего. В конечном итоге взяло верх мнение, что сильно загрязненный воздух может существенно повредить бронзу и особенно сохранившуюся местами позолоту.

Было предложено на старое место скульптуры поставить ее копию. Но никто в Италии пока не спешит изготавливать эту копию, и дальше разговоров дело не пошло. К тому же очень многие высказываются против замены реликвии подделкой. 20 апреля президент Италии Коссига посетил скульптуру Императора в Капитолийском музее, где ей отныне суждено стоять.

Это событие, пробудившее интерес миллионов, показало, что в коллективном подсознании людей все еще сохранилось нечто загадочное, подлинное и удивительное, трогающее и объединяющее всех, и это «нечто» не следует оставлять без внимания. Кем же был в действительности этот Император-Философ?

Тот, кому суждено было стать императором, известным под именем Марк Аврелий, происходил из знатной римской семьи и родился в Риме в апреле 872 года от основания города, то есть примерно в 121 году н.э.

Согласно мифической истории, по материнской линии он был потомком царя салентийцев, а по отцу происходил от Нумы Помпилия. В шестилетнем возрасте от императора Адриана он получил титул всадника, и уже это являлось исключительным событием. Император даже хотел назначить

его своим прямым наследником, но это оказалось невозможным, так как противоречило законам Рима: избранник был еще слишком молод. Итак, Адриан назначает своим наследником Антонина с условием, чтобы он, в свою очередь, передал власть Марку.

Его настоящее имя было Анний Вер. Означает оно «истинный», «справедливый»; а еще называли его «Verissimus» — «самый истинный», «справедливейший» из рода Анниев. Император Адриан дает ему полное имя Марк Аврелий Антонин Вер.

Традиция Древнего Рима разрешала цезарям передавать власть не физическим наследникам, а тем, кого они считали своими духовными преемниками. Усыновленный Антонином Пием, Марк Аврелий учился у многих выдающихся философов, в том числе у стоика Аполлония. С раннего детства его жизнь протекала в императорском дворце. По преданиям, многое указывало на уготованное ему великое будущее. В числе прочих предзнаменований упоминается ритуальная игра, в которой юноши пытались набросить корону на голову гигантской фигуры бога Марса. Лишь брошенная Марком Аврелием корона удержалась на голове изваяния.

Посвященный во многие таинства, в том числе Элевсинские и Митры-Думузи, будущий император отличался простотой и строгостью нрава. Уже в ранней юности он нередко удивлял и тревожил своих близких, которые даже склонны были считать его серьезно больным. Он очень любил древние римские ритуальные традиции, а по своим взглядам и мировоззрению был очень близок к ученикам стоической школы. Он был блестящим оратором и диалектиком. В 161 году Марк Аврелий принял на себя заботу об Империи и ответственность за ее дальнейшую судьбу, разделив ее с цезарем Луцием Вером, также приемным сыном Антонина Пия.

В то время Марку было около 40 лет. Его мудрость и ярко выраженная склонность к философии, которая была его призванием, помогли ему успешно править Империей и справляться с обязанностями императора. Он провел необ-

Конная статуя
Марка Аврелия в Риме

ходимые юридические реформы, успешно руководил войском. Не страшась лишиться популярности, он изменил правила гладиаторских боев, сделав их менее жестокими; также он сражался против терроризма, который, усиливаясь на этнической и религиозной почве, становился для Империи все более и более серьезной проблемой.

Его деятельность особенно благотворно сказывалась на восточных государствах, которым он вернул мир и процветание.

Избрание августом не изменило жизнь Марка Аврелия, который по-прежнему придерживался учений и советов стоиков и был крайне прост и воздержан во всем, отдавая предпочтение и уделяя много времени философским размышлениям. Это помогало ему не поддаваться предрассудкам своей эпохи, что и послужило для некоторых современных историков основанием считать его атеистом.

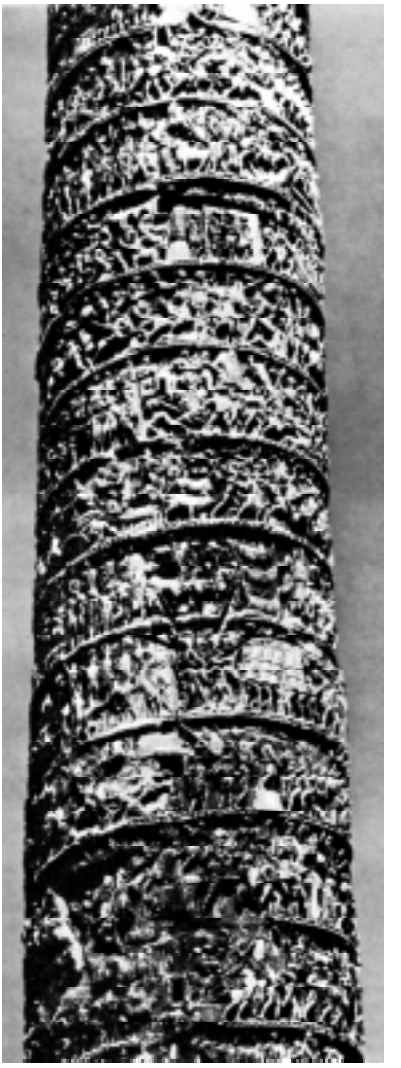
В 139 году он женился на Фаустине, красивой, но распутной женщине. Философ не осуждал ее; напротив, он всегда выражал свою признательность за терпение и благосклонность, с которыми она слушала его стихи. Несмотря на то что ему приходилось подавлять восстания, то и дело вспыхивавшие на окраинах Империи, и отражать многочисленные вторжения варваров, которые уже тогда начали подтачивать ее мощь — что в конечном итоге, несколько веков спустя, привело ее к падению, — Марк Аврелий никогда не терял хладнокровия. По свидетельству его советника Тимократа, жестокий недуг (рак печени?) причинял императору ужасные страдания, но он мужественно переносил их и несмотря ни на что обладал невероятной трудоспособностью. Много раз он получал право на триумфы — особые пышные торжества, которые, согласно специальным декретам римского сената, устраивались в его честь и во славу его военных побед.

На Марсовом поле была воздвигнута величественная мраморная колонна, увенчанная бронзовым скульптурным изображением императора; ее окружала огромная библиотека. На поверхности колонны по спирали были высечены сце-

ны, запечатлевшие подвиги Марка Аврелия. Сейчас этот памятник находится на площади Колонна, перед зданием «Нового Акрополя» в Риме, и мне посчастливилось увидеть его изнутри, подняться по древним ступеням, которые недавно были отреставрированы.

В эпоху позднего средневековья христиане сбросили и переплавили статую Марка Аврелия, и сегодня колонну украшает заменившая ее статуя святого Петра.

Смерть императора была таинственной. Существует предположение, что он был отравлен неким слепцом, который предложил ему съесть яблоко, разрезанное отравленным ножом. Думается, что слепец действовал по приказу Коммода, сына Марка Аврелия, — тот имел основания предполагать, что завещание императора окажется не в его пользу, и спешил расправиться с отцом, прежде чем оно будет составлено. Смерть пришла к Марку Аврелию в местечке Сир-



Колонна Марка Аврелия в Риме. 180–192 гг.

мия, ныне Митровица, в окрестностях Вены. Императору было тогда почти 59 лет, шел 12-й год его правления.

Во время военной кампании, в походных шатрах, жертвуя часами ночного отдыха, он создавал подлинные шедевры философии морали и метафизики. Сохранилось двенадцать книг его воспоминаний, написанных на греческом языке, которые назывались «К себе самому». Сегодня они известны под названием «Размышления».

Говорят, что в императоре было заложено такое глубокое понятие чести, что, не имея средств на проведение одной из военных кампаний, он продал и заложил все, что принадлежало ему лично и его семье, включая драгоценности и одежду. Торги продолжались около двух месяцев — столь велики были его богатства, с которыми он не пожалел расстаться. Когда же средства были собраны, император с войском выступил в поход и вскоре одержал блистательную победу. Радость поданных и любовь их к императору были так велики, что они сумели вернуть ему значительную часть принадлежавших ему богатств. Мало кто получал подобные доказательства всеобщего поклонения и преданности. При этом Марк Аврелий по-прежнему был прост и неприхотлив в быту. Он мало спал, был умерен в еде и воздержан в прочих удовольствиях.

В своих «Размышлениях» он благодарит всех, кого знал, и, как в случае со своей супругой, упоминает лишь достоинства этих людей, сколь бы малы они ни были, и благородно умалчивает о недостатках. Из всех вдохновлявших его философов с особой теплотой он пишет об Эпиктете и Максиме, который, по его словам, научил его не позволять себе быть выведенным из равновесия в тяжелых обстоятельствах и испытаниях, сохранять присутствие духа и чувство юмора в любой ситуации, чтобы не огорчать своих близких. Он также благодарит богов, ниспославших ему вдохновение, которого, как он утверждал, он был недостоен, так как хотя и был императором, но повелевал лишь частью земли, а она, в свою очередь, была мельчайшим среди мириад небесных тел бесконечной Вселенной.

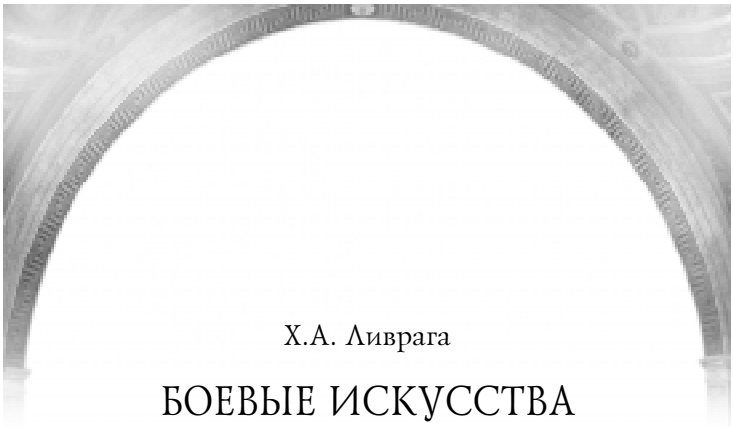
Он пишет, что не следует гневаться на людей, ибо многие из них просто не умеют отличать добро от зла, как слепой не может отличить белое от черного. Посему зло в человеке Марк Аврелий воспринимает как болезнь, как некое умственное расстройство, которое нужно пытаться лечить и исправлять собственным добрым примером, стремлением установить гармонию с богами и людьми. О философии он говорит, что это лучшая из существующих в нашем мире религий, ибо все таинственное обычно смущает только не закаленных духом. Он утверждает, что не следует ничего бояться, ибо «что может произойти с быком, что было бы не свойственно быку; или с пчелой, не свойственное ей; и что может случиться с человеком, кроме того, что было бы свойственно человеку?» Он считает, что ничто не исчезает, просто все постоянно изменяется согласно законам всеобщей гармонии. Ему принадлежат слова: «Познай себя; внутри тебя бьет источник добра, который не иссякнет, если непрестанно углублять его»; «Когда ты будешь умирать, пусть дух твой остается спокоен, ибо тот, кто будет сопровождать тебя, добр по природе. Он будет милостив к тебе».

Вот каким был ты, Философ на троне!

И граждане Рима, забывшие большую часть того, что ты завещал им, тем не менее любят тебя и опять, как и много веков назад, воздают тебе почести.

Это твой последний и самый большой триумф.

Аве, Император!



Х.А. Ливрага

БОЕВЫЕ ИСКУССТВА И РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНЫ

Наперекор миру, основными чертами которого стали слабохарактерность и бегство от трудностей, люди обращаются к древним боевым искусствам в попытке постичь смысл понятий силы и чести, к которым всегда стремился человек. Но в этом поиске, не всегда имеющем четкие цели, они обычно довольствуются лишь внешними, а значит, поверхностными результатами, ограничиваются попытками дать определения как сложным и абстрактным понятиям, так и конкретным разновидностям нетрадиционных форм противоборства. Этот поиск зачастую сводится к восприятию лишь материальной стороны вопроса, лишь внешних проявлений, носящих экзотический характер, выходящих за рамки привычного. И хотя главными в этом поиске являются идеи мужества и добродетели, люди подчас с легкостью довольствуются лишь видимостью открытия таинственного и далекого мира.

Поэтому всеми ищущими силы и порядка, справедливости и долга боевые искусства стали восприниматься как исключительная принадлежность Востока. При этом совершенно упускается из виду, что и Запад хранит глубокие традиции в этой области. Забывается и то обстоятельство, что в условиях непонимания и отсутствия необходимых познаний

и способности распознавания боевые искусства, как и другие учения, рискуют быть полностью утраченными.

Поэтому необходимо провести грань между воинской философией и боевыми искусствами. Воинская философия одна, а боевых искусств может быть множество (собственно, столько, сколько существует их разновидностей на Востоке и на Западе). Воинская философия (исп. *marcial*) — это философия, основанная на символике Марса. Она подразумевает борьбу противников, цель которой — установление всеобщей гармонии. И борьба, и сопутствующая ей гармония могут находить свое воплощение в различных формах боевых искусств, или, другими словами, в различных проявлениях воинской философии. Все боевые искусства, вопреки общепринятому мнению, объединяет то, что ни одно из них не имеет ничего общего с разрушением. Война и драка — это не одно и то же.

Война с мраком и тьмой является наиболее достойным, пламенным, мужественным, непреклонным проявлением человеческой сущности. В борьбе двух противоположностей огонь противостоит тьме и, пробивая путь, несет свет, преодолевает невежество и пробуждает мудрость. Война всегда подчиняется определенному кодексу чести и теснейшим образом связана с религией. Участвовать в войне может лишь человек, отдающий себе отчет в том, что его тело не представляет никакой ценности, что оно — не более чем жертва, приносимая на алтарь судьбы во имя Бога и братьев-людей.

Напротив, драка — это насилие. В ней на первый план выступают вопросы личной выгоды, мнимых ценностей и классовых привилегий, продиктованные грубым и примитивным стремлением к обладанию теми или иными материальными благами.

Осознавая, что суть справедливой войны — это своего рода мистический взлет высшего сознания, отрешение от телесного и материального, мы попытаемся в этом кратком исследовании показать, чем являлась война в разные времена и в разных странах для людей, в руках которых было практически одно и то же оружие.

То, что теперь принято называть восточными боевыми искусствами, берет свое начало в Северной Индии и в отдельных районах Тибета и Китая. Древнейшим из боевых искусств, имевшим свою школу, является *каратэ* (*Karate-do*), или «путь пустой руки» (в переводе с современного японского).

В Китае зародилась разновидность ритуального танца, известная под названием *тай-цзи цуань* (*Tai-chi Chuan*), которая состоит из серии упражнений, направленных на достижение контроля над эмоциями. Этот танец дал начало китайскому каратэ, известному под именем *кон-фу*, которое отличается по стилю большим «артистизмом», чем его японский прообраз. Еще одна его разновидность, со своими особенностями стиля, распространилась в Корее под названием *таэ-квон-до* (*Tae-kwon-do*).

Все эти виды боевых искусств проникнуты религиозным содержанием, заложенным в них в свое время буддистами. Кодексы, на основании которых они действовали, также имели буддистскую основу. Самый известный из них — японский *Бусидо*. Он представлял собой свод нравственных норм, регламентировавших жизнь касты японских воинов — *самураев*.

Вообразив состояние, когда эстетическому удовольствию, которое доставляют движения, сопутствует сила, концентрация, энергия, жизнь в постоянной готовности умереть или убить, защищая справедливое дело, и осознание того, что каждое действие совершается во имя Бога, мы сможем составить представление о том, что такое *Ци* (*Ki*). Ци — это энергия, возникающая внутри человека и вследствие концентрации приливающая к его рукам, к кистям и пальцам рук. При правильном использовании эта энергия вызывает ощущение холодной силы, силы без радости и боли, основанной на чувстве долга. При концентрации в момент удара хорошо натренированная «человеческая машина» издает глубокий звук, и уже не человек наносит удар, а «нечто», находящееся внутри него, «нечто», не знающее страха, ибо страх исключает возможность действия человека. В таком состоя-

Японские традиционные стили кендо («путь меча») и джиу-джицу

нии легко умереть или убить без колебаний. Осознавая это, буддисты разработали очень жесткий моральный кодекс как неотъемлемую часть этого искусства, не допускающую его превращения в разрушительную силу.

Западную аналогию боевых искусств и своего рода квинтэссенцию понятий чести и доблести мы находим в рыцарских орденах. Еще не канули в лету традиции древнего ордена рыцарей Круглого Стола, воплощенные в почти мифическом образе короля Артура. Все действия, совершавшиеся членами рыцарских орденов, носили ритуальный характер. И рыцарь, и оруженосец, и конь являлись своего рода символами самой жизни. Конь олицетворял материальное нача-

ло, рыцарь — духовное, а оруженосец — психику, связующее звено между материальным и духовным. Он ухаживал за конем, чтобы тот мог служить рыцарю.

Оружие и облачение также были исполнены скрытого смысла. Они служили для рыцаря постоянным напоминанием о его миссии на земле — защищать Справедливость. Древнее оружие, изготовленное из металлов специальной закалки в особые, благоприятные в астрологическом отношении периоды, вручалось рыцарю во время магической церемонии. Меч и ножны, так же как рыцарь и конь, отражали двойственность. Меч символизировал прямую непреклонную волю, ножны — материальную оболочку, личность человека, заключающую в себе эту волю. Покоясь в ножнах, меч не ранит. Им можно нанести удар, обидеть, но не убить. Ножны — это только инертная материя; лишь обнаженная воля обладает возможностью проникать, рассекать, ранить. Щит является воплощением рыцарской чистоты (отсюда белый щит еще одного мифологического персонажа — сэра Ланселота). Копье было символом правды, кинжал — милосердия, шлем — чести, чувства собственного достоинства, кольчуга символизировала замок, крепостную стену, воздвигнутую для защиты от пороков и прегрешений, плащ указывал на то, как много уже сделано и как много еще предстоит, и наконец, герб и девиз представляли и отличали тот символ во плоти, каковым являлся рыцарь.

О священной войне говорится в одной из книг великого древнеиндийского эпоса Махабхарата — Бхагавадгите. На первый взгляд, речь идет о борьбе родов Пандавов и Кауравов за владение городом Хастинапура. Арджуна — один из принцев рода Пандавов. Именно в его сердце и развернется настоящая война. Как все смертные, Арджуна опасается приближения момента истины. Ему предстоит сделать выбор: либо ступить на путь перемен в стремлении к высшему, либо остаться обычным человеком. Арджуна стремится к полету, к войне, но боится взлететь и сражаться, так как ему неведомы священные боевые искусства, призванные помочь человеку победить самого себя.

Морихэй Уэсиба, легендарный основатель айки-до, демонстрирует один из приемов своего искусства

Арджуна, стоящий перед выбором между малодушием и волей к действию, являет собой прообраз воина, синтез того, что мы называем борцом, самураем, рыцарем, героем... Он несет в себе необычное сочетание свирепости и кротости, твердости и поэтичности, мужества и скорби, решительности и тревоги. В этом он ничем не отличается от средневекового рыцаря, отправлявшегося в путь, чтобы защищать своего короля, свою землю и тех, кто нуждается в его покровительстве.

Кришна, учитель Арджуны в Бхагавадгите, говорит: «Знай, что всякий раз, когда добродетель и справедливость покидают этот мир и в нем воцаряются порок и несправедливость, Я, Всевышний, являю себя как человек среди людей и, просвещая их, сражаюсь с пороком и несправедливостью за возвращение справедливости и добродетели из века в век».

В «Книге о рыцарских орденах» Раймунда Луллия мы читаем: «В этом мире все меньше остается места милосердию, верности, правде и справедливости. Все более вытесняют их вражда, вероломство, несправедливость и ложь... Лишь только в этом мире стали обесцениваться идеалы справедливости и милосердия, тотчас возникла потребность в том, чтобы вернуть им прежнюю значимость, и путь к этому лежит через устрашение».

Бхагавадгита утверждает: «Как поступает наилучший, так и другие люди». А в «Книге о рыцарских орденах» говорится: «Король или принц, разрушающий рыцарский орден в себе самом, разрушает не только рыцаря в себе, но и тех рыцарей, что служат ему».

В мистических войнах речь идет не о славе побед и не о горестях поражений. Внешние стимулы не представляют никакой ценности, значение имеет лишь победа над самим собой. Бхагавадгита говорит: «Выполняй свой долг без всякой иной причины, кроме собственно долга, не задумываясь, обернутся ли для тебя добром или злом последствия его выполнения». Древнекитайский полководец Сун-Цзы утверждал: «Быть побежденным можно лишь по собственной вине, а оказаться победителем можно лишь по вине противника». Обе цитаты свидетельствуют о пренебрежении к наградам, о бренности мирской славы и о высоком чувстве долга.

Очевидно, секрет боевых искусств заключается скорее в разумном приложении силы, нежели в чрезмерной агрессивности или использовании разнообразного оружия. Наполеон утверждал, что успех на войне достигается не большим числом, а хорошей организацией и дисциплиной войск. Это созвучно рекомендациям китайского полководца Се-Ма: «Малая армия может добиться лишь малого преимущества; но эти малые преимущества, многократно повторенные, дают ей возможность достичь своих целей». Здесь вновь речь идет о разумном применении силы в самом широком смысле — о терпении, благодаря которому небольшие преимущества становятся слагаемыми великой победы.

Король Артур получает меч Экскалибур от Девы Озера.
Миниатюра из рукописи XIV в.

Рыцарь и дама.
Миниатюра из рукописи XIV в.

На поле боя нет места страху смерти, а потому нет и самой смерти. На память приходят слова из Бхагавадгиты: «Так и бесстрашный воин не боится смерти...», — с которыми перекликается изречение китайского полководца У-Цзы: «Всякий воин должен смотреть на поле боя как на место, где окончатся его дни. Если он будет пытаться выжить, он погибнет. Если, напротив, он не боится смерти, ничто не угрожает его жизни».

Рыцарь, воин, полководец — это не обычные люди. Самой миссией, возложенной на них, они наделены особым превосходством, которое не выразить словами. Оно определяется делами и поступками этих высших людей. В Бхагавадгите говорится: «Лишь глупец тщеславно мнит: *я делаю это* или *я сделал то*. Но мудрец видит за иллюзорным причину и следствие всякого действия». А «Книга о рыцарских орденах» утверждает: «Оруженосец — тщеславный, недалекий, нечистый на слова и одежду, жестокосердный; алчный, сквернослов, вероломный, ленивый, раздражительный и похотливый; пьяница, обжора, клятвопреступник, имеющий также массу иных пороков, — в некотором смысле необходим рыцарскому ордену».

Боевые искусства действительно учат борьбе с тьмой; но победа над ней является результатом постижения ее иллюзорной сущности, неспособной выдержать наступление све-

та. В этой борьбе воин расстается со страхом и уже не ожидает в унынии начала войны, но сам ищет приложения своим силам. «Великий полководец не ждет, когда его призовут. Напротив, к нему приходят за помощью» (Сун-Цзы). Фридрих II говорил: «Лучшими сражениями являются те, в которые вынуждаешь вступить врага». Эту мысль иллюстрирует также психологический образ из Бхагавадгиты: «Чувства... уже ни связывают, ни опьяняют меня, ибо я постиг их».

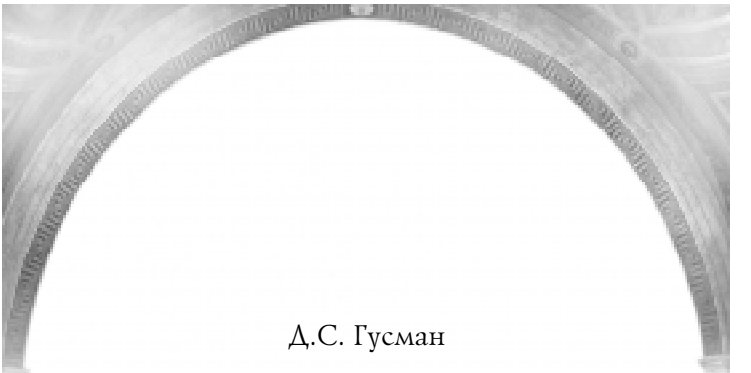
Итак, мы убедились в том, что боевые искусства не служат насилию и разрушению, которые свойственны низменным страстям. Единственно приемлемым в этом смысле является разрушение изъянов и пороков преходящей человеческой натуры. Победа в войне должна стать результатом подлинно мистического действа, в котором участвуют все добродетели и лучшие качества личности. Война и религия неразрывно связаны друг с другом в стремлении одержать верх над силами тьмы во имя света.

Воинская философия исходит из понятия *dialexis* — противоборства двух сил, ведущего к *assesis* — высшему проявлению этих сил в гармоническом единстве. Ограниченность же материалистических направлений невоинской философии заключается в том, что они основываются именно на *dialexis*, не возвышаясь до *assesis*.

Стало привычным мнение, что боевое искусство принадлежит к числу примитивных достижений человечества и что ему нет места в мире, где царит единство и согласие. На это мы возразим, что примитивным является то, что связано с жестокой дракой, а не с войной в символическо-мистическом понимании этого слова. Все высокоразвитые цивилизации — как древние египтяне, китайцы, японцы, так и персы, римляне, ацтеки — блистали выдающимися достижениями в военной области. И во всех этих мировых культурах идея войны была равнозначна религиозной идее.

Для оруженосца, готовившегося к посвящению в рыцари, великой честью была возможность достойно проявить себя в любви к Богу и почитании Его, ибо без этого как рыцарь он не мог бы внушать чувства любви и почитания

другим людям. Лишь тот, кто принимает путь, указанный Богом, и следует ему, может впоследствии управлять людьми и увлекать их за собой. Лишь тот, кто воспринял мир небесный, способен, используя все свои силы и способности, содействовать его приходу на землю. Лишь тот, кто ощутил на себе воздействие Божественного, осознает, что знамена очищаются в огне, сгорая и исчезая в жарком пламени побед и поражений, но никогда не смываются водой простых человеческих страстей, ценой потери Чести.



Д.С. Гусман

ФИЛОСОФИЯ — ШКОЛА ЖИЗНИ

В дискуссии об утопиях, мечтах и реальности сегодня мы поговорим о философии. А говорить о философии значит говорить о многом.

Что такое философия? Утопия? Может быть, ибо философия содержит в себе много того, что осуществится в будущем. Мечта? Да, ибо она пронизывала мечты великих людей всех великих цивилизаций. Реальность? Да, ибо я уверена, что все люди, сами того не зная и не имея никаких ученых степеней, в душе философы. Я уверена, что любой человек, ставящий перед собой определенные вопросы и в моменты одиночества стремящийся понять, кто он на самом деле, уже является философом.

Что такое философия? Я не люблю жестких определений. В жизни мне приходилось изучать их в большом количестве, и я поняла, что в таких случаях заучивание наизусть приносит мало пользы, а достойным внимания является лишь то, что запечатлевается как след в душе. Если идти дальше общеизвестных философских понятий, которые по-разному трактовались на протяжении веков, если не ограничиваться указанием отдельных целей и задач философии, то можно сказать, что философия — это великое искусство, великая наука, особый, глубокий подход к жизни. Этот подход тре-

бует научного обоснования, что если кто-то задает вопросы, он ждет ответов. Этот подход нуждается в искусстве, ибо не все можно выразить словами, и ответы, которые мы хотим получить, не могут иметь произвольной формы. Что же это за подход к жизни? Жить не вслепую, а с открытыми глазами и открытым сердцем, не бояться проникать в таинства, окружающие нас, не бояться всматриваться во Вселенную и задавать вопросы о ее загадках, о загадках человечества и о нас самих. Именно в этом едины все народы, ибо каждый раз, когда человек спрашивает себя, как ему жить в согласии с законом Вселенной, он встречается с Богом и отражает Божественное тысячью разных способов.

Это не означает, что философия и религия тождественны, но это также не означает, что философия исключает религию: философией могут быть наука, искусство, религия и многие самые разнообразные вещи. Это нечто столь всеобъемлющее и универсальное, что иногда действительно грозит превратиться в великую утопию. Среди всех определений философии есть одно, которое мне особенно нравится. Я столько раз повторяла его на своих лекциях, что могу повторить еще раз в этой статье, поскольку, как и в искусстве, здесь повторения никогда не излишни — наоборот, они помогают нам лучше понять то, о чем говорится. Я очень люблю определение, которое приписывается Пифагору. Рассказывают, что, когда знаменитости той эпохи обратились к Пифагору и с великим почтением назвали его мудрым, он ответил на это: «Нет, я не мудрый. Я только любящий мудрость...» Из этого греческого выражения (phileo sophia) родилось слово «philo-sophos» — тот, кто любит мудрость, любит именно потому, что ею не обладает, кто чувствует, что еще многого не знает и что ему многого не хватает. Поэтому он ищет мудрость, стремится к ней. Когда мы называем себя философами и тем самым невольно сравниваем себя с Пифагором, вполне очевидно, что мы еще слишком малы и, чтобы приблизиться к этому великому человеку, нам нужно пройти еще долгий путь. Но, по крайней мере, мы спокойно можем назвать себя «фило-фило-софами», а это под-

разумевает многочисленные попытки стать хотя бы на один шаг ближе к мудрости, сильную любовь и много ступеней, которые еще надо преодолеть, чтобы достичь той великой Любви, о которой говорил Пифагор, любви к мудрости, несущей в себе сильнейший импульс, подталкивающей нас к тому, чего нам не хватает, к тому, в чем мы поистине нуждаемся.

Платон говорил, что мы любим не то, что имеем, а то, чего нам не хватает. Именно любовь ведет нас к тому, чего нам недостает, к тому, что дополняет нас, делает нас более совершенными. Осознание того, что мудрость существует и что мы ею не обладаем, очень полезно, поскольку заставляет нас хоть что-то делать. Такая любовь помогает нам выйти из собственной скорлупы, сломать барьеры эгоизма, построенные из «я хочу», «мне нравится», «меня волнует». Ибо, когда мы начинаем смотреть на таинства Вселенной другими глазами, перед нами открываются многие двери и внутрь нас самих, и — гораздо чаще — вовне. И чем глубже мы понимаем то, что нас окружает, тем больше получаем возможности понимать других людей.

Сегодня, многие века спустя после Пифагора, после тех философов, которых считают утопистами, философия значительно отличается от того, чем являлась прежде. Я почувствовала это на собственном опыте, изучая ее в университете. Помню, что меня тревожило постоянное ощущение неудовлетворенности. Сегодня философия — это нечто весьма абстрактное: много слов и много понятий, трудных для восприятия. Когда человек имеет лишь такое представление о философии, он старается держаться от нее подальше, и эта реакция вполне естественна. Сегодня философия сведена к изучению истории философии, взглядов и мыслей философов всех времен и народов. В самом этом факте нет ничего плохого: в каждую эпоху соблюдались определенные нормы, и были философы, которые считались хорошими и пользовались всеобщим уважением, в то время как других запрещали и считали плохими, достойными презрения. Но когда проходит некоторое время, все меняется: плохие становятся

хорошими, а те, кого считали достойными уважения, оказываются по другую сторону — история философии также подвластна переменчивым законам моды. Сегодня, к сожалению, философия уже не связывается с чем-то практическим и полезным в жизни. Представления о философии как о своего рода утопии, не имеющей никакой пользы и применения, имели неблагоприятные последствия, особенно в прошлом и нынешнем веках, когда как следствие стали рождаться и брать верх многие материалистические идеи. Например, в Испании и в некоторых других странах, к счастью, немногих, решили исключить философию из школьных и университетских программ обучения, поскольку было непонятно, зачем она вообще нужна. В результате всего этого люди стали избегать философии, так же как человек, не нашедший смысла жизни, избегает оставаться наедине с самим собой. Сегодня в людях много душевной пустоты, неуверенности в себе, и мы не должны удивляться тому, что всюду встречаем коррупцию, беспорядок, природные катастрофы. Ибо когда человек не находит в себе внутренний стержень, он теряет возможность идти вперед.

Тридцать лет в «Акрополе» я изучаю философию, и еще несколько лет до того изучала в университете, — ей посвящена большая часть жизни. И хотя мне часто говорят, что все это ни к чему и не имеет никакого смысла, я продолжаю отвечать вопросом на вопрос: «А великие проблемы бытия, наши тревоги и волнения — где же можно найти их решение? Что делать со всем тем, что возникает где-то глубоко внутри, когда мы остаемся наедине с самими собой? И зачем жизнь, зачем смерть, какой смысл в боли, почему мы стареем, почему с нами случается то, что случается? Ради чего существует страдание и почему мы можем переходить от страдания к радости, от радости к страданию, и что переносит нас, словно ветер, из одного состояния в другое? Почему у нас возникают страхи, почему — сомнения?» Когда в нас рождаются такие вопросы, мы вынуждены либо искать ответы, либо продолжать жить в постоянной тревоге, как человек, надевший на глаза повязку и не желающий ничего ви-

деть. Когда есть неясности и вопросительные знаки, нет лучшего способа, чем продолжать формулировать вопросы, ведущие нас к поиску ответа. Когда Сократ говорил: «Я знаю только то, что я ничего не знаю», — он говорил это не для того, чтобы смириться с таким положением вещей. Это было одновременно и признание того, что многое ему неведомо, и та загадочная точка отсчета, с которой начинается путь поиска: «Я буду познавать больше, ибо нуждаюсь в большем...» Проходят века, но человек продолжает ставить перед собой все те же вопросы. И достаточно появиться хотя бы одному-единственному ответу, чтобы философия вновь стала и полезной, и нужной. Философия — великий учитель, ее уроки — уроки жизни. Жить полноценно — это самое трудное, и почти никто нас этому не учит.

Возможно мы, не станем мудрыми, но по крайней мере у нас будет чуть меньше страхов, чуть меньше сомнений, чем раньше; мы, наверное, еще не будем способны созерцать Великую Истину, но уже начнем обретать уверенность.

Вопросы о главном: «Кто я такой? Что делаю здесь и сейчас, ради чего живу? Откуда я пришел и куда иду?» — это лишь форма, помогающая нам учиться жить. Искусство жить состоит в том, чтобы изо дня в день пытаться ответить на эти вопросы, чтобы понимать смысл боли и страданий. Философы Востока, столь древние, что мы уже зачастую затрудняемся определить, когда они жили, говорили, что боль — это инструмент сознания. Когда кто-то счастлив, смеется и радуется, вряд ли он будет задавать себе вопрос: «Почему это со мной происходит?» Пожалуй, мы, люди, чаще извлекаем истинные уроки тогда, когда страдаем. Искусство жить учит, что каждый раз, когда мы испытываем боль, мы должны остановиться и задать себе вопрос: «Почему я страдаю? Чему пытается научить меня жизнь в данный момент? Что стоит за этой болью? Какой важный урок я могу извлечь из всего этого?» Когда философ учится жить, Судьба всегда ставит перед ним определенное испытание, и если он его преодолевает, то может уже с полной уверенностью ждать следующего, зная, что пройдет через него, пробуждая новые

внутренние силы души и понимая, что ему предстоит еще многому поучиться у жизни.

Искусство жить заключает в себе способность придавать жизни и другим людям ту ценность, которую они имеют. Тяжело слышать, как молодые люди говорят: «Я не просил, чтобы меня рожали...» — в этих словах словно кроется серьезный упрек. Упрек кому? Я не знаю, просили ли мы или нет у кого-то разрешения, чтобы прийти в эту жизнь. Но дело в том, что мы уже здесь, и поэтому мы должны научиться придавать жизни ту ценность, которую она имеет, ибо она является поистине великим подарком. Невозможно хотеть научиться жить и при этом позволить себе волочиться и ползти по жизни — в преодолении этого также состоит искусство жить полноценно. Вместо того чтобы быть бревном, которое течение реки бросает то в одну, то в другую сторону, нужно суметь превратиться в лодку с рулем и веслами, научиться управлять собой и сражаться с течением жизни.

Разве философия, это искусство жить, — лишь для немногих? Нет, она для всех. В любой момент и в любом месте нам нужен кто-то, кто мог бы направить нас в этом искусстве жить полноценно. Нам нужен Учитель. Философия учит нас глубокому пониманию того, что такое Учитель и что такое Ученик.

Невозможно рассуждать о философии без того, чтобы говорить о воспитании. Я заглянула в словарь, чтобы посмотреть, что значит воспитывать, и нашла такие замечательные понятия, как «руководить», «направлять», «наставлять». Прочитав, я подумала, что в словаре все это звучит хорошо, но в жизни не каждый воспринял бы это с восторгом: никто не хочет быть руководимым, направляемым, наставляемым. Сегодня многие предпочитают ощущение свободы тому, чтобы учиться. Мы на первое место ставим свободу и только потом познание. Но, тем не менее, воспитывать означает именно направлять, руководить, уметь показывать путь. Воспитывать может только тот, кто имеет душу воспитателя, ибо он способен почувствовать человека, проникнуть в его внут-

ренний мир и увидеть все, что в нем заложено. Он способен пробуждать, развивать и усиливать все те загадочные внутренние достоинства и потенциалы, которые часто остаются скрытыми или в силу жизненных обстоятельств угасают. Если у самого человека не находится сил для того, чтобы извлечь эти потенциалы из глубин своей души и проявить их, если никто не может помочь ему, направить его в этом процессе, то они будут оставаться скрытыми или подавленными до конца жизни.

Основатель «Нового Акрополя» и мой учитель профессор Ливрага много говорил о воспитании. Он объяснял, что под воздействием воспитания выходят на свет самые глубокие и подлинные внутренние качества человека. Основной принцип и функция воспитания заключены даже в самом слове, обозначающем это понятие: educere в переводе с латинского означает извлекать наружу то, что находится внутри. Платон говорил, что философ иногда выполняет роль повивальной бабки. Когда мы рождаемся физически, всегда есть кто-то, кто помогает нам появиться на свет. Для духовного рождения было бы очень полезно, чтобы рядом находился философ, тот, кто дает нам новую жизнь. Мы рождаемся заново именно с того момента, когда философ начинает работать с нами, чтобы пробудилось и проявилось все скрытое, что мы несем внутри, когда он помогает связать в одно осмысленное целое все наши идеи, внести порядок в наши чувства, спокойствие и уверенность — в нашу душу. Профессор Ливрага говорил, что истинная педагогика развивает в человеке его способность к познанию: она воспитывает не искажая, информирует не обманывая, пробуждает душу и те внутренние силы, которые заложены в каждом человеке.

Основные принципы искусства воспитания, согласно Платону, заключены в четырех добродетелях, которые были так же ценны и необходимы тысячи лет тому назад, как и в наше время: храбрость, самообладание, благоразумие (умеренность) и справедливость.

Быть храбрым не означает быть безрассудным, а значит быть сильным и жить с достоинством. Самообладание — это

способность управлять собой, всегда находить справедливую меру и возвышенное, духовное равновесие. Слово «благоразумие» может толковаться по-разному. Быть благоразумным означает быть мудрым; только знающий человек может быть поистине благоразумен. Человек незнающий всегда неосторожен и неблагоразумен: он очертя голову бросается в любое приключение и, не имея никаких критериев, всегда действует раньше, чем думает. Конфуций говорил, что благоразумный человек думает об одной проблеме два раза. Думать один раз — слишком мало, а думать три раза — это уже слишком много. Два раза — именно то, что требуется. Это и есть благоразумие, это и есть мудрость.

Хорошее воспитание формирует и трансформирует. Хорошее воспитание — это внутренняя алхимия. Научившись чему-то, мы уже не можем оставаться такими, какими были прежде. А если в нас ничего не изменилось, это значит, что в действительности мы так ничему и не научились, что мы просто запомнили, выучили наизусть массу вещей, о которых на самом деле не знаем ничего. Воспитание формирующее и трансформирующее, как говорил нам профессор Ливрага, никогда не навязывается людям и никогда не форсирует искусственно процесс пробуждения души. Никто не имеет права ломать человеческую личность. Воспитание, о котором мы говорим, должно освободить нас от многочисленных недостатков, зависимостей, от страхов и сомнений. С того момента, когда мы сумеем сбросить с себя весь балласт, мешающий проявлению нашей истинной природы, «отдать швартовы», чтобы наш корабль мог отправиться в плавание к новым далям, наша душа вновь будет чувствовать себя поистине свободной. Воспитание, формирующее личность, призвано помочь нам учиться тому, как познавать. Нам необходимо учиться на практике, поскольку мы стали уже слишком инертными. Мы слишком засиделись на месте, нам не хватает опыта. Мы должны стать самими собой. Шаг за шагом нам предстоит встречаться с маленькой долей таинств внутри и вне нас, осознавая, что даже одна эта маленькая встреча гораздо прекраснее, чем отсутствие ее, чем то состоя-

ние, когда не знаешь, что такое твое Высшее «Я» и где его искать.

Я подобрала два изречения на эту тему, одно из них принадлежит Платону, а другое — профессору Ливраге. Платон говорил: «Как прекрасен этот божественный огненный порыв, вдохновляющий тебя на поиск сути и смысла всех вещей и явлений! Продолжай упражняться в нем столько, сколько могут выдержать твоя душа и твое тело. Продолжай укреплять его, даже если на первый взгляд тебе покажется, что он ни на что не годится, даже если вульгарные люди назовут его лишь красивым пустословием. В противном случае Истина ускользнет из твоих рук и покинет тебя».

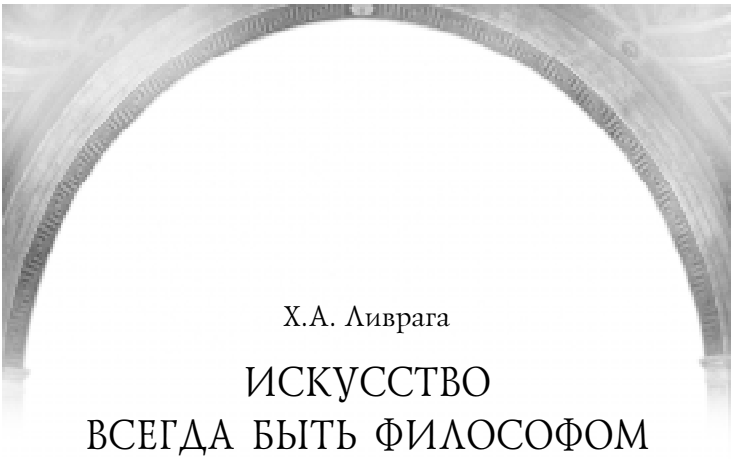
Как мало изменился мир! Уже два с половиной тысячелетия тому назад молодые люди, собиравшиеся вокруг таких философов, как Сократ и Платон, говорили им, что поиск сути и смысла всех вещей является лишь абсурдным пустословием. Платон возражал этому, утверждая, что на поиск смысла нас всегда вдохновляет божественный огненный порыв, и добавлял: «Делайте это, пока вы молоды, ибо потом может случиться, что этот огненный импульс покинет вас и будет навсегда утрачен вами...»

Когда мы спрашивали профессора Ливрагу: «А что мы будем делать, когда состаримся, когда перестанем быть молодыми?» — он отвечал: «Молодость — не в лице, не в теле, не в отсутствии морщин... Она живет в Душе человека». Он рассказывал о Золотой Афродите, загадочном божестве древних греков, об Афродите вечно молодой, вечно сияющей, вечно прекрасной, живущей внутри каждого из нас. И если мы прожили полноценную жизнь, принесшую спокойствие совести, внутреннее удовлетворение и новые познания, то каждый раз, задавая себе вопрос «Сколько мне лет?», мы можем ответить: «Какое значение имеет мой возраст? Я все равно молод, и у меня впереди еще много дел».

Профессор Ливрага учил нас, каким прекрасным на самом деле является наш век, открывший столько новых дверей, столько возможностей пользоваться благами технического прогресса. Наука уже позволила нам полететь на Луну,

и теперь настал черед философии дать нам возможность совершить еще более удивительное путешествие — путешествие к глубинам человеческой души.

Всех нас привлекает возможность проникнуть в тайны самих себя; и когда это великое таинство начнет совершаться, тогда нам предстоит проделать обратный путь — с открытой душой к сердцам живых людей, ищущих любви и понимания; иными словами, стать философами через воспитание и по-настоящему живыми — через философию.



Х.А. Ливрага

ИСКУССТВО ВСЕГДА БЫТЬ ФИЛОСОФОМ

Это искусство сегодня почти забыто. Мы выросли в суматохе постоянных изменений, вечного движения, к которому нас побуждает то скука, то фантазии нашей психики.

«Старый мир», в котором все мы живем, все еще крепко держит нас — своими пустыми привычками, «маленькими радостями», пестротой религиозных форм, уже лишенных сути, и отупляющим материализмом.

Нам очень не хватает способности остановиться и внимательно посмотреть вокруг — а ведь это один из способов увидеть самого себя. Мы идем, попирая все и вся, без размышления, без реального участия в жизни Природы, которая есть проявление Божественного.

Мы забыли, что есть вещи дорогие, близкие сердцу, пусть даже маленькие и незначительные, но зато наши, родные, согревающие душу и укрепляющие дух. Иногда даже кажется, что мы утратили любовь к ним.

Думаю, пора вернуть это забытое искусство.

У нас под рукой Платон, в нашем распоряжении «Тайная Доктрина», хорошая библиотека... Но достаточно ли этого?

Что значит быть философом? Учиться, вести занятия, читать лекции, узнавать то, что прежде было неизвестно? Да... но не только. Необходимо чувствовать сокровенную

реальность всех вещей и уметь жить ею. А для этого недостаточно только лишь делать те или иные упражнения, садиться в определенные позы, изнурять тело постом и воздержанием или ударяться в другую крайность. Нам не хватает чего-то другого, более возвышенного. Нам не хватает понимания того, что есть вещи, которые на первый взгляд незначительны, но на самом деле велики и очень важны.

Я знаю также, что, будучи весьма далек от совершенства, мало подхожу для того, чтобы быть идеальным примером философа. Но раз уж я оказался в поле вашего зрения и чувствую потребность разделить с вами маленькую долю своего жизненного опыта, я попытаюсь преодолеть вполне естественное смущение и расскажу одну историю из собственной жизни. Не все можно передать словами, но я хочу поделиться своим опытом в надежде, что он окажется вам полезен.

Пару месяцев я жил на острове Майорка, куда приехал, чтобы писать свою новую книгу и вновь испытать очарование древней магии моря.

Как-то раз мои спутники отправились за покупками, а чтобы не искать стоянку, оставили меня в машине.

Вечерело.

Передо мной по главной улице двигался нескончаемый поток туристов: небольшой рыбацкий городок летом превращается в центр отдыха. Из боковой улицы, уже погруженной в темноту, я мог видеть все происходящее, не замечаемый никем, как будто из другого измерения.

Я видел спешащих в разные стороны людей. Машины, мотоциклы, велосипеды с трудом прокладывали себе путь сквозь людской поток. Я видел парочки влюбленных, полностью поглощенных друг другом, и стариков, которых роднила неторопливость и отчасти общие воспоминания. Какие-то дети бегали, увлеченные своими играми, которые для взрослых остаются загадкой.

Мне подумалось, что если бы вдруг все услышали, что Истина находится там-то и там-то и что ее можно увидеть собственными глазами, то все ринулись бы к ней. И поэтому каждый раз, когда я вижу людей, идущих каждый в свою

сторону, сердце подсказывает мне, что ищут они вовсе не Истину. Каждый пытается приблизиться к своей собственной истине, отражающей, как правило, его желания, стремления, да и вообще все что угодно.

Я увидел первые звезды, совершающие свой путь по небу, и старый парусник, в неподвижности ожидающий на верфи нового плавания.

Мной овладело странное чувство. Я понял, что могу быть философом, не вспоминая ни Гераклита, ни Канта.

Откуда-то пришло осознание, что постоянное движение вещей и живых существ, ищущих чего-то, пусть даже бессознательно, тем не менее является естественным и достойным уважения. Бог есть во всем и во всех, в каждом пути, в каждой надежде, в каждой ностальгии. Упустить возможность увидеть это Божественное присутствие во всем — великая ошибка. Но еще большая ошибка — перестать из-за этого быть философом. Ибо именно понимание этой истины привело меня к тем маленьким откровениям души, о которых я вам рассказываю, и ко многим другим осознаниям, о которых храню молчание, не находя слов, чтобы выразить невыразимое.

Вдруг я почувствовал, что со всеми людьми меня связывают какие-то загадочные узы. Вспоминая о том, что писал великий поэт Амадо Нерво, я ощутил, что каким-то таинственным способом все люди стали моими братьями... Бог... Я сам... Жизнь... Время... Пространство... Все переплелось и объединилось во мне.

Я был ребенком, бегал и играл; я был влюбленным и шел, не замечая ничего, кроме своей любви; я был стариком и брел, с трудом передвигая ноги, по улицам, где проходил тысячи раз; я говорил на немецком, английском, французском, испанском, итальянском, шведском. Я был звездой, плывущей по небу, и старым кораблем, застывшим на верфи. Эти несколько минут я жил великой истиной, непоколебимой уверенностью, покоем и волнением одновременно.

И я понял, что в этот момент был философом — философом, каким не могут сделать ни титулы, ни звания, ни книги.

Да, просто философом... И это было так прекрасно!

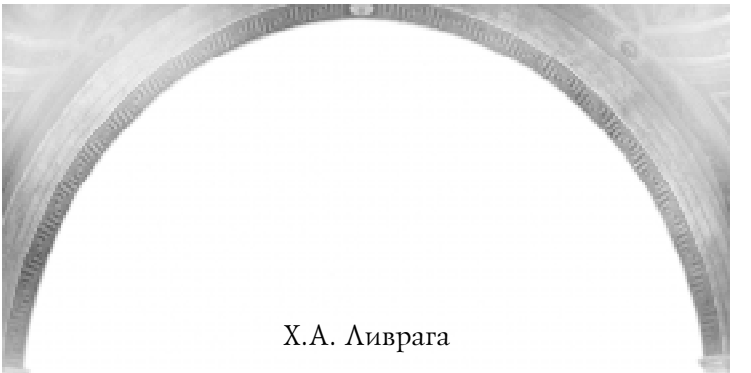
Поэтому я вам об этом и рассказываю.

И если многие из вас все еще не понимают, о чем я говорю, пусть это их не тревожит. Я тоже до конца не понимаю. Я просто делюсь с вами маленьким откровением души, внутренним, тонким, но интуиция подсказывает мне, что оно чрезвычайно важно.

Не приоткрылась ли в этот момент грань забытого искусства — великого искусства быть философом всегда и везде?

Я искренне верю, что это так.

Попробуйте как-нибудь и вы — не пожалеете.



Х.А. Ливрага

КАПЕЛЬКУ ВЕЖЛИВОСТИ, ГОСПОДА!

Этимологически слово «вежливость» (cortesia) происходит от древнего cortes — «дворы». При дворе правителя обычно собирались философы, художники, писатели, политики, экономисты, судьи, врачи, все профессионалы и выдающиеся, достойные люди, которые рассматривали важные государственные вопросы и принимали решения. Согласно Платону, это были объединения людей, которые своими талантами, знаниями и способностями приносили пользу и служили обществу. Именно поэтому они несли ответственность за все важные дела в государстве. Слово «государство» на латыни звучало как res-publica («общее дело»); отсюда и произошло понятие «республика».

Во всех известных нам культурах и цивилизациях древности существовали особые формы вежливости во взаимоотношениях между людьми. В так называемом западном средневековье такие отношения формировались в узких кругах дам и рыцарей, а также в рыцарских братствах, где человек начинал свой путь с пажа и заканчивал посвящением в рыцари.

К сожалению, со временем многие из этих прекрасных и полезных традиций были забыты и даже полностью разрушены, а на их месте появились искаженные формы, содер-

жащие в себе много фальшивого и искусственного. Именно эти формы дошли до наших дней, внедрились в массовую культуру и стали единственным проявлением вежливости. И поэтому сейчас, особенно среди людей среднего возраста, испытавших на себе все последствия послевоенного времени, вежливость стала отождествляться с неискренностью и фальшью.

И задача философов — спасти от забвения и возродить формы вежливости, которые помогли бы человеку не опускаться до состояния озверения, уничтожающего все порывы души, и не поддаваться сугубо животным инстинктам.

Вежливость — это одно из проявлений благородства и любви, это узнавание всеобщего братства, далекого от классовых, этнических, половых, национальных, социальных и экономических различий. Это простой, но благородный способ воплощения первого принципа «Нового Акрополя»: объединять всех людей, независимо от их вероисповедания, расовой принадлежности и социальных условий, вокруг идеала всемирного Братства.

Делая подарок, каким бы скромным он ни был, мы обычно упаковываем его в многочисленные обертки и перевязываем цветными лентами, чтобы, прежде чем он выполнит свою непосредственную задачу, дорогой нам человек почувствовал, что мы думали о нем и от всего сердца хотели выразить свои самые теплые чувства. Точно так же любое наше слово или дело должна пронизывать способность отдавать и любить.

Я не знаю, какие качества — мужские или женские — усиливаются в человеке, когда он достойно отвечает на грубость и нетонкость. Но я точно знаю, что каждый — и мужчина, и женщина, — кто привносит во все, что он делает, капельку красоты, любви и вежливости, становится настоящим рыцарем и настоящей дамой, в высшей степени достойными уважения. Когда мы приветствуем друг друга пожатием руки, объятиями или поцелуем — в зависимости от обстоятельств, — каждый из нас в каком-то смысле становится актером. Под этим словом нам следует понимать то, что вкла-

дывал в него император Август: актер — это активный и деятельный участник жизни, тот, кто что-то делает по-настоящему. Согласно законам Театра Мистерий, истинный актер — это тот, кто, играя определенную роль, живет ею, становится своим персонажем и таким образом помогает увидеть вещи в новом свете. Своей игрой он вносит в роль нечто свое, глубоко человечное, и благодаря этому украшает, облагораживает и делает более достойными вещи и события. Он преображает их так, чтобы каждый человек тем или иным образом мог почувствовать свою причастность к ним.

Нам следовало бы сделать усилие и отказаться от любых проявлений гнева, горечи, ненависти и обиды. Такой подход (даже если изначально он лишь внешний, но настойчиво и упорно поддерживается) проникает глубоко в душу — так шут из сказок, смеясь и смеша, сам заражается своей радостью, и она становится для него утешением в злоключениях жизни.

Существует очень много религиозных и политических идеологий, ставших причиной боли, страданий и слез многих людей, даже целых народов. Давайте дадим миру иное — радость, покой, согласие, счастье. Философ, которого могут привести в уныние любые, даже самые банальные, обстоятельства, — не настоящий философ. И еще в меньшей степени он является философом, когда выставляет напоказ свои проблемы, плачется о своих несчастьях всем знакомым, тем самым давая лишь очередное доказательство своей слабости, духовной немощи и злоупотребления добротой других.

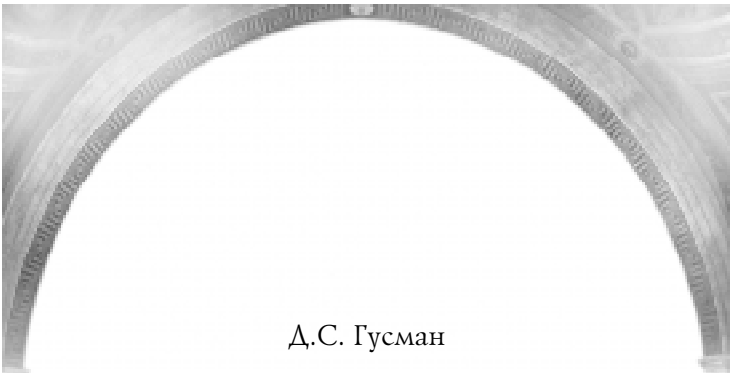
Пусть для нас станет привычным давать прежде, чем просить.

Мы должны избегать судить других. Ведь наша способность распознавать и критерии оценки слишком искажены предвзятостью наших мыслей и эмоций. Мы должны быть сильными и крепко стоять на ногах.

В мире и так хватает людей, которые много просят, ничего при этом не отдавая. Не стоит становиться одним из них.

И дело не только в деньгах. Пусть наши руки не будут пустыми! Наша сила, доброта и добрая воля должны быть в

распоряжении всех. Мы должны работать много. Мы должны учиться, думать и просить судьбу лишь о самом необходимом... Но прежде всего надо научиться действовать со всей скромностью нашего сердца и благодаря этому победить в себе все проявления эгоизма. Скромность сердца — это внутреннее качество, которое нельзя путать с внешней разболтанностью и неопрятностью тела и одежды. Будем вежливы! Давайте каждый день и по-настоящему создавать мир новый, лучший. И жить в нем.



Д.С. Гусман

ОПТИМИЗМ И ФИЛОСОФИЯ

Мы посвящаем эту беседу нашему веку, столь искушенному в несоответствиях. Нам представляется, что ему свойственны некоторые противоречия, которые не всегда оказываются таковыми.

К сожалению, из-за нашего многословия слова тускнеют и постепенно утрачивают свое значение. Человеческая речь не только потеряла свое содержание, она стала бесполезной. Вместо средства, позволяющего нам понимать друг друга, обмениваться мыслями, появилось нечто эмоциональное, субъективное, выдуманное.

Слова перестали иметь рациональное значение, но появились значения, связанные с образами. Мы заменили разум эмоциями, мышление — воображением. Я подчеркиваю это, чтобы показать, в какой степени язык образов — плод прогрессирующего упадка разума — подорвал нашу способность проникать в суть понятий. Поэтому мы не знаем точно, ни что такое оптимизм, ни что такое философия, ни как соотносятся эти понятия. Предполагается, что философ, познавший жизнь, не может быть оптимистом. Но почему? Если философия — это любовь к мудрости, если это поиск знания ради того, чтобы разрешить всеобщие вопросы бытия, тогда философу необходимо быть оптимистом, ведь любое

настоящее исследование обогащает. Очень важно, чтобы этот поиск был искренним, реальным, эффективным; это не только исследование, но и искреннее желание найти ответ, подлинная потребность и жажда души, которая хочет познавать и с пользой применять то, что уже известно. Что же такое оптимизм?

Если мы говорим о необходимости здорового оптимизма, было бы хорошо начать с его определения, уточнив также значение его противоположности, которую мы называем пессимизмом. Существует мнение, что быть оптимистом значит верить не только в «хорошее», но и в «лучшее». Оптимиста не удовлетворяет достигнутое, он желает чего-то лучшего, более совершенного.

Оптимист — это тот, кто считает, что наш мир безупречен, ибо создан совершенным Богом, и что мы, люди, живущие в нем, также единственны и неповторимы. Вера в то, что этот мир прекрасен (или, по крайней мере, более всего подходит для нашей эволюции), поддерживалась многими мыслителями на протяжении всей истории. Примером может послужить такой великий философ, как Платон. Философы Александрийской школы, в том числе Плотин, также были оптимистами. Однако, чтобы прийти к оптимизму и вернуться к истокам жизни, им нужно было преодолеть ряд свойств собственной личности, не позволявших видеть этот принцип, дающий уверенность. Св. Ансельм и св. Фома тоже были оптимистами. Что это означало для них? Может быть, жить мечтой об абсолютном совершенстве? Или это было погружением в воображаемое, в химеры?

Для мыслителей философских школ, о которых мы упомянули, быть оптимистом означало найти смысл жизни; знать, что жить — значит расти, развиваться, подчиняться циклам, которые ведут к цели; знать, что жизнь не случайна и в конце пути то, что мы считаем «хорошим», обязательно восторжествует над «плохим». Но поскольку не все философы рассматривали жизнь с позиции эволюции, возникла абсолютно логичная реакция — пессимизм. Мыслителям-пессимистам неважно, что будет происходить завтра, их не ин-

тересует грядущая победа добра над злом. Значимым является «сегодня», и поскольку сегодня есть страдания, боль, ошибки, то нет оснований быть оптимистом. Именно это позволило Вольтеру назвать оптимизм верой дураков.

ФИЛОСОФИЯ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Мы увидели две позиции, которые кажутся непримиримыми. Это уже не философия и оптимизм, а оптимизм с одной стороны и пессимизм с другой.

Попытаемся обосновать философский оптимизм, не желая занимать промежуточную позицию, так как считаем возможным совместить две эти «непримиримые» противоположности.

С непосредственностью философа-ребенка, как говорил Аристотель, спросим себя: совершенен ли мир, в котором мы живем и частью которого являемся? Честно нужно признать, что нет.

Этот мир несовершенен; в нем не все плохо, но он — не лучший из миров. Однако мы могли бы поставить вопрос по-другому: может ли этот мир стать лучше? Может ли он достичь совершенства? Скажем так: наш мир может стать лучше, но эта возможность предполагает определенные действия. Иными словами, мы говорим об оптимизме одновременно философском и практическом.

Позиция философского оптимизма такова: если вещи несовершенны, то их, как минимум, можно привести в порядок. И это не подчиняется чему-то невидимому, нисходящему сверху, а зависит только от нас, от наших усилий, наших рук, наших мыслей, представлений, оценок, нашей философской способности любить мудрость, не довольствуясь просто любовью, а стараясь становиться все мудрее. Сказав, что он не мудрец (sophos), а только philo-sophos, Пифагор сформулировал теорию философского оптимизма. Он не только выразил ее словами — он жил в соответствии с нею. Называя себя философом — любящим мудрость, ищущим муд-

рость, — Пифагор посвятил себя поиску истины и воплощению ее в жизнь, тем самым показав пример оптимизма не иллюзорного, а реального.

Многочисленные научные труды утверждают, что то, кем человек является в жизни — оптимистом или пессимистом, — никак не связано с философским оптимизмом, благодаря которому мы становимся лучше; они относят этот вопрос к области психики, к субъективно эмоциональному аспекту. Усталый, грустный, слабый человек, вероятнее всего, будет пессимистом, поскольку такое состояние психики приводит его к страху перед жизнью и всеми ее проявлениями. И, наоборот, человеку противоположного склада не составляет труда бороться с трудностями, находить общий язык с другими людьми и разрешать проблемы исходя из оптимистического настроя. Однако не все так просто. Нам представляется, что пессимизм и оптимизм не сводятся исключительно к психологии, где все зависит от настроения или характера человека. Ментальные и духовные факторы также влияют на формирование жизненной позиции в оптимистическом либо пессимистическом ключе.

ПЕССИМИЗМ

Причина пессимизма — материализм. Склонность рассматривать существование как нечто чисто материальное — это одна из тенденций, порождающих пессимизм. Доводы логичны: если мир абсолютно материален, то все, что мы видим, все, что нас окружает, незначительно, и больше ожидать нечего. Повседневная жизнь, полная боли, страданий, безнадежности, голода, смерти, лжи, катастроф, войн и несчастных случаев, не сулит нам ничего хорошего.

Тот, чьи представления основываются на материализме, легко может прийти к пессимизму, потому что для него быть счастливым означает владеть конкретными вещами, которые, будучи материальными, невечны, преходящи. Важно что-то иметь, но, когда уже обладаешь желаемым, появляется страх потерять это, внутреннее отчаяние: ведь приобретенное мо-

жет тут же ускользнуть из рук. Мы даже не успеваем насладиться тем, что имеем, так как постоянно задаем себе вопрос: а надолго ли?

Желание обладать распространяется и на сферу чувств. Если мы любим человека, но любим его с тем же материалистическим подходом, то постоянно задаемся вопросами: как сильно нас любят, как долго будут любить, всю ли жизнь? Итак, мы видим, как ментальное представление, господствующее в последние годы, может сделать жизнь пессимистической. Рассмотрим другие факторы, которые, маскируясь под духовные, также приводят к пессимизму.

Существует тенденция к пессимизму псевдоэзотерического характера, связанная с неправильно понятыми философскими идеями, пришедшими с Дальнего Востока — дальнего и в пространстве, и во времени. Очень часто в литературе встречается слово «карма». Напомним в двух словах, что Карма — это закон, который, согласно восточной философии, лежит в основе развития жизни. Его называют законом причины и следствия, так как все, что возникает во Вселенной, внутренне взаимосвязано, все события являются звеньями одной цепи. Таким образом, все происходящее взаимообусловлено — одно зависит от другого. Эта концепция, плохо интерпретированная, может породить пессимизм: все, что с нами происходит, — это «карма». Зачем что-то исправлять, какой смысл бороться, для чего подниматься над самим собой, если все — «карма»? Таким образом, вследствие искажения философских идей или духовных учений также можно поддаться пессимизму, который приводит к апатии, инерции, смерти при жизни.

ФИЛОСОФСКИЙ ОПТИМИЗМ

Вернемся к философскому оптимизму. Мы убеждены, что в жизни никто не способен быть абсолютным оптимистом: все мы иногда страдаем, испытываем боль. Но нет и абсолютных пессимистов, потому что, несмотря ни на что, мы все же продолжаем сражаться.

Начнем с низшего, материального плана. При правильном восприятии материя может привести к оптимистическому взгляду на жизнь. Достаточно пристально, неравнодушно посмотреть вокруг, чтобы увидеть красоту и совершенство всего, что с заботой и вниманием создано во Вселенной, как бы мало мы о ней ни знали. Законы, управляющие материей, организуют ее, а следовательно, превосходят. Материя отражает красоту. Хотя сама по себе материя темна, тяжела и тленна, она должна радовать сердце уже одним фактом присутствия в ней чего-то высшего, того, что ее очищает, возвышает, того, что своим прикосновением порождает в ней красоту.

Перейдем на психический план. Все мы испытываем переживания, ощущаем боль. Восточная философия, которая, сама того не желая, породила пессимизм и материализм, на самом деле учила нас гораздо более важному: страдание, боль — это двигатель сознания. Без страданий мы не воспринимаем окружающей действительности, ничто нас не трогает.

Боль и страдание — это не зло и не повод быть пессимистом. Их нужно рассматривать, по выражению стоиков, как школу жизни. Это означает воспринимать страдания как форму обучения, каждый раз выходить из испытаний омытыми и очищенными, убедившись, что способны, приобретая собственный опыт, после перенесенных страданий становиться немного лучше, чем раньше.

Мы привыкли думать, что страдаем; мы жалуемся на жизнь, так как не всегда добиваемся всего, чего хотим. Здесь есть два варианта. Если нечто жизненно важно, правильно, честно, благородно и мы убеждены, что это действительно необходимо, то мы добиваемся этого, делая все возможное. А если горячо желаемое нами — лишь результат временного увлечения, если нам только кажется, что желание идет из глубины души, то лучше от него отказаться. Нет потребности — нет страдания; нет ложных амбиций, которые нужно удовлетворять, — опять-таки нет страдания.

Не так просто определить, глубоко ли, подлинно ли то, к чему мы стремимся. Необходимо спросить себя, насколько

устойчива наша потребность, насколько глубоко внутри себя мы несем желание, стало ли оно частью нашего существа, подобно ли оно той жажде знания, мудрости, с которой мы просыпаемся и засыпаем, которую имеем в виду, когда говорим о философии.

Если потребность сохраняется долго, значит, она исходит из души. Если же эта потребность — лишь каприз, прихоть, то достаточно не думать о ней, чтобы со временем желание пропало. Стало быть, боль и страдания, связанные с нашими амбициями, обучают и воспитывают, шлифуют нас, сглаживая те внешние потребности, которые не исходят из нашей сути.

Переходим на более высокий план: оптимизм в аспекте ментальном и рациональном. Такой оптимизм превращается в веру, в обоснованные и прочные убеждения, дающие смысл жизни, являющиеся опорой существования. Если, «приподнимая вуали», мы пытаемся постичь законы Природы, если действительно хотим понять происходящее вокруг нас, то, без сомнения, приходим к выводу, что все имеет смысл, и этот смысл придает нам уверенность и стабильность.

Древние говорили, что знать — значит мочь, а мочь — это упражнять свою волю. Тот, кто имеет сильную волю и использует ее для выполнения задач, пусть даже небольших, не может быть пессимистом.

ЭНТУЗИАЗМ

Невозможно быть пессимистом в области духа. Мы должны оставить в стороне все идеи, которые сталкиваются в нас как добро и зло, стараться избегать сосуществования в нас бога и дьявола, хорошего и плохого. Антагонистические ценности ведут борьбу внутри человека, превращая нас в наблюдателей, что приводит к сомнениям и страданиям, к постоянной неуверенности. Не существует бога и дьявола — есть только Бог. Нет добра и зла — есть добро. Дело в том, что добро может выражать себя столь разными способами, что

иногда мы не в состоянии понять этого и в силу своего невежества называем его злом.

Представим себе, что добро — это фокус света. Из него, как из высшего источника, свет изливается на всю Вселенную. Если нам удастся оказаться возле точки, из которой расходятся лучи, и мы поднесем к ней руку, то на нее попадет максимальное количество тепловой и световой энергии. Если же мы окажемся на значительном расстоянии от светового пучка, то рука получит меньше энергии, поскольку свет рассеялся, распространяясь во все стороны. Зла не существует, оно заключается в нашем невежестве. Зло означает незнание, неведение, непонимание; зло — это страдание, потому что необходимо чему-то научиться; зло — это боль, вызванная неспособностью понять, что сделан неверный шаг.

Рассмотрев элементы философского оптимизма, мы приблизились к древней концепции, которую греки называли энтузиазмом.

«Энтузиазм» — «en Theos», «Theos en», «Бог внутри», «Бог в человеке». Проявлять энтузиазм — значит чувствовать Божественное в себе, испытывать счастье, зная, что мы представляем собой нечто большее, чем скорлупа из материи, в которую мы погружены, ощущать гордость, осознавая себя частью того, что выше всех ограничений времени.

Энтузиазм — это не пустой оптимизм, не поверхностная радость. Энтузиазм — это нечто внутреннее, исходящее из глубины души. Это то, что побуждает человека петь, молиться, любоваться Природой, искать Бога в листве деревьев, в полете птиц, в плывущих облаках. Это нечто большее, чем оптимизм.

Мы слышали, что оптимисты смешны. И не только Вольтер — в XX веке так считают многие. Нам говорят, что оптимизм — это философия, рассчитанная на будущее, но она не годится для настоящего, что оптимизм будет полезен только потом, так как он предполагает лучшее в грядущем.

Мы считаем что это неверно. Оптимизм возможен в любых временных измерениях: когда он превращается в энту-

зиазм, нет ни одной частицы времени и пространства, куда бы он не проник.

ОПТИМИЗМ ЗАТРАГИВАЕТ ПРОШЛОЕ

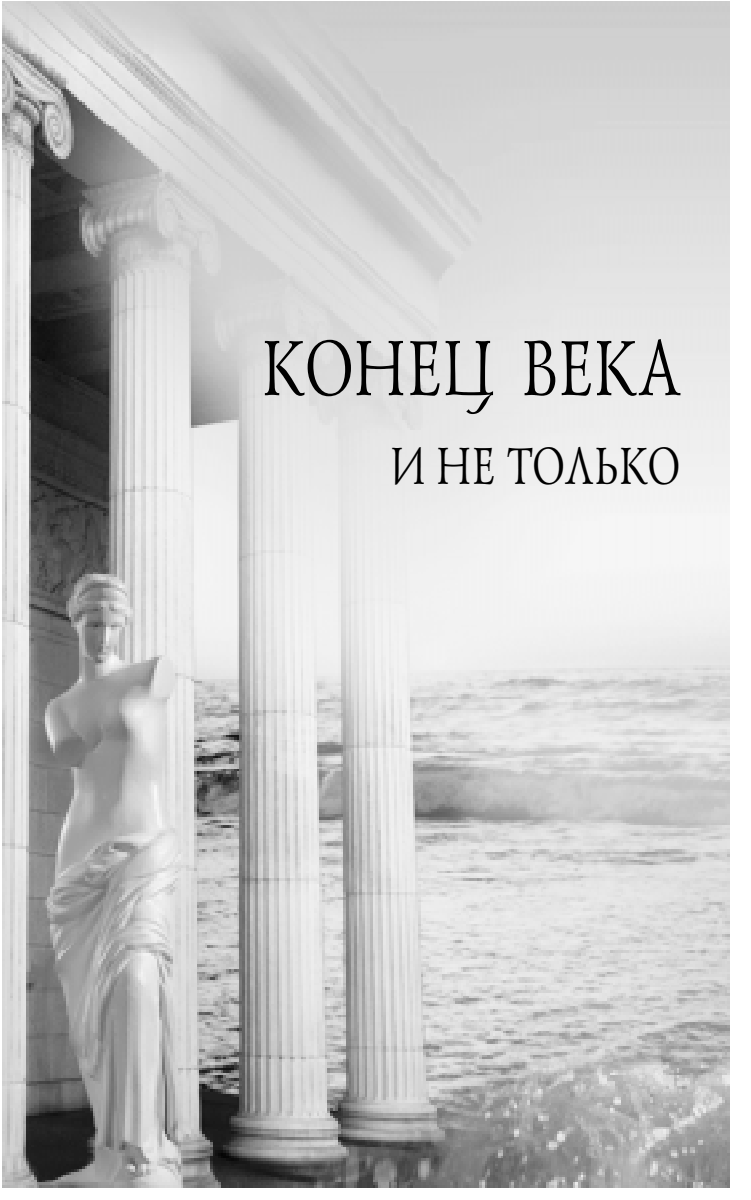
Прошлое свидетельствует, что история циклична; по забывчивости или небрежности мы воспроизводим те же самые ситуации, впадаем в те же ошибки или повторяем те же успехи, но все же раз от разу, понемногу, мы растем. Прошлое учит нас, что существовали времена, когда Истина, Красота, Справедливость и Единство были ясно проявлены в материи. Но бывало, что все эти принципы уходили из этого мира, потому что не было каналов, через которые они могли бы проявляться.

Оптимизм есть в настоящем, потому что свой энтузиазм мы выражаем не вчера и не завтра, а сегодня, здесь и сейчас, и проявляем его, невзирая на трудности, я бы даже сказала, благодаря им. Чему бы служил энтузиазм, зачем было бы проявлять надежность, волю и решительность, если бы на пути никогда не встречались препятствия? Тем более, что мы сталкиваемся с ними ежедневно, стоит только протянуть руку. Но несмотря на это и даже благодаря этому, мы остаемся энтузиастами, так как корни Вселенной живут в человеке.

Оптимизм есть и в будущем, но это не мечта или утопия, в которой можно укрыться. Нас не интересуют грезы о лучшей жизни, уводящие от всего, что происходит в настоящем. Энтузиазм, оптимизм по отношению к будущему — это нечто совершенно иное. Это уверенность, которая есть сейчас, это реальный опыт, активное чувство, ясное и глубокое, которое омывает все существо человека. Быть энтузиастом — значит уже сейчас жить в будущем. Чувствовать, что новый и лучший мир, о котором мы столько раз говорили, — не что-то далекое и недоступное. Ясно и определенно ощущать, что этот мир, новый и лучший, отделен от нас лишь плотной вуалью, и достаточно прикоснуться к ней, чтобы обнаружить,

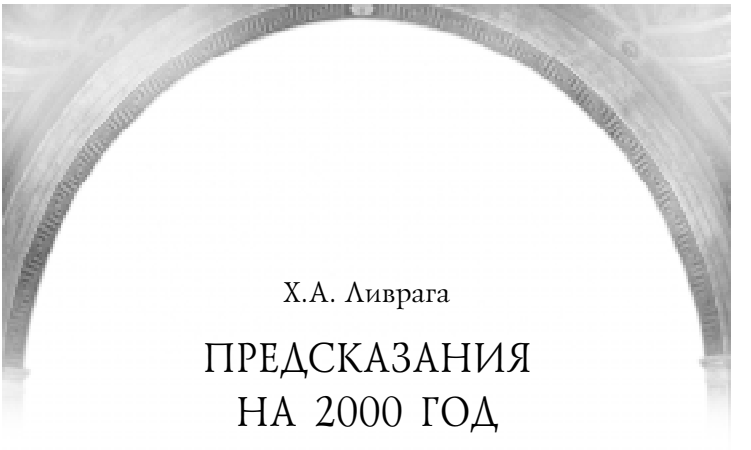
что будущее уже здесь, что мы дали ему жизнь и сделали его настоящим.

Энтузиазм — это пламя, которое горит в сердце человека и позволяет ему творить историю всегда — в прошлом настоящем и будущем.



КОНЕЦ ВЕКА

И НЕ ТОЛЬКО



Х.А. Ливрага

ПРЕДСКАЗАНИЯ НА 2000 ГОД

Лекция[1]

Прежде всего, я хочу пояснить для тех, кто еще юн и застанет 2000 год, кому доведется жить в удивительном новом мире, а также для тех, кто, как я, уже далеко не так молод и, может быть, не доживет до этого времени (которое, тем не менее, интересует нас в связи с нашими детьми, нашими учениками, нашими близкими, с тем делом, которое мы оставляем в этом мире), — словом, для всех я хочу пояснить, что 2000 год — это дата относительная. Я не думаю, что в этом году произойдет что-то особенное, так как 2000-м он считается только согласно христианскому летосчислению. Прекрасно известно, что если бы мы пользовались, к примеру, мусульманской хронологией, нам пришлось бы вычесть из этой даты шесть веков. Если бы мы взяли еврейскую хронологию — пришлось бы прибавить тысячелетия. А если бы мы использовали хронологию буддизма, к этой дате следовало бы добавить еще полтысячелетия. Иными словами, когда говорится, что мы живем в том или ином году, речь идет о своего рода хронологической договоренности, существующей в обществе. И в этой связи, разумеется, разного рода драматические пророчества типа неизбежности конца света, обыч-

[1] Лекция прочитана в 1975 г.

Встреча профессора Ливраги с московскими журналистами. Сентябрь 1991 г.

но возникающие накануне таких дат, не выдерживают никакой критики.

Общеизвестно, что накануне 1000 года делалось множество подобных предсказаний. Были даже те, кто покончил с собой, оставив все имущество Церкви или друзьям, опасаясь, что некая комета взорвет Землю или некий ангел зла уничтожит все человечество.

Именно от такого ощущения страха, ужаса нам необходимо избавиться. Действительно, мы находимся на пороге поворотного момента Истории. Но момент этот не настолько точен, чтобы мы могли утверждать, что в таком-то году в такой-то день произойдет такое-то событие. Ощущение конца света или грозящего исчезновения человечества — это почти детский страх, заложенный в коллективном подсознательном.

История человечества восходит к глубокой древности. Археологические и исторические исследования свидетель-

ствуют о том, что цивилизованный человек, человек мыслящий (не современный «человек технический», а человек поистине мыслящий, задающийся вопросами «кто я?», «откуда я?», «куда я иду?», что далеко не одно и то же); человек, который создает для себя орудия труда, говорит со звездами, живет в единстве с растениями и животными; человек, который сопереживает, любит, страдает и умирает, существовал миллионы лет назад и, скорее всего, будет существовать еще миллионы лет.

Тем не менее, мы задаемся вопросом: каким же будет человечество в 2000 году? Прежде всего необходимо понять, что ход Истории, как и все в этом мире, носит циклический характер. И изучение Истории, как и всех других явлений, показывает, что человечество является частью Природы.

Сегодня научно доказано, что пространство обладает кривизной. Общеизвестны законы Эйнштейна, говорящие о том, что кривизна свойственна не только пространству, но и времени. Все развивается по кругу. Мы знаем, что по кругу совершают свой путь звезды, и Земля и планеты также подчиняются этому закону вечного возвращения.

Утверждая, что 2000 год станет своего рода подобием сегодняшнего времени, мы рискуем допустить ошибку, какую мог совершить историк-футуролог пятьдесят или сто лет назад, предполагая, что в 1975 году мир будет представлять собой копию того, что было в 70-х годах прошлого века. В действительности все сложилось иначе, и за это время произошли значительные перемены.

Человек, который в 1000 году попытался бы предвидеть, каким будет 2000 год, вероятно, подумал бы, что в 2000 году (или в нашем 1975-м, что для таких больших периодов практически одно и то же) все постоянно будут совершать разного рода паломничества. Мусульмане тогда обращали все свои помыслы к Мекке, христиане — к Святой земле. Однако, к счастью или к сожалению, сейчас мало кого беспокоит вопрос о паломничестве как в Мекку, так и в Святую землю. Сегодня у людей другие интересы. Черты каждого времени совершенно отличаются от облика других эпох. Точно так

же у человека, живущего в XXI веке, будут совершенно иные склонности, нежели у нас.

Давайте проанализируем различные возможности, различные «траектории» развития, чтобы определить, какой может быть эпоха, рубежом которой является 2000 год, а также то, каким образом мы можем «влиться» в этот поток Истории.

Сегодня в рамках того, что называется официальной наукой, проводится множество исследований. Известно, что официальной науке присуща определенная инерция. Я приведу некоторые примеры. Если бы человечество ограничивалось лишь официальной наукой, корабли Колумба, возможно, не достигли бы берегов Америки. Ведь, согласно официальной науке того времен, Америка не существовала, а Земля не являлась шаром.

Если бы люди всецело доверяли официальной науке, у нас сейчас не было бы самолетов, поскольку университеты прошлого века утверждали и «научно» доказывали, что аппараты, которые тяжелее воздуха, летать не могут, что это доступно лишь аппаратам более легким, чем воздух. Точно так же мы были бы не в состоянии ни расщепить атом, ни общаться на расстоянии посредством радио или телефона, поскольку официальная наука, как правило, выступала противницей нового. Она всегда была обращена скорее к прошлому, нежели к будущему.

В наше время также ведется целый ряд исследований, которые официальная наука практически игнорирует. Возьмем некоторые из них, к примеру, проблемы парапсихологии.

Само слово «парапсихология» не означает, собственно, ничего. Ведь значение слова «парапсихология» — «то, что за пределами психологии». Как можно изучать то, чему мы даже не можем дать определение? Если на вопрос «что за этой дверью?» я отвечу «за этой дверью — то, что находится за этой дверью», то не объясню этим абсолютно ничего. А если я скажу, что за этой дверью мой кабинет: письменный стол, печатная машинка, архив и т. д., — вы получите представле-

ние о том, что там находится. Но сказав, что за дверью то, что находится за дверью, я не скажу ничего.

Точно так же парапсихология лишь говорит о том, что лежит за рамками привычных психологических явлений, но не занимается углубленным изучением этих феноменов. Скорее, она исследует разного рода подводные камни, сопутствующие подобным феноменам, делая упор на их нереальность. Иными словами, все повторяется — как тогда, когда отрицали, что Земля круглая, исходя лишь из предположений. И здесь то же самое.

Есть целый ряд исследований и предположений относительно того, что существует нечто за рамками психологии. Имеются тысячи зарегистрированных случаев телепатического общения между людьми; случаев, когда люди поднимались в воздух, отрываясь от земли (так называемая левитация); случаев, когда люди демонстрировали очень странные явления — например, Ури Геллер, который гнул ложки и чинил часы прямо через экран телевизора. Одни говорят, что он действительно это делал, другие утверждают, что это лишь трюк. Однако все эти феномены серьезно не изучаются, а исследования, основанные на показаниях свидетелей, не приводят к единым выводам, что свидетельствует об отсутствии научного обоснования. Ведь когда я говорю, что вода состоит из двух частей водорода и одной части кислорода, все согласны, никто не станет возражать: «Нет, водорода — три части!», или «На самом деле вода состоит из хлора!», или «Вода состоит из фтора...» Почему? Да потому, что мы пришли к согласию, что две части водорода и одна часть кислорода образуют воду. Иными словами, мы достигли этой констатации, и состав воды можно охарактеризовать как «научно достоверный».

Но в вопросах, относящихся к парапсихологии, научной достоверности достичь не удалось. Очевидно, что использование сил, которые одни называют духовными, а другие — психологическими или магнетическими, дает определенный лечебный эффект. Тем не менее, еще и сегодня даже среди медиков простой гипноз одними используется, а другими —

Крепость Мачу-Пикчу. XV–XVI вв. Перу

нет. Одни говорят, что в основе гипноза лежит усилие воли или усилие души, которое передается посредством «человеческого аппарата» и трансформируется, приобретая форму внушения одного человека другому. А другие утверждают, что гипноз — это лишь разновидность экстатического состояния человека, которому сидящий напротив смотрит в глаза или вращает перед глазами какой-либо сверкающий предмет.

Несомненно, что в недалеком будущем, на пороге 2000 года, изучению парапсихологии будет уделено более серьезное внимание. Бесполезно ставить препоны там, где направление дальнейшего движения очевидно.

Хотя летающие тарелки нами и не изучены, нельзя утверждать, что их не существует, тем более что имеются очевидцы. Конечно, это могут быть машины либо явления природы, секретное оружие русских или американцев либо атмосферные явления неизвестного происхождения. Это могут быть естественные микроспутники, проникающие через нашу атмосферу, или так называемые «огни святого Эльма» и т. п., — теорий много. Но ведь что-то из этого действительно существует! И люди это видят.

Наука обратится также к изучению областей, вернее, области знаний о явлениях, которые сегодня официально не признаются. Возникнут кафедры в различных учреждениях, появятся институты, будут созданы лаборатории, которые самым серьезным образом займутся исследованием внешней природы явлений, которую мы не знаем, и внутренней природы, которая нам тоже неизвестна.

Невзирая на множество археологических изысканий, доказавших абсолютную нереальность предположения о том, что в древности можно было перемещать мегалиты весом в 600, 700, 800 тонн, используя лишь простейшую систему канатов (как, например, в Египте), официальная наука продолжает утверждать обратное. Официальная наука уверяет, что огромные каменные блоки, которые можно увидеть в Тиауанако или Мачу-Пикчу, «чудесным образом» транспортировались при помощи одних лишь канатов через добрую

половину Анд. И все гипотезы, опровергающие это, признаются антинаучными. Это совершенно нелепо, но, тем не менее, это так...

Утверждается, к примеру, что при строительстве пирамиды Хеопса (Хуфу) огромные каменные блоки поднимали на высоту более 145 метров лишь при помощи наклонной плоскости. Не говоря уже о том, что никаких ее остатков не обнаружено, было доказано, что если бы такая наклонная плоскость и существовала, ее размеры превысили бы размеры самой пирамиды. Доказано также, что если бы эти каменные глыбы и перемещали при помощи канатов, изготовленных из пальмовых волокон, то эти канаты должны были бы иметь такую огромную толщину и такую колоссальную длину, что весили бы не меньше самих камней. В то время не знали ни пластмасс, ни легких сплавов, применяемых современным человеком. Кроме того, для перемещения таких колоссальных масс потребовалось бы столько людей, сколько вообще никогда не жило в Египте! Тем более что, насколько нам известно, в распоряжении египтян не было ни рефрижераторов, ни поездов, ни судов, ни системы воздушного сообщения, чтобы обеспечить всю эту огромную массу людей продовольствием.

Обычно все эти доводы на официальных кафедрах умалчиваются, а если о них и заходит речь, то их предпочитают трактовать упрощенно.

Эти явления архитектуры по мере приближения к 2000 году также станут объектом более глубокого изучения, но уже с иных точек зрения. И дело не в том, что изменятся сами процессы. Изменится взгляд человека, появится возможность увидеть эти явления как бы под разными углами зрения. К примеру, если бы я захотел узнать, что из себя представляет эта рельефная репродукция, я должен был бы осмотреть ее не только под тем углом, под которым смотрю на нее сейчас, но и под другим, спереди, сверху, снизу. Мне пришлось бы снять ее со стены, чтобы определить, из чего она изготовлена, потому что с первого взгляда невозможно понять, бронза это, пластик или что-либо другое.

Таким образом, в науке будет развиваться более широкая интерпретация уже известных явлений. То, что неизвестно, уже не будет считаться «антинаучным», а просто будет рассматриваться именно как нечто неизвестное. Не будет делаться категоричных утверждений о тех свойствах человека, которые еще четко не определены. Вероятно, наука не будет развиваться такими быстрыми темпами, как сегодня. Но сокращаться будет, скорее, не развитие науки, а присущий ей догматизм, то есть ее позиция относительно явлений, еще не получивших достаточного подтверждения. При этом кажущемся торможении наука, тем не менее, откроется для новых областей, исследующих человека, Природу и связь между человеком и Природой.

Мы уже отдаем себе отчет в том, что наша жизнь в отрыве от Природы колоссально загрязнила ее. Сначала человек говорил: «Какое мне дело до того, что Природа загрязнена!» При этом почему-то не учитывалось, что Природа — это зеркало, которое тускнеет, и в нем становится не видно нашего собственного изображения или оно предстает искаженным. Иными словами, спровоцированное нами загрязнение оборачивается против нас, в результате чего мы страдаем и биологически, и психологически. Это один из моментов, которые будут все очевиднее для нас по мере приближения к 2000 году.

Изучение проблем, связанных с религией, также получит дальнейшее развитие и будет отличаться большей открытостью. Мы видим, что человек, пройдя через опыт иллюминизма и картезианства, понемногу начинает отходить от исключительно научно-материалистического подхода к приобретению знаний. Человек пришел к констатации того, что душу нельзя ни взвесить, ни измерить, но каким-то образом всем известно, что она существует. Верим ли мы в бессмертие души или нет, принадлежим к определенной религии или не принадлежим, мы ощущаем, что каждый нормальный человек, каждый мужчина, каждая женщина, в особенности те, кто молод сердцем, — это нечто большее, чем просто материальное тело. Мы чувствуем, что внутри нас есть нечто, что направляет нас и оценивает наши действия.

Этот интерес, скорее даже не к формальным религиям, а к мистике, также будет развиваться. Нынешнее поколение молодежи религиозные темы волнуют больше, нежели молодых людей пятьдесят или сто лет назад. Необходимо только направлять этот интерес. Естественно, что молодежь часто объединяется в неформальные группы или начинает читать книги, которые оказывают на нее большое влияние. Популярные книги такого рода, выходящие большими тиражами, обычно пользуются самым большим спросом, но, как правило, не отличаются глубоким содержанием. И в результате многие ощущают, что кто-то или что-то управляет их поиском. Но поиск действительно существует.

Мы уверены, что в колыбелях появятся новые дети, испытывающие потребность в мистике, потребность побыть в одиночестве, хотя бы ненадолго. Наши большие города, наши мегаполисы, которые, как нам казалось, должны были стать своего рода воплощением рая на земле, в действительности представляют собой отражение если не ада, то уж точно каких-нибудь кладбищ. Те, кто может, стараются жить за пределами больших городов, а те, для кого это невозможно, проводят несколько месяцев отпуска вдали от них, потому что в больших городах мы не только чувствуем себя одинокими, мы ощущаем себя буквально погребенными под человеческой массой.

Полное отсутствие контроля демографического роста, невозможность его применения заставляет человека все чаще испытывать ощущение, что он раздавлен среди других человеческих существ. Это не просто теория, вы это прекрасно знаете сами. Куда человек может пойти, оказавшись в большом городе на улице в час пик? Где он может припарковать автомобиль? Если он хочет выпить чашечку кофе или пообедать в ресторане, он вынужден вставать в очередь и ждать, когда кто-нибудь закончит и можно будет войти. У всех, даже у тех, у кого есть деньги и кто живет неплохо, возникает ощущение пребывания в каком-то концлагере, где все вынуждены стоять в очереди, один за другим, в ожидании возможности получить немного еды.

При необходимости оформить какие-либо документы в государственном учреждении мы сталкиваемся с колоссальной бюрократией. Перед тобой толпа людей, за тобой — тоже толпа. Ты подходишь к окошку, где тебе говорят: «Подойдете, когда вызовут ваш номер», — и ты думаешь: «Так у меня уже и имени нет! Я уже не мужчина, не женщина, я теперь только номер!» Кто-то выкрикивает: «75-й!» А в ответ: «Я!»

Эта отчужденность масс и давление цифр разрушают наше чувство самосознания. Но в нас еще живет способность отзываться, живет стремление к поиску Нового, лучшего мира. Большие города не смогут расти дальше; мегаполисы, которые уже сейчас сдерживают свой рост, возможно, к 2000 году остановят его полностью. Человеку необходимо вернуться к жизни в гармонии с Природой. Многие уже осознали, что ехать в отпуск или за город и при этом брать с собой переносной телевизор, радиоприемник, печатную машинку или магнитофон — это все равно что никуда не уезжать.

Человек начинает воспринимать красоту окружающего мира, купаясь в чистой воде, наблюдая за полетом птиц, за рыбами в озере. Человек сегодня испытывает потребность вернуться к Природе. Он ощущает необходимость оторваться от толпы и хотя бы немного побыть в одиночестве. Стремление к одиночеству должно быть свойственно всем, кто хочет понять новые тенденции Истории, ведущие нас к 2000 году.

Будут проведены сравнительные исследования не только великих религий современности, но и религий прошлого. Сегодня уже никто не может утверждать (правда, при наличии высшего образования и стремления к изучению и пониманию), что древние религии были продиктованы дьяволом. А между тем, сто лет назад именно так и считалось.

Сегодня мы уже не приемлем таких взглядов. Ни при каких обстоятельствах мы не можем согласиться с тем, что такие великие философы Древней Греции, как Сократ или Платон, находились под воздействием какого-то животного с большими рогами, с хвостом и копытами, которое нашеп-

тывало им принципы «Государства» или законы Бытия. Невозможно представить себе Аристотеля во власти демонов накануне написания «Диалектики».

Сегодня мы признаем, причем все — и те, кто говорит об этом, и те, кто не говорит, — что в глубокой древности были просвещенные люди, были люди мыслящие, которые могли глубоко исследовать важнейшие мировые проблемы. Сравнительное изучение жизни этих людей, их мыслей, их творений придаст нам новую силу, сообщит новый импульс, подарит новый оптимизм. Ведь если в те далекие времена в небольших группах, в различных братствах могли появляться такие люди, которые, живя среди других, обучали их, то почему бы им не появиться и сегодня? Это вполне возможно.

Большое значение и смысл приобретет также изучение средневековых рыцарских орденов. Каким до сих пор виделось средневековье, особенно глазами молодежи? Один господин берет длинную палку, похожую на копье, другой господин берет длинную палку, похожую на копье, и они, повстречавшись на мосту, бросаются друг на друга, пытаясь проломить друг другу голову. Что-то в этом роде люди обычно представляют себе, когда речь заходит о средних веках. И еще дама, всегда с высокой прической на голове, всегда в окне замка, всегда ожидающая рыцаря, который никогда не появляется.

Несомненно, все это нас уже не может удовлетворить. Средневековье несет иной импульс, обладает иной силой. Очевидно, что рыцарские ордены — это нечто большее, нежели два недоумка, колошматящие друг друга на перепутье. Мы начинаем осознавать, что многое в истории намеренно скрывали от нас под многослойной вуалью. Для того чтобы заставить нас воспринимать, или, скорее, выносить настоящее, было замарано прошлое. Но современные исследования приводят к появлению нового человека, который к 2000 году осознает значимость прежних форм культуры и возможность почерпнуть из них что-нибудь для себя.

Сейчас широко изучаются боевые искусства Древнего Востока. Вы думаете, сто лет назад, в 1875 году, в каком-

нибудь публичном месте, в кругу цивилизованных людей Европы кто-то мог призвать с кафедры к изучению кодексов чести японских или китайских боевых искусств? Нет! Более того, это считалось тогда совершенно неприемлемым. А сегодня мы их изучаем.

Мы уже признаем, что истоки современных боевых искусств, таких, как японское джиу-джицу, лежат в древних школах Дальнего Востока, объединявших рыцарей-монахов. И сегодня есть тысячи и тысячи молодых людей, с большим или меньшим успехом исповедующих эти принципы. И многим они помогают, поскольку благодаря этим учениям — вопреки тому, что нам постоянно навязывают фильмы про агентов 007 и 007 с половиной, сыплющих удары направо и налево, и про их необыкновенные подвиги, — современным юношам удается подчас в простом приветствии на татами обнаружить нечто мистическое, чего они, возможно, не смогут отыскать нигде более. Справедливо и то, что они надеются в результате своего обучения овладеть собственным телом, утвердиться в обществе, которое не дало им силы и, в каком-то смысле, предало их.

По мере приближения к 2000 году нам придется пересмотреть и свои взгляды на политику. Уже было опробовано множество политических форм, но ни одна из них не смогла удовлетворить полностью. Я не говорю удовлетворить всех, потому что все никогда не будут удовлетворены. Это так же, как и наша с вами лекция: одни скажут, что я говорил плохо, другие — что еще хуже, третьи спросят, почему я не говорил на другие темы. Иными словами, у всех вас не будет единого мнения. В политике то же самое. Не может удовлетворить всех один и тот же состав правительства, одна и та же политическая структура. Но все согласны, что необходимо углубленное изучение всех форм, поскольку ни одна из них не дала того, что могла бы или обещала дать.

Углубленное изучение политики приведет к тому, что она превратится в науку, и тот, кто будет ею заниматься, будет иметь ученую степень по политологии — так же, как те, кто сейчас работает в области медицины, имеют ученую степень

по медицине, и так же, как инженеры и т. п. Иными словами, политика должна завершить свой примитивный донаучный этап, свой период импровизаций. И тогда о политике будут говорить лишь те, кто изучал эту дисциплину и знает то, что было создано до сегодняшнего дня, те, кто обладает достаточным уровнем знаний и подготовкой в этой области. Точно так же, как предполагается, что тот, кто говорит о медицине или об инженерном деле, прошел соответствующий курс обучения по специальности «медицина» или «инженерное дело».

Может быть, тогда наши политики перестанут воевать друг с другом. Почему политики воюют? Потому что нет такой области науки. Так же воевали медики на этапе донаучной медицины. Одни говорили, что такую-то болезнь можно лечить при помощи, например, хвоста обычной ящерицы, а другие утверждали, что только при помощи хвоста игуаны. И таким образом медики выясняли отношения друг с другом.

Сегодня существуют элементарные базовые медикаменты, признанные и используемые всеми врачами. Когда политика вступит в свой научный этап, когда многие вопросы прояснятся, а мнения приобретут силу суждений, тогда закончится эта постоянная политическая возня и политика станет Искусством управления народами.

В будущем мы найдем и новые способы выражения в искусстве. Появятся такие изобразительные средства, которые станут своего рода посланием человеку. Эпоха импровизации и хаоса в области искусства по мере приближения 2000 года также постепенно будет уходить в прошлое. Пройдет период замешательства, когда нам все равно, висит картина прямо или вверх ногами. Сейчас зачастую это невозможно понять, поскольку картина представляет собой лишь бесформенное нагромождение, смысл которого не поддается расшифровке. Исчезнут также проявления снобизма по отношению к обществу, которое станет более требовательным, но и более открытым и менее всего подвластным диктату чьего-либо мнения.

В новом обществе псевдохудожественные произведения не выживут. Что бывает, когда мы оказываемся на каком-нибудь мероприятии в сфере искусства, музыки, живописи? Случается, что мы смотрим на картину, повинуясь мнению публики. Естественно, мы спрашиваем про себя: «Ну и что это такое?» Но не дай бог, чтобы это отразилось у нас на лице! Или когда мы идем в кино, в киножурнале ведущий заявляет: «А вот перед нами чудесное творение художника такого-то. Обратите внимание, как это превосходно выполнено... — а ты видишь лишь шесть линий и какое-то пятно. — Этим художник хотел отобразить (к примеру) битву при Теруэле...» И все говорят: «Как замечательно! Да-да, прекрасно, бесподобно!» Но мы видим лишь большое пятно, и нам кажется, что мы глупее всех на свете и ничего не понимаем в живописи. То же самое происходит, когда в концертном зале мы слушаем произведение авангардной музыки, которое превозносили специализированные журналы. На сцену выходит господин и несколько раз ударяет по клавишам. А пьеса называется «Вариации на тему Моцарта».

Нас удивляет, когда общественное мнение считает то или иное музыкальное произведение или произведение живописи, скульптуры образцом богатства художественных средств и своего рода художественным посланием, в то время как в действительности оно являет собой лишь смутное, бесформенное и болезненное отражение столь же болезненного и воспаленного ума. Тем не менее, создается впечатление, что все едины в его оценке как произведения искусства. Именно поэтому мы порой говорим себе: может быть, мы родились такими недалекими, ограниченными или унаследовали какие-то изъяны от прадедов, но в такой музыке, такой живописи, такой политике мы не понимаем ничего.

Это ощущение протеста, зарождающееся в нас, приведет к тому, что к 2000 году мы отважимся задавать вопросы, заниматься исследованиями и требовать большего профессионализма ради того, чтобы все мы могли жить лучше. И эта требовательность, этот поиск профессионализма, это стремление к серьезности, подлинности, правде — поскольку мы

устали слышать ложь любого плана и хотим ясности и прямоты — приведет нас к ощущению человеческого братства. Но братства реального, а не надуманного, когда мы легко бросаемся словами: «Ах, я всегда делаю благотворительные взносы в пользу бедных детей Африки!» — а потом едим свой бутерброд, запиваем его вином и читаем в газете: «56 тысяч человек утонули в Индии». «Ну надо же, сколько народу утонуло в Индии! Ах, бедненькие...» И продолжаем есть свой бутерброд.

Сегодняшнее братство — это не братство сердца, это лишь нечто чисто теоретическое. Мы рассуждаем о братстве с людьми из другого мира, но не говорим о братстве со своим братом, со своим другом, со своим дворником.

Братство, в котором мы нуждаемся, братство, которое к 2000 году станет основой для сосуществования, — это не теоретическое братство абстрактных масс, а братство живое. Это согласие, это братство между мужчиной и другим мужчиной, между женщиной и другой женщиной, между мужчиной и женщиной. Нам еще предстоит научиться любить свою собаку, прежде чем любить, скажем, марсиан.

Нам необходимо научиться жить в согласии с самими собой, терпеть свои недостатки, ценить свои достоинства, справляться со своими маленькими слабостями, бороться со своей медлительностью, стимулировать все то, что необходимо для развития нашего внутреннего «Я».

Нам предстоит осуществить в самих себе эту огромную внутреннюю деятельность, которая означает великое возрождение Человека.

Поэтому «Новый Акрополь» предлагает за время, оставшееся до 2000 года, создать новый гуманизм. Мы предлагаем образовать островки философского Братства, где люди могли бы встречаться, смотреть друг другу в глаза, осуществлять то, что задумано, без насилия, без страха, свободно говорить «я думаю так», «я думаю иначе», мужественно провозглашая и утверждая свои убеждения.

«Новый Акрополь» предлагает сравнительное изучение религий, науки, искусства, чтобы прийти к подлинному по-

ниманию того, что лежит в их основе. Мы устали от всего наносного, мы не можем жить лишь поверхностными знаниями. Мы хотим вдыхать полной грудью свежий воздух и пить чистую родниковую воду.

«Новый Акрополь» предлагает изучать еще не исследованные законы Природы и внутреннего мира человека, искать ответы на вопросы «откуда я?», «кто я?», «куда я иду?». Мне не нужны рассказы об этом — мне нужно, чтобы я сам мог убедиться, мог каким-то образом почувствовать, увидеть, прожить и ощутить это, даже если и не в состоянии объяснить себе это с точки зрения здравого смысла. Например, я могу потрогать эту колонну и сказать: «Здесь колонна». Позиция исключительно здравого смысла ведет к бесплодным разговорам типа: «Насколько вероятно, дорогие друзья, чтобы в этом месте находилась колонна? У кого какое мнение по этому вопросу?» Мы все помешались в этом мире мнений. Мы больше не можем объединяться снизу, мы должны стать подобны колоннам, которые соединяются высоко, в самой верхней своей части, где расцветают их капители. Нам не нужно бесконечное множество бесплодных мнений, нам нужно приложить свои материальные руки к делам материальным и свои духовные руки — к делам духовным. То есть прийти к ощущению, к прямому восприятию основных истин. И тогда наступающий 2000 год будет не только новым, но и лучшим.

Мы предлагаем, чтобы каждый, оказавшись перед пирамидой эволюции, поднимался по соответствующей грани этой пирамиды, но стремился идти всегда вверх и вперед, стремился всегда достичь самой высокой точки, а не самой низкой. Необходимо стремиться не загрязнять природу, не разрушать души других людей, не притеснять слабых, не причинять вреда ближним.

Мы хотим прийти к 2000 году, построив Новый Акрополь, новый Верхний Город, но не из камня и кирпичей, а из ценностей. Верхний Город людей, рук, творений, строений полезных, а не никчемных. Верхний Город, который не будет нас разделять с прошлым и с будущим; Верхний Город, кото-

рый даст нам возможность выйти из этого удушающего настоящего, даст возможность почувствовать, что за нами что-то есть, что наше прошлое благородно, что мы произошли не от расы обезьян и не от деградирующих существ или просто дегенератов, а берем начало от людей, которые, как и мы, искали звезды и иногда находили их. И впереди — поколения, которые так же будут искать ответы на основные вопросы бытия, искать решение проблем жизни и смерти; поколения, которые будут исследователями, будут пытаться обрести Бога на каждом пути, а также обрести самих себя.

Поэтому мы надеемся, что в 2000 году мы войдем не только в новый, но и в лучший мир, и это будет результатом работы каждого из нас. Пусть никто не говорит: «Я не могу». В той или иной мере, в обществе или сами по себе, все мы можем сказать: «Я хочу делать то, что мне по душе, то, что мне диктует моя воля». Иначе говоря, все мы можем так или иначе вновь встретиться сами с собой. Сделать за день или за неделю хотя бы одно маленькое, но доброе дело. Попытаться изучить то, что нам хотелось знать. Найти контакт с теми, с кем мы хотели бы познакомиться ближе.

Мы уже сейчас могли бы жить в 2000 году, поскольку все мы современники, но не все — сверстники. Другими словами, все мы живем в одном и том же году, но не все находимся в одном и том же году психологически и ментально. Если мы сможем совершить это усилие сознания, если сможем отринуть все то наносное, о чем говорили сегодня, если сможем проникнуть вглубь и дойти до сокровенных пластов Истории, если нам удастся очистить поверхность воды от всякого мусора, мошек, жучков и пить чистую родниковую воду, то можно будет считать, что мы уже сейчас живем в 2000 году! В определенном смысле, психологически все мы можем дожить до 2000 года, даже если нам предстоит умереть завтра.

Мадрид, 1975 г.

Д.С. Гусман

КОНЕЦ ВЕКА И НЕ ТОЛЬКО

Из выступления на семинаре, посвященном наследию, которое мы оставим нашим детям

Когда подходит к концу какой-либо цикл, мы склонны размышлять о пройденном этапе и делать выводы, используя возможность обрести новый опыт на основании того хорошего или плохого, что было нами пережито.

В целом, этот век был веком великих мечтаний и попыток их осуществить и одновременно веком великих провалов. Конечно, были и удачи, но по большей части человечество было ослеплено своими проблемами и конфликтами.

Две мировые войны оставили глубокий отпечаток в сознании людей, не говоря уже о бесчисленном множестве конфликтов более мелких, но не менее кровавых, которые по сей день разгораются практически по всей земле и перспектив для разрешения которых пока не видно. День за днем то там, то здесь возникают новые пограничные столкновения, новые этнические и расовые распри, новые очаги национальной напряженности, появляются новые религиозные фундаменталисты... Новые ли?

В нашем веке, кажется, многое изменилось, было множество сложных ситуаций; теперь он как ни в чем не бывало подходит к своему завершению, и приходится с болью и горечью признать, что все осталось таким же, как раньше, а в чем-то и стало хуже. Будущее же вырисовывается очень не-

определенно, иногда давая нам почву для домыслов и догадок, но не более того. В эти последние годы века все ускоряется, и, учитывая то, чем мы располагаем, очень непросто предсказать, что нам готовят грядущие времена.

ПРОВАЛЫ

Утопии

Многие указывают на обреченность утопий, называя этим словом мечты, в свое время будоражившие много людей. Почему они провалились? Из-за своего утопического, то есть нереального, характера? Из-за того, что поставленные цели в те времена были недостижимы? Из-за того, что человек был не в силах их реализовать?

Утопии, или явно неосуществимые мечты, всегда были крупнейшими двигателями Истории.

Возможно, они не воплотились потому, что был неправильно разработан план действий, или потому, что другие идеи, изначально обреченные на неудачу, оказались более сильными, чем эти мечты, эти идеалы. Кого не привлекает жизнь более достойная, более уважаемая, более счастливая? Но у каждого свои представления об этом. Как правило, государственные системы строятся на вполне приемлемых основах, но обычно получается, что они превращаются в жесткие рамки, навязанные людям, подобно стальной броне, причем в любом случае без учета «человеческого фактора».

Идеологии

Помимо всеобщей паники, наш век породил также целый ряд идеологий. Констатируем это сейчас, не задаваясь целью анализировать, плохими они были или хорошими.

Чем идеологии отличаются от утопий? Можно ли сказать, что утопия рождается чувством, а идеология управляется только разумом? Или нужно рассматривать утопию как мечту, а идеологию — как план действий? Правомерно ли так категорично разделять их, исключая, в зависимости от обстоятельств, либо разум, либо чувства? Повседневная ре-

альность свидетельствует, что нет: оба эти фактора, эмоциональный и рациональный, всегда присутствуют вместе.

Наверное, можно сказать, что господствовавшие в этом веке идеологии не были совершенными, что человек не находил себе места в этой системе и в огромном разнообразии потребностей. Наверное, за исключением некоторых незначительных деталей, в своей замкнутости они не вмещали множество людей, которые чувствовали себя отвергнутыми идеологией. Но с полной уверенностью можно утверждать, что они не продержались долго и принесли много разочарований.

Как мы уже говорили, сегодня стоит только упомянуть слово «идеология» — это единственное понятие, которое мы признаем, даже если не называем его своим именем, — как сразу становится ясно, что речь идет об идеологии бессилия и ограниченной власти. Никто уже не хочет работать ради мира идеального и лучшего, все стремятся к простым и незамысловатым целям, которых можно достичь без малейших усилий, без каких-либо обязательств, по-настоящему ни в чем не участвуя.

Сегодня популярны заявления о высоких идеях и принципах, излагаемых еще более высокопарно. Но практически все согласны в том, что эти идеи и принципы не идут дальше слов на бумаге и на практике совершенно бездейственны.

Грандиозные планы покорить природу ради лучшей жизни повисли в воздухе. Чего, кроме ее разорения и загрязнения, добились мы на своей собственной планете? Что получили от космических приключений? Можем ли мы справиться с новыми эпидемиями и неизлечимыми болезнями? Нет. Однако мы продолжаем работать в этом направлении почти автоматически, по привычке, уже потеряв веру в цель.

Политика

Несмотря на широкое распространение различных политических партий и систем, чрезмерное обилие предложений и отсутствие конкретных результатов привели к обратному эффекту — аполитичности.

Никто не хочет брать на себя политическую ответственность, кроме тех, входит в эти партии. Но частая перемена мнений и решений этих людей внушают большое недоверие несчастным последователям программы, которую никто никогда не узнает и не поймет.

Политика — это нечто абстрактное и, по правде говоря, не решающее проблем, которые волнуют людей в повседневной жизни. Политика — это не правление: это деятельность, почти всегда отклоняющаяся в сторону грандиозных экономических или научно-технических проектов, которые ни в коей мере не улучшают повседневную жизнь людей. Человеку свойственно пасовать перед неразрешимыми конфликтами и несправедливостью.

И поэтому в обществе нет согласия, никого не интересуют общественные дела, каждый сражается за улучшение собственной жизни. Поэтому процветают маленькие группки, этнические или расовые сообщества — налицо великое разделение, великий раскол, огромная нехватка общения. Каждый говорит на своем языке, и в результате мы имеем настоящую Вавилонскую башню, где один человек не только не понимает другого, но даже не хочет понять.

Так же как утопии и идеологии, политика затрагивает судьбы многих людей. Она не дает человеку возможности брать на себя ответственность, как в общих, так и в частных вопросах. Весь мир? Это абстракция; реальны те, кто населяет его. Людей же волнует лишь их собственное выживание, лучшие условия существования, поверхностные развлечения, убивающие время, и иллюзии, заменившие древнее понятие счастья.

Ни свобода, ни демократия не терпят злоупотребления ими. Опыт показывает, что свобода — понятие относительное, что, например, сегодня она ценна для человека только если обеспечена законами государства. Демократию можно сравнить с представлением, поставленным по сценарию, в котором почти все страницы написаны без участия большинства людей, зачастую и не знающих, что написать и какое решение принять.

Очевидно, что ни тирания, ни демократия не обладают достаточной силой, чтобы победить и выполнить свои зада-

чи. Как говорит Платон в своем мифе о пещере, власть находится в руках незримых хозяев этой пещеры, которых никто не знает, но которые манипулируют всем происходящим, тем самым предоставляя нам свободу безобидно играть во «взрослую» политику.

Наука и техника

В этом веке изменилось наше понимание науки. С одной стороны, она обещает разрешить все проблемы человечества, а с другой — усложняет наше существование, создает новые потребности, не всегда действительно нужные, а кроме того, уменьшает количество рабочих мест. Пока ее преимущества незаметны, и она кажется новым тираном, обманным путем поработившим человечество, сделав его зависимым от искусственно созданного.

Искусство

Как и политика и идеология, искусство также производит множество пустых форм. Оно не удовлетворяет тех, кто им занимается, потому что оказывается никому не нужным. Любой человек, решивший стать художником, создает под влиянием мгновенного порыва поверхностные вещи, заполненные эмоциями.

Кроме того, искусство сегодня не побуждает к творчеству, а является самоцелью.

Мораль и «вечные ценности»

Эти понятия становятся все более относительными и изменчивыми, как мода. Сегодня нет неизменных ценностей, как нет и достойных критериев, с помощью которых молодые поколения познают мир. В любом случае, наша реальность похожа на падение с большой высоты, когда полностью ощущаешь полученный удар. Очень нелегко подняться и еще труднее идти в каком-то определенном направлении.

Что нам предлагает будущее? Это не так важно. Значение имеет лишь сегодняшний и завтрашний день. Безответ-

ственность внедряется в сознание современных людей: «после нас хоть потоп».

Частное торжествует над общим, но не как внутренняя трансформация, а как крайняя форма эгоизма. У человека нет чувства причастности, даже к самому себе.

Религия вдохновляет очень немногих; утерян символический язык жизни, мира, божественного и земного. Этот универсальный язык, который в былые времена был настолько важен, что многие цивилизации выражали с его помощью свои основополагающие идеи, сегодня превратился в пустую игру слов и цифр.

ГРЯДУЩИЙ ВЕК

Помимо констатации этих очевидных провалов, не дает покоя вопрос: что мы оставим грядущему веку, будущим поколениям? И выводы весьма плачевны: самое явное наследство — это пустота, уныние и пассивность, равнодушие и беспринципность. У нас нет определенного будущего, и при этом мы очень часто отрекаемся от прошлого. История как таковая не означает ничего: она умерла в тот момент, когда изменились ее ценности.

К чему строить грандиозные планы, если нет необходимого — нет «отправной точки»? Для того чтобы мы могли оценить, на что мы способны в будущем, необходимо твердо стоять на ногах в настоящем, а этого нет. Как правило, появляются частные единичные начинания, которые продолжаются, пока действует импульс, их побудивший.

У нас нет даже общих врагов, какое-то время объединявших людей. Уже не существует ни Берлинской стены, ни двух гигантских блоков, руководивших мировым мнением. Остался лишь горьковатый привкус всеобщего недоверия.

Передавать или оставлять по наследству?

В завещании по наследству есть что-то застывшее: у меня есть что-то, и я оставляю это тебе. В передаче же, напротив, есть что-то живое, что-то, что приходит со временем и может

измениться в любой момент, когда это необходимо, не теряя при этом своей сути.

Нас пугают тем, что конец этого века также начался с изменения традиций, знаний и опыта, что у нас нет ничего, чему можно было бы научить тех, кто идет следом, что мы оставляем им лишь возможность критического и холодного анализа. С этим мы не можем согласиться.

Мы стремимся пробивать пути, идти вперед, собирать и возрождать те элементы, тысячи элементов, из которых всегда состояли вечные ценности духовной культуры человечества. Мы стараемся передавать их так, чтобы в них возродилась жизнь и чтобы они не превратились в догму.

Мы верим, что уже настало время возрождения культуры на основе синтеза и единства, связывающего нас с прошлым и дающего надежду в будущем.

Мы поддерживаем огонек элементарного благородства, который, хотя и незаметно, горит в большинстве людей, для того чтобы работать ради сегодняшнего и завтрашнего дня, чтобы верить в себя и в людей.

Мы знаем, что движения самого по себе недостаточно и что для того, чтобы куда-то прийти, необходимы направление и смысл. Если мы не избавимся от того, что у нас болит и парализует нас, то наше движение будет больше похоже на бесконечное блуждание по лабиринту, из которого нет выхода.

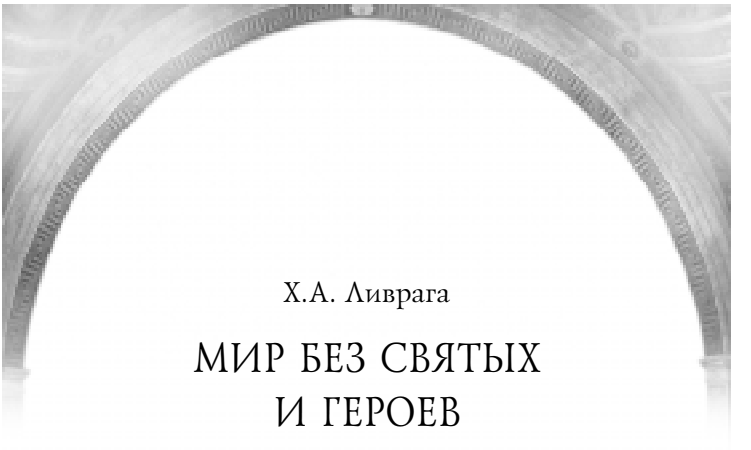
Хотя внешние формы указывают на застой, пустоту и разочарование, законы Природы говорят нам о том, что ничто не останавливается, что все к чему-то идет. Вопрос в том, как идти в нужном ритме, как понять и поверить, что выйти из лабиринта означает изменить себя ради изменения того, что нас окружает, означает преодолеть кризис и пополнить свой внутренний опыт.

Помимо всего прочего, боль является двигателем сознания, и мы уже достаточно настрадались, чтобы не принимать пустоту и неуверенность с благодарностью, как единственное благо.

Жизнь передается, а не оставляется по наследству. Жизнь учит, а не раздает подаяния. Да, мы находимся уже в пред-

дверии нового века с его возможностями и надеждами, века, отвергающего ошибки и подтверждающего истины, — ведь для чего-то дан человеку разум, отличающий его от животных, растений и минералов. Уже собираются мечты и утопии, идеи и чувства, настоящие движущие силы, чтобы шагнуть без страха в новое время, которое не за горами, шагнуть в Историю, которая нуждается в своем главном действующем лице — человеке.

Франция, июль 1993 г.



Х.А. Ливрага

МИР БЕЗ СВЯТЫХ И ГЕРОЕВ

Из лекции

...Древние греки, создавая свои мифы и великие эпосы, не пытались никого обманывать. Взяв за основу какой-либо исторический сюжет или опираясь на элементы окружающей действительности, они создавали психологическую среду, которая способствовала развитию внутренней сущности человека. Рассмотрим один из самых известных греческих мифов — миф о пещере из седьмой книги «Государства» Платона.

Миф повествует о том, что в древние времена существовала пещера, где лицом к стене сидели люди, закованные в цепи. Сегодня мы сравнили бы это с кинотеатром: они видели лишь стену, на которой мелькали тени людей, животных, предметов, двигавшихся снаружи перед источником света. Люди, сидевшие в пещере, никогда не видели ничего кроме теней, спроецированных на стену, и считали эти тени единственной реальностью. Им казалось, что звуки, возникающие внутри пещеры, издают люди, животные и все, что движется на этом «экране».

Все узники были убеждены в подлинности того, что они наблюдают. Они думали, что видят реальных людей, реальных животных, реальные предметы, и считали, что ничего другого просто не существует.

Согласно Платону, если один из узников освобождался от своих пут, он вдруг обнаруживал, что все видимое и слышимое сидящими в пещере — лишь эхо и тени реальных объектов, двигавшихся перед лучом света. Освободившись, человек мог оставить пещеру и выйти во внешний мир. Понемногу привыкая к свету, он становился способен увидеть деревья, мерцание звезд, солнце и весь мир, залитый солнечными лучами. Он мог слушать пение птиц, ходить по траве и пить родниковую воду. И тогда он стремился вернуться в пещеру и рассказать другим, какова подлинная реальность, рассказать, что все изучаемое и наблюдаемое ими — иллюзия, что истина выше, что она гораздо шире и прекраснее. Услышав это, узники спрашивали друг у друга, видел ли еще кто-нибудь то, о чем говорит этот человек. Но никто не мог подтвердить сказанного. Тогда, объединившись в своем невежестве, они с криками прогоняли того, кто созерцал истину.

Платон говорит, что мифы помогают воспитывать и направлять людей, делая основные представления об истине коллективным достоянием, с тем чтобы впоследствии каждый мог постичь ее индивидуально. Иначе говоря, греческие мифы — миф об Эросе и Психее, миф об аргонавтах и Золотом руне — нельзя понимать буквально, они имеют нравственный и символический аспект.

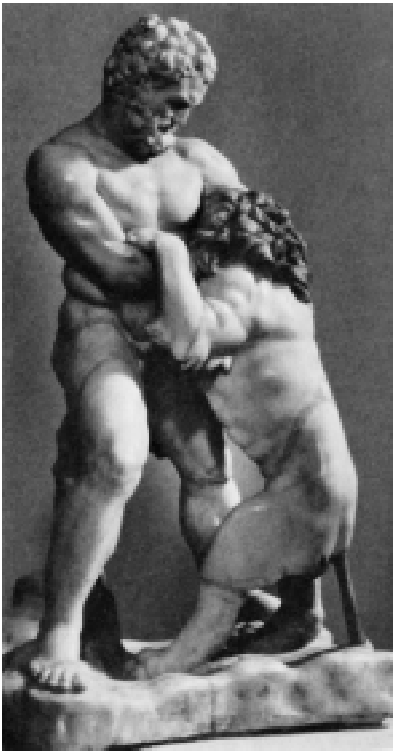
Например, познакомившись с мифом об Одиссее, который после падения Трои стремится вернуться на родную Итаку, не следует думать, что Гомер просто хотел запечатлеть красочное путешествие по неведомым странам. Ведь все те испытания, через которые проходит Одиссей, и соблазны на его пути — это знаки, внешние символы того, что мы несем внутри себя.

В каком-то смысле, каждый из нас — Одиссей. Во время своего путешествия Одиссей попал на остров волшебницы Цирцеи. Он собирался пробыть там только один день, чтобы пополнить запасы и дать отдохнуть своим людям, но красавица, умевшая околдовывать души, сделала так, что долгое время, проведенное с ней, показалось ему одним днем. Однажды Одиссей увидел стадо свиней и спросил: «Откуда здесь

эти свиньи?» Отгоняя, он ударил одну из них ногой, другую дернул за ухо и вдруг услышал: «Не бей меня, Одиссей!» Так герой узнал, что Цирцея своими заклинаниями превратила его друзей в свиней и что сам он тоже околдован. И в нем снова просыпается исконный зов Итаки, куда он держал путь, Итаки, где ждет его Пенелопа, вечно ткущая и вечно распускающая сотканное, ткущая днем и распускающая ночью, — символ терпения и ритма времени.

Так кто же он — Одиссей? Выдумка, наивная ложь? Фантазия, созданная греческими писателями? Нет. Одиссей — это мы сами. Помните, как он велел привязать себя к мачте, когда проплывал возле берега сирен, чтобы не поддаться их чарам? Помните, как сирены, зная, что им не завлечь его простыми обещаниями, подражали голосам его супруги и сына, зовущих Одиссея на пустынный остров? Если бы Одиссей не был привязан, он прыгнул бы в море и погиб. А своим людям он приказал залепить уши воском, чтобы они не слышали голосов сирен. Разве мы не подобны Одиссею? Разве в жизни нас часто не околдовывают сирены — будь то материальные блага, деньги или чувства? Как часто наши слабости берут над нами верх и заманивают нас на необитаемый остров! И спастись мы можем, лишь привязав себя к большой мачте нашего корабля, непреклонно плывущего к той Итаке, о которой мы мечтаем...

Очевидно, что эти мифы имеют всеобщее, универсальное значение, что в них заложен глубокий и очень близкий человеку смысл. Углубившись в историю, мы встречаемся с шумерским мифом о Гильгамеше и Энкиду. Главный герой мифа — Гильгамеш, правитель города Ура. Он должен пройти через ряд испытаний и сражений, встретиться со смертью, а затем спуститься в пучину океана за священным цветком бессмертия, который рос там еще до потопа. В сновидениях Гильгамеша его друг и соратник Энкиду предстает в образе обоюдоострой секиры — мифического атрибута героя. Сцены из этого древнего мифа изображены на печатях и табличках, которые хранятся в Британском музее и Лувре (я видел их своими глазами). Этот миф — не выдумка, не



Геракл в борьбе со львом. Римская копия с оригинала Лисиппа. IV в. до н.э.

сказка, в нем есть эзотерический смысл, но, кроме того, он вдохновляет и говорит о человеке и о человечном.

На основе мифа о Гильгамеше позднее возник миф о Геракле и его знаменитых двенадцати подвигах. Разве эти двенадцать подвигов — выдумка? Нет, конечно. Геракл символизирует Солнце, и двенадцать подвигов — это двенадцать знаков Зодиака, которые Солнце проходит в течение года, в течение дня и в течение большого цикла. Двенадцать подвигов — это двенадцать знаков Зодиака или двенадцать зодиакальных домов, которые Солнце проходит в своей вечной борьбе и благодаря ей может освещать мир, освещать Вселенную. Речь идет об астрономическом мифе. Геракл, одетый в шкуру поверженного им Немейского льва, символизирует Солнце, одержавшее победу над животным началом. А огромная палица Геракла, сделанная из магического дерева, является эмблемой силы, энергии и будущих свершений Геракла.

Если мы обратимся к Индии, то встретим там другие мифы. Например, миф о Карттикее и Ганеше, сыновьях Шивы. Шива — это индуистское божество, входящее в триаду богов

вместе с Брахмой и Вишну. Он был женат на богине Парвати, которая после ухода Шивы в Гималаи страдала от одиночества и спрашивала богов, почему ее божественный супруг не рядом с ней, почему она так одинока. Однажды она отправилась в Гималаи, нашла Шиву и сказала ему: «Мой господин, я одинока, ты не бываешь со мной ни днем, ни ночью. Если бы тебя вообще не было, я и тогда не ощущала бы себя более одинокой». Шива решил уделить ей время. Во время прогулки он разговаривал с ней как с дочерью, как с ученицей, объясняя, что ее образ жизни не подходит ему, что он погружен в состояние трансцендентального созерцания, что его существование проходит на более высоком, духовном плане, и поэтому они не могут жить вместе. Они шли медленно, как движутся слоны, и Парвати забеременела существом, ставшим впоследствии Ганешей, богом Мудрости.

Миф рассказывает и о рождении Карттикеи. Шива из Третьего глаза, Глаза Дангмы, который находится у него на лбу, выпустил луч в глубину голубого озера, и оттуда внезапно появилось множество детей. Парвати, признав в них детей Шивы, с любовью обняла их так сильно, что они слились в одно многорукое существо, обладающее огромной силой. Так появился Карттикея, бог войны, рожденный соединением внимания и основы существования мира.

Конечно, все это мифы, но миф — не ложь, не простой вымысел, а символ. Мы все хорошо знаем, что в Евангелиях Иисус говорит притчами, и они помогают понять некоторые вещи лучше, чем тысячи слов. Поэтому я, которого мои ученики из лучших побуждений иногда представляют, перечисляя титулы и почетные звания, говорю вам, дорогие друзья, что жизненные и философские проблемы невозможно решить ни при помощи титулов и почетных званий, ни знанием всего, что когда-то было сказано всеми философами мира. Способность решать философские и жизненно важные вопросы приходит с пониманием реальности, той живой реальности, которая доступна каждому.

Мы не можем освободиться от власти исторических обстоятельств, от времени, в котором живем, одними только

рассуждениями. В первую очередь, нам необходимо глубоко проживать то, с чем мы соприкасаемся, надо по-настоящему прожить дарованную нам жизнь, которая сама есть великий символ. Деревья, земля, небесные светила — все это символы сокровенного. Ветви дерева, вздымающиеся ввысь, — это символ воли дерева быть вертикальным. Все мы символизируем нечто, превышающее нас самих. Мы — символы, мы — внешние представления о том, что скрывается внутри. Иногда символы или притчи могут научить нас больше, чем интеллектуальные учения. Вспомните притчу о мертвом псе. Его тело уже начало разлагаться, и люди, проходившие мимо, говорили: «Смотрите, какое отвратительное зрелище. Этот пес с разлагающимся телом отвратительно выглядит и ужасно пахнет...» Но старый Учитель, проходя мимо, сказал: «Зубы у него белые, как жемчуг». Этот Учитель одной притчей, одним символическим высказыванием дал своим ученикам урок, который пережил многие века, урок, который может помочь человеку больше, чем сотни исписанных страниц.

Такое отношение к символам характерно для всего древнего мира. Оно встречается и в Америке, например в Мексике, в мифе о Кецалькоатле — пернатом змее, а также в перуанских мифах о тюленях, переносящих души людей с побережья на священные острова.

Все эти мифы — не ложь; они носители, сосуды, формы, посредством которых выражаются внутренние действия, действия метаисторические, позволяющие наладить связь с Природой. Тот, кто сумел прожить миф, кто совершил удивительные подвиги, — герой, святой, сверхчеловек.

Вспомним знаменитую битву в Фермопильском ущелье — реальное историческое событие. Мы знаем, что такая битва была, но чем она прославилась? Ведь известно, что Леонид ее проиграл и персы все-таки вошли в Грецию. Так что же важно в этой битве при Фермопилах? Важен миф, героизм царя, который, защищая закон, принял смерть вместе со своими 300 воинами; важна любовь царя Леонида к своим людям и их доверие к нему; важно чувство преданно-

Ганеша. Рельеф на двери храма в Катманду. Непал

сти и верности долгу. В полдень, когда пришло время обедать, воины спросили у Леонида:

— Господин, надо ли хорошо поесть перед битвой?

— Поешьте немного, — ответил он, — потому что этой ночью мы будем пировать с Плутоном, богом умерших.

— Сегодня ночью? А ты будешь на этом пиру?

— Я буду с вами.

— Значит, этой ночью мы поужинаем вместе с Плутоном и с нашим царем.

Эти люди не боялись смерти, они пошли в бой, выступили против огромной армии, вдохновленные мифом. Не знаю, ждал ли Плутон их появления и смогли ли они поужинать вместе с ним... Но разве мы не завидуем немного этой горстке воинов? Разве мы не ощущаем нравственную силу тех, кто сумел умереть, защищая свою родину и свои законы?

Наступили времена демифологизации, времена «карликократии», царства мелкого. Сегодня каждый заявляет о своих правах, но никто не говорит о своем долге; каждый, в силу своего эгоизма, стремится сохранить самого себя и то, к чему он привязан. Сегодня мы забыли, как воздавать почести, мы разучились восхищаться святыми чувствами спартанской матери, которая посоветовала сыну, сказавшему, что у него короткий меч, удлинить его, сделав шаг навстречу противнику. Другой миф рассказывает о матери, сыновья которой сражались за Спарту. Она ждала окончания битвы на окраине города. «Какие вести?» — спросила она гонца. Услышав, что все ее сыновья погибли, она сказала, что спрашивает не об этом, а о судьбе родины. Когда выяснилось, что Спарта победила, она воскликнула: «Тогда весть о смерти своих сыновей я принимаю с радостью».

Это классический пример, и он настолько живой и образный, что действует на нас как целительный бальзам. А что же мы получаем в результате демифологизации? Что получаем, препарируя скальпелем душу вещей, — ведь душу нельзя уловить таким образом? Что получаем, пытаясь взвесить то, что не имеет веса? Что получаем, объясняя ребенку, что его родители не любят друг друга и просто привлекали друг дру-

га физически, что родился он по оплошности? Что получаем, если, опуская поэтическое и возвышенное, рассказываем ребенку то, что он и так узнает, когда станет взрослым?

Мир, в котором секс заменяет любовь, а коммерческие интересы — дружбу, где пустословие выдается за глубокие истины, а нерешительность и самомнение подменяют веру, — наш мир, как никогда прежде, нуждается в возрождении мифов и героев древности. Как важно для нас знать, что была в истории Жанна д'Арк! Как исцеляет наши души знание того, что жила когда-то Тереза Авильская! Как важно знать о подвигах, которые совершались во славу человечества! С другой стороны, что мы получим, если будем знать, болел ли герой Аргентины Хосе де Сан-Мартин сифилисом и были ли мечты Боливара об объединении Америки связаны с тем, что он пил? Что это за знания? Что это за течения, покушающиеся на наше чувство родины, на нашу веру в Бога, на нашу веру в самих себя? Что это за вихри, называемые историческими, разметающие, отделяющие людей друг от друга? Что это такое, что разделяет отца и сына, что разлагает государства и разрушает алтари?

Нам нужно увидеть мощь и реальность мифов, обладающих огромной теллурической силой. Нам нужно осознать, насколько важно верить в святость и силу великих людей.

Испанию, которую я хорошо знаю, больше всего воодушевлял образ Сантьяго и клич: «Сантьяго и Испания!» Многие исторические события относятся к той же реальности, что и мифы. Сегодня никто не знает точно, существовал ли Сантьяго Матаморос (Святой Иаков Губитель мавров), нет уверенности в том, что действительно фигура в белом неслась по полю битвы, что Сантьяго Старший, уже обезглавленный, доплыл до берегов Галисии в ладье без руля и без паруса. Нам это неизвестно — но мы точно знаем, что на этих образах вырос гордый народ, народ, давший великих писателей, народ, обладающий силой и чувством чести. Эти качества он сохранил и передал нам, народам Америки.

Асорин, великий и незабываемый Асорин говорил, что всегда искал тень Дон Кихота на равнинах Галисии. Что зна-

чит для нас Дон Кихот? Этот персонаж, придуманный Сервантесом, помог многим. Многие из нас стали лучше благодаря Дон Кихоту, хотя физически он никогда не существовал. Благодаря ему мы научились мечтать. Помните, как он сражался с мельницами? Какая красивая история! Когда Дон Кихот поднял свое копье, сказав, что на горизонте великан Бриарей, Санчо возразил: «Сеньор, но это же обычная ветряная мельница!» Дон Кихот пришпорил коня, вонзил копье в крыло мельницы и тут же оказался на земле. Приблизившись, Санчо сказал: «Сеньор, не говорил ли я, что это всего-навсего ветряные мельницы?» Взглянув на него, Дон Кихот ответил усталым голосом: «Эх, Санчо, Санчо, видно, что ты не посвящен в таинства Рыцарства и не знаешь, что есть великаны, которые, когда нападаешь на них, превращаются в ветряные мельницы».

И это правда! Разве не существует великанов, которые, когда мы на них нападаем, превращаются в ветряные мельницы? На самом деле неважно, существовал ли Дон Кихот. И в конце концов, что значит существовать, что значит жить? Выпить немного вина, съесть кусок мяса, лечь спать, укутавшись, в одиночестве или разделив с кем-то ложе, — это ли значит жить? Жить означает много больше; это намного глубже, это выходит за рамки обыденного. Жизнь подобна ветру, который наполняет паруса корабля, помогая нам двигаться вперед. И хотя никогда не было ни Санчо, ни Росинанта, ни великана Бриарея, эта история-притча помогает нам, потому что в каждом из нас живет герой, в каждом живет рыцарь, стремящийся вперед и мечтающий о сражении с великанами. Однако в каждом из нас живет и приземистый толстячок, который говорит: «Нет, сперва подкрепимся ламанчским сыром, а потом можно и в бой». В каждом из нас есть и тот, и другой.

Нам нужна не демифологизация, нам нужны новые мифы. Друзья, нам нужно воссоздать культуру, которая откроет нам красоту, которая даст нам возможность жить по-настоящему — так, как хотелось бы. Нам нужен мир более осмысленный, богатый образами. Посмотрите на наши дома, хотя бы

на те, что расположены в вашем районе, — они красивые и добротные, но на этих новых домах уже нет балконов, украшенных резьбой. Сегодня все делается ради комфорта. Когда мы хотим снять квартиру, то уже не спрашиваем, есть ли в ней библиотека или зал для занятий живописью; нас интересует метраж кухни или ванной комнаты, потому что наша цивилизация — цивилизация ванных. Нас беспокоит, хорошо ли работает холодильник, потому что мы создали цивилизацию, где самое важное — сохранить немного холодной закуски. Наших прадедушек и прабабушек больше заботило другое: достаточно ли света в зале, чтобы писать картины, и есть ли в доме место, где можно почитать книгу. В результате демифологизации мы ничем не дорожим, ничто не представляет для нас подлинной ценности. Знамена перестали быть знаменами, они превратились для нас в разукрашенную ткань. Мы профанировали наших героев и наши символы. Мы анализируем биографию Иисуса, пытаясь выяснить, не проистекали ли его мудрые наставления из его влюбленности в Марию Магдалину или, быть может, в Иуду. При таком подходе, не щадящем ничего святого, мы остаемся без дома, без семьи, без родины, без Бога, без Христа, без философии.

Одна из проблем современности — одиночество. Мы одиноки как плот, затерявшийся в море, и с каждым днем все больше ломаемся, истачиваемся изнутри и снаружи, потому что мы утратили символы, утратили способность идти вслед за великими, вслед за святыми. Если бы не осталось ни одного великого человека, ни одного святого, то мы должны были бы их придумать здесь и сейчас, чтобы говорить о них нашим ученикам, нашим детям, новым поколениям. И это поможет им идти по жизни с поднятой головой. Пусть сегодня нет Фермопил — мы должны их придумать и воссоздать в нашей поэзии, в нашей литературе. Пусть каждый знает, что это не просто скалы. Пусть каждый знает, где великое, а где малое, где глубокое, а где поверхностное. Пусть каждый знает, что есть духовные и нравственные ценности, которые значат много больше того, что измеряется количественно.

Хотя сегодня нет ни королей, ни святых, мы должны вновь создать их в нашем воображении, чтобы снова обрести чувство чести, присущее Сиду, всем известному Сиду Кампеадору. Однажды сам король встал перед ним на колени: «О Сид! Я так много грешил, совершил столько ошибок!» На это Сид сказал: «О господин, мой король не должен становиться на колени ни перед кем. Моего короля будет судить Бог, а не я». Несомненно, этот человек имел чувство чести.

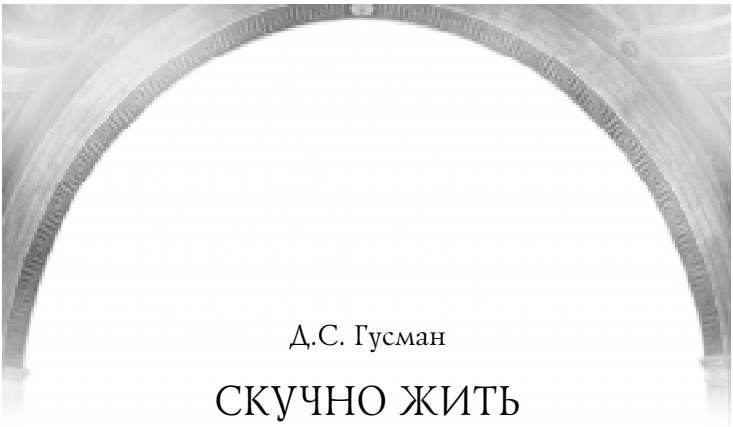
Сегодня мы судим всех и вся. Сегодня мы не знаем, что такое король, не знаем, что значит почитать кого-то и идти за кем-то, не знаем даже, что значит оставаться самим собой. Наши храмы пустуют. Мы идем в храм, чтобы услышать слова о Боге, о бессмертии Души, о причинах всего сущего, а нам говорят о контрацепции. Мы идем к врачу, чтобы он помог нам разобраться в наших проблемах, а он говорит, что мы, наверное, влюблены в свою бабушку. Каждый занимается делами, не входящими в область его компетенции. Все это похоже на то, как если бы деревья внезапно начали бегать, захлебываясь лаем, а на теле собаки вдруг выросли бы ветви с цветами. Все перепутано, везде неразбериха.

Нам нужны новые мифы, способные осветить, облагородить наши души; нам нужны новые, живые примеры. Нужно, чтобы появилось новое поколение людей, но не в этническом, а в нравственном значении, поколение, которое будет лучше и добрее. Нам надо снова отправиться с Дон Кихотом в поля Кастилии. Нам надо убедиться, что мы можем побеждать великанов и превращать их в ветряные мельницы. Нам надо представить себя рядом с Леонидом, услышать его слова о пире у Плутона и почувствовать, что триста спартанцев могут устоять перед миллионной армией персов. Нам надо снова спуститься с Гильгамешем на дно океана, чтобы найти там волшебный цветок бессмертия. Нам нужно обратиться к глубинам своей души, чтобы суметь воссоздать новое общество, новую родину, родину людей, которые будут лучше нас. Мы должны сделать это ради детей, и не только ради тех, которые уже есть, но и ради тех, которые появятся завтра. Это наш исторический долг перед обществом. Мы

должны воссоздать Акрополь, снова возвести «Верхний Город» с присущей ему красотой, с его мифами, героями и святыми. Утрачивая мифы, красоту, святых и героев, мы перестаем быть людьми и превращаемся в гуманоидов. Мы должны ощущать и уметь выражать нашу внутреннюю веру.

Дорогие друзья, человек отличается от животного не только тем, что у него нет хвоста. Человек отличается от животного своей верой и внутренней жизнью. Человек отличается от животного тем, что его глаза наполняются слезами перед красотой заката, тем, что он может поделиться с другими прочитанным стихотворением. Человек отличается от животного тем, что понимает музыку и своим исполнением может передать другим ее красоту. Человек отличается от животного тем, что кроме секса ему нужна любовь, и он способен любить всей душой. Человек отличается от животного тем, что честь для него превыше силы, тем, что он может помочь слабому подняться. Человек отличается от животного тем, что преклоняет колени не чтобы дотянуться до кормушки, а потому что верит в Бога, в высшую силу, пребывающую в его сердце, которая взывает к нему из самой глубины его души: «Бог существует!»

Лима (Перу), 1976 г.



Д.С. Гусман

СКУЧНО ЖИТЬ БЕЗ СУПЕРМЕНА!

Несколько месяцев назад я написала статью «Об этом и других мирах», в которой речь шла о якобы постоянно испытываемых нами вторжениях пришельцев с других планет, жаждущих тем или иным образом изменить жизнь людей, — причем люди при этом оказываются самыми жалкими существами во всей Вселенной.

Сегодня, касаясь той же темы, я хотела бы рассмотреть это явление под другим углом зрения.

Уже много лет (пожалуй, в течение нескольких последних десятилетий) развлекательные журналы, комиксы, романы, научно-фантастические рассказы и другие сочинения, в большей или меньшей степени претендующие на литературность, буквально наводнены странными персонажами — пришельцами из других миров либо, если они родом с нашей планеты, героями из легендарных или воображаемых эпох. Нечто подобное происходит и в аудиовизуальном мире, где эти персонажи прекрасно себя чувствуют и в художественных, и в научно-популярных фильмах, и в детских мультфильмах.

Создается впечатление, что люди потеряли интерес к человеку, и чтобы привлечь их внимание, требуются существа совсем другого типа. Я думаю, что это связано не только и

не столько с модой и новизной. И даже если бы это было так, мы должны признать, что в любой моде есть скрытые мотивы, которые не сводятся к рекламе и увеличению продаж.

Перед маленьким монстром с неизвестной планеты или тиранозавром из доисторических времен двери наших домов открываются легче, чем перед повседневной драмой миллионов людей с ее неизменными смехом и слезами.

МИФИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА: ВСЕГДА ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО БЫЛО ТАКИМ?

Любопытно, что желание воссоздать прошлое возникло задолго до научного поиска и конкретных исследований, ставших для нас привычными в последние полвека.

Люди даже не пытаются реконструировать прошлое рационально. Похоже, что нам намного интереснее представлять или интуитивно ощущать его, исходя из интригующего вопроса: всегда ли человечество было таким же? Всегда ли мы выглядели так же, жили так же?

Древние легенды, нашедшие отражение во всех мифологиях, традиции, воплощенные в сказаниях и священных книгах стольких народов, — все это вновь обретает жизнь, превращаясь из ископаемых, окаменевших символов в частицу нашего настоящего, хотя и в несколько измененном, адаптированном виде — в соответствии с господствующим мышлением.

Действительно, существует множество историй о древних эпохах, когда люди были больше и сильнее или, наоборот, меньше и «эфирнее», чем сейчас. В те времена они общались на других языках или просто читали мысли, находились в прямом контакте с растениями и животными, и у камней и металлов не было от них секретов.

Эти люди обитали на тех же континентах, что и мы, имевших тогда другие очертания, либо на других континентах, которые сейчас скрыты под водой; они плавали по неизвестным нам морям и бесстрашно бороздили пространство. Они знали то, что забыто нами, и, похоже, их не вол-

новали те навязчивые проблемы, которыми сегодня заполнены наши дни.

Они строили города, преодолевали пешком огромные расстояния, укрощали диких животных, вступали в бой с ужасными врагами и в значительной степени освоили небо и землю. Они почитали неведомых нам богов и оставили следы своего поклонения и мудрости в виде загадочных монументов, которые сегодня поражают наше воображение.

И эти существа, «почти человеческие», человеческие или больше чем человеческие, обладают для нас особой привлекательностью, становясь желанными спутниками в чтении, в мечтах и в бегстве от действительности — особенно в глазах детей и тех, кто предпочитает обращать свой взор далеко назад, туда, где можно найти вымысел и тайну, то есть нечто, что одновременно и принадлежит тебе, и ускользает из рук. Мы уже не говорим о том, что достойный сожаления коллективный психоз по поводу этих неуловимых обитателей нашего мира стал привычным явлением.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ И В ДРУГИХ СОЛНЕЧНЫХ СИСТЕМАХ?

На этом поиск не заканчивается. Человек, признается он себе в этом или нет, ощущает себя покинутым, переживает конфликт со своим внутренним миром. Мифическое прошлое возвращает ему нечто значительное, делая его преемником древних чудес. Но этого недостаточно. Нужно лететь дальше, подняться выше, выйти в другие миры, которые находятся в нашей Солнечной системе или еще дальше, в системах, не имеющих названия, невероятных и, возможно, являющихся плодом воображения.

В то время как в науке продолжаются дебаты по поводу того, есть ли жизнь на тысячах планет, составляющих Вселенную, научная фантастика, которая представляет собой порождение нашего бессознательного, уже довольно давно решила эту загадку. Да, жизнь есть, и ее изображают очень по-разному: она либо подобна земной, либо совершенно от-

личается уровнем развития — высшим или низшим, либо вообще несопоставима с нашей.

В этой статье невозможно привести цитаты из трудов многочисленных мыслителей, которые во все времена говорили о возможности жизни в других мирах. У каждого из них — свои доводы, которые, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов. Сегодня для нас достаточно лишь задать вопрос и попытаться на него ответить: если есть жизнь на Земле, почему бы ей не быть на стольких планетах, где условия похожи на наши? Почему только мы? Почему только наша Земля?

Отсутствие конкретных примеров и непосредственных знаний об этих иных жизнях (что вовсе не означает, что они не существуют) приводит к вымыслам, и таким образом возникают фигуры самых невероятных персонажей — представителей других миров. Они также проникают в нашу жизнь, в наши сны или кошмары, и мы предпочитаем их себе подобным, наскучившим нам, о которых, как нам кажется, мы знаем все.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЭТИ ПЕРСОНАЖИ?

Эти персонажи, реальны они или нет, начинают обретать силу с того момента, когда оказываются с нами и среди нас. Можно сказать, что они являются символами, но при этом отражают психологические и духовные реалии, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Персонажи из мифического прошлого воплощают, как правило, нравственные ценности (храбрость, цельность, искренность, чистоту, благородство, щедрость), которым они следуют в борьбе со злом, в коем недостатка не бывает никогда. Пребывают они в весьма странных формах; это своего рода измененный человеческий облик, нечто напоминающее те образы, которые мы видим в снах: образы прекрасные и сияющие или темные и искаженные. Они живут в фантастических царствах, где всё совершенно или, по крайней мере, идет борьба ради сохранения совершенства и чистоты.

Пришельцы из других миров олицетворяют разум, власть, технические знания в самом высоком смысле этого понятия, преодоление множества кризисов, которым мы всё еще подвержены, способность властвовать над людьми во имя добра или зла. Они прекрасны или ужасны, они боги или звери, но они всегда сильнее нас. Они — зеркало наших слабостей и недостатков. Иначе говоря, откуда бы и каким бы образом они ни явились, из прошлого или из будущего, с ближней планеты или с недостижимой звезды, в этих персонажах отражается наша боязнь незнания и бессилия, наше стремление к преодолению и освобождению. Тем, чего мы не достигли — поскольку не можем, не хотим или не знаем, — они обладают либо обладали ранее.

И, возможно, так оно и есть...

ЧЕЛОВЕК БЕСПЛОДНЫЙ

Если бы не наш страх и наша слабость, воспоминание о сущностях, не похожих на нас, или их воображаемые образы могли бы стать для нас движителем, стимулом к развитию в самих себе того, что нас более всего восхищает в них.

Но нет. Мы достигли — вернее, другие достигли, поскольку здесь действительно преуспела всесильная пропаганда — усмирения наших импульсов и сведения нашей тяги к приключениям до пассивного созерцания приключений других людей.

Нас сделали бесплодными. Мы можем быть лишь зрителями, наблюдающими за чужими способностями и умом, добродетелями и моральной стойкостью. Мы можем лишь просить, чтобы «плохие» на нас не нападали, потому что знаем, что они могут с нами справиться. И потом, нам, можно считать, повезло, поскольку мы можем рассчитывать на своих воображаемых союзников, которые, если дело дойдет до того, вступят в бой и займут наше место.

Мы не знаем, с чего начать, чтобы овладеть той внутренней силой, теми знаниями или неизменным мужеством, которые отличают «нечеловеческих» героев. И поэтому намно-

го легче оставить все как есть. Жизнь для нас превращается в увлекательный рассказ, в бесконечное кино, и мы уже смирились с тем, что нам никогда не быть в нем актерами.

Нам необходимо сделать шаг вперед, шаг к фантазии, чтобы войти в царство волшебного чуда, чтобы эти забытые или еще не родившиеся персонажи вырвали нас из нашего удобного кресла — физического, психологического и ментального. Нам нужно летать вместе с ними и так же, как они, нужно открыть, что мы можем быть больше, чем кажемся самим себе, и уничтожить собственными руками порочные страхи, эти чудовища зла.

Нам самим нужно стать чуть больше чем людьми, чтобы научиться жить в согласии со своим «я» и с теми, кто нас окружает, жить, избавившись от уныния бесплодности и пассивности.

Если мы сделаем первый шаг к победе над «я», то осуществим первую стадию трансформации обычного человека в сказочного персонажа, обитающего сегодня в наших фантазиях. В каждом человеке дремлет герой. И если он еще не стал нашим спутником и не придает смысла нашей жизни, то лишь потому, что он еще не пробудился и не занял должного места, чтобы начать действовать.

Х.А. Ливрага

ПОЧЕМУ НАБИРАЮТ СИЛУ ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ?

Лекция

Терроризм, как и преступность, не является порождением нашего века. Сегодня мир как никогда страдает и от того и от другого, и поэтому кажется, что возникли они недавно. Но в действительности эта проблема стара как мир. Безнравственные люди были всегда. Всегда были те, кто искал возможности выжить, не считаясь с законами морали. Объединяясь в группы, они держали в страхе общество, принципы которого либо просто не воспринимали, либо полностью отвергали. На протяжении веков насилие в его многочисленных формах развивалось все больше и больше.

Почему со временем терроризм усиливается? С исторической точки зрения в его развитии есть свои поворотные точки. Человечество должно было пройти через нечто подобное черному тоннелю, каким было Средневековье. Правда, в этой тьме были и свои звезды. Вспоминая учение об Инь и Ян, мы убеждаемся, что все имеет свою противоположность; в проявленном мире нет ничего абсолютного: все черное содержит немного белого, и наоборот. В этой средневековой тьме, среди хаоса и насилия, которые время от времени освещались факелами великих личностей, но, к сожалению, гораздо чаще — кострами инквизиции, было разру-

шено многое из того, что поддерживает и отдельного человека, и общество в целом.

Со временем человек попадал в сети разного рода организаций и систем взаимоотношений, которые постепенно заглушали его естественные склонности и устремления. Он уже не искал Бога ни в звездах, ни в каплях падающей воды, пытаясь найти ответ на волнующие его вопросы. Взирая на мир, он не ощущал себя полным сил и надежд; человек начал забывать своих предков, Бога и даже перестал узнавать самого себя.

Сократ советовал своим ученикам следовать наставлению, дававшемуся в Дельфийских мистериях: «*Познай самого себя*». Но человек перестал чувствовать необходимость искать смысл своего существования, он забыл о том, что в нем самом есть неиссякаемый источник познания. Постепенно он отделил себя от мира и стал испытывать растущие страх и тревогу. Чем больше он уделял внимания своим личным потребностям и чем больше в нем росло чувство собственной значимости, тем сильнее искажалось его отношение к другим людям и к окружающему миру. Этот процесс шел дальше, и человек опускался до различных форм террора, которые уже не ограничивались только применением силы или оружия: в ход шло все, что могло вселять страх и ужас в сердца тех, кто считался врагом.

Все, кто изучал историю походов Александра Македонского, поражались тому, как он с горсткой воинов наносил сокрушительные удары бесчисленным войскам непобедимых персов и даже преследовал их. В чем причина? Причина в том, что он внушал врагам страх. В переводе с греческого одно из значений его имени — «Вселяющий страх». Александр побеждал не только на поле боя; в первую очередь, он побеждал в психологических битвах.

Основная ошибка, которая и сегодня до конца еще не осознана, состоит в том, что люди не понимают, что общество или государство не должно быть изолировано от человека, оно должно считаться с материальными и духовными потребностями и устремлениями каждого своего члена. По-

этому каждый человек как индивид имеет огромное значение. Платон говорил, что *индивид* — это неделимая часть человеческого существа, его глубинная суть, из которой и рождаются его стремления и подходы к жизни.

* * *

Существуют различные формы террора. Есть *террор, рождающийся на религиозной почве*. К примеру, так называемый страх перед Богом. Для философа нет ничего более абсурдного: можно бояться самих себя, своих собственных ошибок, своих собственных заблуждений, но никак не Бога! Этот страх не свойственен человеку. Он был создан искусственно в результате того, что на протяжении всей истории человечеству внушались разного рода догмы и ложные истины, чтобы людьми легче было манипулировать.

Людям говорили, что существует ад — место, куда они попадут на вечные времена, если согрешат; но само понятие греха довольно относительно, оно обусловлено эпохой, страной, верованиями и меняется в зависимости от них. То, что является грехом для христианина, не грех для мусульманина; то, что в Европе кажется ужасным, не имеет значения в Центральной Африке, и наоборот. Как можно согласиться с тем, что человек будет осужден навеки без возможности искупить свою вину, осужден лишь потому, что заблуждался, совершал ошибки, уступал своим инстинктам и слабостям? Как можно осудить человека, забывая о том, что его слабости и инстинкты заложены в нем с самого рождения и долгое время он не осознает их, сталкиваясь с этим в возрасте 12–15 лет, не раньше? Размер раны соответствует оружию, которым она наносится, а не тому, кто ранен. Если гарпуном стреляют в кита, рана будет величиной не с кита, а только с гарпун. Значит, и наказание за ошибку должно быть соизмеримо с болью, которую она принесла, а не с тем, кто от нее пострадал.

Итак, мы видим, что на протяжении всей истории, а также и в наше время эта форма террора, возникшая на религиозной почве, продолжает существовать, подавляя волю людей, чтобы добиться власти над ними.

* * *

Второй формой является своеобразный *экономический террор*, существующий сегодня во многих странах. Он заключается в несправедливых налогах, в зарплатах, не покрывающих затраты на жизнь, в то время как миллионы безработных живут на пособия, которые в виде налогов взимаются с работающих людей.

Если предприятия несут бремя непомерных налогов, со временем масштабы производства сокращаются, а многие предприятия не выдерживают и закрываются. Это увеличивает число безработных; необходимость прокормить их вызывает новый рост налогов. Это замкнутый круг, порождающий свои формы страха, неуверенности и террора.

В старые добрые времена молодой человек, поступая в университет, знал, что, как бы то ни было, после окончания учебы он обязательно найдет для себя более или менее хорошо оплачиваемую работу. Сегодня такой уверенности нет. Во многих европейских странах лишь малая часть молодых специалистов, получивших высшее образование, имеет гарантированное рабочее место. Остальные вынуждены соглашаться на любую работу. В городах Европы часто можно встретить таксистов с образованием врача или адвоката. Все это порождает беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне. Создается своего рода террор обстоятельств, порождающий бессилие и угнетенность.

Есть еще одна форма террора — *психическое насилие*, когда, пользуясь разными психологическими приемами, в том числе воздействуя на условные рефлексы, нас заставляют покупать определенные продукты, принимать участие в определенных мероприятиях, входить в определенные группы и политические структуры, голосовать за определенных политических лидеров. Чем-то напоминая знаменитые рефлексы Павлова, эти приемы постоянно ослабляют нашу волю.

Существует и другая форма, которую можно назвать *социальным террором*. Он проявляется в создании культа всего, что связано с насилием, и очень мало нами осознается.

Но как его результат появляются самые очевидные и страшные формы терроризма и преступности. Люди не задумываются о том, что и преступность, и терроризм связаны с общим развалом нашей политической, социальной и экономической системы и являются его прямым следствием.

Конечно, мы должны думать и мечтать о менее испорченном, более чистом, более справедливом мире, в котором будет совершенно другая система ценностей. Но уже сейчас необходимо создавать элементы нового, чтобы они позволили нам снова почувствовать радость жизни, дали возможность жить без страха. Сегодня уже очевидно, что все мы являемся жертвами различных форм насилия — если не терроризма, то преступности, — и поэтому в нас постоянно живет страх, от которого так просто не избавиться.

Несколько лет назад (я говорю о 70-х годах) можно было спокойно ходить по улицам в любое время; даже ночью в Мадриде любой, забыв дома ключи, мог постучать сторожу, тот приходил со связкой и отпирал дверь. Никто и не помышлял украсть у сторожа ключи. А сегодня мы все без исключения, находясь на улице, одну руку держим на кошельке, а другую — на ключах и все равно боимся, что с нами что-нибудь случится.

Для меня террор и преступность по своей сущности одинаковы; различия могут быть в мотивах и средствах. Человек, который выходит с ножом, чтобы ограбить кого-нибудь, тоже совершает террористический акт, хотя этот терроризм носит индивидуальный характер.

Терроризм подобен огромным когтям, нависшим над всеми нами, которые уносят с каждым днем все больше жертв — жертв различных форм насилия и преследования.

Что можем сделать мы? Во-первых — не быть равнодушными и не бояться реагировать. Во-вторых — определить причины. Одна из этих причин — современное деление людей на кланы и «племена». Сегодня все против всех. Какой-то дьявольской издевкой кажется то, что военные выступают против гражданских, гражданские против военных, студенты против полиции, врачи против адвокатов, адвока-

ты против инженеров... Мы все точно раздроблены на кусочки, и это тоже внушает страх.

Когда речь заходит о преступности, сразу хочется спросить: неужели законы настолько прогнили, что мы уже ничего не можем поделать? Ведь если на нас нападают, а мы защищаемся, то рискуем сами оказаться за решеткой, так как существует масса комитетов, которые защищают права различных преступников. Но почему-то нет ни одного комитета по защите граждан, которые хотят мира, хотят учиться и работать. Такого комитета нет, потому что речь идет о гигантской манипуляции на мировом уровне; те, кто манипулирует террором, успели всех нас запугать.

* * *

Каким образом можно манипулировать террором, я увидел в свое время в Восточном Берлине. Я представлял себе Берлинскую стену высокой и мощной, но она оказалась тонкой бетонной перегородкой высотой в 2,5 метра. Просто карикатура на стену! «Почему же тогда так страшно ее преодолевать?» — спрашивал я себя. Страх стоял за ней в виде специальной охраны, но в первую очередь ощущался через своеобразную форму психологического давления.

Я захотел увидеть лицо страха поближе и пошел в Восточный Берлин. Все, что происходило при этой маленькой авантюре, показало, какую силу имеет страх. Расскажу об этом подробнее.

Для того чтобы войти в город, нужно было выстоять длинную очередь; чуть поодаль стояли несколько полицейских (их называют *вопо)* в форме точь-в-точь как у гестаповцев, единственное отличие — нашивки белые, а не серебристые, и фуражки советские. Стоя в очереди, выходить из нее нельзя. Вокруг нет ничего, к чему можно было бы хотя бы прислониться. Приблизительно через час подошел наш черед предъявлять паспорт. В кабинке за окошком сидел человек; мы могли увидеть его, только когда он включал свет. Если он не хотел включать свет, его лица видно не было. В любой другой стране при предъявлении паспорта в нем ставят визу

Берлинская стена

и возвращают без дополнительных требований. В Берлине же проверяют паспорт один раз, потом смотрят снова, и так три-четыре раза. Затем спрашивают, к кому ты едешь. Я ответил, что турист. На меня снова подозрительно посмотрели и заставили заплатить 5 марок. Когда в конце концов переход состоялся, последовало указание поменять 25 западных марок на 25 восточных — действие совершенно бессмысленное, потому что на них все равно ничего нельзя купить.

Позже я вместе со своими спутниками взял такси и попросил отвезти нас к Бранденбургским воротам. К нашему удивлению, таксист отказался.

В ресторане, куда мы зашли пообедать, нас заставили заплатить западными марками. Я спросил, зачем тогда нужно было менять деньги. На это мне ответили, что ничего не знают. Это необъяснимо!

Итак, находясь в Восточном Берлине, я смог в какой-то мере ощутить это гнетущее чувство террора. Никто меня не трогал, на границе даже не посмотрели вещи — это было и не нужно, ибо этот террор намного мощнее, жестче, ощутимее.

* * *

Возникает вопрос: *есть ли лекарство от терроризма и преступности?* Думаю, что есть. В первую очередь необходимо изменить законы, начиная с Конституции, и не нужно этого бояться: здесь, в Испании, с давних времен до наших дней было много конституций, и они будут еще. Необходимы глубокие, существенные перемены в законодательстве, способные защитить беззащитного и безоружного гражданина. Сейчас нам говорят: «Если что-то случилось — звоните по такому-то телефону». Но, во-первых, мертвые не звонят, а во-вторых, если и есть такая возможность, то к тому времени, когда помощь придет, она уже не понадобится. Если, например, кому-то угрожают, он идет в полицейский участок за помощью, а там отвечают, что сейчас не хватает персонала...

Очевидно, что речь идет о всеобщем развале, разрушении, падении. И мы должны не просто надеяться, а быть уве-

рены в том, что сможем преодолеть этот большой исторический кризис, охвативший не только Испанию, но и весь мир.

Что-то мешает свободному развитию людей, сковывает разум и нравственность. Я думаю, что это — страх, от которого мы должны освободиться. Глубинная причина страха — это неведение. Неведение о нашем бессмертии усиливает страх смерти; неведение основных законов сосуществования в обществе, а особенно несовершенство предупредительных мер и исполнительной власти приводит к малым и большим преступлениям.

Этот мир надо изменить. Но это невозможно сделать насильственно; менять мир нужно снизу и изнутри, обращаясь к причинам, а не к следствиям. Надо сделать так, чтобы у каждого мужчины и у каждой женщины была работа. Каждый человек имеет право на хлеб, на крышу над головой, на элементарное образование, на понимание, на справедливость и защиту.

Если врачи должны лечить, то точно так же полиция обязана преследовать преступников. Надо решить эту огромную проблему индивидуальной и организованной преступности, которая в Южной Америке, скажем, уже в порядке вещей. А в Колумбии человека, отправившегося на археологические раскопки, по дороге обязательно остановят боевики и заставят заплатить «революционный взнос». С помощью этого террора нас постоянно грабят, как бы покусывая, но отнимают при этом не только материальные блага, что, конечно, важно само по себе. Но главное, нас лишают чести и достоинства, которые должна иметь каждая женщина, чтобы быть женщиной, и каждый мужчина, чтобы быть мужчиной.

* * *

Констатируя плачевное состояние дел, мы, философы, предлагаем вернуться к вечным ценностям, которые дадут нам возможность обрести истинное знание и понимание того, что происходит, и не чувствовать страха.

Страх — худший из недостатков, которые может иметь общество. Он не был присущ человеку изначально. Его по-

родили враждебные человеку силы, проникшие в наши души извне и уже ставшие частью нас самих. Мы должны полностью освободиться от страха. Ибо что самое худшее из того, что с нами может произойти? То, что нас убьют? Так или иначе, мы все равно умрем. Есть одна жизненная истина: у человека могут украсть только то, что он уже до этого потерял сам, по собственной глупости.

В «Новом Акрополе» мы стремимся к тому, чтобы люди снова обрели отвагу, внутреннюю силу, способность делать все так, как нужно, и тогда, когда нужно.

Знаю, что все это может прозвучать как утопия, но я буду рад, если с этой встречи вы унесете с собой как мой подарок память о том, что ваша душа бессмертна, что вы являетесь дамами и рыцарями, что у вас есть достоинство. Человек может жить без ноги или без глаза, но не может жить без достоинства, ибо без него он не человек, а животное.

Мы должны вновь расправить плечи, чтобы ангелы-хранители распростерли над нами свои крылья и мы смогли сделать все, что в наших силах, чтобы в один прекрасный день создать мир новый, лучший, который воплотил бы все самое ценное, что было в истории человечества.

Я понимаю, что, говоря об этом, рискую быть обвиненным в ностальгии по прошлому. Но кто из нас не испытывает тоски по чему-либо? Разве в вашей жизни не было счастливых моментов? Разве не было друзей, которых сейчас нет рядом? Разве не было отца и матери, которые, возможно, покинули этот мир? Разве вы не чувствуете ностальгии по тем временам, когда они были рядом и радовались вместе с вами? Почему же нельзя испытывать ностальгию по миру, где было больше спокойствия и меньше насилия, больше труда и меньше бедности?

Мы должны сохранить в своих сердцах эту священную ностальгию, побуждающую нас вспомнить о древних временах, о мире без потрясений, где черное — это черное, а белое — это белое; о мире, где никто не ударит нас ножом в живот, где ребенок не погибнет, оказавшись рядом с машиной, начиненной взрывчаткой. Мы не можем с этим сми-

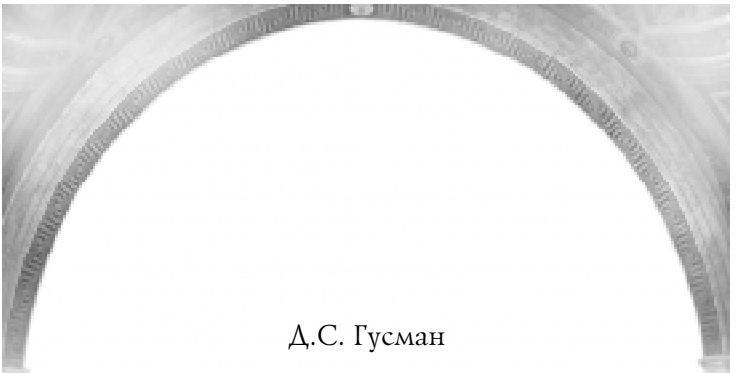
риться. Мы должны сами стать другими и создать новую систему ценностей в обществе, в котором мы живем. Всей силой своих сердец мы должны противостоять беспредельному, бессмысленному насилию, когда для того, чтобы достать наркотики, грабят людей, продолжая унижать и унижаться... И виноваты в этом не мальчишки, которые принимают наркотики, а те, кто приучил их к этому.

Почему мы не можем остановить насилие? Если мы встретимся с самими собой, если победим страх, если сможем выразить то, что у нас на сердце, и жить тем, во что верим, то преступность и терроризм исчезнут, оставив лишь неприятные воспоминания.

Почувствуйте силу в своих сердцах, в своих руках, в своих душах.

Некто, чьих политических взглядов я не разделяю, но разделяю взгляды гуманистические, сказал: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Я согласен. Есть лишь одно маленькое «но»: на колени можно и даже нужно опуститься, чтобы вознести молитву Богу.

Мадрид, март 1987 г.



Д.С. Гусман

ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Прошедший 1998 год был отмечен, помимо других бед, огромным количеством катастроф самого разного рода: смерчами, ураганами, циклонами, ливнями, наводнениями, извержениями вулканов... Мало того, все эти стихийные бедствия, как правило, обрушивались на самые бедные регионы нашей планеты. Просматривая телевизионные новости, мы содрогаемся, видя ужасную картину беспомощности людей, ставших жертвами стихии, которую никто не способен остановить. Горьким осадком остается память о человеческой беде, о жертвах и раненых, о людях, лишившихся всего и влекомых по тяжелому жизненному пути, ведущему в никуда.

Мысли о последствиях природных катастроф невольно наталкивают на вопрос «почему?». Почему происходит подобное, причем происходит именно с теми, кому горя и так хватает, и именно там, где стихийные бедствия наносят наибольший ущерб?

Мы не претендуем на звание специалистов по трактовке Божественного промысла и законов Природы, но можем предложить некоторые очень простые гипотезы, родившиеся благодаря изучению древних традиций.

Не стоит думать, что стихийные бедствия — это особый феномен и особенная реакция Природы на то, что происхо-

дит именно в нашу эпоху. Они существовали всегда, хотя не все из них мы сохранили в памяти. Самые древние природные катастрофы уже затерялись в глубинах времени, и рассказы о них превратились в мифы и легенды. Разве не были страшны и беспощадны те катастрофы, которые обрушивались на Землю в моменты смены великих циклов времени, обозначая переход из одного периода в другой? Как понимать сегодня уже почти забытые истории, повествующие об уничтожении огнем и водой древних материков Лемурии и Атлантиды? Как объяснить внезапные оледенения, которые заставали врасплох и людей, и животных? Находились обледеневшие останки животных, в желудках которых были обнаружены следы только что пережеванной травы и незаконченного процесса пищеварения. Что случилось с многочисленными видами растений и животных, внезапно исчезнувшими с лица Земли? Что произошло с древними городами, от которых катастрофы не оставили ни следа, ни даже знака, указывающего на их существование? Мы можем узнать об этом лишь из легенд, дошедших до нас. Нынешние стихийные бедствия воспринимаются нами как нечто уникальное и единственное в своем роде, потому что рассматриваем мы их зачастую с точки зрения присущего нам человеческого эгоцентризма. В действительности дело обстоит совсем иначе.

Как известно, катастрофы происходят в разных точках Земли. В тех местах, где имеются достаточные запасы материальных благ и ресурсов, где условия жизни людей благоприятны, последствия разрушений устраняются относительно быстро и так же быстро предаются забвению. Если же стихия обрушивается на бедные регионы планеты, процесс устранения ее последствий и восстановления элементарных условий жизни идет очень медленно.

Но здесь есть одна положительная черта: при виде человеческого горя у тех, кого эта беда не постигла, пробуждается чувство сострадания, чувство солидарности одного народа с другим. Работают благотворительные организации, проводятся акции помощи пострадавшим, собираются день-

ги, и немаловажную роль здесь играют средства массовой информации. Я знаю, что в данном случае непозволительно плохо думать о «благодетелях», ибо помощь есть помощь, и она всегда нужна. Но все же нельзя не задаться одним, на мой взгляд, актуальным вопросом: всегда ли за гуманитарной помощью и за международным сотрудничеством в этой области стоят чистые порывы альтруизма и сострадания? Не бывает ли так, что организаторы благотворительных акций лишь пускают пыль в глаза, чтобы скрыть малоприятные факты политической, экономической, социальной и моральной коррупции? Не становятся ли подобные акции лишь хорошо продуманным прикрытием?

Наша Земля уже стара и больна, утверждают древние традиции. Симптомы ее болезни становятся все очевиднее. То, что воспринимается нами как стихийное бедствие, — это стоны и судороги, сотрясающие планету. К этому следует добавить весь тот вред, который наносят Земле люди — кто-то по причине своего неведения и легкомыслия, кто-то из-за непомерных амбиций и честолюбия, почему-то решив, что имеет дело не с живой Природой, а с бесчувственным и неуничтожимым куском материи, из которого безнаказанно можно извлекать пользу любым способом.

Если обобщить, стихийные бедствия мы можем назвать в каком-то смысле естественными, природными. Они не являются результатом воздействия человека... До определенной степени.

На Земле есть места, которые больше, чем другие, подвержены стихийным бедствиям. В основном это районы с большой плотностью населения внутри относительно маленького жизненного пространства. Если не брать во внимание крупные города с сильной материальной базой, то в остальных случаях большая плотность населения на маленьком пространстве, как правило, указывает на наличие множества проблем, основная из которых — скудность экономических средств и ресурсов. В таких условиях любое бедствие принимает огромные размеры и вызывает чудовищные последствия.

Земля имеет свои «слабые точки»: перешейки, низкие части материков, берега, постепенно погружающиеся в море, постоянно действующие вулканы, тектонические разломы, озоновые дыры, зоны проливных дождей и неконтролируемых засух, резких изменений климата, холода и жары, природных феноменов, таких, как Эль-Ниньо в Южной Америке, возникающих и усиливающихся внезапно, разрушая и сметая все на своем пути. Точно так же и тело человека имеет свои «слабые точки», особенно подверженные повреждению или заражению, в которых болезнь проявляется в более острой форме.

Проблема современного человека в том, что он забыл древние знания о «сакральной географии», потерял чувство «сакрального» в географическом пространстве. Сейчас мы живем и строим в любом месте и любым способом. Мы уже не умеем определять те места, которые наиболее благоприятны для жизни, ибо в них сосредоточена благотворная энергия самого разного плана. Мы следуем модным течениям, применяем привычные архитектурные и строительные приемы, которые не только лишены эстетической ценности, но еще и ненадежны и не соответствуют элементарным правилам безопасности. Что же говорить о бесчисленных лачугах, не способных выдержать ни проливной дождь, ни порывы ветра? Их строят не для того, чтобы освободить больше места для храмов и святилищ, как это было в древние времена, а потому, что для многих людей, живущих за чертой бедности, это единственный способ иметь крышу над головой — если вообще можно назвать крышей развалюху из досок и бросовых материалов.

К чему сетовать на судьбу, если мы, сами того не осознавая, строим свои дома и города на пороховой бочке?

Мы уже давно утратили способность общаться с Природой и ее гениями-хранителями. А так жаль! Люди, некогда простые, скромные и мудрые, жившие в единстве с Природой и сохранявшие с ней близкий контакт, сегодня отдалились от нее. Они перестали понимать ее язык и заменили общение с Природой на суровую классовую борьбу и ярост-

ные требования, не лишенные основании, но ничуть не помогающие восстановить эту утерянную глубокую связь со священным.

Мы отнюдь не имеем в виду, что искусство общения с Природой состоит в умении брать у нее все, что она может дать, лишь для того, чтобы удовлетворить собственные интересы и прихоти. Напротив, общаться с Природой — это значит уметь проникнуть в ее сокровенную суть, чувствовать ее гармонию и красоту, понимать все разнообразие ее удивительной жизни и впоследствии добиться того, чтобы сама Природа принимала нас как своих друзей. Общаться с Природой означает создавать узы взаимопонимания и истинной дружбы, но не требовать, чтобы Природа была на службе у потребностей и капризов человека.

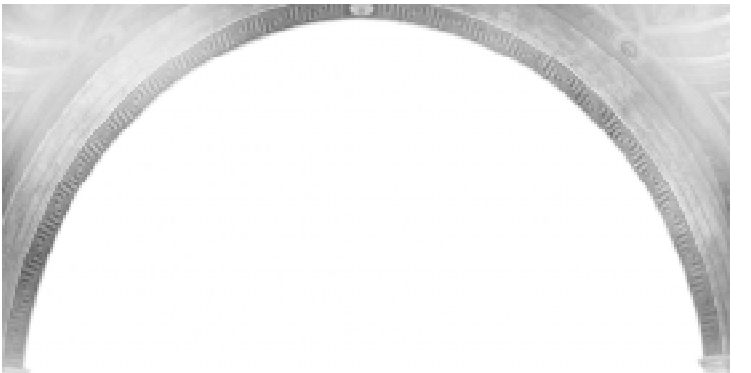
Человечество, как и Земля, тоже страдает. Оно так же состарилось, устало от многочисленных бед и разочарований, обрушившихся на его плечи. Оно уже ни во что не верит, у него нет великой Мечты и великого Идеала. Всегда есть исключения из правила, но общая картина все же остается угнетающей и тягостной. В мире сейчас столько бессмысленного насилия, что рано или поздно все оно обернется против самого человека и даже против Природы. И тогда это никого не должно будет удивлять.

Диалог между двумя «стариками» — Землей и человечеством — будет невозможен, если мы останемся такими, какие мы есть, если в нашем образе жизни и мировоззрении не произойдет никаких перемен к лучшему.

Человечество не должно позволить, чтобы его возраст стал поводом для «старческих» болезней и страданий. Напротив, нужно научиться извлекать из него полезный опыт и находить в нем новую жизненную силу. Необходимо приложить усилия, чтобы вступить с Природой в тесный контакт и научиться понимать ее законы, преодолевая свое разочарование и растерянность. Глубокое знание законов Природы еще не является гарантией исчезновения катастроф и стихийных бедствий, но зато может гарантировать их своевременное предупреждение: мы сможем понимать их механизм, вовре-

мя реагировать и тем самым уменьшать их тяжелые последствия. Оно поможет нам вновь восстановить прямой и дружеский контакт с Природой, этим великим домом, двери которого, несмотря ни на что, всегда остаются для нас открытыми. Понимая Природу и ее законы, мы получаем реальную возможность смягчить боль и страдание человечества, а может быть, и всей нашей планеты — почему бы и нет?

Так или иначе, стихийные бедствия и катастрофы тоже являются детищами Природы. А все природные проблемы несут в себе такие же природные, естественные способы их решения.



Х.А. Ливрага

БУНТ ПРЕДМЕТОВ

Проблема эта извечно существовала в коллективном бессознательном всего человечества и в индивидуальном подсознании каждого из нас. Вспоминаю, как в детстве, когда выключали свет в моей комнате, я с нетерпением выжидал некоторое время, чтобы потом внезапно повернуться в своей кровати, одновременно включив свет, и застать врасплох игрушки, поймать их в тот момент, который я давно представлял себе и даже смутно предчувствовал, — в тот момент, когда они оживают и начинают двигаться. Я не знал тогда, что то же самое делают миллионы детей с самого начала нашей истории и что это было и остается одним из элементов изначальной древней магии, которую так и не смог полностью затмить неоднозначный дар Прометея — ментальный огонь, ум.

Заглавие этой статьи воспроизводит название одной древней вавилонской таблички, находящейся сейчас в Британском музее, на которой записан миф о Гильгамеше. В нем говорится о временах, когда на земле после потопа остался один Гильгамеш. Подобно семени, брошенному в землю, проходит он через великие страдания, символизируя первое человечество, утратившее свое естественное бессмертие и поставленное впоследствии перед трудной задачей: вновь заслужить бессмертие, но на этот раз уже

Профессор Ливрага
в реставрационной мастерской

сознательно, вновь искать и найти его в глубинах великих вод Времени, где оно скрывается в образе волшебной водоросли. О множестве таинственных вещей рассказывается в этой табличке, в том числе и о том, как допотопные люди были застигнуты врасплох «бунтом предметов» — творений их собственных рук, обретших жизнь и взбунтовавшихся.

На другом краю земли, на северном побережье Перу (департамент Трухильо), в руинах Чан-Чана, бывшей столицы чимов, с давних пор можно увидеть фриз, где также изображены создания рук человеческих — вещи, которые, получив руки и ноги, танцуют и покидают свои обычные места...

Могут ли предметы иметь свою собственную жизнь?

Хотя наше материалистическое мировоззрение, сформированное предрассудками XVIII и XIX веков, восстает про-

тив этого, мы все же можем утверждать: да, могут. И не только могут, но оживление их становится неизбежным с того момента, когда о них начинают думать, желать их, с того момента, когда они создаются руками человека.

Обратимся к примеру гончара. Его работу можно разделить на три этапа:

1. Гончар думает, рисует в своем воображении, видит во внутреннем зеркале своего сознания сосуд, который создает. Он уже представляет его размеры, цвет и другие свойства.

2. Гончар запасается мягкой глиной, гончарным кругом и всем необходимым. Стремление, мечта вдохновляет его на то, чтобы собрать все это вместе и начать работу. Глиняная масса начинает вращаться под его руками, постепенно принимая формы, которые, не будучи еще достаточно определенными, уже стремятся к совершенству.

3. Форма воплощается в глине, воспроизводя то, о чем думалось, о чем мечталось, то, к чему стремится мастер. Краски, лаки и жар печи завершают эту поистине магическую материализацию. Сила мысли, поддерживаемая искренним желанием, а затем и церемония самой работы совершают подлинное чудо.

Ваза, очевидно, не является лишь простым предметом, пустой формой, не содержащей ничего, кроме вещества, из которого сделана. Это живое существо, сотворенное мысленно и затем извлеченное из невидимого мира мысли силой необходимости; оно воплощается в послушной и податливой материи, по природе своей аморфной, но уже принимающей и хранящей в своих недрах эту ментальную форму, а также соответствующий ей магнетизм. Этот магнетизм передается ментальной форме пропорционально ее воплощению в материю через взаимодействие простых элементов, подобное процессам, происходящим в батарейке, которая со временем разряжается. Своими руками, точнее, благодаря посредничеству своих рук, различных инструментов и приспособлений гончар передает материальной форме искру жизни, которая сохранится до тех пор, пока сама форма не начнет разрушаться и не исчезнет окончательно.

Философия и эзотерические учения достигли очень глубокого понимания этой темы, превосходя и тем самым отрицая в своем подходе возникшее в последние века беспомощное деление на так называемые живые существа и существа неживые, «неодушевленные». Современной физике и химии, к счастью, удалось отойти от этих уже отживших позитивистских штампов. Физика признает определенную форму жизни во всем, что есть во Вселенной, во всем, что подчиняется циклам рождения и смерти. Химия как наука уже не разделяется на органическую и неорганическую, она по-другому классифицирует ту свою часть, которая раньше называлась органической, и говорит о ней как о химии углеродов, потому что именно углерод преобладает во всех материалах, используемых Природой в ее биологических построениях, в ее архитектуре.

Итак, нет ничего мертвого, нет ничего, что было бы лишено жизни в том или ином ее проявлении. Все стремится к выживанию, к самосохранению.

Доказать это нам поможет один очень простой эксперимент.

Если мы ударим рукой по столу рядом с насекомым, оно убежит, спасая свою жизнь. Из этого мы делаем вывод, что оно является живым существом. Однако если мы попытаемся, приложив большую силу, изогнуть доску того же самого стола, по нашим представлениям неживого, мы увидим, что она окажет сопротивление; это тоже форма, хотя и пассивная, в которой доска проявляет собственный инстинкт самосохранения. Отсюда следует, что между насекомым и доской, по существу, нет большой разницы; они различаются только по интенсивности и форме проявления в них жизни; но та искра огня, искра жизни, которая проникает в них, освещает и дает смысл материи и энергии как насекомого, так и доски, эта искра жизни, пронизывающая обоих, является проявлением одного и того же начала — прекрасно определенного древними индийскими философами как Джива-Прана (всеобщий принцип праны. — *Ред.*).

Если бы человек сумел проявить более высокий уровень чувствительности, это позволило бы ему услышать в хрусте

и треске ломаемого дерева крик живого существа. Этот мир одновременно и трагичен, и драматичен, и комичен... Его актеры, играя различные роли, бессчетное количество раз выходят на сцену, бессчетное количество раз покидают ее, исчезают, чтобы перегримироваться и появиться вновь, уже другими. Такой процесс очищения необходим всем душам, на каком бы уровне сознания они ни находились. Ничто в действительности не «создается», все воплощается; а то, что составляет различия, есть лишь форма этого воплощения, рождения и смерти. Понимание и осознание этой древней тайны избавит нас от большой доли тщеславия.

Могут ли предметы приобрести особый, дополнительный заряд жизненной силы?

Да. Помимо той неизбежной и естественной силы оживотворения, о которой мы говорили прежде, предмет, когда он находится в прямом, постоянном контакте с человеком и даже животными, приобретает особый, дополнительный заряд жизненной силы: предмет персонифицируется, то есть получает некие свойства, которые отличают его от всех остальных, к нему обращаются, иногда он даже получает ласкательные имена и «черты характера», более похожие на те, что обычно приписываются только живым существам — имеются в виду те существа, которые признаются и называются живыми согласно общепринятой современной терминологии.

Кроме того, если на предмете сосредотачивается внимание многих людей, это придает ему способность отвечать на определенные воздействия. Эта реакция иногда проявляется внешне как парапсихологические феномены. Так происходит со многими святынями любой из религий. Преданность верующих, песнопения и молитвы «заряжают» предмет, делая его «чудодейственным». Это объясняет, почему многие приходские священники отказываются менять старые церковные иконы, источенные жуками, на новые, более красивые внешне.

Древние религии, связанные с таинствами, Мистериями, знали и использовали эту удивительную цепочку явлений

Природы. Например, когда в Древнем Египте торжественно закладывался храм, место для него определялось специальным образом — в соответствии с определенной частью неба; все части здания — от фундамента до капителей колонн — тщательно и заботливо шлифовались, устанавливались и освящались в особые, астрологически установленные моменты; все камни брались из строго определенных мест, а работа по построению храма не была простым набором технологических процессов; она превращалась в подлинную церемонию труда, сложную и очень эффективную. Наиболее важные статуи и панели, а также ритуальные предметы одушевлялись непосредственно: во время церемоний в них поселялся один из духов Природы, невидимых существ, называемых современными оккультистами элементалами; он должен был отвечать на призывы и молитвы, произносимые во время церемоний. Так к обычному заряду, который верующие передавали статуе, прибавлялись космические и теллурические энергетические потоки, влияния небесных тел и естественный магнетизм камней.

Такие предметы религиозных культов, используемые посвященными в таинства жрецами, творили чудеса: совершали исцеления, призывали богов, чтобы те проявились в формах, видимых для всех, делали и многое другое.

Некоторые из этих древних статуй продолжают оставаться заряженными, что интуитивно ощущают туристы, осматривающие музеи или руины храмов. Люди чувствуют себя так, будто их застали врасплох, и хранят почтительное молчание. Некоторые даже начинают бояться и могут впоследствии стать жертвами своих собственных страхов и навязчивых идей. Все отрицательные явления, происходящие с ними позже, они приписывают последствиям якобы заранее наложенного проклятия, которое на самом деле является обычным знаком предупреждения, подобным тем знакам, которые ставят сейчас на линиях высокого напряжения.

Со временем статуи теряют такой заряд, сохраняя лишь свои природные свойства.

Существует ли возможность бунта предметов?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны расширить понятие предметов, включив сюда все, что сделано человеком, а также все последствия использования этих предметов. Среди таких последствий на память приходят печальные примеры физического и психологического заражения, которому мы все подвергаемся.

Неправильное использование предметов, придание им слишком большого значения, идолопоклонство и социальные искажения, вытекающие из этого, так же как и настоящие психологические отклонения, выливаются в бунт вещей, когда вместо того, чтобы служить человеку, они выходят из подчинения и обращаются против него.

Именно эта опасность угрожает нашей цивилизации, дошедшей до того, что ее дети используют калькулятор, чтобы сложить два и два; цивилизации, где настоящие приключения заменены просмотром иллюзий, предлагаемых телевизионным ящиком, поселившимся в каждой семье, а при выборе квартиры или дома уделяется больше внимания месту, где будет установлена машинка для открывания консервных банок, чем тому, где можно было бы повесить картину или поставить скульптуру; цивилизации, где люди тупеют, слушая безостановочно одну и ту же пошлую, но модную песенку и не прилагая ни малейшего усилия к тому, чтобы выбрать для себя ту музыку, которую действительно хочется слушать.

Но по-прежнему страшная проблема бунта предметов связана не с какой-то формой черной магии, спустившейся с неведомого уголка неба, а с потерей человеком его внутренней свободы, с фанатизмом, невежеством, с атавистическим страхом, с человеческими пороками, с душевной слабостью и пустотой.

Это ужасная проблема человека, который с жадностью присваивает себе любой предмет и привязывается к нему, как к наркотику. Таким образом человек не только навязывает этому предмету противоестественный способ существования, но из-за недостатка собственной воли еще и провоци-

рует его, вызывая самые страшные эффекты, которые надолго остаются в человеческом сознании как ужасные кошмары; и неудивительно, что в конечном итоге сам предмет, сама машина обращается против своего владельца.

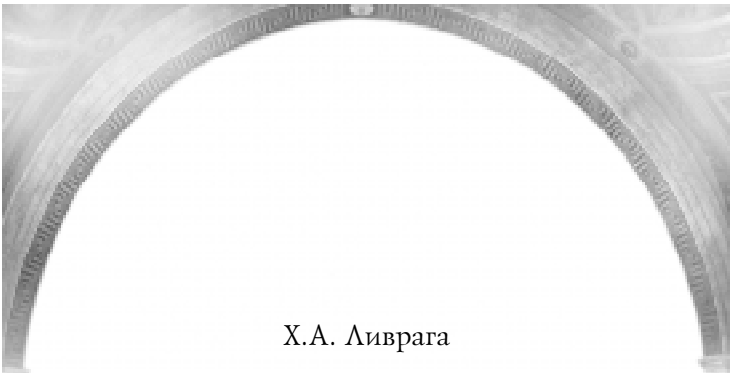
И тогда то, что мы называем злым роком, становится основным фактором, на котором основываются взаимоотношения человека и предмета, и что еще важнее — в этих взаимоотношениях человек становится жертвой ответной реакции предметов.

Воля человека, заторможенная и порабощенная ложным стремлением к комфорту, превращает его в раба того, что должно было бы служить ему, а сам человек не осмеливается ни изменить свои привычки, ни разрушить свои стереотипы и обычаи, являющиеся, в свою очередь, лишь отбросами старого, уже отжившего времени.

Чтобы преодолеть подобный, да и любой другой бунт вещей, человек должен, прежде всего, владеть самим собой, пробуждая волю, ведя здоровый образ жизни, удаляясь от пороков, сторонясь любой формы политиканства и расизма, не поддаваясь давлению безобразного и грубого, не признавая культ варварского насилия, царящего сегодня на наших улицах.

Человеческое общество, не имеющее подлинного правителя и не осознающее своего жизненного предназначения, порождает таких же людей и такие же народы — без правителя и предназначения. И по мере того как будут постепенно пробуждаться подлинное стремление и воля к новому коллективному и индивидуальному порядку, опасность бунта предметов будет уменьшаться, пока не исчезнет совсем.

И дай Бог, чтобы люди и боги судьбы захотели приблизить этот день.



Х.А. Ливрага

КОНЕЦ СВЕТА ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ?[1]

Вопрос о конце света всегда волновал человечество, особенно ту его часть, которая на протяжении двух тысячелетий развивалась в рамках западной цивилизации. Любопытно, что в других, более древних культурах, которые, казалось бы, гораздо сильнее должны быть подвержены предрассудкам, тревог подобного плана — возникающих, как нам представляется, в коллективном бессознательном человечества — практически не было. За редким исключением, лишь подтверждающим правило, ни шумеры, ни египтяне, ни жители древнего Вавилона, ни «язычники», греки или римляне, никогда не испытывали того периодически возникающего болезненного всеобщего страха перед неизбежным концом света, который знаком нашей цивилизации.

Вопреки современным представлениям об образе жизни древних народов, порожденным в нашем сознании вольной фантазией авторов кинофильмов и телесериалов, наши далекие предки жили спокойной, естественной и счастливой жизнью, и современный психиатр, случись ему оказаться среди них, наверное, остался бы без работы.

---

[1] Статья написана в 1990 г.

Во всех древних культурах существовал четкий иерархический порядок, на основе которого выстраивались все религиозные, политические, экономические и социальные структуры общества. Вполне возможно, что именно благодаря этому порядку сложился такой особый подход к жизни, который нам сегодня сложно представить и понять. Рождение и смерть воспринимались так же естественно, как опадение листвы с деревьев осенью или появление молодых побегов весной. Это ни в коем случае не означает, что люди древнего мира были равнодушными. Они глубоко переживали каждое тяжелое событие, каждую трагедию, каждую драму, происходившие в их жизни. Но они умели по-другому переносить страдания, умели освобождаться от печали и тоски, преодолевать вспышки гнева и ненависти, так что не оставалось психологических травм и груза на душе. Благодаря этому последствия тяжелых жизненных событий были менее ощутимы.

Современные психологи, прежде всего приверженцы фрейдизма, говорят об «эдиповом комплексе» или «комплексе Электры», однако они лишь используют классические образы, поскольку им не хватает воображения придумать другие, более подходящие. Сами же Эдип и Электра не имели этих «комплексов». Просто они попали в нестандартные ситуации; проблемы, с которыми им пришлось столкнуться, заставили их нарушить традиции и обычаи того времени. Причиной их страданий был не стресс, а удары Судьбы. Их душу терзали не страхи, не мрачные тревоги, а переживания о том, соответствуют ли их поступки их собственному кодексу чести. Они стали жертвами одной маленькой трагедии, разыгравшейся внутри огромного механизма Вселенной. Их страдания взывали к снисхождению и прощению, а голоса, исполненные истинной боли и отчаяния, возносили молитву об избавлении и искуплении перед ликом таинственной и неотвратимой судьбы, выпавшей на их долю. Они ощущали на себе «перст богов», интуитивно проникая в то таинственное, бесконечное и непостижимое измерение, в котором обитают боги, при этом не падая духом, не унижаясь, не теряя своего человеческого достоинства.

Потому-то эти образы и оказались неподвластны времени и дошли до наших дней. Они принадлежат своей эпохе, но в то же время глубоко современны и очень для нас актуальны. Тот, кому на долю выпало пережить смерть близкого друга, поймет, что испытывал Ахилл у тела Патрокла; красивая женщина лучше любого историка или специалиста по символизму сумеет понять чувства Елены из Трои.

Но такие драмы не были обречены на совершенно безнадежный конец. У переживших их всегда было будущее, а боги, непостижимые в своих замыслах, всегда так или иначе прерывали цепь трагических событий, являя в конце концов свою доброту.

Если бы Сократу кто-нибудь предсказал близкий конец света, он, наверное, пожал бы плечами и ответил: «Если беды, о которой ты говоришь, можно избежать, то почему ты жалуешься? А если она неизбежна, тем более, какой смысл жаловаться?»

Как мы далеки от такой духовной зрелости!

Мы зачастую полагаемся на хронологии, которые отчасти неточны, отчасти просто связаны с теми или иными религиозными установками. И нам кажется, что Колесо Судьбы человечества и всей нашей планеты обязательно будет вращаться в том ритме и в той форме, которые определяют модные верования и течения эпохи. Но если непредвзято подойти к этой проблеме, нужно будет признать, что даже не половина, а лишь около четверти населения земного шара пользуется принятым у христиан летосчислением и соответствующей хронологией. Однако в чисто деловых отношениях практически все принимают именно эту систему, так как она признана и считается удобной в странах-лидерах мировой экономики.

Вопрос о конце света в той или иной форме часто возникал в христианстве с самого начала существования этой религии. Вырванное из книги слово, чье-то видение, кошмарный сон или просто научно-фантастический рассказ становились поводом для очередной волны коллективного психоза из-за якобы грядущего конца света. Но самая большая

загадка заключается в том, что когда предполагаемая дата конца света проходила и было очевидно, что мир продолжает существовать, целый и невредимый, никого это не смущало и мало кто извлекал из этого надлежащий урок. И через некоторое время, буквально пару лет спустя, коллективный психоз на тему конца света, как правило, начинался заново. Откуда же такая одержимость, и почему именно в этом вопросе?

Согласно новейшим исследованиям, эта навязчивая идея возникла из своего рода комплекса коллективной вины. Питательной почвой для его роста раньше служил миф о первородном грехе, а в последние несколько столетий ею стала экологическая катастрофа, вызванная неверным использованием техники и природных ресурсов, а также развал общественно-политических систем.

Констатируя, что комплекса коллективной вины не существовало у древних египтян или, например, у шумеров, было бы неверно предполагать, что эти народы были слишком простодушными, глупыми или примитивными. Просто они не чувствовали за собой вины, которая выходила бы за рамки их собственной личной жизни и ответственности, вины, не связанной с их повседневными делами и поступками. А если нет такой всеобщей вины, то почему же вдруг должен нарушаться космический порядок? Ведь не может весь мир погибнуть из-за проступка одного или нескольких человек, которые в состоянии сами ответить за содеянное.

Доказывая несостоятельность фаталистических воззрений, возникающих вновь в конце двадцатого столетия, мудрый Айзек Азимов обратил внимание на некоторые элементы фантазии, которые вплетаются в наши хронологии. И с ним трудно не согласиться.

Сравнительно недавно, в 535 году, скирский монах Дионисий Эксигус взялся за историко-математические расчеты, задавшись целью выяснить дату рождения Иисуса. Евангелия, окончательный вариант которых представляет собой множество вырванных из контекста фрагментов текстов, в свою очередь являвшихся частью других, более объемных руко-

А. Дюрер. Четыре всадника Апокалипсиса.
Гравюра. 1498 г.

писей, говорят об этом весьма туманно. На самом деле, в «Священной истории» очень мало собственно истории.

В своих изысканиях Дионисий пользовался календарем гораздо более древним, чем наш; он, очевидно, существовал во времена предполагаемого появления Мессии. Назывался он «Anno urbe condita»; его летосчисление велось от основания Рима. Согласно вычислениям Дионисия, Иисус родился в 753 году от основания Рима. Именно эта дата считалась верной с эпохи раннего средневековья.

Однако современные исследования показывают иное. В Евангелии есть упоминание о том, что Иисус появился на свет в то время, когда Иудеей правил царь Ирод. Но если это действительно так, возникает противоречие, поскольку Ирод умер в 749 году по тому же летосчислению. Об этом есть достоверные документальные свидетельства. Получается, основатель христианской религии должен был появиться не позже этой даты, а напротив, хотя бы за год-два до нее. А это означает, что Иисус Христос родился в 4 или 5 году... до Рождества Христова!

Возникает и другая проблема: если мы признаем днем рождения Иисуса 25 декабря, то получается, что через неделю наступил новый год — но какой именно?

Нам также придется отказаться от мысли о том, что первые христиане могли пользоваться датой, выраженной отрицательным числом (4 или 5 год до Р.Х.), поскольку представление о нуле и отрицательных числах получило распространение в Средиземноморье лишь в XV веке благодаря арабам, которые, в свою очередь, принесли его из Индии, где такие числа использовались (мы это можем утверждать с уверенностью) уже в начале I тысячелетия до н.э. Иероглиф «морская ракушка», обозначающий эту цифру, был расшифрован и полностью идентифицируется с ней.

Все это наводит нас на размышления. Мы можем просто принять, что сейчас идет 1990 год от Рождества Христова, подобно тому как европейцы в X веке верили, что Земля плоская. Но с научной точки зрения это будет не совсем верно. Поэтому для нас самих было бы полезнее не слишком

кичиться точностью наших научных исследований и не относиться свысока к древним народам, поскольку в действительности мы не только не обогнали их в данном вопросе, но, наоборот, безнадежно отстаем. По крайней мере, к примеру, египтяне и майя соотносили свои календари с точно установленными астрономическими явлениями. Римляне взяли за отправную точку дату основания своего города. Мы же слепо и механически ведем отсчет от того, что предлагает нам миф, простое порождение человеческой фантазии, ибо совершенно очевидно, что достоверно установить дату рождения Иисуса Христа мы не можем.

Те, кто запугивают и еще будут запугивать нас на пороге двадцать первого века концом света, должны иметь это в виду. Да и нам самим нелишне помнить об этом, чтобы не тревожиться без причины.

Человека не возвышает то, что с тихоходной повозки он пересел на скоростной автомобиль или стал бриться электрической бритвой. Возвышает его количество истин, проникших в его сознание, и отвергнутых им небылиц.

Сегодня еще слишком многое носит на себе отпечаток средневековых предрассудков и образа мышления. Из-за простого расхождения в вопросе вероисповедания вновь проявляется фанатизм и проливается кровь — например, в иудейско-мусульманской войне, в которой жители маленького клочка земли ведут изнурительную борьбу против своих давних соседей. Все смешивается и приходит в состояние хаоса. То и дело маленьким странам объявляются войны лишь для того, чтобы испытать новое изощренное оружие. По крохам собираются пожертвования для голодающих Африки, в то время как в банках хранятся многие миллиарды долларов тех же «добродетелей», а их дворцы утопают в роскоши. Молодежь обрекает себя на медленную смерть, из года в год потребляя тонны отупляющих душу и сознание наркотиков. Перед лицом всех этих бед мы, философы, хотим внести свой вклад в защиту правды и мира, как на коллективном, так и на индивидуальном плане. А лжепророкам, вещающим о приближении конца света и наживающимся на про-

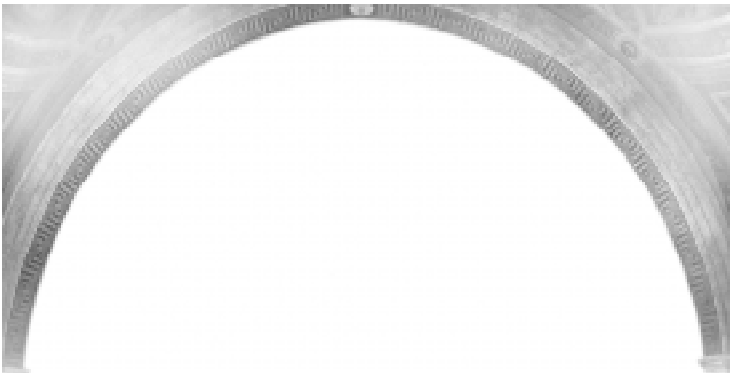
даже своих предсказаний, ставших столь модными в наше нестабильное время, следовало бы дать возможность в искупление за все вызванные ими тревоги и психозы строить новые дороги, в которых так нуждается человечество. Возможно, солнечный блик, сверкнувший на кирке, или тяжесть крепкой лопаты в руках заставят их обратить взоры к реальности или по крайней мере помогут испытать подлинное удовлетворение от сознания своей полезности другим. Хочется верить, что благородный труд возымеет свое благотворное очищающее действие.

Страх — главный враг духовного развития. Лишь освободившись от него, мы сможем уверенно двигаться вперед, поднимаясь выше и выше. Каждый из нас должен внести посильную лепту в создание нового, лучшего мира.

Единственный «конец», который мы можем сегодня предречь и пожелать всем и для осуществления которого мы должны приложить все усилия, — это конец мира, в котором царят страх и фанатизм.

Представьте, если бы в результате объединенных усилий всех людей из нашей жизни исчезли страх, фанатизм, злоба, ненависть, неведение, эгоизм, ложь и обман... Какой счастливый конец нашей с вами истории!

ВНУТРЕННЕЕ ЗЕРКАЛО



Х.А. Ливрага

ВНУТРЕННЕЕ ЗЕРКАЛО

Сегодня, когда миф о всеобщем «равенстве» (то есть одинаковости) заметно пошатнулся, нам будет гораздо легче воспринять мудрость древних, которые утверждали, что все вещи и существа имеют свой собственный способ существования, отличный от других.

Более того, даже у одного и того же человека трудно найти два одинаковых состояния души в течение дня, месяца или года. Плохо только, что (в качестве исключения, подтверждающего правило) эти состояния души часто имеют негативный общий знаменатель — привычку обращать внимание в основном на отрицательную сторону вещей.

С таким подходом человек становится «мучеником», никем не понятым, жертвой других людей, которые его не любят и не могут оценить по достоинству... и так далее, со множеством вариаций, которые нет необходимости описывать здесь.

Этот подход — не что иное как эгоцентризм, с более или менее выраженной тенденцией к эгоизму, который изменяет отношения и образ действий и превращает умных в глупых, трудолюбивых в лентяев, а потенциальные силы — в слабости.

Избыток индивидуализма так же плох, как и его недостаток.

Люди полагают, что имеют ключи к успеху, но, встретившись с испытаниями и потерпев неудачу, обвиняют в этом других, а сами впадают в состояние мрачного уныния. Нередко можно встретить человека, который является бесчувственным деспотом по отношению к подчиненным, но становится сверхчувствительным, когда ему приходится подчиняться кому-то или выслушивать замечания. И вот радость куда-то уходит, и серые тучи закрывают измученное сознание человека, который считает себя жертвой несправедливости, при этом не уставая заявлять о своих достоинствах и об ошибках ближних.

Такой пессимистичный и негативный подход мы видим на протяжении многих лет у сотен людей, которые в ином случае могли бы жить совсем по-другому, гораздо более подлинно, радостно и скромно.

Мне вспоминается мысль Платона о «глазах души»: от того, на что они обращены, зависит, что мы воспринимаем — темное, серое или светлое. Можно представить, что внутри нас существует зеркало, способное менять свое положение. И в этом зеркале отражается то, на что оно направлено. Если оно слабо закреплено и падает, то в нем отражается низшая часть мира со всеми его тенями, опасностями и несчастьями. Если при небольшом усилии нам удается хотя бы чуть-чуть поднять его, поле зрения значительно расширяется и в него попадают светлеющие горизонты и множество интересных вещей и существ, достойных внимания. Так душа увеличивает свои возможности воспринимать, а значит, понимать, решать и действовать.

Если усилием воли мы еще больше поднимем зеркало, то все враждебное и отрицательное станет едва различимым, и свет Неба принесет красоту и радость в наше сердце. Наша душа естественным образом откроется для успеха, для радости, и растущая мудрость покажет нам истинные чудеса и скрытые двигатели видимых вещей. Мы будем различать руку Бога в каждом его творении и его великий Замысел, управляющий всеми идеями и всеми вещами.

И так, искренне отдавшись созерцанию этих чудес, мы мало-помалу забудем свои эгоистические нужды, свое невежество, которое перекладывает на чужие плечи груз нашего долга, нашей ответственности — того, что облагораживает нас и оправдывает нашу жизнь.

Если мы будем поддерживать это отражение Неба в своей душе, все станет для нас более легким, а наши шаги — более приятными, радостными и плодотворными. Поистине, это усилие того стоит, поскольку из одного зернышка воли вырастает целый лес — благополучие, счастье и согласие с самим собой, возможность ясно видеть вехи Пути и черты Путников — все то, что с помощью зеркала, отражающего лишь тьму, различить невозможно.

Колебания уменьшаются, и страх заменяется радостным волнением — обновляющим и живительным.

Жалобные стенания превращаются в улыбки, и мы начинаем лучше и естественнее воспринимать все и вся... Стоит только направить вверх наше внутреннее зеркало.

Х.А. Ливрага

ВОЗМОЖНО ЛИ СПОКОЙСТВИЕ ВНУТРЕННЕЕ И СПОКОЙСТВИЕ ВНЕШНЕЕ?

Мы живем в мире с высоко развитой системой коммуникации, но и со своими сложными, иногда неразрешимыми проблемами. Одного этого достаточно, чтобы объяснить, почему у многих людей уже нормой стала сильная внутренняя тревога и напряженность, проявляющаяся также и во внешнем мире. Речь идет о состоянии, которое древние греки в своих трагедиях называли *«гибрис»* (разлад). Это понятие применялось для обозначения всех ситуаций, когда человек отступал от всеобщей гармонии, сворачивал с универсального Пути, указанного ему Природой. *Гибрис* — это серьезная, роковая ошибка, порождающая длинную цепь других ошибок.

Обстоятельства жизни превращают нас в узких специалистов, и мы забываем исполненного надежд ребенка, который живет внутри нас и о котором Христос сказал, что лишь благодаря ему можно войти в Царствие Небесное. В древних мистериях Диониса этого золотого ребенка сравнивали с волшебным дельфином, ныряющим в пучину и снова поднимающимся на поверхность воды. Этот ребенок бессмертен. Он существует вне границ пространства и времени, то появляясь, то исчезая в бесконечной цепи воплощений. Он был, есть и будет всегда рядом с нами, ибо сущность его — вечность, постоянство, неизменность.

Сохраняя в своих размышлениях глубокий философский подход, попытаемся разобраться, возможно ли спокойствие внутреннее и спокойствие внешнее. Но прежде было бы хорошо понять, что же такое мир и спокойствие. Некоторые думают, что мир и спокойствие — это отсутствие движения. Но давайте представим человека, попавшего в катастрофу и заваленного грудой обломков. Для него быть неподвижным вовсе не означает быть спокойным. Иногда люди думают, что мир и спокойствие заключается в возможности и способности работать. Может быть, это и справедливо, но понятия, о которых мы говорили, не ограничиваются одной только работой. Это состояние скорее внутреннее, нежели внешнее. Для того чтобы говорить о великом всеобщем мире среди людей, мы должны сначала поговорить о мире и спокойствии в душе каждого человека.

Как философ и историк я не верю в системы, ибо если бы они были идеальными, то тех, что существовали на всем протяжении истории человечества, было бы достаточно для достижения любой поставленной цели.

Мы считаем, что мир и спокойствие — это внутренняя реальность, внутреннее состояние, основанное на гармонии. Это гармонизация нашего существа в целом и отдельных его частей между собой.

Философы древности учили, что человек — не просто телесная оболочка, над которой витает некая субъективная и весьма абстрактная душа. Человек — существо намного более сложное, обладающее, можно сказать, семью частями, или телами. Кто же мы? Мы — Тайна. Наша суть — в Сокровенном. В каждом из нас есть загадочный наблюдатель, проникающий в душу, за грань проявленного мира.

Так как же можно обрести внутреннее спокойствие? Заметим, что, говоря о спокойствии, мы не имеем в виду покой и неподвижность. Признавая, что есть исключения, достойные уважения, мы все же не верим в святош-аскетов, живущих высоко в горах, вдали от мира, пребывающих в неподвижности, без устали повторяющих ту или иную восточную мантру и утверждающих, что именно благодаря этому они

обретают внутреннее спокойствие. Нельзя путать спокойствие с неподвижностью. Человек может пребывать в покое, но не иметь спокойствия в сердце. Внутреннее спокойствие — это нечто большее, чем просто покой или просто движение, поскольку и то и другое относительно и само по себе не представляет ценности.

В нашей жизни многие идеи воспринимаются нами через совершенно разные призмы, и создается такое впечатление, что мы смотрим одновременно в самые разные зеркала, которые отражают представления, отчасти их искажая. При этом сами мы оказываемся в вихре относительных ценностей, ибо истинную ценность чего бы то ни было определить очень трудно. Каждая вещь может казаться и маленькой, и большой, в зависимости от того, с чем ее сравнивать.

Как достичь спокойствия, которое было бы по-настоящему внутренним? Мы должны искать его не в покое и не в движении, а в подлинной гармонии, в ее универсальных законах, управляющих всей Вселенной, согласно которым человек — не изолированный элемент, враждебный другим людям и самой Природе, а настоящий друг всего сущего. А друг — это не тот, кто сидит с нами за одним столом и делит с нами пищу, а тот, о ком с полной уверенностью можно сказать, что он всегда рядом, что мы с ним всегда вместе. Как говорили древние римляне, это тот, кто живет в согласии с нами — сердце с сердцем.

Итак, нужно понимать, что внутреннее спокойствие — это прежде всего мир с самим собой. Никто никогда не мог ни вызвать, ни создать его искусственно, но в нас всегда была, есть и будет гармония, естественная, врожденная. Проблема в том, что человек часто разрушает ее собственным образом жизни. Мы должны искать внутреннюю гармонию. При наличии искреннего желания обрести ее не так уж сложно.

Каждой из частей, составляющих наше человеческое существо, свойственна некоторая форма внутреннего сепаратизма. Эмоции действуют по-своему, разум — по-своему. Часто у нас возникают мысли, которые, не имея творческой основы, превращаются в навязчивые идеи, подобные мифи-

ческой змее, кусающей себя за хвост. Вместо того чтобы подниматься на новый уровень и приводить к новым познаниям (что было бы логично), зачастую такие мысли крутятся в одной плоскости. Сколько раз мы были во власти подобных идей! Они являются частью сложного процесса, который, дойдя до конца, начинается заново. И вместо того чтобы привести к новым и важным выводам, наши мысли вновь и вновь возвращают нас в исходную точку. Мы вновь и вновь идем по замкнутому кругу. В какой-то мере именно это нарушает наш мир, наше простое, ничем не отягощенное спокойствие.

Каждый из нас должен обладать немалой нравственной силой, чтобы найти внутри себя единственный и неповторимый «луч света», ведущий нас по Пути, и следовать за ним, как бы банально или нелепо это ни выглядело в глазах других людей. Мы должны идти по тому пути, который сами считаем правильным, не обращая внимания на то, что скажут другие. Речь идет не о том, чтобы стать эгоистом или пренебрегать чужим мнением, а о том, чтобы сохранить собственную индивидуальность. Мы должны возвести внутри себя цитадель своей свободы, без которого нам никогда не достичь ни мира, ни спокойствия. В противном случае есть опасность уподобиться громко звонящему колоколу: его язык тянут то одни, то другие, а он висит вниз головой и качается из стороны в сторону, не ведая, о чем звонит, — похоронный это звон или торжествующий.

В одной из своих поэм Амадо Нерво говорит: «О жизнь, я тебе ничего не должен, мы с тобою заключим мир». Это может показаться прозаичным, но речь идет о естественном и очень глубоком чувстве. Лишь тот, кто, уединившись на высокой скале, открывал душу грохоту морских волн, разбивающихся о камни; тот, кто, побывав наедине с собой в лесу, впитал в себя шелест листьев на ветру и пение птиц, может понять, как важно для человеческой души общение с Природой, солнцем, звездами... Кому же, если не ему, знать, как важно любить и какое счастье мы обретаем в тех, кто любит нас.

Важнее любить, чем быть любимым. Лучше быть источником, дарующим жизнь, чем сосудом, сберегающим ее для

себя. Прекраснее всего уметь отдавать, уметь любить, не ожидая вознаграждения, не превращаясь в калькулятор, подсчитывающий, сколько прибыли принесет это чувство и что можно получить взамен. Только тогда в нас проснется «загадочное нечто», позволяющее понять сокровенную суть всего, что нас окружает. Мы проникнем в смысл щебетания птиц, шума ветра, языка гор. Начнем понимать братьев своих — людей, осознавать различные моменты истории, через которые прошло человечество. В тишине и безмолвии мы сумеем постичь мудрость этого мира, великую мудрость поколений, дарованную Богом, а также божественную универсальную гармонию, объединяющую все сущее в единое целое.

Все в Природе связано крепкими и нерушимыми узами единства: Солнце и растения, Солнце и животные, животные и люди, люди и звезды. Именно осознание великого Единства Природы может вернуть нам внутреннее спокойствие. Единство — это не результат случайности. В Природе, созданной Богом, все продумано так, чтобы человек всегда был в силах перенести свои страдания.

Мы часто задаемся вопросом, что произойдет с нами, когда мы умрем. Так как смерть неизбежна, этот вопрос волнует всех, даже тех, кто еще молод. Внутренний голос отвечает вопросом на вопрос: «А что произошло, когда мы родились?» Наверное, все не случайно: мы появились на свет, потому что были люди, которые мечтали о нас и любили нас еще до нашего рождения. Мы родились потому, что этим людям были важны именно мы, такие, какие есть, а не польза, которую мы могли бы принести в будущем. Этими людьми были наши родители. Означает ли это, что в мире ином, по ту сторону загадочных дверей, называемых смертью, у нас также появятся родители? Вероятно, это не будут наши нынешние отец и мать. Существуют ли на самом деле таинственные ангелы-хранители, о которых говорят многие древние традиции?

В те времена, когда дети, прежде чем заснуть, возносили наивную молитву своему ангелу-хранителю, они, наверное, знали, что такое внутреннее спокойствие, — знали лучше,

чем сегодня, когда уходят спать посмотрев телевизор, но так и не научившись ничему хорошему.

Внутреннее спокойствие — это способность встретиться с самим собой, способность понять, что благодаря Великой Божественной Мудрости каждому дано предназначение. Каждый из нас родился для того, чтобы выполнить свою жизненную задачу: у каждого свой Путь, своя Судьба, своя духовная пища, свой попутный ветер, свой, только ему присущий, образ существования и самовыражения.

Мы считаем, что Бог все продумал. Все, что с нами происходит, и все, что еще произойдет, каким-то образом спланировано. Ведь если Бог думал о том, как будет шелестеть листва деревьев, как будут перемещаться одноклеточные амебы, мог ли Он не подумать о нас, существах более сложных и в каком-то смысле более сознательных, а значит, и более значимых?

Подобно тому как родители с надеждой ожидали нашего появления на свет, не зная, будем мы мальчиками или девочками, хорошими или плохими, красивыми или некрасивыми, и наш Небесный Отец должен проявлять подобную доброту. Почему бы не предположить, что Он нас любит и будет любить всегда? Почему бы не поверить в то, что мы пронизаны Его мыслью, Его светом, Его любовью? Почему бы не поверить, что мы всегда пребываем в Его Сердце? Если мы будем помнить об этом, исчезнут все наши беспокойства, и мы сможем понять, что все наши проблемы являются лишь испытаниями, ступеньками, которые необходимо преодолеть, чтобы стать чище.

Вспомним, как очищали воду в Древнем Египте. До сих пор сохранились водохранилища, ныне бездействующие и сухие, где в старину вода переливалась из одного резервуара в другой. В Фивах существовала очистительная система, состоявшая из семи больших объемов. Вода Нила попадала в первый резервуар, где тяжелые частицы оседали на дно, затем во второй, где она становилась еще чище, и так до седьмого, пока она полностью не очищалась и не делалась пригодной для питья. Если такое можно проделать с водой, по-

чему то же самое не может произойти с человеком? Нам кажется, что этот пример отражает тот процесс очищения, который происходит и с нами.

Самая чистая вода — не та, что задерживается в большой стоячей луже, а та, что течет по камням, преодолевает препятствия, низвергается водопадами — именно она в конечном итоге становится питьевой. Это вода, очистившаяся в процессе падения, тысячи и тысячи раз бившаяся о камни, вода, которая в страданиях пела и ткала белую пену надежды, при каждой встрече с препятствиями на своем пути рождая радугу.

Человеку нужно уподобиться воде. Так же легко, как она, преодолевать любые препятствия, жить радостно, никогда не теряя своей внутренней силы. Его душа должна вдохновляться, словно птица, поющая гимны жизни. Необходимо учиться простой и глубокой мудрости воды, которая всегда знает, куда держать путь, всегда знает, где находится море.

Иногда мы сами не ведаем, куда идем. Но если отыщем в собственной душе внутренний компас, то всегда будем знать направление. Страдания, удары и неожиданности станут для нас просто испытаниями. Все в природе учит нас этому. Чтобы стать по-настоящему великим, нужно обладать мудростью огня. Какой ни разжигай костер, как ни поворачивай свечу, пламя всегда остается вертикальным. Если, пройдя испытания жизни, человек сможет стоять прямо, он найдет мир в своем сердце.

Чтобы обрести внутреннее спокойствие, это личное, интимное состояние человека, недостаточно просто читать книги или слушать лекции. Необходимо учиться у природы. Наблюдая за тем, как ведут себя огонь, вода, ветер, горы, можно узнать очень много. Чтобы понять сокровенную суть человека, недостаточно обладать большим количеством информации. Необходимо проникать в глубину всего, что нас окружает, и всего, что находится в нашей душе.

Возможно ли когда-нибудь достичь мира и спокойствия среди людей, всеобщего мира на всей планете? Это очень трудная задача. Чтобы добиться великого мира, человече-

ство должно быть мирно настроено, должно стремиться к спокойствию и согласию и желать его сердцем. Пока все люди не поймут это, пока к миру не будут стремиться хотя бы те, кто обладает властью и силой, он никогда не будет достигнут. Недостаточно только говорить о важности всеобщего мира, о том, что наша жизнь должна становиться лучше. Необходимо всем вместе задуматься не об утопическом обществе, а о человечестве в целом; о человечестве, которое двигалось бы по своему пути, внимая Богу.

У нас, так же как и у многих других народов, существует множество разнообразных теорий и схем, но, несмотря на это, наша покупательная способность все снижается, а социальная незащищенность растет; между людьми возникает все больше недоразумений, и нависающая над нами угроза становится все страшнее.

Для современного человека кремневый нож, бронзовая секира, меч и ружье — принадлежность далекого прошлого. Мы говорим о войнах галактического масштаба; о лазерных лучах, которые, вместо того чтобы лечить, убивают; о спутниках-шпионах, роль которых состоит в дестабилизации всего созданного; о ядовитых газах, о средствах, способных уничтожить всю листву на деревьях и погрузить мир в вечную зиму. Политическая, деловая и общественная жизнь должны начинаться с педагогической работы. Мы не можем мыслить утопически: мир не станет лучше, если об этом только говорить.

Христос призывал: «Любите друг друга». Но много ли в мире людей, любящих по-настоящему? Будда учил необходимости сострадать другим: лучше быть жертвой, нежели палачом. Многие ли понимают это? Если даже Великие Сущности, воплощающие Божественное на земле, не смогли изменить мир, то не стоит слишком доверять формулам, нужно больше полагаться на собственные силы, верить в то, что способен сделать и передать другим каждый из нас.

Мы считаем, что внешний, всеобщий мир обязательно придет с обретением людьми внутреннего спокойствия. До тех пор, пока в мире будут оставаться эгоисты, превыше всего ставящие материальное, будет существовать и эксплуата-

ция. Пока живут те, кто ненавидит других лишь за то, что их глаза другого цвета, в мире будет процветать расизм. Пока люди будут отвечать на вопросы пинками и тумаками, даже не пытаясь понять собеседника и спокойно объясниться, в мире будет царить насилие. Все это испытания, которые необходимо выдержать, и не стоит полагать, что мир во всем мире будет провозглашен декретом.

Мы уже видели, как действуют декреты, как функционирует Сообщество народов в Женеве. Мы должны создать новый мир, непохожий на нынешний, должны возродить мир. Этот процесс воссоздания мира нового, отличного от прежнего, осуществляется каждым из нас. Поэтому мы уделяем так много внимания индивиду — а не личности, которая по природе своей эгоистична и живет только для себя, — тому, кто сможет жить в согласии с другими, простирая руки не только в ожидании милости, но и в порыве желания по-братски обнять другого; тому, кто не ограничится лишь тем, что укроет нуждающегося своим плащом, но сможет отдать ему этот плащ.

Пожалуй, стоит переосмыслить заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя». Быть может, любить ближнего нужно больше, поскольку всегда найдутся те, кому эта любовь нужнее, чем нам. Многие из нас молоды и защищены социально и экономически, но есть и лишенные этого. Есть те, кто не имеет ничего, кроме протянутой руки, и мы должны проявить к ним больше любви, чем к себе.

Не пришло ли время снова вернуться к «ячейке общества» — семье, в которой родители любили бы своих детей еще до их рождения? Мы имеем в виду не популярные ныне дебаты, быть или не быть семье, а естественную связь мужчины и женщины, их настоящее желание иметь детей, которых они ожидали бы с любовью. Разве мы не можем вести себя так в любой ситуации, всегда? Разве мы не можем любить своих учеников независимо от того, какими они станут? Разве не можем с улыбкой встречать своих коллег по работе? Пожалуй, такое оружие мощнее любого другого. Нам кажется, что никакой снаряд не смог бы изменить мир боль-

ше, чем его способна преобразить открытая улыбка. Почему мы заходим в магазин с удрученным выражением лица? Что дает нам эта мрачность? Что с нами произошло? Не сошли ли мы с ума? Давайте попытаемся вернуться в естественное состояние. Для этого недостаточно лишь читать, хотя и это хорошо; здесь требуются наши собственные усилия в налаживании человеческих взаимоотношений и немного любви, которую мы способны дарить друг другу. Надо вернуться к нормальным отношениям с другими людьми, с Природой. Человек должен быть не врагом всего сущего, загрязняющим воздух и оскверняющим землю, а частью Природы, возможно, даже ее царем — но царем, который проявлял бы заботу обо всем и был отцом всему живому; вместо того чтобы кричать на всех и вся, умел бы делать маленькие подарки, улыбкой, добрым словом давал бы возможность почувствовать отеческую заботу. Нам нужно уподобиться прозрачному светильнику, чтобы огонь, который мы все несем внутри по милости Божьей, смог осветить все вокруг. Тогда мы обретем внутреннее спокойствие и приложим усилия в поисках спокойствия внешнего, которое, хотя и кажется далеким, заслуживает того, чтобы трудиться ради него. Мир достигается не манифестациями на улицах, а проявлением того, что мы несем в своем сердце, — так, чтобы это увидели и другие.

Мы можем любить ласточек, камни, людей, ветер, древние флаги и древнюю славу, но нам необходим мир. И он возможен. Если мы будем способны увидеть в весеннем воздухе знамения Бога, вестниками которого являются ласточки, и услышать их пение, если разглядим белую пену водопада, если сможем понять пламя, всегда стремящееся вверх, мы обретем мир, ибо он рождается из нашей внутренней борьбы, из наших усилий и действий, из нашей огромной любви. Благословенны те, кто способен чувствовать эту любовь; благословенны те, кто несет в себе спокойствие; те, кто имеет мужество сказать, что мир — это очень важно, он нужен всем и всему независимо от той цены, которую необходимо за него заплатить. Тот, кто больше любит всем сердцем, тот,

кто прилагает больше усилий в своих действиях, в своих размышлениях, тот в душе является настоящим отцом. Он наилучшим образом, просто и естественно, может передать все то, чем внутренне владеет; передать так, что все смогут понять это и ощутить на себе его заботу. Мы бы хотели, чтобы каждый почувствовал в своем сердце некоторое волнение — если не любовь, то хотя бы немного мира и спокойствия. Если каждый сотворит свою внутреннюю молитву, если сможет чуть чаще улыбаться, если завтра после восхода солнца увидит в зеркале свое лицо более открытым, если подарит другим свою улыбку, то он обретет спокойствие.

Спокойствие — это радость, гармония, способность осуществить лучшее.

Спокойствие — это Парфенон и Великая пирамида; спокойствие — это мужчина, который каждому нуждающемуся на улице может дать монету; это женщина, которая несет свет всем живущим в доме; это старец, передающий опыт молодым, — он не ведет пустых разговоров, а учит не осквернять себя физическими, психическими и ментальными наркотиками и трудиться с верой в будущее.

За дорогие и хорошие вещи надо платить. Мир прекрасен — заплатите за него, если надо, даже ценой собственной жизни, заплатите за мечты. Пусть спокойствие воцарится в мире, в наших сердцах, пусть существует между людьми, животными и растениями — тогда и Бог будет с нами.

Д.С. Гусман

ЭГОИЗМ И ЭГОЦЕНТРИЗМ

Много раз мы читали и слышали о том, как опасен эгоизм. Часто эгоизм и его «младший брат» эгоцентризм связываются напрямую, и говорится, что на деле опасно и то, и другое. В своей статье «Что такое мистика» профессор Ливрага пишет: «Эгоизм и его экзотерическая тень — эгоцентризм — всегда были камнями преткновения на пути физического, психического, умственного и духовного развития...»

Становится понятно, что вредны как эгоизм, так и эгоцентризм. Но мы хотели бы еще раз взглянуть на эту проблему и попытаться более глубоко разобраться, в чем же разница между тем и другим.

Почему эгоцентризм является лишь экзотерической стороной эгоизма? Почему оказывается, что эгоизм имеет более глубокие корни и вызывает более страшные, роковые последствия, в то время как эгоцентризм всегда остается лишь его внешним, видимым проявлением?

Эгоцентризм — это ощущение себя центром мира и всех событий. Это потребность быть главным, всегда привлекать внимание окружающих. Если естественными называть поведение и поступки, исходящие из элементарных инстинктов и импульсов, заложенных в человеке, то в каком-то смысле можно сказать, что и эгоцентризм является естественным его

состоянием. Однако это состояние, черты характера и поведение свойственны именно человеку, а среди животных встречаются весьма редко. Животное проживает свою жизнь с подлинной естественностью, оно защищает себя и своих детенышей от других животных и человека только тогда, когда чувствует, что от них исходит опасность.

Странно, но часто получается, что контакт с человеком «заражает» домашних животных «вирусом эгоцентризма», и мы видим, как в них начинает проявляться такая знакомая нам потребность привлечь к себе все взгляды, присвоить себе все ласки и исключительное внимание хозяина. Так вместе с эгоцентризмом рождается ревность.

С самых первых месяцев своей жизни ребенок требует к себе исключительного внимания родителей, особенно матери. У него уже есть свои способы и своя «тактика», позволяющие этого добиться и приводящие в умиление взрослых, которые с радостью и восторгом замечают, что такое крохотное существо уже в чем-то стало похоже на них.

Проходит время, дети и молодые люди по мере своего роста все острее начинают чувствовать потребность стать центром внимания в доме, среди друзей, в школе, в своем окружении. Эгоцентризм постепенно превращается в своеобразную форму самоутверждения. Позже он может вызвать чувства, которые ошибочно называют любовью, не замечая, что в их основе лежит дух собственничества. Желание чувствовать себя любимым в данном случае будет означать требование стать центром существования другого человека. Впоследствии из этого рождается антилюбовь — эгоизм.

Быть эгоистом означает чувствовать себя не просто центром, а единственным центром мира. Хотя человек знает, что есть другие люди, он живет и ведет себя так, словно они не существуют, и не замечает ничего и никого, кроме самого себя. В данном случае буквально применима знаменитая притча о журавлях, которую рассказывает Платон в своих «Диалогах». После долгих рассуждений журавли, встречающиеся на тайном собрании, приходят к выводу, что существа, живущие в мире, разделяются на две большие части:

журавли и «не-журавли». То же самое происходит с человеком-эгоистом. Для него мир состоит из двух очевидных и понятных частей: он сам, основной, главный и единственный в своем роде, и все остальные, «не-я», лишь смутно существующие в представлении эгоиста где-нибудь в его собственной тени.

Дело даже не в том, что эгоист изолируется от мира, как рассуждают некоторые. Наоборот, эгоист прекрасно видит все разнообразие жизни. Дело в том, что это разнообразие его не интересует, так же как не интересует и то, что может произойти с другими людьми, если он доволен собой и его желания и требования удовлетворяются. Помимо того что он эгоцентрист, он к тому же становится холоден и равнодушен ко всему остальному, ему «наплевать» на других людей и уже недостаточно того, что он является центром внимания. Будучи полностью поглощен той уродливой формой любви, которую он питает к самому себе, он не уважает, не в состоянии ценить даже это внимание.

Эгоист проявляет одновременно и ревность эгоцентриста, и полную неспособность любить, уже ставшую основной чертой его личности. В цитируемой нами статье профессора Ливраги говорится: «Любовь — это отдача, и соответственно, отдача — это проявление Любви...» Как достигнуть той высокой цели, к которой стремятся все подлинные человеческие взаимоотношения?

Истинные взаимоотношения и сосуществование невозможны, если в них нет щедрости и любви. Они также невозможны и тогда, когда строятся на основе преобладающего над всем и поглощающего все эгоистического чувства человека, который возомнил себя единственным центром мира.

Для того чтобы родились истинные взаимоотношения и чтобы люди могли сосуществовать друг с другом, нужно открыть собственное сердце и найти в нем место, хотя бы уголочек, для всех существ, живущих на Земле. Нужно расширить сознание и научиться проникать в душу, в сокровенную суть всех вещей, нужно почувствовать таинственную бесконечность Вселенной. Нужно познать все живое, научиться

любить и уважать его. Мы должны освободиться из тюрьмы собственного эгоизма и проявить мужество, чтобы показать себя такими, какие мы есть, разделив с другими все прекрасное, что имеем и что несем в душе.

Не оправдывая эгоцентризм и понимая, что он является лишь первым, инфантильным этапом самоутверждения человека, мы должны всеми силами стараться уничтожить темные корни эгоизма, из которых рождается не только эгоцентризм, но и другое зло и которые являются самой страшной преградой нашему духовному развитию. Никто не может развиваться духовно и достичь поставленных перед собой целей, если при этом пренебрегает другими людьми и остается равнодушным к их проблемам и страданиям, к их мечтам и духовному развитию.

Никто не может достичь освобождения, если прежде сам не освободится от оков эгоизма, мешающих ему любить и помогать другим. Для эгоистов Нирваны нет.

Наши короткие размышления мы заканчиваем словами профессора Ливраги:

«Нет человека более трусливого, чем эгоист. И нет человека более жестокого, чем эгоист.

Никто так не гордится собой и не показывает так свою силу, как себялюбивый человек в своих победах и триумфах.

Но никто никогда не является таким жалким и слабым, как эгоист в своих падениях».

Д.С. Гусман

ТРУДНЕЙШИЙ ИЗ ВЫБОРОВ

Нередко мы встречаем людей, для которых необходимость выбирать не только трудна, но даже мучительна. То, что жизнь редко предоставляет нам возможность свободного выбора, даже в самых простых, обыденных ситуациях, еще более ослабляет способность выбирать, столь свойственную человеку и столь мало используемую многими.

На первый взгляд кажется, что в цивилизованном обществе уже давно проложены «рельсы» всему нашему поведению, которые учитывают все возможности. Однако жизнь наша богата различными вариантами и сюрпризами, она заставляет остановиться, подумать, сделать выбор.

Сомнения начинаются с выбора вида и качества продуктов, которые мы несем домой, цвета костюма, суммы денег, которую мы собираемся потратить на то, что нам понравилось... Необходимо выбрать, чем заниматься. Необходимо решить, как проводить время. Трудно выбрать себе идеальную пару, как бы сильно ты ни влюблялся. А кроме того — где жить? Где работать, если мы вообще получим работу? Куда поехать в отпуск, если у нас вообще будет отпуск? Этот список станет бесконечным, если каждый добавит сюда свои вопросы.

Почему так трудно выбирать?

Мы можем назвать множество причин, одни из которых носят личный, внутренний характер, а другие — чисто внешний, но также ограничивают, психологически и ментально, свободу того, кто стоит перед выбором.

СПОСОБНОСТЬ ВЫБИРАТЬ

Способность выбирать является плодом опыта, умения думать и умения делать. Этот вопрос не решается только умом. Рациональный подход может найти дюжину аргументов «за» и «против» того, в чем мы сомневаемся, но все это не станет основой нашего решения. Существует что-то более глубокое, более сильное, более прочное и стабильное, то, что заставляет нас действовать, — воля. Воля без действия похожа на атрофированную мышцу: она никуда не движется, потому что уже не способна двигаться.

Недостаток прочного жизненного опыта, хорошо прочувствованного и усвоенного, еще более затрудняет выбор. Всегда остается ощущение неуверенности и сомнений в правильности принятого решения.

ВЫБОР, КОТОРЫЙ ОТ НАС НЕ ЗАВИСИТ

В нашей жизни многое предопределено. Это и господствующие в обществе ценности, моральные нормы (если они принимаются во внимание), и правила поведения, требования моды, престижа, и потребность быть принятым или, наоборот, страх быть отвергнутым определенными группами людей.

И таким образом, вместо того чтобы выбирать, приходится учиться тому, что делают и говорят другие, пытаясь приспособиться к стилю, принятому большинством.

Идти против течения чревато последствиями. Иногда это не более чем импульс непокорности, лишенный всякого разумного основания; иногда это крик свободы, глохнущий в пустыне непонимания. Выделяется ли человек сам или его

выделяет кто-то другой — в любом случае его воспринимают не как выдающуюся личность или как гения, а как насекомое, редкое и опасное, как своего рода источник дисгармонии.

Почти все молодые люди проходят через этот бунтарский этап, когда они хотят испытать свои силы, когда стольких усилий стоит усмирить бьющий через край поток жизни, втискивая его в границы устоявшихся норм.

Однако они не способны сделать абсолютно точный выбор, ибо их опыт еще мал и при всей своей распирающей энергии они не умеют оценивать весь спектр возможностей. Они могут просчитывать, как в шахматах, один, два, три или пять ходов вперед, но не могут идти дальше ни в анализе ситуации, ни в осознании последствий своих решений.

РЕКЛАМА

Это еще одна из форм давления, более или менее сильная в зависимости от случая, но всегда тяжелая. Совсем не обязательно она исходит из средств массовой информации, заполненных призывами и требованиями, которые воздействуют на нас и склоняют то к одному, то к другому. Есть и другой тип рекламы, или, скорее, более тонкая пропаганда, распространяющаяся в форме мнений, которые то повышают, то понижают в наших глазах ценность той или иной альтернативы — как на своеобразной бирже возможностей.

Не отдавая себе отчета, мы начинаем называть вещи хорошими, плохими, практичными, элегантными, отвратительными, интересными, ужасными или заманчивыми, следуя лишь тому, что нам диктуется, в то время как сознание спит и чужие идеи исподволь проникают в нас.

ЧТО ЗНАЧИТ ВЫБИРАТЬ?

Выбор — это функция разума, но не рассудка.

Попробуем объяснить это. Рассудок, логика — это инструмент нашего ума, которым он пользуется в соответствии с

тем, как его обучили (к слову сказать, довольно плохо и мало). Таким образом, решение отнюдь не всегда принимаем именно мы — скорее, некая сумма навязанных нам убеждений, требований и т. д., о которых мы уже упоминали.

Разум — это распознавание, различение; это четкое понимание всех возможностей и способность выбирать из них наиболее приемлемую в соответствии с собственным опытом и собственными критериями. Это ясное осознание решения и личная ответственность и за успех, и за неудачу. Именно поэтому это разум.

Мы полагаем, и мы уже говорили об этом в начале, что у нас крайне мало возможностей развивать и применять это распознавание, эту способность выбирать и учиться чему-то на каждом выборе.

Прежде всего, мы должны правильно выявить все возможности, предоставленные нам жизнью, во всей их полноте. А это почти нереально при той системе образования, под влиянием которой все мы находимся. Она признает лишь некоторые возможности, уже принятые и утвержденные другими, теми, кто решает за нас, а остальные заранее отбрасываются. Так нельзя выбирать; можно лишь соглашаться или не соглашаться, но в любом случае это пассивный образ действия, поскольку второй вариант — это вообще отказ от действий.

Кроме того, нам необходимо пробудить чувство личной ответственности, силу и способность утверждать: именно я решаю, съесть апельсин или яблоко, изучать химию или литературу, жить самому или позволять, чтобы меня тащили по жизни. Именно я пожинаю плоды этого решения. Каждый успех или неудача несет новый и всегда положительный опыт, позволяющий мне увеличивать свои достижения и уменьшать свои ошибки. Бессмысленно сваливать вину на других, на обстоятельства, на Судьбу или даже на Бога, если мы не осмеливаемся осуществлять собственную волю и решительно и твердо исправлять свои промахи.

Ошибки в большинстве случаев могут быть исправлены; немощность ума и воли — вот что обычно непоправимо.

ЧТО ДЕЛАТЬ, КОГДА ВЫБИРАТЬ НЕ ИЗ ЧЕГО?

Это самая трудная из ситуаций выбора, но именно с ней, к сожалению, мы и сталкиваемся в последнее время.

Индивидуально и коллективно, каждый человек на своем месте, каждый народ в своей стране становятся все более ограниченными вследствие этой двойной невозможности выбирать: из-за неспособности распознавать и из-за недостатка достойных альтернатив.

Сегодня речь не идет о выборе между лучшим и худшим и даже между плохим и менее плохим — мы должны выбирать лишь из того, что есть, даже если оно совершенно не соответствует нашим требованиям, мечтам или идеалам.

Прискорбная, но вполне реальная ситуация, когда люди не могут выбирать, что им есть или во что одеваться, а могут только довольствоваться тем, что имеют: стандартным и, как правило, весьма небольшим набором — это в лучшем случае, ибо иной раз не бывает вообще ничего.

Где учиться, если ты можешь поступать только на те места, которые остаются свободными на каких-то факультетах? Что делать, если у каждой школы заведомо есть своя сложившаяся идеология? Или если нет денег — даже на эти скудные возможности?

Какой фильм смотреть в кино или какую программу по телевизору, если все они оставляют ужасающее и болезненное впечатление? Какие из вульгарных и оскорбительных для зрителя спектаклей предпочесть? Конечно, есть и исключения, но их так мало... Что читать, если почти не из чего выбрать книгу? С кем общаться, если разговоры обычно становятся потерей времени в сплетнях и критиканстве?

За кого голосовать на выборах, если все кандидаты дискредитируют и позорят сами себя, стремясь выделиться в наиболее громких скандалах, которые служат вехами их карьеры, личной и политической?

В какого бога верить, если все религии сулят небеса, которых нам никогда не достичь, взамен страданий, которые

мы не можем прекратить? Кому верить и на какого бога надеяться, если каждая религия претендует на единоличное обладание истиной и проклинает иноверцев как живущих в позоре и грехе? Перед борьбой таких сил куда деваться несчастному человеческому духу?

Нужны ли еще примеры, если все мы проходим через это, пусть и не всегда ясно осознавая масштабы всеобщего бедствия?

Засуха не только иссушает реки и оставляет без воды наши дома, она действует и на другие стороны нашей жизни, превращая ее в пустыню, где мы можем лишь либо ухватиться за первое, что попадется, либо умереть от жажды.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

То же, что и всегда: выбирать, учиться использовать разум и распознавать, ставить вещи на свои места и применять правильные критерии.

Понимать, что у нас небольшой выбор, но не потому, что нет других альтернатив, а потому, что какая-то сила обедняет наши возможности. Чья это сила? Это другой вопрос, который мы не будем сейчас затрагивать. Важно знать то, что у нас мало путей выхода, а лабиринт стремится поглотить нас. Понять это — хороший способ начать думать о том, как выйти, как выбрать путь, как найти решение. Чтобы недостаток возможностей и альтернатив уже не становился ни новой повязкой на глазах, ни новой ловушкой для разума и воли.

Каждый человек — это новая возможность, это еще один путь. И каждый народ растет в той мере, в какой его люди становятся мудрее, тверже в своих идеалах и решительнее в своих действиях.

И самый трудный из выборов, хотя он и не кажется таким, — это решиться создавать новые русла и новые пути, чтобы вновь выбирать, вновь чувствовать, вновь жить.

Д.С. Гусман

ПОЧЕМУ МЫ ОБМАНЫВАЕМ?

Думаю, что нет необходимости давать точные определения; без сомнения, все мы прекрасно знаем, что такое ложь. Все мы не раз прибегали к обману и сами становились его жертвами. Нам бы хотелось искоренить ложь, но в конце концов мы примиряемся с ней как с неизбежным и необходимым злом.

Почему так происходит? Почему мы лжем, хотя и сожалеем об этом? Почему терпим, когда лгут нам? Может быть, потому, что есть нечто более сильное, чем ложь, то, что не видно при поверхностном анализе?

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБМАНА

Мы не претендуем на то, чтобы дать исчерпывающую характеристику всех оттенков лжи, а хотим отметить лишь некоторые, наиболее общие из них.

Молчание, когда необходимо сказать нечто важное и настоящее, — это тоже одна из форм лжи, отказ от правды.

Некоторые считают такое молчание проявлением благоразумия. Но даже благоразумие имеет свои пределы, перейдя которые, может принести больше вреда, нежели блага.

Этот обман проявляется в том, что ты делаешь вид, будто ничего не знаешь, или прекращаешь настаивать на том, в чем был уверен полностью. Это бегство от правды.

Оно скрывается под маской фальшивого удивления, за двусмысленностью слов, не выражающих ничего, кроме желания выкрутиться из сложившейся ситуации. Это натянутая улыбка или «весьма сожалею», когда не сожалеешь ни о чем. Это крокодиловы слезы и «сердечные» объятия, полные цинизма.

Тот, кто что-то скрывает, вынужден часто менять свою позицию — не потому, что осознанно переходит от одного мнения к другому, а потому, что нуждается во множестве масок, чтобы подлаживаться под обстоятельства. Не стоит удивляться, когда говорится нечто совершенно противоположное тому, что звучало час назад.

Бывает «ложь во спасение», а бывает настоящая ложь, искажающая и извращающая правду в угоду чьим-то интересам и нуждам.

Оставим в стороне сострадание, смягчающее или слегка изменяющее правду, чтобы не причинить боль душе тех, кого действительно постигло горе. Нас беспокоит чистая ложь, самая обыкновенная ложь в нашей повседневной жизни. Она приносит страдание, но, что весьма любопытно, в той или иной степени в конце концов с ней все соглашаются.

РАЗНОВИДНОСТИ ЯЗЫКА

Каким бы количеством наречий ни овладело человечество, существуют и другие языки, отражающие наиболее глубокие стороны человеческой индивидуальности. Эти интернациональные языки гораздо богаче и значительнее, чем может показаться на первый взгляд.

Человек как неотъемлемая часть Природы объединил в себе характерные черты различных ее царств. В нем есть что-то от минералов, что-то от растений, что-то от животных и, конечно же, от людей.

У минералов мы позаимствовали статичность, оставляющую неподвижными наши мускулы, по крайней мере на лице, делая его «каменным». Это соответствует упоминавшемуся уже обману молчанием.

Растения научили нас изгибаться, подобно ветвям, повинуясь порывам ветров мнений, дующих в разные стороны. Ни с одним из них невозможно согласиться — не потому, что не может быть противоположных мнений, а потому, что мы не способны ни воспринять их все одновременно, ни постоянно колебаться от дуновения этих ветров, веющих отовсюду.

От животных мы взяли язык жестов. Наши жесты столь спонтанны, что не оставляют возможности обманывать. И хотя в словах звучит одно, движения тела, сколь бы неуловимыми они ни были, говорят о другом. Существует огромное количество литературы о языке тела и о невербальном языке вообще, из которой мы могли бы многое узнать, но инстинктивный импульс превосходит рациональное знание: лицо, глаза и руки говорят больше, чем уста, и тем самым выдают правду.

Собственный язык людей богат и изобретателен... в обмане и увертках. Сейчас в моде говорить огромное количество слов и при этом не сказать ничего или сказать нечто противоположное тому, что хотел сказать на самом деле.

Нас возмущает процесс обнищания языка, когда слова сводятся к вульгарным восклицаниям или неоднозначным выражениям, но при этом не перестает поражать, как со столь скудным количеством терминов можно продолжать так успешно лгать.

Не хотелось бы утверждать, что человеческий язык лжив сам по себе. Но все люди умеют играть с языком, приспосабливая его к тому, что выгодно сказать. На это не способны ни минералы, ни растения, ни животные. Жаль, что такая пластичность языка служит не разуму, а хитрости. Говорить правду обычно бывает опасно, в подобные игры не принято играть в «цивилизованном» обществе.

ПОЧЕМУ ЛОЖЬ?

В основе всех случаев лжи, в той или иной форме, мы видим один общий психологический фактор — страх. Вот она, на-

стоящая болезнь, и многочисленные обманы — это ее симптомы или последствия.

Рассмотрим случай «благоразумного молчания». Здесь проявляется боязнь риска. Высказаться, обнаружив свой подлинный образ мыслей, означает скомпрометировать себя в своих же глазах или в глазах окружающих. И это требует огромного мужества. Порой боязнь рисковать приводит к болезненному малодушию, которое все равно остается страхом.

Тот, кто меняет свое мнение от любого дуновения ветров моды, демонстрирует страх потерять уважение. Быть отличным от других, говорить правду, когда остальные пытаются ее скрыть, извратить или игнорировать, выглядеть белой вороной — для этого нужно очень большое мужество. Гораздо проще накрыться покрывалом общепринятой лжи и стать частью группы, которая сильна в своем единстве.

Человек, скрывающий свои чувства и мысли, боится предстать таким, каков он есть на самом деле, — из-за того ли, что ему страшно узнать самого себя, или потому, что другие могут увидеть его беззащитным. Нет ничего ужаснее, чем чувствовать презрение тех, кого объединяют модные ценности и кто любыми способами готов уничтожить человека с чистым и открытым лицом.

Идея проста: если все мы лжем в одном и том же, этой лжи не остается ничего иного, как стать реальностью.

Ложь глубоко хранит все наши страхи: страх перед собой, перед людьми, перед жизнью и ее обстоятельствами, перед ситуациями, в которые мы попадаем и которые должны преодолеть. Ложь — это форма фальши, попытка посмотреть на вещи несколько с другой стороны, преследуя собственную выгоду: если я не могу или не знаю, как изменить то, что заставляет меня страдать, я перекрашу реальность в иной цвет и воображу, что этим все изменил.

Несет ли обман зло? Является ли он только страхом? Нет ли в нем некоторой недооценки разума и способности понимать у тех, у кого, как мы считаем, нет причины замечать обман?

То, что ложь — действительно ложь, выдает нам бессознательный язык жестов. Это приводит нас к выводу, что животные (или бессознательное, скрытое в нас) гораздо более правдивы, чем «причесанный» культурой человек.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОБМАНА

Мы уже отметили, что основной разрушительный фактор обмана — это страх. К нему присоединяются эгоизм, малодушие, отсутствие уверенности в себе, неконтролируемая фантазия, не отличающая настоящее от лживого, а также собственно зло, желание навредить.

Если таковы причины, то последствия не менее страшны и опасны.

Они проявляются в виде пусть необходимых, но лживых действий, бессмысленных уколов, ран и обид, которые мы наносим не задумываясь, но не прощаем, если их наносят нам. Недоверие переходит все границы. Никто никому не верит; более того, не признаваясь в этом, люди немного не доверяют даже самим себе.

Нескончаемые часы тратятся на разговоры о том, чего на самом деле не существует. Сотни страниц исписываются для того, чтобы выразить невыражаемое или сказать что-то, искажающее суть. И потраченного времени не вернуть.

Полностью отсутствует доверие в дружбе и в политике, в науке и в религии. Если я сам обманываю, то почему я должен верить, что другие говорят правду? Кому верить? Кого любить? В чем меня хотят убедить? Что хотят от меня получить? И если я сам пытаюсь встать над другими, почему бы им не использовать меня?

Из этого проистекает закон, сам по себе ложный: никто не искренен в своих словах, никто не говорит правду, все вокруг — обман.

С каждым мгновением жизнь становится все более искусственной, а человеческие отношения — бессмысленными, поскольку они основываются на фальши и нестабильности. Для того чтобы выжить, необходимо выучить новый язык

с длинным названием «Что мне хотят сказать, когда мне говорят то, что говорят»...

НЕКОТОРЫЕ РЕШЕНИЯ

Главное — это преодолеть страх. Но от него невозможно избавиться в одночасье. Необходимо постепенно заменять его другими, более возвышенными состояниями.

Начнем с вежливости в истинном значении этого слова — как благородного уважения к другим и к себе. Эта вежливость может содержать в себе некоторое молчаливое благоразумие или некоторую сострадательную ложь, облегчающую психологический груз, но прежде всего это понимание и служение, простая самоотдача и тонкость души. Грубая ложь рассеивается, как туча под жаркими лучами солнца, при встрече с возрождающей энергией благородства, в лучах которого эгоизм становится едва заметной тенью.

Необходимо также «познать самого себя». Древние философы говорили, что это первый шаг к познанию богов и Вселенной, позволяющий познать и людей, с которыми мы разделяем наше бытие. Если мы узнаем их и себя по-настоящему, зачем лгать? Когда нет лицемерия и тайной злой воли, разве имеют смысл хитрости и уловки?

Добавим, что нужно контролировать искажающую реальность фантазию и видеть действительность чистыми глазами. Это не означает смиряться с тем, что нам не нравится в окружающем нас мире, наоборот — точно знать, что нам хочется изменить и улучшить. Фантазия, подобно вуали, скрывает то, что нас не удовлетворяет, но она не способна сдвинуть и песчинки со своего места.

И, наконец, требуется мужество, много мужества. Это забытое достоинство, которого нет ни у камней, ни у растений, ни у животных, но которое вновь возвращает подлинность тому, что искусственное давление общества делает в людях трусливым и лживым.

Д.С. Гусман

У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ

В этой статье мы попытаемся выяснить, что такое время и почему оно держит нас в плену; что мы можем сделать для того, чтобы не быть в постоянной зависимости от этого жестокого и беспощадного владыки, который чаще всего является нам в образе небольшой и безобидной вещицы — часов, которые мы носим на руке.

Когда речь идет о великих координатах, управляющих человеком и определяющих его место в рамках сущего, мы говорим о времени и пространстве. В каком пространстве мы развиваемся? Сколько времени продлится наше существование? Хотя пространство и время остаются для нас важнейшими координатами, нам стало тесно в них. При этом мы забываем, что они проявляются также (хотя и в несколько ином виде) в других измерениях, на других планах, в других формах бытия, также присущих человеку.

Согласно древним учениям — которые находят свое отражение и в средневековье, и даже в наше время, — человек есть нечто большее, чем просто материя. А если человеку присущи и другие формы проявления, в других измерениях, тогда логично предположить, что время и пространство также существуют применительно к этим другим измерениям.

Является ли время абсолютно одним и тем же для тела, для психики, для ума, для души? Очевидно, нет. Координаты, о которых мы говорим, становятся иными, когда действуют на другом плане проявленного. Они становятся как бы более пластичными; пространство приобретает иную форму выражения, время обладает иной продолжительностью.

Есть время физическое, которое измеряют стрелки наших часов. Есть время ментальное, которое требуется нам для того, чтобы понять что-то; его продолжительность зависит от того, что нам предстоит усвоить. И есть время духовное, которое относится к эволюции, время, отличающееся действительно большой продолжительностью. В этом смысле мы движемся примерно со скоростью гигантских черепах, если движемся вообще.

Зададим себе те великие вопросы, которые ставили перед собой древние. Существует ли время? Бежит ли время, или это мы бежим или просто движемся, а время неподвижно и лишь пропускает через себя наши тела, наш разум, нас как существ, наделенных духовностью?

Если бы мы были целостными существами, мы могли бы использовать все формы времени. Мы знали бы, какие часы оптимальны для нашего физического тела, а какие — для наших наиболее тонких принципов. Тогда мы обладали бы целым рядом разнообразных форм выражения. Парадоксально, но это так: чем более тонко проявляется человек, тем более развернутым становится его время.

Психологическое, ментальное, духовное время обладает пластичностью, не присущей времени физическому. Именно поэтому физическое время для нас — своего рода тюрьма с тяжелыми, прочными засовами. Мы чувствуем, что загнаны в западню, выхода из которой нет.

Наше неумение управлять временем может привести к тому, что к концу жизни мы придем со страшными вопросами: на что я потратил свою жизнь? На что ушли годы? Какие ценности я накопил?

Мы делаем робкие попытки вырваться, отпереть засовы времени, но наша неспособность воспринять что-либо лежа-

щее за пределами материального оставляет нас пленниками крошечного механизма — часов.

Почему человек оказывается в плену у времени? Тому есть несколько причин. Например, то, что мы не способны воспринимать выходящее за рамки привычного. Кому, скажем, придет в голову, что существует еще другое время, ментальное?

Кроме того, существует почти непреодолимая сила — сила человеческой стадности. Когда все делают что-то, нам кажется, что и мы должны делать то же самое. И если все испытывают зависимость от времени, то, видно, и нам суждено быть в той же степени зависимыми, быть в плену у времени.

Имеется и другой фактор — фактор удобства. Время, параметры, точность — час, состоящий из 60 минут, день из 24 часов — придают нам некую уверенность, некое ощущение силы, как будто мы можем управлять цифрами, пределами или даже измерениями. И это нас успокаивает. Если мы окажемся в другом измерении, где у нас не будет соответствующей системы мер, мы почувствуем себя неуверенно и с радостью вернемся в свою темницу.

Таким образом, для того чтобы перестать быть узником времени, необходимо сначала захотеть выйти из этой тюрьмы. Нет пленника хуже чем тот, кому хорошо и удобно живется в своей тюрьме.

В этом нет ничего нового. В старых книгах, хранящих древнейшие традиции, ученику говорится: «Берегись, ученик, если душа твоя улыбается, купаясь в солнечном сиянии твоей жизни, если она поет внутри своей оболочки из плоти и материи, если она рыдает в своей крепости, построенной иллюзиями... знай, ученик, твоя душа из праха». И так же, следуя этой мудрости, утверждаем мы: если мы ощущаем себя комфортно в тисках времени, если счастливы оттого, что измеряем все минутами и часами, то мы являемся пленниками уже хотя бы потому, что сами хотим этого.

Именно потому, что мы этого хотим, мы выбрали себе тот ритм жизни, ту цикличность, которая заставляет нас в определенное время совершать определенные действия.

* * *

Рождается ребенок, и приходит время, когда ему позволяют играть, потому что он ребенок. Затем наступает пора, когда он должен научиться читать и писать — именно потому, что так предписывает время. Если какой-то ребенок проявляет способности читать или писать в «неположенное» время, все мы в ужасе восклицаем: «Чудовищно — он говорит в восемь месяцев! Чудовищно — в два года он уже пишет!» Он не укладывается в «положенное» время; ведь время само указывает, когда надо учиться читать, а когда — писать.

Дальше время продолжает ставить перед нами очередные барьеры. Как мы будем жить дальше? В какие игры уже нельзя играть? Какие иллюзии уже нельзя испытывать? Какие грезы уже нельзя лелеять, потому что мы вышли из детского возраста?

Проходит время, и в 14, 15, 16 лет тебе больше нельзя быть наивным, потому что ты уже «вступил в жизнь». Нельзя больше мечтать; время поэзии прошло, ты уже не слышишь пения птиц, а солнце и луна становятся для тебя просто небесными телами.

Дальше мы узнаем, что надо делать карьеру. Это главное. Чтобы чего-то в жизни стоить, надо сделать карьеру. Если кому-то это не нравится — его трудности.

И в результате — выпускные экзамены, свежеиспеченный диплом в кармане... А стоит кому-нибудь на следующий день задать нам вопрос — и мы бежим справляться по учебникам. Это происходит оттого, что по-настоящему мы ничему не научились.

Это лишь один из многочисленных стереотипов, навязываемых нам временем. Есть и другие. Например, в какой-то момент нам начинают говорить, что пора бы жениться. Это прекрасное решение — если только в его основе лежит естественный выбор двоих человек, которые хотят этого, а не сакраментальное «время пришло».

Самый распространенный штамп — озабоченно спросить у девушки, расстроив ее навсегда: «Слушай, тебе уже 25. Когда же ты выйдешь замуж? Пора уже, в самом деле!» И вот ее

25 лет становятся для бедняжки грузом весом в тонну, который ей суждено нести на себе. Раз до сих пор она не вышла замуж, то теперь на веки вечные на ней будет стоять клеймо неудачницы, не уложившейся в указанные сроки.

Когда люди женятся и по прошествии определенного времени у них не рождается ребенок, возникает другой вопрос: «Дорогие мои, вы уже три года женаты. А как же дети? Пора, пора!» И бедные супруги ощущают себя под тяжелейшим гнетом, не зная ответа или не решаясь сказать «не можем» либо «не хотим». «Пора» указывает на то, что существует установленный цикл, и необходимо, настоятельно необходимо завершить его, с благодарностью приветствуя один за другим все засовы этой тюрьмы времени.

* * *

Мы прекрасно понимаем также, что в противном случае рискуем натолкнуться на преграды еще хуже — те, что возникнут потом, когда мы состаримся; само это слово означает для нас время, когда уже ничего не поделаешь. Старый — значит печальный, удрученный, одинокий, покинутый. Это обязывает к соблюдению соответствующих ритуалов. Нельзя смеяться, нельзя играть, нельзя мечтать, нельзя носить яркую одежду, нельзя искать нового. Почему? Да потому что время указывает, что ты уже стар.

Таков цикл, который пожирает нашу жизнь. Этот большой цикл состоит из малых циклов каждого дня, которые пожирают один за другим наши часы, поскольку все они заранее предопределены. Предопределен час для пробуждения, одевания, умывания, обучения, работы, еды, снова работы, снова умывания, снова сна...

Порой предопределен час для просмотра телевизора, для чтения газеты или беглого просмотра журнала. И мы живем в постоянном ожидании очередного цикла, маленького ежедневного цикла, который вливается в Великий Цикл, огромный цикл повседневности.

Мы не утверждаем, что можно обойтись без определенных ритмов. Некоторые ритмы жизни совершенно необходимы.

Мы не можем не играть в детстве, не расти, не учиться, не работать над чем-либо... Это совершенно естественно.

Но для того, чтобы не стать узником в тюрьме времени, необходимо не впадать в зависимость от ритма, а, напротив, жить в этом ритме и воспринимать его как нечто естественное.

Для этого нам необходимо разграничить два времени, которые можно обозначить как активное и пассивное. Назовем активным то время, когда происходит эволюция и рост, а пассивным — время, когда этого не происходит.

Активное время — это не когда много движешься, а когда намного продвигаешься. Намного продвигаться можно и очень медленно. Вспомним известные анекдоты о том, кто быстрее: заяц или черепаха, — в них, как правило, побеждают те, кто медленнее, поскольку они обладают такими ценными качествами, как непрерывность, постоянство, продолжительность.

Таким образом, для того чтобы вырваться из тисков времени, нужно очень сильно этого захотеть и добиться возможности жить по-настоящему активным временем.

* * *

Рассмотрим еще один аспект времени: время — это великая энергия. Мы, люди, обладаем силой и способностью выбирать, куда ее направить. Наиболее разумно было бы направлять нашу энергию не на то, что, как нам кажется, может продлиться долго, а на то, что является поистине продолжительным, или, пользуясь философской терминологией, на то, что несет на себе печать вечности. Если мы приложим свою энергию к вечному, а не преходящему, наше время будет использовано действительно по своему назначению.

Итак, если время — это энергия, то ее надо разумно распределять. Энергия-время может приблизить нас к вечности, к тем глубоким таинствам, которые не подвержены никаким изменениям.

Кроме активного времени, которое есть эволюция, и времени-энергии, которое есть вечность, нужно выделить и другие его аспекты. Важнейшим из них является молодость.

Что такое молодость? Быть молодым как раз и означает вырваться из тюрьмы времени. Быть молодым — значит поместить свое сознание не в теле, удел которого — стариться и дряхлеть, а в вечном, в том, что существует всегда, что позволяет нам осознать себя и произнести: «Я есмь». Ведь есть преемственность между нами в детстве, молодости, зрелости, старости. Благодаря чему мы можем осознавать себя? Что является той нитью, на которую нанизаны бусины четок, тянущихся из глубин времени до нашего настоящего? Именно так возникает молодость без времени, именно так отпираются засовы тюрьмы...

Эти три фактора могут нам помочь освободиться из тисков времени. То, что сегодня кажется практически невозможным, являлось, тем не менее, предметом изучения в древних Школах мистерий. И людям древности, хотя и ценой больших затрат времени, удавалось (прошу прощения за тавтологию) овладеть способностью управлять временем.

Каким образом? Посредством непрерывной концентрации сознания и внимания, сознательной, а не по прихоти судьбы. Почему у нас так часто возникает ощущение, что время играет нами и переступает через нас? Потому что мы живем «скачками», потому что наше сознание задерживается на любой точке лишь на несколько мгновений, постоянно отвлекаясь на многое. А как только нарушается непрерывность нашего внимания, оно начинает испытывать на себе давление времени.

Пожалуй, один из наименее доступных нашему пониманию секретов великих мудрецов древности — это как раз такое ощущение непрерывности и такая способность концентрации сознания, при которой время как бы успокаивается, стабилизируется, становится активным, поскольку внимание может охватить все необходимое.

Они ускоряли время. Превращали будущее в настоящее. Ускоряли свою эволюцию, свою способность постижения, понимания. И благодаря этому достигали такого высочай-

шего уровня, который вызывает наше изумление и дает нам основание говорить о них как о Великих Существах, Великих Учителях, Посвященных.

В ряде традиций, которые все же дошли до нас — хотя и в обрывочном виде и зачастую недоступными нашему пониманию, — мы можем встретить упоминания о церемониях, проходивших в Древнем Египте, в лабиринте храма в Абидосе. Все эти церемонии имели отношение ко времени.

Улитка всегда считалась символом времени, и человек, который углублялся в ее таинственные спирали, должен был пройти ряд испытаний, связанных с ним. Пройдя до конца этот лабиринт, человек становился способным постичь смысл времени.

Именно это символизирует улитка с ее домиком на спине, как бы несущая свое время за плечами как груз, но в то же время способная поднять свои глаза и усики-антенны выше головы, выше тела, выше тяжелой и инертной материи.

Еще в Древнем Египте молодые ученики — молодые той молодостью, которая не боится ни тюрьмы, ни засовов, — собирались в храмах для участия в церемониях, посвященных богу времени, чтобы развивать в себе способность вырываться за рамки ограничений.

Сегодня мы — пленники. Школы мистерий, инициатические школы? О них ничего не известно. Магические церемонии? Их или нет, или очень мало, поскольку такие мероприятия считаются сектантскими.

Мы переживаем сейчас исторический момент ускорения времени. Все вокруг нас ускоряется. Как утверждали многие мыслители и историки, течение жизни — это не просто непрерывная восходящая линия эволюции, где сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня.

Историческое развитие — не прямая линия, а восходящая спираль, напоминающую египетскую улитку, спираль, которая поднимается вверх, но медленно, шаг за шагом, виток за витком.

В любой спирали — это подтверждается физическими исследованиями — мы можем обнаружить так называемые

моменты вращения (в особенности в точках, где предполагается изменение направления движения), в которых возникает небольшое ускорение. Это то ускорение, тот импульс, который нам необходим, чтобы подняться еще на одну ступень в нашем историческом вращении.

Анализ того, что происходит сегодня по всей земле, на всех уровнях, позволяет нам заключить, что мы переживаем один из таких моментов, и он, по всей видимости, окажется поистине ужасен, если оценить его холодным и несколько фаталистичным взглядом.

В этот момент ускорения мы уже не можем играть в пассивное время, не можем отсиживаться за засовами тюрьмы — иначе История сметет нас. Мы должны так вести свою роль, чтобы быть настроенными в унисон с Историей.

Как нам это удастся? Каждый в своем времени, на всех планах, имеет возможность сделать это.

* * *

Каждый человек в своем физическом времени имеет возможность наилучшим образом использовать минуты. Каждый человек в своем психологическом времени имеет возможность обнаружить и прожить лучшие, самые возвышенные состояния. Каждый человек в своем ментальном времени имеет возможность получить доступ к знаниям, изучать законы и понятия, позволяющие расширить границы узкой тюремной камеры, в которую мы заключены. Каждый человек в своем духовном времени имеет возможность искать и находить, исполняя ту заповедь, которая с давних времен звучала в древних храмах: «Познай себя!»

У всех нас есть возможность продлить время, продлить жизнь и ускорить процесс эволюции.

У всех нас есть возможность быть молодыми. Ведь, на самом деле, мы и так молоды. Остается лишь изменить свое сознание.

Все мы управляем временем, а не время нами. Нам предстоит еще сотворить чудо — выйти за пределы материального времени, за границы циферблата часов, которые указыва-

ют, какими мы «обязаны» быть; вырваться из тюрьмы и дать простор душе, которая всегда молода.

Вырваться из тюрьмы не означает уничтожить часы, повседневную жизнь и нарушить сложный жизненный процесс. Это значит жить не только по времени, отсчитываемому часами, но и другой жизнью, в других измерениях, в других временах. И чтобы каждый день состоял не из 24, а из бесчисленного множества часов.

Никогда в «Новом Акрополе», на наших кратких еженедельных беседах и занятиях, мы не обещали ни экзотических диковин, ни сверхъестественных чудес, поскольку мы убеждены, что не бывает чудес, не связанных с Природой. С самого момента возникновения они являются ее частью.

Никогда мы не обещали ни инициаций, ни возможности преобразить кого-то, сделать человека другим одним прикосновением руки.

Если бы только я могла, я наделила бы вас молодостью полными пригоршнями. Но не молодостью юных лиц и младых годов, а той молодостью, той силой, которая говорит нам: «Что мне до времени, если я есть, если я существую! Что мне до того, что отмеряют часы, если я неподвластен их ходу, если мой отсчет начался задолго до того, как они возникли!»

Да будем все мы независимы от тисков времени, бесконечно свободны, бесконечно молоды, бесконечно человечны; да будем бесконечно *мы*!

Д.С. Гусман

ЛЮБОВЬ ПЛАТОНИЧЕСКАЯ И ЛЮБОВЬ СЕКСУАЛЬНАЯ

Лекция

Непростая проблема, которую мы хотим рассмотреть, — противоречие между любовью платонической и сексуальной — на первый взгляд кажется очень современной. Однако, если провести серьезное историческое исследование, мы обнаружим удивительный факт: этот вопрос возник отнюдь не сегодня, он так же стар, как сам человек, и, похоже, встал перед людьми в тот самый момент, когда они впервые начали осознавать свои взаимоотношения.

Другая неожиданность, с которой мы столкнемся, состоит в том, что неразрешимого противоречия между платонической и сексуальной любовью не существует, или, во всяком случае, его очень трудно обнаружить.

Чтобы получить правильное с точки зрения философии представление об этой проблеме, нам нужно сначала выяснить, что же такое любовь. И в самом этом вопросе тоже нет ничего нового.

Человек всегда стремился узнать о любви все: что она такое, что она дает людям, какова ее глубина, каков ее смысл. И прежде всего, как связаны любовь и счастье. Действительно ли, встречая любовь, мы одновременно находим и свое счастье? Похоже, что человек всегда искал панацею от всех

бед, идеальный источник, который мог бы решить сразу все его проблемы. И если действительно любовь неразрывно связана со счастьем, то нет ничего удивительного в том, что во все времена люди искали любовь.

Древние философы говорили, что человек ищет то, чего не имеет: если бы он обладал этим, то не нужно было бы искать. И любит человек то, чего ему недостает, — значит, того, что он любит, у него нет. Ощущая свою неполноту, человек тянется к тому, что считает важным для восстановления своей целостности.

Теперь мы вплотную приближаемся к интересующей нас теме. Если человек ищет то, чего у него нет, и любит то, чего ему не хватает, к сожалению, это означает, что у нас нет ни счастья, ни любви. Это величайший парадокс нашего времени: чем больше о чем-то говорится, тем вернее это указывает на отсутствие или нехватку того, о чем идет речь.

Сегодня о любви в самых разных ее аспектах написаны сотни страниц. Но когда мы заглядываем внутрь себя, чтобы увидеть, сколько любви в нас самих, в человечестве, в мире, где мы живем, то приходим к выводу, что любви там немного: много слов и мало чувства. Нам не хватает любви, поэтому мы ищем ее и готовы идти любым путем — тем, который предлагает мода, или тем, который сами считаем верным, — лишь бы встретить эту любовь, это счастье, которого, по нашему убеждению, мы лишены.

Обращаясь к истории, мы можем увидеть, что на протяжении веков сменялось множество различных концепций любви. В разные времена ей давались разные определения. Это связано с господством тех или иных идей в каждый исторический период, с потребностями человека определенной эпохи, с уровнем его эволюции. Человечество всегда колеблется между двумя крайностями: любовью духовной, которую называют платонической, и любовью физической, сексуальной. Однако одного слова «любовь» отнюдь не достаточно, чтобы раскрыть бесконечное множество оттенков отношений, которые лежат между этими двумя полюсами — духовным и материальным.

Разве можно ограничиться одним словом? Разве может единственное слово выразить все то, что способен чувствовать человек, всю гамму ощущений и желаний любящего?

Это одна из очень серьезных проблем современных языков: они очень скудны в выражении внутренней жизни, хотя весьма богаты в отношении вопросов материальных, технических или научных. Они слишком бедны, чтобы проникнуть в глубину человеческой души. В древних языках для описания любви было столько же слов, сколько разнообразных оттенков чувств испытывал человек. Сегодня есть только одно слово, означающее тысячу вещей. Разве возможно однозначно определить любовь? Очевидно, что речь идет о множестве разных определений, о десятках и сотнях аспектов, которые мы должны рассматривать, когда говорим о любви.

Однако любовь настолько богата, что не сводится к проблеме слов и определений; она имеет столько разных оттенков, что нам не хватит жизни, чтобы охватить их. Но мы можем рассмотреть некоторые идеи, не ограничивая их рамками определений.

Отправимся в царство Мифологии, в этот древний мир, где человек умел общаться с богами; возьмем для примера античную мифологию, столь близкую к нашим этическим и эстетическим концепциям. Посмотрим, что называли Любовью, или Эросом, древние греки.

Согласно Платону, Эрос — самое древнее божество. Те статуи и картины, к которым мы привыкли, не имеют к нему никакого отношения. Эрос — это не симпатичный ангелочек, который подстерегает людей, чтобы поймать их в свои сети. Эрос — это архаическое божество, Первозданная Любовь, изначальная сила взаимного притяжения.

Мифология говорит, что когда мира еще не существовало, когда царил хаос, когда все находилось в потенциале и ничто еще не было проявлено, — тогда родился импульс, невероятная сила, способная все упорядочить, все объединить, всему дать форму и жизнь. Эта сила и есть Эрос, Любовь, — Первозданная Любовь, тот древний Эрос, о котором

писал Платон. И когда Эрос упорядочил всю Вселенную, он стал распространять это на разные ее уровни, словно спускаясь по ступеням от самого высокого Неба до самой конкретной, видимой и ощутимой земли, той, на которой находимся мы. Эрос заботится о том, чтобы на каждом уровне Любовь выражалась в своей, особой форме, соответствующей этому уровню.

Однако для описания всех уровней мы пользуемся одним и тем же словом — и когда говорим о мистической экзальтации, той особой любви, которую человек испытывает к Богу, о потребности приобщиться к Божественному; и когда речь идет об эстетическом восторге, который наполняет нас чувством гармонии; и когда мы передаем страстное стремление, побуждающее нас больше знать и проникать в тайны Природы. Кроме того, любовью мы называем сложные сочетания различных чувств — увлечения, нежности, привязанности к другим людям, к городу, к дому, к книгам, к животным.

Исходя из представления о ступенях, созданных Эросом во Вселенной, можно обнаружить различные формы Любви, вплоть до той, которую сейчас называют сексуальной. Это форма любви между одним телом и другим, проявление на уровне материальных тел тяги к единению и всему тому богатству, что заключает в себе Любовь.

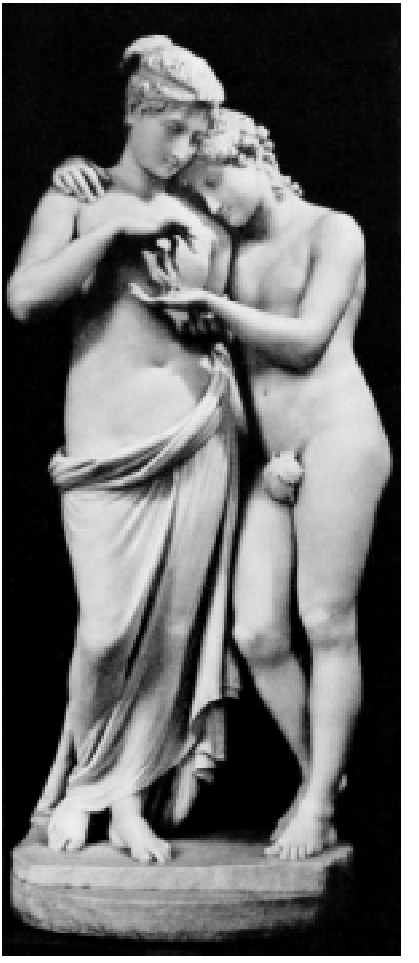
Древний Эрос, говорит мифология, нисходя, выражает себя в разных формах, вплоть до превращения в ту, что известна нам сегодня, — Амура со стрелами, спутника Афродиты, пользующегося малейшей оплошностью людей, чтобы воспламенить сердца, которые не собирались загораться, и создать все те проблемы, которыми пестрят страницы Истории.

Это то, о чем повествует мифология и в чем с ней согласны традиционные теологические и моральные учения. Но нам придется оставить древних богов и вернуться в нашу действительность.

Сегодня любовью считают некое психологическое беспокойство, которое выражается в основном через тело и секс,

как будто это единственная возможность проявления любви. Такая приверженность к сексуальной любви трактуется как умение «жить сегодняшним днем», а выражением «платоническая любовь» обозначается нечто отсталое и старомодное. Платоническая любовь понимается сегодня как отказ от секса и признак регресса.

Всплеск сексуальности, который представляется нам основным признаком современности, является результатом борьбы новых поколений за свободу. Это освобождение началось с отбрасывания ценностей, которые утратили свое значение, сыграли свою роль в прошедших периодах Истории, но уже ничего не дают молодежи; отживших ценностей, на смену которым должны прийти новые.



Антонио Канова (1757–1822). Амур и Психея. Мрамор. Италия

Но произошло то, что История видела уже не раз: ценности не заменили, а лишь разрушили и отбросили все, что было прежде; потом поняли, что нужно что-то новое, но не сумели найти этой новой формы. В любви это освобождение, которое вы-

ражалось в основном через секс, не замедлило превратиться в распущенность. (Распущенностью мы называем действия, не направляемые разумом, когда человек отдает себя во власть своих желаний нового и запретного.)

Вспомним знаменитый лозунг революции 68-го года в Париже: «Запрещается запрещать!» Чем настойчивее что-то запрещается, тем более оно привлекает: запретный плод сладок.

На секс было раньше наложено табу — с этого момента табу было снято. Свобода секса, отмена всех ограничений принесла новые сложности: утрачивалась цель любви, ее смысл. Ведет ли сексуальная любовь к счастью? Или для нее важно удовлетворение? И понимаем ли мы разницу между счастьем и удовлетворением?

Появляются новые проблемы — например, всевозможные сексуальные отклонения, поскольку в условиях неограниченной свободы все то, что было запрещено и вследствие этого выглядело заманчиво, уже осуществляется в жизни.

Начинают нарушаться законы Природы: традиционные сексуальные проявления любви между мужчиной и женщиной перестают устраивать людей. Это выходит за рамки биологических нарушений в организме и касается уже области психических заболеваний. Психика требует с каждым разом все более и более сильных эмоций. Именно поэтому с каждым днем все заметнее снижается возраст, в котором молодежь хочет испытать эти сильные эмоции. Римляне говорили об особом возрасте, который дает юноше право на мужскую тогу; девушки становились женщинами, когда это было предусмотрено Природой. Сегодня этих границ уже не существует. Мы порой поражаемся, слушая рассуждения детей: создается впечатление, что детство для них — лишь нетерпеливое, страстное ожидание того момента, когда можно будет с головой окунуться в жизнь. А жить — значить пробовать все подряд, чтобы к двадцати годам постареть, но так и не найти ответа на вопрос: что же дальше?

Мы словно стали заложниками авангарда в моде и решили, что Любовь с большой буквы, Любовь идеальная, прак-

тически невозможна; мы пытаемся заполнить то место, которое отведено ей в нашей душе и нашей жизни, используя для возбуждения все что угодно: психологические, физические, наркотические средства, фильмы, журналы и другие суррогаты. Мы отдаем это место сексуальной любви, простому сексуальному удовольствию, которое даже не называем любовью.

Это была великая революция. Но теперь перед нами встает другой вопрос: а что же такое платоническая любовь? Иногда считают, что у древних греков дилеммы, связанной с платонической любовью — названной именем греческого философа, — не было вообще. Однако это не так. Проблемы любви и дуальности, которые мы рассматриваем, существовали всегда, и в том числе в эпоху Платона. И поскольку, будучи философом, Платон предложил свои решения этого вопроса, свои ответы и пытался указать людям путь, попробуем разобраться в его учении.

Платон утверждал, что если Любовь находит свое выражение на всех уровнях Вселенной, то логично, что она проявляется и на физическом плане. Как правило, люди упрощенно считают, что платоническая любовь автоматически отвергает все относящееся к сексу. Это заблуждение. Во времена Платона тоже были мужчины и женщины, которые стремились друг к другу, любили и пытались выразить свою любовь во всех возможных формах. Но если Любовь проявляется на всех планах человеческого существования, попытаемся, подойдя разумно, отделить высокие потребности души от низших инстинктов.

Не нужно думать, что инстинкты — это всегда плохо. Речь идет о том, что более высокое всегда нужно отделять от менее высокого; мы — люди, а значит, уже прошли состояние растений и животных, и, перейдя в другое состояние, свойственное человеку, должны иметь свои отличительные признаки. Основным признаком животных являются инстинкты; это не значит, что их нет у человека. Однако мы имеем и нечто большее — то, что превосходит эти инстинкты. Именно об этом говорит Платон в своих Диалогах — о

поиске способа выражения Любви, свойственного именно человеку, способа, который позволил бы ему найти человеческое счастье; не счастье животного, не счастье дерева или камня, а подлинное счастье человека.

Платон был романтиком. Он говорит, что поиск Любви и ее проявлений, иногда низших, иногда высших, — одна из древнейших проблем человечества. Он рассказывает, пользуясь классическим стилем мифа (иногда истина слишком велика, чтобы быть воспринятой интеллектуально), что много тысяч лет назад, когда Бог сотворил мир, души людей начали разделяться, пока не стали тысячами и тысячами душ, живущих на земле. Эти разделенные души чувствовали, что они что-то потеряли, словно каждой из них недостает половины. Это представление лежит в основе учения о «душах-близнецах» и о значении Любви как потребности каждого человека встретить то, что когда-то было его частью, а сейчас утрачено.

Любовь понимается, ни много ни мало, как поиск утраченного Единства, поиск гармонии противоположностей и гармонии подобия. Противоположностей — потому что всем нам не хватает половины, а подобия — в силу духовного родства: если две души однажды были одним целым, они испытывают потребность встретиться вновь.

Это звучит романтично, но есть волшебная сказка, в которой участвуем мы все, хотя обычно не признаемся в этом; все мы идем по жизни, мечтая о том, что однажды, если чуть-чуть повезет, мы встретим свою душу-близнеца, снова обретем ту половину, которую когда-то утратили.

Платон предупреждает, что в этом постоянном поиске нужно быть осторожными, поскольку любовь обычно скрывается под масками; есть Эрос небесный и есть Эрос земной. Небесный побуждает душу искать и находить другую душу, которая когда-то составляла с ней одно целое. Земной (и мы убеждаемся, что эта проблема существовала и в эпоху Платона) ищет только удовольствия, сексуального удовлетворения; он основан на инстинктах, и ему абсолютно неважно, какими средствами он этого удовлетворения добивается.

Но земной Эрос, любовь, которая связана с телом — телом, увы, стареющим, болеющим и умирающим, — не приносит счастья. Платон был очень тверд в своей позиции: Любовь — это нечто гораздо большее, чем любовь. Любовь — это Мудрость, Любовь — это Энергия, Любовь — это Жизнь на всех уровнях, которые нам известны, во всем, что мы воспринимаем как живое, включая камни. Платон (а вместе с ним и все классики) утверждал, что существует особая форма Любви — Энергия: нечто живет, потому что в нем есть Энергия, есть взаимосвязь, разум, гармония. В сфере познания есть особая форма Любви — Мудрость, которая не заключается в желании запомнить максимум информации, но ставит перед собой задачу познать, проникнуть в тайны, постичь суть вещей.

Энергия, которая есть Любовь, — это не материя в строгом смысле слова, и современные ученые обнаружили разницу между ними, хотя материя способна переходить в энергию и наоборот.

И Мудрость — это не интеллект, хотя может показаться, что, пользуясь интеллектом, мы становимся гораздо мудрее.

Получается, что, если мы хотим понять это особое представление Платона о Любви, нужно сначала осознать, что Энергия, сила важнее, чем материя, а глубокая Мудрость важнее простого накопления информации.

Платон предлагает систему ценностей, которая оказывается актуальной и сегодня: чтобы прийти к сути Любви, объясняет он своим ученикам, не надо придавать большого значения тому, что мы находимся на земле, во власти материи и ее законов; в этом нет ничего плохого, если только мы сумеем найти лестницу к Небу. Не только Платон, но и многие другие философы объясняли, как этого можно достичь и в чем заключается тайна.

Сначала нас привлекает телесная красота, но, созерцая ее, мы понемногу открываем для себя нечто более важное: красота тела исходит из чего-то более глубокого и тонкого. Не происходило ли такое с каждым из нас? Разве мы не встречались с этой чарующей загадкой? Кто может точно

определить, когда человек красив? Мы никогда не сможем прийти к согласию относительно канонов красоты — канонов, которые позволяли бы с уверенностью сказать, какой человек красив, а какой нет.

Если говорить коротко, мы называем человека красивым, когда он обладает *чем-то*, что больше чем просто тело, больше чем черты лица, фигура, цвет волос или глаз; это красивая душа, которая отражается в его облике.

Мы можем увидеть, вслед за Платоном, что есть не только прекрасные души, но и прекрасные действия, есть жесты, поступки, чувства, которые восхищают нас. И мы догадываемся, что красота выше тела и даже выше души, что есть действия, поступки, энергия, жизнь, которые также несут красоту.

Мы можем воспринимать красоту, которая заложена в законах Природы: как все в них гармонично и совершенно! Мы можем направить свою любовь на науку или искусство. А сделав еще один шаг, мы сойдемся во мнениях с платониками и неоплатониками: если оставить в стороне тела, души, действия, законы и науку, то мы придем к *Прекрасному*, к чистой Идее, к абстрактной Красоте, беспримесной и безупречной.

Согласно Платону, *Прекрасное* тождественно *Справедливости*, *Благу*, *Истине*; и Любовь нуждается в том, что прекрасно, справедливо, истинно, она ищет Прекрасное и проявляется через него.

Это и есть платоническая любовь — встретить недостающую часть души в другом человеке, в человеке, который представляет для нас все доброе, все прекрасное, все подлинное, все справедливое.

Если принять эту точку зрения, то меняются многие концепции, в том числе, например, концепция рождения потомства. Да, рождение может быть целью Любви, но рождаться могут не только новые тела, но и многое другое — идеи, чувства, достоинства. И тогда эта Любовь, о которой говорит Платон, уже не будет восприниматься как нечто невозможное или противоположное сексуальной любви — она засия-

ет как бесценное сокровище, которое станет нашим, если мы осмелимся пойти по пути, ведущему к нему.

Циклы Истории — интересная вещь; жизнь всегда будет учителем для человека, давая ему все новые и новые уроки. Сегодня молодое поколение приготовило нам сюрприз. Множество конгрессов, встреч, лекций, статистических опросов показали, что молодежь снова вдохновляет платоническая любовь, романтика отношений и верность. И молодежь уже осмеливается говорить об этом.

Сегодня платоническое гораздо современнее сексуального. Молодые снова становятся «консервативными», у них начинают преобладать казалось бы давно забытые ценности. Сексуальная революция утратила свое значение, поскольку последствия ее были ужасны, и сегодня мы еще пожинаем эти плоды. Это крах брака, массовые разводы, самые разные проявления тоски — потому что, хотя никто в этом не признается, все хотят любить по-настоящему. В результате современная молодежь снова совершает революцию, отказываясь от завоеваний старой и провозглашая новую — ре-эволюцию; она вновь поворачивает колесо Истории и смотрит на мир по-другому.

Дело даже не в том, что, как утверждают некоторые, новая революция молодежи провозглашает целомудрие — хотя это и могло бы стать реакцией на волну излишеств и извращений; просто начался поиск чего-то глубокого, стабильного, снова стало важно любить одного человека, представляющего для нас безусловную ценность. Людям необходимо, чтобы эта любовь была прочной, чтобы она была и сейчас, и завтра, и всю жизнь; и не столь важно, что мы постареем рядом с человеком, которого любим, — ведь изнашивается тело, но не Любовь.

Вот такое великое открытие пришло к нам на исходе XX века — как бы в ответ на провозглашение свободы сексуальной любви, — чтобы вернуть нас к Платону.

Вновь мы приходим к выводу, что сексуальная любовь — это следствие или форма выражения, но отнюдь не отправная точка отношений между двумя душами, двумя людьми.

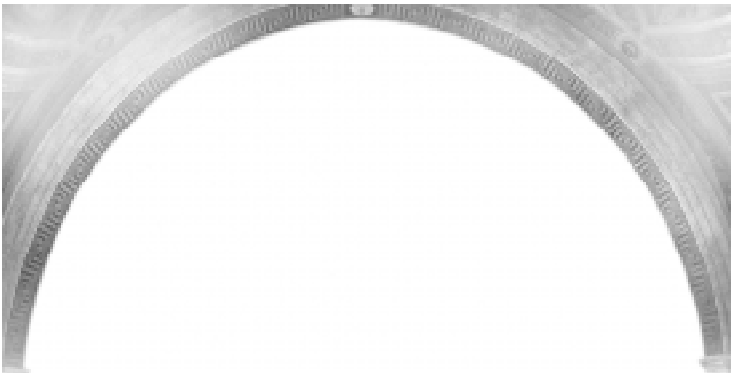
Вновь оказывается, что сексуальная любовь является дополнением гораздо более интимного и более реального союза, что психологическое превышает биологическое. Сегодня для нас гораздо важнее понимание между двумя людьми, которые могут вести диалог, проявлять внимание, нежность, дружбу, делить горе и радость.

И если мы пришли к тому, что психологическое выше биологического, то нас не должно удивлять, что настанет время, когда духовное превзойдет психологическое; что нежность, взаимопонимание, умение общаться дадут нам возможность сделать шаг к союзам, которые неподвластны времени. При возрождении духовного люди, помимо прочего, обнаруживают, что есть бессмертие, что плодотворность состоит в том, чтобы давать жизнь, что — в конце концов — в каждом из нас пульсирует бессмертная Жизнь.

Говоря о платонической любви, которая включает в себя и духовное, и физическое, можно вспомнить еще нечто очень важное: тот, кто любит, обогащается, потому что ищет то, чего не имеет, и пытается вернуть то, чего ему недостает. Говоря о платонической любви, можно добавить к этому еще один древний совет: «Пусть тот, кто любит, помнит: Любовь одаряет божественным, ибо любящего сопровождает Эрос». Бог живет внутри каждого, кто способен любить.

Пусть помнит любящий, пусть помнит каждый из нас: в нас есть нечто Божественное — великий Эрос, Любовь с большой буквы.

Мадрид, ноябрь 1985 г.



Д.С. Гусман

ДУША ЖЕНЩИНЫ

Недавно мое внимание привлекло название статьи в одном из журналов: «Женщины наступают». Возможно, так оно и есть. Эти простые слова напоминают о долгой истории борьбы женщины за свои права, за достойное место в обществе. Но все же я не перестаю спрашивать себя, правильным ли путем мы идем, не потеряли ли мы его суть. Ибо каждый раз, говоря о правах женщины, мы требуем для нее лучших экономических условий, больше вариантов карьеры, более надежной работы, большего уважения... Но при этом всегда подразумевается ее физическое место в обществе, улучшение внешних условий жизни, как будто кроме этого ей ничего не нужно. Поэтому я и не перестаю задавать вопрос: правильным ли путем мы идем? Ведь очень часто забывают о том, что помимо должности и уважения нужно позаботиться и о душе женщины. Несмотря на великие сражения за права женщин, о которых рассказывает история, особенно последних веков, многие женские вопросы и в наше время так и остаются нерешенными. Женщина по-прежнему недовольна своим местом в обществе, условиями труда, заработной платой. Даже если говорить о простых человеческих отношениях, можно вспомнить многочисленные случаи жестокого

обращения с женщиной, о которых ежедневно сообщают средства массовой информации всего мира.

Если женщина действительно должна завоевать свое место в обществе, встает вопрос, сражается ли она за то, что когда-то имела и потом утратила, или за то, чем в истории человечества так никогда и не обладала? Мне все же кажется, что речь идет о том, чтобы вновь завоевать права, когда-то ею утраченные, — только нужно понять, как это произошло, когда и почему...

Даже беглый обзор истории показывает, что всегда существовали удивительные женщины, которые смогли потрясти свою эпоху силой духа, ума и красоты, сумели проявить мужество и решительность, когда от них требовалось преодолеть условия и предрассудки своего времени. Я не имею в виду только конкретные личности, но вспоминаю также, что существовали целые цивилизации, предоставившие женщине возможность занять в жизни общества очень важное место, место, принадлежащее ей по справедливости. И это были не только общества, известные нам как матриархальные, но также многие другие, основанные на патриархате, но несмотря на это позволившие женщине сыграть решающую роль, роль носителя культуры.

Сегодня появляется все больше книг, исторических и полуисторических романов, которые возвращают нас к древним цивилизациям матриархата, где женщина всегда главенствовала, где женские божества были верховными в пантеонах, где все вращалось вокруг этой центральной фигуры, ядра, сплачивающего вокруг себя все человеческие существа и их судьбы.

Речь не идет о том, что в те далекие времена женщина присваивала себе всю власть, оставляя мужчине вторичную, унизительную для него функцию. Просто она играла преобладающую роль, она была центром жизни, и благодаря ее усилиям все люди объединялись вокруг одной оси. Может быть, именно это утрачено сегодня. Утрачена роль центра, оси, ядра, сердца и источника вдохновения, о котором рассказывали древние мифы Греции и Рима. Они говорили об

удивительной и загадочной богине Огня. Она проявляется везде и во всем: в центре Земли, в огне, горящем на алтаре и в домашнем очаге, в центре дома и в центре храма... и все это Женщина. Это огонь жизни, имеющий магическое свойство притягивать и объединять.

Как же получилось, что постепенно женщина стала терять свою индивидуальность, свою настоящую роль? Причиной тому обстоятельства жизни, выдвигавшие на первый план то психологические факторы, то религиозные, либо сочетавшие их все... Психологическая причина состояла в том, что со временем стали придавать слишком большое значение отрицательным качествам женской природы, выносить их на передний план. Отрицательные качества есть у всех, и у мужчин, и у женщин. Но слишком часто стали утверждать, что женщина пассивна, имеет мало творческих способностей и очень сильное чувство собственничества; что она не выходит из дома, ей нужны покой и неподвижность; что она постоянно манипулирует другими, чтобы получить то, чего пожелает; что она чересчур чувствительна, эмоциональна, непостоянна; что при такой психике ей нельзя доверять серьезные дела, требующие упорства и терпения, ибо кто знает — вдруг на полпути ей надоест и она все бросит, чтобы заняться чем-то другим...

С точки зрения религии — в ее поверхностном, не эзотерическом понимании, — женщина стала чуть ли не символом зла. Как же мы умудрились, дорогие дамы, заслужить этот «почетный» титул грешницы и искусительницы? И все это началось с простого ребра? Надо признаться, что из малого мы с вами сотворили достаточно много. Самое интересное, что все это внедрилось в подсознание не только мужчин, но и всего человечества. И что любопытно: когда женщина молода и красива, она становится предметом вожделения, но в то же время ее отвергают и опасаются, потому что желают ее тайком, скрытно. Молодая и красивая, она становится искусительницей, символом зла! Вот если она спокойно сидит дома, заботится о детях и занимается хозяйством, то воспринимается всеми положительно. Пожи-

лая женщина, которая уже не может никого обольстить своими чарами, также ни для кого не представляет опасности, у нее уже можно попросить совета, и к ней относятся нормально. Но это несправедливо. Женщина всегда остается одной и той же.

Вследствие всего этого женщина порой начинает сомневаться в своей индивидуальности, она терзает себя вопросами: «хорошая я или плохая? правильно ли я поступаю? что еще я могу сделать?». Подобные вопросы заставляют ее еще больше терять свою индивидуальность — и круг замыкается. Находясь в худших условиях, чем мужчина, она решает сражаться с ним за свои права. Так начинается мучительная борьба, уже не для того, чтобы показать свои достоинства и способности, а для того, чтобы посоревноваться с мужчиной за то место в обществе, которое занимает он.

Эта долгая борьба, особенно острая в течение последних двух веков, отнюдь не помогла женщине вернуть уверенность в себе, а наоборот, сделала ее еще более слабой, еще более ранимой. Какими способами она пытается состязаться с мужчиной? Стараясь завоевать такое же положение в социальной сфере, такие же ответственные должности, зарплату, успех... Женщина соревнуется с мужчиной, но в то же время она нуждается в его поручительстве, в одобрении своих шагов... Женщины-победительницы, выделяющиеся в обществе, обычно достигают успеха именно тогда, когда получают поддержку от одного или нескольких мужчин, которые ручаются за них и содействуют их продвижению по социальной лестнице: «Ты способная, потому что тебе удалось проникнуть в общество мужчин; ты перспективная, потому что мы принимаем тебя в свои ряды, позволяем работать рядом с нами; ты хорошая, потому что мы доверили тебе большую ответственность, потому что, надо признаться, у тебя есть талант...» На самом деле это соревнование порождает зависимость, ибо на всем его протяжении женщина нуждается в том, чтобы в ней признали мужские качества, и причем сделать это должны сами мужчины. Оно заставляет ее постепенно утрачивать свои истинные качества, посколь-

ку она должна сражаться, работать, завоевывать, спорить как мужчина, а не как женщина. Она ведет себя не так, как свойственно ей, а пытается делать все так, как это сделал бы мужчина.

Любопытно, что многие социологи уже приходят к выводу, что наша женщина-победительница, которой удалось завоевать все, о чем она мечтала, — престижную работу, хорошую зарплату, уважение и признание, — в один прекрасный день задает себе вопрос: «А для чего мне все это? И что мне делать теперь?..» Несмотря на все свои профессиональные успехи она продолжает чувствовать себя неудовлетворенной, уставшей... Она видит, что все более и более отдаляется от семьи, ей хотелось бы больше времени проводить с детьми, если они у нее есть... Отсюда и вопросы, прозвучавшие в начале: идет ли женщина по правильному пути? Действительно ли ее предназначение в том, чтобы постоянно соревноваться с мужчиной и пытаться стать похожей на него, или она должна возродить свою подлинную природу, свои естественные женские качества?

Много говорится о равенстве между мужчиной и женщиной, но ведь понятие равенства — это палка о двух концах. Разве мы одинаковы во всем? Говоря о равенстве, я имею в виду не это. Речь идет о равенстве в условиях, ибо мы все — и мужчины, и женщины — в первую очередь человеческие существа, и в этом смысле все мы нуждаемся в одинаковых условиях для проявления всех наших стремлений и потенциалов. Женщина также нуждается в шансах и условиях, чтобы проявлять себя — такой, какая она есть, такой, какой она должна стать в жизни. В этом смысле — да, я думаю, что должно существовать равенство; но это не означает, что мы должны стать равны — то есть одинаковы — по характеру, свойствам и образу жизни.

К концу XX века попытки достичь равенства между мужчиной и женщиной привели к полной неразберихе. Их черты настолько перемешались, что уже непросто понять, кто есть кто. Причем я не имею в виду внешний вид, ибо он уже стал весьма относительным (иногда надо долго и внимательно

но всматриваться, прежде чем обратиться к человеку «сеньора», «сеньор» или «простите, пожалуйста»). Причина путаницы в чем-то более глубоком: стирая границы между характеристиками той и другой натуры, мы становимся похожи друг на друга как две капли воды.

Сегодня мужчине очень сложно понять, в чем состоит суть его мужской природы, а женщине — каковы ее женские качества. Критерии размыты, отсюда и возникает путаница: если мужчины или женщины не имеют в качестве точки отсчета противоположный, дополняющий их пол, то им очень трудно определить свойства их собственной индивидуальности. Ибо наш ум и наши механизмы мышления всегда работают по принципу дуальности: мы понимаем, что такое белое, сравнивая его с черным; мы понимаем, что такое день, сравнивая его с ночью; говоря о добре, мы должны соотнести его с понятием зла. И так всегда: мы рассуждаем, сравнивая противоположные, но дополняющие друг друга характеристики.

В наши дни в обществе не хватает точек отсчета для того, чтобы определить свойства женской и мужской природы. И мне кажется, дело не в том, что женщина не может найти своего места в обществе, дело в большой неопределенности в ценностях. Многие запутанные представления и предположения мешают найти место в обществе также и мужчине. Своего места не находят ни молодые, ни дети, ни взрослые, ни старики... Проблема выходит далеко за пределы взаимоотношений мужчины и женщины. Каждому человеку сегодня трудно найти достойные критерии и систему ценностей, которая позволила бы ему по справедливости занять свое место в обществе. Не думаю, что это проблема внешнего равенства: на самом деле мы стремимся к равенству другого плана, основывающемуся на гораздо более глубоких элементах.

В современном обществе много говорят о феминизме; часто и женский праздник, и многие попытки борьбы женщин за свои права рассматривают как проявления феминистского движения.

Что представляют собой феминистские движения, действующие безусловно с благими намерениями? Это движения предъявления прав, все более и более острых требований в пользу женщин, долгие века отодвигавшихся на второй план, долгие века вынужденных жить в зависимости от кого-то: если есть мужчина-защитник, будь то муж или сын, тогда все хорошо, но если такого мужчины нет — женщина «не состоялась», так же как и если нет кого-то, кто содержал бы ее. Как логическое следствие всего этого возникли феминистские движения, ударяющиеся в другую крайность. Отстаивая свои права, женщины хотят стать похожими на мужчин и вступают порой в настоящие сражения с сильным полом. Некоторые феминистские движения из борцов за права женщин превращаются в борцов против «мужского шовинизма» или «мужчин-самцов». И все вертится вокруг того, кто взял верх, кто преуспел, кому посвящено больше страниц газет и журналов, кто вызвал к себе больше внимания. На мой взгляд, для многих феминистских движений, выдвигающих сегодня свои идеи во всем мире, подобные битвы заранее проиграны: даже и завоевания их нестабильны, ибо зависят от сиюминутных мнений и точек зрения.

Истинное завоевание женщины состоит в том, чтобы вновь открыть для себя богатства своей души. Если пробуждение души женщины станет основным критерием в ее борьбе за собственное достоинство, если благодаря этому она начнет пробивать пути, ведущие к проявлению ее истинной природы, то гораздо легче будет определить, в чем состоит суть души мужчины, и, возможно, исчезнут поводы к соревнованию между ними. Речь уже не идет о том, чтобы доказать, что женщины способны делать ту же работу, что и мужчины. Мы не верим, что существует чисто мужская или чисто женская работа. Четко доказано, что все могут делать все, с большим или меньшим успехом. Никто — ни мужчины, ни женщины — не может монополизировать ту или иную работу, просто у них разные подходы к одному и тому же делу. Они по-разному проявляют свои чувства, идеи и взгляды, пото-

му что именно душа всегда подсказывает, как нужно подойти к проблеме.

Это приводит нас к вопросу о том, что такое Душа. Я не буду определять душу с религиозно-теологической точки зрения, а попытаюсь взглянуть на нее с точки зрения психологической: душа — это целостная и поистине внутренняя сущность. Она обладает энергией, которая может опираться на материальные формы, но в то же время способна подняться к небесному, к метафизическому, к великим мечтам и великим идеалам. И в душе женщины, и в душе мужчины есть элементы, нюансы, состояния на первый взгляд различные, но не противостоящие, а дополняющие друг друга. Они могут прекрасно сочетаться, и именно поэтому исчезают все поводы к соревнованию между ними.

В душе каждой женщины есть что-то от мужской природы, а в душе каждого мужчины — что-то от женской. Описывая в общих чертах свойства мужской и женской натуры, можно сказать, что душа мужчины естественно тянется к проявлению вовне, в то время как женщина по сути своей гораздо более обращена к своим внутренним переживаниям. Душа мужчины нуждается в действии, стремится к росту, развитию, расширению, тянется к приключениям и пробиванию новых путей. Женщина стремится к тому, чтобы хранить, укреплять, упрочивать, защищать. Душа мужчины импульсивна. Душа женщины стремится сохранить все, что ее окружает, все, что ей дорого. Мужчина с головой погружается в творчество. Женщина находится в постоянном поиске практичной, функциональной стороны вещей. Речь не идет о том, что ей не хватает творческих способностей, — напротив, их у нее предостаточно. Только женщина, даже когда творит, всегда задается вопросами «почему?», «ради чего?». Основной импульс всему, что делает мужчина, придают его мысли и идеи, а женщине — интуиция... Как прекрасно было бы объединить душу мужчины и душу женщины, ибо тогда мы бы достигли гармоничного сочетания между действием вовне и внутренним созерцанием, между пробиванием путей, развитием, ростом — и сохранением того, что растет и

развивается. Вместе с импульсом к действию мы могли бы получить силу, позволяющую охранять и защищать этот импульс. Мы могли бы с головой погружаться в творчество и в то же время находить практическое применение тому, что создаем. Мы имели бы прекрасные мысли и идеи, которые при этом были бы обоснованы и подкреплены интуицией... К сожалению, в действительности дело обстоит совсем не так. Нам еще не удается дойти до гармоничного сочетания между мужчиной и женщиной, не получается устранить дух соперничества и достичь согласия; мы еще не пришли к тому, чтобы мужчины и женщины работали сообща, дополняя друг друга, и чтобы все поняли, что и те и другие нужны такими, какие они есть, ибо они являются половинами единого человечества.

Попытаемся сформулировать несколько простых практических советов для женщин. В первую очередь, женщина не должна пытаться стать похожей на мужчин. Нет необходимости превращаться в мужчину, чтобы стать великим, стать героем; есть женщины, которые могут стать великими воинами, но для этого они прежде всего должны открыть для себя, в чем состоит их сражение, где их поле битвы, каким оружием они располагают и с каким врагом борются. Большая ошибка женщин заключается в том, что они пытаются подражать героям-мужчинам и вступают в битву, которая для них несвойственна. Много лет назад от своего учителя, профессора Ливраги, основателя «Нового Акрополя», я получила ценный совет. Помню, тогда я присутствовала на очередном занятии по риторике, где мы учились искусству публичного выступления. Я слушала его, любовалась изяществом его речи и движений и, когда подошла моя очередь говорить, первым делом стала подражать ему. Я просто смотрела на то, что он делал, и точь-в-точь копировала его. После занятия он отвел меня в сторону и сказал: «Так ты никогда не научишься хорошо говорить, ибо вместо того, чтобы быть самой собой, ты стала лишь только копией того, что делаю я. Я могу объяснить тебе некоторые разговорные техники, но для истинного искусства речи их недостаточно. Ты долж-

на говорить так, как ты чувствуешь, выражать себя такой, какая ты есть. Ты должна пробудить все, что есть в тебе. Ты никогда не будешь говорить так, как могу я, но зато будешь говорить так, как сможешь только ты и никто другой...» Действительно, я никогда не могла достичь его уровня, его глубины, ибо у меня не было его осанки, его силы вдохновения, его голоса. Мои мысли выстраивались иначе, хотя мы говорили об одном и том же. Когда я все это поняла, мне сразу стало легче — я просто старалась быть самой собой, и дело пошло на лад.

Основное, что должна уметь женщина, — это принять себя такой, какая она есть. Быть женщиной — не проклятие, а совсем наоборот. История показала нам бесконечно много примеров удивительных, прекрасных женщин, великих героинь в полном смысле этого слова. А сколько героинь неизвестных каждый день проходят через свои маленькие сражения с таким внутренним достоинством и такой силой, что им можно позавидовать!

Второй совет женщинам — не забывать о том, что их индивидуальность многогранна. Женщина не является только матерью, только супругой — в ней живут также любимая и любящая, жрица, богиня, героиня и художница... Все это прекрасно сочетается в ее внутреннем мире, и она не должна отрекаться от своих внутренних потенциалов в пользу какого-то одного качества, дающего ей возможность занять выдающееся место в обществе — выдающееся только в понимании самого общества. К сожалению, сегодня теряется самое ценное, что есть в женской индивидуальности.

Если женщина еще не открыла для себя, в чем состоит ее индивидуальность, то она должна ее искать. Некоторые социологи говорят, что для того, чтобы встретиться с самим собой, необходимо совершить путешествие внутри собственной души. Нужно принять себя как женщину; совсем не обязательно строить свою судьбу на основе постоянного соревнования с мужчинами. С другой стороны, женщина не должна зависеть от мужчин. Во время встречи с собой она должна проникнуть в самые глубокие уголки своей души, не-

смотря на то что порой это может быть очень болезненно — ведь она может узнать о себе много такого, что ей не очень понравится. Но только осознав такие вещи, можно их исправлять. Доходя до глубин собственной души, можно также открыть для себя великие ценности; и только осознав их, можно укрепить их и умножить.

Что такое душа женщины? Какой должна быть душа, сражающаяся за то, чтобы вновь занять свое настоящее место, не только в обществе, но также и в истории? Почти во всех цивилизациях древности, особенно в тех, которые отводили женщине важную роль, душе женщины приписывали четыре основные характеристики, не потерявшие своего значения и в наше время.

Можно сказать, что душа женщины — это жизнь, энергия, любовь и мудрость. Благодаря этим четырем качествам, являющимся ее подлинным оружием, женщина может стать идеальной героиней и победительницей во всех своих сражениях. Душа женщины — это жизнь во всех значениях этого слова не только потому, что сама женщина может давать жизнь, но потому, что она способна учить жить, способна быть великой наставницей. Она может растить, направлять, вдохновлять... В ее руках — возможность дать жизнь и поддерживать ее. Большой знаток современных мифов Джозеф Кэмпбелл говорил: самое главное — чтобы женщина могла давать жизнь — телу, душе, обществу, цивилизации; если же ей не предоставляется такой возможности, она теряет смысл своего существования.

Женщине нужно вдохнуть во все жизнь благодаря особой форме энергии, которой она обладает и которая является одним из свойств ее души. Эта энергия не импульсивная, скорее она проявляется как выносливость и постоянство. Удивительно, сколько может вынести женщина, и так же удивительно ее бесконечное терпение! В этом ее великое оружие, и не потому, что она угнетена, а потому, что она невероятно вынослива. Пожалуй, верно, что женщина не обладает большой физической выносливостью, но зато у нее есть огромная выносливость психологическая; в этом источник ее

энергии, которую она может передавать через свое спокойствие, через силу, пробуждающуюся в ней, когда она сталкивается с болью и преодолевает трудности.

Женщина — это любовь. Я знаю, что все мы, мужчины и женщины, умеем любить. Но мужчина включает любовь в свою жизнь, а для женщины любовь становится всей жизнью. Что такое любовь женщины? Если речь идет о любви «с маленькой буквы», то она быстро превращается в любовь эгоистическую, в ней преобладает чувство собственничества; страх не быть любимой становится для женщины важнее, чем возможность любить самой, а страх не быть оцененной по достоинству становится для нее важнее, чем возможность по справедливости оценить достоинства других людей. Но если любовь пробуждает душу женщины, такая любовь превращается в силу, объединяющую все и всех, она становится огнем — теплом домашнего очага, огнем, отмечающим сокровенный центр Земли и сокровенный центр храма.

Женщина объединяет, сплачивает, гармонизирует и связывает между собой души людей, она вносит согласие туда, где царят раздор и непонимание. Любовь женщины — это щедрость, это великая способность к отдаче. Это способность чувствовать гармонию, ценить прекрасное, сражаться за справедливость. Женщина — это любовь, и женщина — это мудрость, ибо она обладает очень хорошим практическим умом и логикой. Она умеет распознавать, она может все поставить на свои места, оценить по справедливости. И если мы спросим, почему она делает что-то, она всегда сможет это объяснить.

Женщина обладает еще одной великой силой, о которой никогда не должна забывать, — это ее интуиция. Она думает, чувствуя. Я знаю, что зачастую таким способом мышления пренебрегают, что он не внушает большого доверия. Но во внутреннем мире женщины любая ее идея всегда объединяется с соответствующими чувствами. Такой подход порождает интуицию, и женщина действительно получает способность предчувствовать вещи и события, предвидеть их; в этом состоит ее сила и ее мудрость. Эту способность мы называем

именно интуицией, а не простым угадыванием: женщина не гадает, она просто «знает».

В древних цивилизациях существовало такое понятие, как женские Инициации. Мы располагаем сегодня лишь весьма расплывчатой, сомнительной и непроверенной информацией об этих таинствах, и потому женские Инициации часто представляются нам в виде странных обрядов и ритуалов, переполненных демоническими образами. На самом же деле великая женская Инициация всегда состояла в процессе пробуждения и завоевания женщиной своей собственной души. В мифах всех великих религий герой должен был пробудить и завоевать свою душу мужчины, а героиня — свою душу женщины. Есть мифы, в которых говорится, что существуют два вида борьбы: одна для мужчин, другая для женщин.

Так, в мифах о Геракле герой, который в своих странствиях по свету должен совершить двенадцать подвигов и выйти победителем из всех испытаний, проходит через трудности и препятствия, характерные именно для мужской природы (хотя многие из них свойственны и для женской).

Но есть в мифологии история типично женская — миф о Персефоне, очаровательной юной девушке, очень привязанной к своей матери Деметре, Великой богине, матери всех богов. Однажды на глазах у Великой богини происходит страшное событие: ее дочь похищает Аид, бог подземного мира, живущий в темных глубинах земли. На месте, где Персефона играла со своими подругами, вдруг открывается большая расщелина, из которой появляется колесница Аида. Девушка исчезает, спускается в царство Аида. Это и есть миф о женщине — ведь на самом деле Персефону никто не похищает, она сама должна сойти в подземный мир. Символический смысл мифа в том, что женщина должна погрузиться в глубины своей собственной души, своего внутреннего мира; в этом «нисхождении вовнутрь» и заключается ее Инициация. Женщина нуждается в погружении внутрь самой себя. Она нуждается в том, чтобы искать и найти сокровенные зерна «подземного мира», мира Мистерий и таинств, мира

Деметра, Триптолем и Персефона.
Рельеф из Элевсина. Ок. 440 г. до н.э.
Афины, Национальный археологический музей

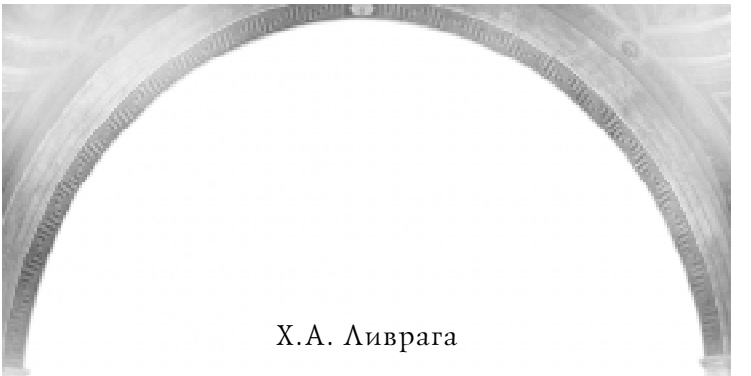
чудес и волшебства. Деметра в отчаянии ищет свою дочь, но все поиски тщетны: она вернется на поверхность земли только тогда, когда для этого придет время. Когда Персефона возвращается, она обнимает свою мать, радуясь новой встрече. Но именно тогда Деметра осознает, как сильно изменилась ее дочь. Это уже не юная, наивная и неопытная девуш-

ка, а прекрасная дама, истинная женщина. Вернувшись из подземного мира, она приносит с собой сокровенные зерна мудрости, которую уже никогда не забудет. В царстве Аида она стала истинной дочерью Великого Отца. Вернувшись вновь на землю, она становится истинной дочерью своей Великой Матери. Теперь она имеет Отца и Мать, Великого бога и Великую богиню. Она выигрывает великую войну. Она больше не состязается с мужчиной, ибо уже знает свою силу, свою собственную суть. Изучение многогранной символики этого мифа еще раз подтверждает, что многие из историй, которые мы часто считаем детскими сказками, выдумками, не имеющими никакого смысла, отражают глубокие учения о душе мужчины и душе женщины, об универсальных архетипах — представления гораздо более значимые, чем те стереотипы, взгляды и предрассудки, которые часто ограничивают наше понимание вещей.

Уже пришло время для того, чтобы женщина имела не только один праздник в году, посвященный ей, но стала хозяйкой самой себе — каждый день, каждый месяц, каждый год. Настало время для того, чтобы она стала главным действующим лицом в своей жизни, обрела уверенность в том, что может делать многое именно благодаря своим собственным качествам и достоинствам. Особенно важно, чтобы она была главным действующим лицом во всем том, что поможет ей стать лучше, благороднее, во всем, что поможет ей с каждым разом брать все новые высоты. Женщина должна быть центром везде, где есть любовь, щедрость и отдача, ибо если она что-то просит, то только для того, чтобы отдавать, а если чего-то требует, то только потому, что одновременно всегда протягивает руку помощи. Если женщина раскроется до такой степени, что сумеет отдавать жизнь, энергию, любовь и свою особую, тонкую мудрость, то она станет истинной дамой, подлинной хозяйкой самой себе. И тогда для того, чтобы почувствовать это, ей не нужно будет ждать очередного Восьмого марта — каждый день станет для нее еще одной возможностью проявить свою душу дамы, создавая уголки гармонии и счастья, вдохновляющие всех, в том чис-

ле и мужчин. И тогда, наверное, можно будет учредить еще один праздник — Международный день человека, чтобы насладиться отношениями взаимопонимания, мира и согласия, созданными общими усилиями мужчин и женщин, когда уже пробудится душа женщины и — почему бы и нет? — душа мужчины.

ИСКУССТВО
И ХУДОЖНИК



Х.А. Ливрага

ТЕАТР МИСТЕРИЙ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

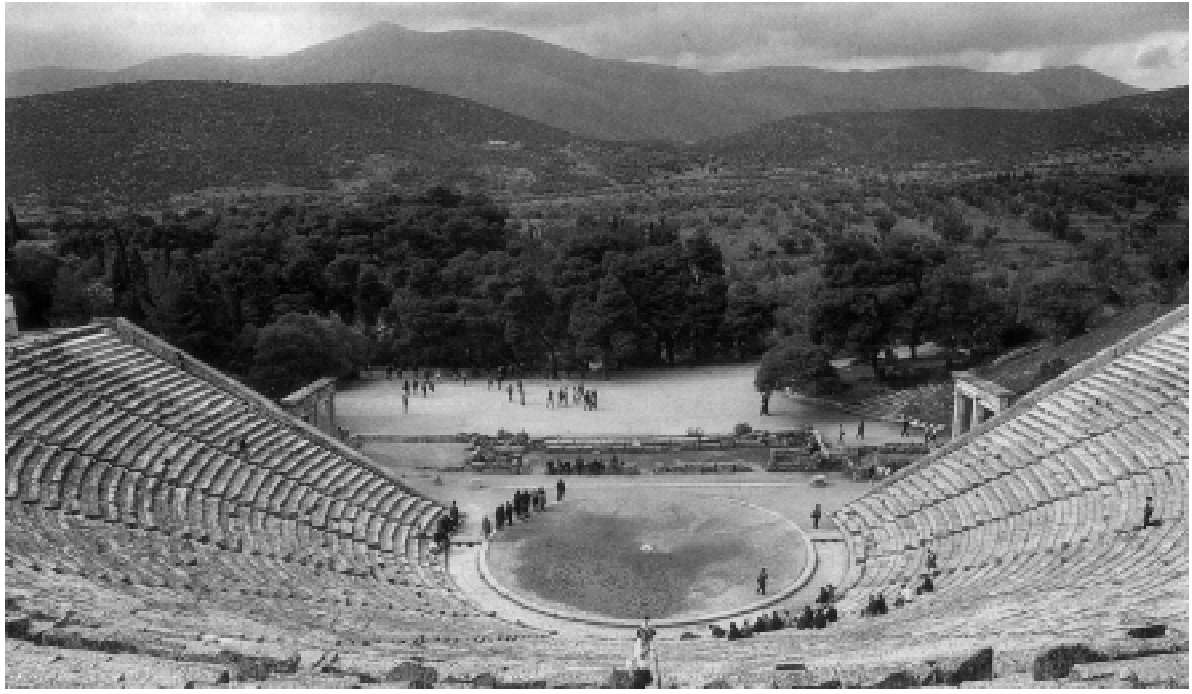
Там дивные вечно цветущие луга и тенистый лес принимают в свои объятия толпы красавиц, восклицающих: «Эвоэ!»

Античный анонимный фрагмент

Обрывки папируса, обугленные лоскуты холстины, истлевшие пергаменты, окаменевшие ракушки, керамические сосуды или просто черепки — вот все, что осталось от давно исчезнувшего мира, погрузившегося в реку забвения. Словно безмолвные свидетели, они напоминают нам о том, что когда-то давно существовал мир, далекий, затерянный в глубинах времени, о котором мы ничего не знаем. И в то же время подсознательно мы чувствуем, что он очень близок нам, хотя для нас он остается загадкой.

Если мы принимаем, что Время и Пространство — это измерения, внутри которых мы существуем, то эти измерения позволяют нам понять, что такое «близкое» и что такое «далекое». Мы получаем возможность сравнивать расстояния во времени с расстояниями в пространстве и обнаруживаем, что если и не во всем, то во многом они соизмеримы. Люди, которые когда-то давно воплощали в своих рисунках

Введение к книге «Театр Мистерий Древней Греции».



Театр в Эпидавре, созданный Поликлитом в III в. до н.э.

и других творениях все богатства внутреннего и внешнего мира, ушли уже очень далеко. Но те же самые загадочные космические законы, которые когда-то развели нас, дают нам возможность встретиться вновь. Руководимые этими законами, подобно небесным телам, вращающимся по своим орбитам, мы неуклонно идем дорогами Судьбы к тем временам и к тем местам, где однажды уже побывали.

Мы — путешественники.

И после долгих странствий, обогащенные впечатлениями, хоть и покрытые шрамами — следами бесчисленных приключений, мы идем навстречу тому, от чего ушли. Мы жаждем новых далей, наши уставшие глаза всматриваются в линию горизонта, а пересохшие губы шепчут: «Вернемся домой!»

Заканчивается еще один цикл существования, и мы вновь должны столкнуться лицом к лицу с нашим внутренним миром, с той глубокой, интимной реальностью, которую создали мы сами своими достижениями и своими ошибками, к которой мы так стремились и которой в то же время так боялись. Продолжая идти дальше, ускоряя шаг, испытывая одновременно сильную надежду и священный страх перед грядущим, мы осознаем, что именно сейчас нам необходимо вновь встретиться с самими собой... Для того чтобы жить дальше. Чтобы возродиться и начать все сначала. Чтобы благодаря нашему возрождению весь окружающий мир мог возродиться, ощутить священное дыхание новой молодости. Чтобы в нас и в других людях вновь пробудилась давно уснувшая душа ребенка...

Погружение в глубины своего внутреннего мира, в то, что для нас является повседневным и в то же время выходит за пределы пространства и времени, дало возможность поделиться с читателями некоторыми древними знаниями, которые для многих стали лишь пылью веков. Нам кажется, что эти знания не умерли, что в них содержатся живые семена, из которых в один прекрасный день могли бы прорасти ростки нового, лучшего мира, более естественного, более божественного и более человечного.

В своих философских поисках мы остановили внимание на том, что в действительности является глубокой частью нас самих, — на Театре. А в рамках Театра мы заинтересовались тем, что сегодня называется «Театр Древней Греции». Углубляясь в изучение этой темы, мы, словно уставшие странники, не утратившие после долгого пути ни скромности души, ни веры в успех, стали осознавать, как мало знаем о собственном прошлом. Отчасти причиной тому является скудность источников, но на самом деле мы просто не хотели или не сумели уберечь свое прошлое от забвения, найти для него верные объяснения.

В детстве нас учили, что театр по сравнению с действительностью — всего лишь выдумка, копия, более или менее искаженно передающая суть оригинала. Это ложь! Театр — это высшая Реальность, не стиснутая рамками пространства и времени. Он является человеческим творением только по форме. Но сам дух Театра, его сокровенная суть — глубоко метафизическая. Именно поэтому мы называем его Театром Мистерий, ибо своими корнями он уходит в древнейшие Мистерии; он возник как более доступная форма, через которую могли бы передаваться древние метафизические знания. Вернее, сам греческий театр, расцвет которого приходится на V век до н.э., произошел из Мистерий Элевсина, который был близок Афинам в культурном и географическом отношении.

Следуя принципу естественного устройства Вселенной, единой и триединой одновременно, Театр делится на Трагедию, Драму и Комедию. Как бы в подтверждение этой причастности Театра к тайне мироустройства его относили к «тайным явлениям», которые нельзя было разглашать, и только Аристотель оставил о нем некоторые разъяснения, весьма туманные. Руководствуясь ими и гораздо более ранними источниками, мы можем сказать, что трагедия — это театральное действо, где главенствуют Судьба и боги, управляющие поступками людей.

Сами люди подвластны таинственному закону — Дике (индусы называют его Карма). Согласно этому закону, каж-

дое действие порождает соответствующие ему следствия, поэтому вся судьба человека протекает в русле целостной, комплексной системы непреклонных моральных законов, управляющих как Природой, так и людьми. Таким образом, поступки человека вписываются в модели, созданные самой Природой. Поэтому злоупотребление свободой, выходящее за рамки этих моделей и универсального порядка, считалось грехом, «впадением в крайность», отступлением от космических законов. В древности, так же как и сегодня, кровные узы были очень прочными и оказывали большое влияние на жизнь человека. Так как они включают в себя многие психологические и культурные элементы, оставляющие глубокий отпечаток на судьбе и личности тех, кто связан родственными отношениями, часто люди становились жертвами условий, продиктованных семьей или группой, к которой они принадлежали.

Драма отличается тем, что в театральном действии превратности и неожиданности, исходящие от богов и самой Судьбы, переплетаются с превратностями и поворотами человеческой жизни. Однако в драме, как правило, не возникает ситуаций исключительных и экстремальных, которые затрагивали бы законы бытия настолько глубоко и сильно, что произошедшие события становились бы непоправимыми. Цена боли и усилий не так уж высока. Согласно греческим и римским комментаторам классической эпохи, это обычное состояние цивилизованного человечества, или, иначе говоря, человечества не варварского. Хотя греки считали «варварским» все, что не было греческим, но в данном случае они подразумевали под варварством то, что понимают под этим все: грубость, невежество, отсутствие культуры и контроля над собственными действиями, эмоциями и мыслями.

Наконец, комедия — более поверхностная форма театрального действия, в которой преобладает подход к жизни как к игре. Ни глубокие философские вопросы, ни широта познаний не способны помешать легкому восприятию жизни, но и не могут придать ей более глубокий смысл, вызвать в человеке необходимый процесс очищения. Люди живут,

рождаются и умирают, их дни проходят заурядно, в будничных, незначительных заботах. В комедии всегда происходят забавные ситуации, и разрешаются они весьма легкомысленно и просто. Боги, которые присутствуют неизменно, ограничиваются тем, что высмеивают человеческую глупость, а люди, в свою очередь, высмеивают друг друга. Судьба их направляет, но незаметно для них самих, потому что поступки людей, детские и незрелые, не могут угрожать ни равновесию Природы, ни духовной Сущности действующих лиц.

В Театре Мистерий эти три составные части соответствуют тому, что Платон называл Trino Logos (Троичный Логос). Трагедия в этом контексте является формой, в которой разнообразными путями проявляется Божественная Воля. В каком-то смысле она становится отражением Неба, обиталища богов. Хотя его законы трудно понять и весьма сложно применить в жизни, тем не менее через трагедию это Небо становится высшей реальностью существования, вызывающей в душах людей священный трепет. Драма — это вместилище Любви и Познания, собственного жизненного опыта людей из плоти и крови, обреченных страдать и наслаждаться из-за своей способности чувствовать и мыслить. Комедия — это мир форм и их взаимоотношений, с его блеском и тенями. Это обманчивый мир отражений и отзвуков, по которому бродят человеческие существа, растерянные, но счастливые в своем неведении. Их счастье пропитано смехом и слезами. Они отдают предпочтение обыденной жизни и потому обделены способностью чувствовать Вечное, Трансцендентное.

Это деление греческого театра реально и узнаваемо; но вместе с тем очевидно, что разные авторы истолковывают его по-разному в зависимости от своего мировоззрения, от темы, которую они исследуют, от психологических и физических условий, в которых развивается действие.

Театр Мистерий по своей сути педагогичен. В любом из жанров нас всегда чему-то учат. По-особому это происходит в трагедии, призванной застать зрителя врасплох, завладеть его вниманием так, чтобы он перестал быть просто зрителем,

а постепенно включался в действие, как бы тоже становясь его автором или, по крайней мере, участником, живо заинтересованным в развитии событий.

Мы соприкасаемся с театром, очень отличным от привычного для нас театра конца XX века. Классический Театр несет в себе нечто мистическое и религиозное. В идеале он призван был добиваться того, чтобы зритель выходил из театра иным, нежели вошел. Это в некотором смысле Алхимический Театр, потому что именно через магическое театральное действие происходила глубокая трансформация всех, кто в нем участвовал. Представление не имело целью ублажить публику, а если это и происходило, то было второстепенным.

К несчастью, материал, которым мы располагаем, очень беден и обрывочен. После падения Римской империи все культурные формы античного мира стали преследоваться, ибо считались дьявольскими. Последние более или менее значительные остатки, хранившиеся в тайных библиотеках Константинополя, были изъяты и уничтожены участниками Четвертого крестового похода, которые из-за сектантского фанатизма забыли о своей миссии и предались взаимной вражде, ненавидя друг друга больше, чем мусульман. Возможно, именно в Константинополе пал тот последний занавес, который отделил нас от нашего прошлого и наших собственных корней, не оставив нам иного выхода, чем заново выдумывать мир искусства, на сей раз неестественный, искаженный, лишенный корней.

Д.С. Гусман

ИНИЦИАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Лекция

Рождение театра произошло в тот момент, когда человек стал задумываться о причинах собственного существования, о важности своих взаимоотношений с другими людьми и с природой, о загадках времени и обо всем, что с ним происходит. С древних времен перед человеком вставало множество вопросов, на которые он не находил ответа. Театр родился вследствие необходимости воссоздать, повторить некоторые события и ситуации, уже произошедшие в реальной жизни, для того чтобы вновь попытаться найти в них глубокий смысл.

Платон говорил, что любое искусство является отражением одной небесной, архетипальной Идеи. Каждое произведение искусства, которое мы создаем в мире материи, является попыткой уловить эту изначальную Идею, Архетип, воплотить ее в конкретной форме. Иногда нам удается приблизиться к ней, увидеть ясно и воспроизвести предельно четко. Часто Архетип остается далеким и недоступным, кажется расплывчатым и искаженным. Но если вернуться к искусству, в данном случае к театру, самой главной всегда является Идея, отражающая его суть и смысл его существования, и вытекающий из нее вопрос: в чем состоит Архетип театра, какой принцип гармонии отражается в этом творчестве? Ответ прост: театр, как и любой вид искусства, отражает законы и гармонию самой жизни.

Театр всегда пребывает в поисках глубокого смысла и законов, управляющих человеческой жизнью, пытается восстановить давно утраченные связи между земным и Небесным, человеческим и Божественным. Наряду с самыми разнообразными проблемами жизни в нем всегда присутствуют элементы возвышенного: Бог и боги, герои, Судьба. Такой подход изначально предполагает наличие гармонии, и театр призван восстановить ее. Многие писатели, историки, философы обращали наше внимание на то, что люди древности, те, кто участвовали в первых театральных представлениях, были гораздо ближе к богам, чем мы с вами. Некоторые говорят, что они могли воспринимать, почитать богов и жить ими именно благодаря своей утонченности, проницательности, одаренности и чистоте. Другие утверждают, что эта близость к богам была, наоборот, лишь следствием слепой веры, неведения и страха. Кто из них прав, в данном случае не так важно. Важно то, что древние народы ощущали столь сильную близость к богам, что это чувство позволяло людям жить практически в постоянном контакте с ними. Поэтому нас не должно удивлять то, что в первых театральных представлениях — если их можно так называть, ведь тогда не было ни театров, ни сцен, ни декораций, ни освещения, — все было связано с магическим миром богов. Первые театральные представления были религиозными в самом глубоком смысле этого слова, так как связывали человека с высшей реальностью, с реальностью Божественного. В древности не было ни одного народа, который не имел бы этих исконных божественных Мистерий, этих первых священных таинств, принимавших форму театра, которые являлись попыткой воспроизвести на земле то, что когда-то давно происходило на Небе.

Как действовали боги, какую роль они играли в великой драме сотворения Вселенной и каким образом мы, люди, можем воспроизвести это, да еще в магической форме? На чем основывался древний театр, если для представлений он не нуждался ни в какой сцене и ни в каких декорациях кроме тех, которые давала сама Природа? Он основывался на воспроизведении действий, на магии действия. В каком-то смысле магия присутствует во всем, что нас окружает, и во

всем, что мы делаем: в фигурах, порождаемых нашими мыслями, в образе Божества, нарисованном нами исходя из своих, человеческих мерок, в знаках имени, которое мы пишем, и в звуках произносимого вслух. Магия возникает и когда мы читаем, так как благодаря буквам, написанным или напечатанным на бумаге, в нашем уме рождаются интересные и красивые образы. Существует много форм магии, но изо всех них люди древности отдавали предпочтение магии действия. Рисовать, читать, писать — это одно; играть — это нечто совсем другое. Воспроизводя определенное движение, актер пробуждал загадочные исконные магические силы самой Вселенной, сотворение которой также начиналось с одного первоначального движения, родившегося внутри единого великого Абсолюта. Когда к этим движениям, воспроизводимым актерами древности, добавлялась магия слова, магия звука с присущей ей силой призывания Божественного, то получались первые театральные представления, не имевшие иной сцены и иных декораций, кроме леса, луга, неба.

В театральных представлениях древних народов для разыгрывания действий использовались разные формы, в основном песнопения, к которым добавлялись танцы и игра на музыкальных инструментах. В течение многих эпох всякий раз, когда человек испытывал потребность магическим способом войти в контакт с тем Высшим, Небесным миром, присутствие которого он чувствовал, но не мог объяснить, он делал это с помощью песнопений, сопровождая их движениями и жестами. К песнопениям добавлялся танец, а к танцу — звучание музыкального инструмента. Священные танцы занимали важное место в жизни человека. Ими сопровождались все значительные события. Когда человек рождался, вокруг него танцевали; когда он достигал нужного возраста, чтобы участвовать в жизни общины, это событие также сопровождали танцами. Танцами праздновались бракосочетания, а когда человек умирал, его душу танцем сопровождали в мир иной.

Все важные изменения и вехи в человеческой жизни отмечались тем, что сегодня мы называем танцем; но в те далекие времена танец нес в себе гораздо более глубокое содер-

жание и смысл. Им сопровождались священные действия, через него проявлялись глубокие законы Природы, управляющие также человеческим телом и его движениями. Древние жрецы с помощью танца вступали в контакт с богами. Можно даже сказать, что жрецы были первыми, самыми древними актерами в мире. Каждый раз, когда они вызывали образы богов, прося у них защиты, покровительства и благословения, каждый раз, когда они призывали немного больше света, чтобы в темноте можно было выбрать путь, по которому идти в жизни, они творили театральное действо. Это был не простой театр, а театр инициатический — он открывал таинственные двери, невидимые для обыкновенных глаз. Благодаря своей мудрости и глубокому знанию законов Природы, переходя порог этих дверей, жрецы вступали в контакт с теми божественными персонажами, роли которых играли в театральном представлении.

Хотя зарождение театра в истории человечества, как правило, связывается с греческой цивилизацией, можно смело утверждать, что не было народа, который не имел бы своей театральной традиции, идущей из глубины веков, и везде мы наблюдаем один и тот же процесс, одни и те же этапы развития этой традиции. Вначале был театр без сцены и без стен, очень простой, естественный, магический и инициатический — в том смысле, что он давал возможность вступить в контакт с загадочными законами Природы, которые человек всегда воспринимал как часть великого Таинства существования. Во всех культурах происходила постепенная трансформация жрецов в актеров, изображающих ситуации не только священного плана, но также и плана человеческого. От персонажей, танцев, песнопений, слов, речитативов, мимики и жестов исключительно религиозного характера происходит переход к представлениям, в которых переплетаются между собой темы, имеющие отношение и к героям, и к людям; и так из древнейшего инициатического театра рождается театр, по своему содержанию стоящий гораздо ближе к человеку и его проблемам, но несмотря на это не утративший своей изначальной функции связи с божественным миром.

В Японии испокон веков существовал религиозный театр. Согласно легендам, он появился, когда богиня солнца, поссорившись со своим братом, могущественным богом войны, бежала ото всех и спряталась в пещере, оставив человечество погруженным в глубокую тьму. Увидев это, перед пещерой собираются все боги Природы, пытаясь вернуть ее расположение. В театральной форме, с помощью песнопений, танцев и музыки они пытаются показать богине, что нет никого красивее и лучше ее. Не выдержав, богиня выходит из пещеры посмотреть представление своих божественных собратьев, и людям, живущим во мраке, вновь возвращается свет солнца. С тех пор люди пытались подражать богам — ведь если боги играют роли, поют и танцуют, для того чтобы разбудить душу всего сущего и привести в движение определенные могущественные принципы и силы Природы, то почему бы и людям не делать того же? Так рождается в Японии религиозный театр. Его представления проходили в храмах, а иногда в атриумах (портиках) или под открытым небом, в зависимости от того, насколько глубоким было их содержание и какую часть священных Мистерий они отражали. Эти представления всегда носили церемониальный характер и были очень торжественными. Текст в них произносился медленно, но внятно и таким образом, чтобы вибрации каждого слова и каждого звука вступали в резонанс; символические позиции тела и жесты точно соответствовали канону; шаги и движения были замедленными и величественными. Так постепенно, играя в древнем театре, люди осмеливались говорить с богами.

Другая притча рассказывает, что в Индии театр родился благодаря богу Брахме, который, имея четыре лица, обладал способностью смотреть одновременно в четырех направлениях (поэтому также говорится, что четыре Веды связаны с четырьмя лицами Брахмы). Брахма сыграл главную роль в величайшем мистическом театральном представлении, рассказывающем о сотворении бесконечной Вселенной. В свою роль он вложил всю душу и всю силу, и в результате этого представления родился наш мир. Брахма долго хранил свою тайну, но впоследствии рассказал о ней единственному чело-

веку — мудрому старцу по имени Бхарата. Вдохновленный этим, Бхарата в свою очередь начинает разрабатывать и развивать различные театральные стили, пытаясь воспроизвести те Мистерии и таинственные знания, которые ему были переданы. С тех пор в Индии существовали религиозные театральные представления, рассказывающие о сотворении мира и об определенных божественных персонажах, которые были напрямую связаны с человеком и его судьбой.

В Тибете всегда существовал таинственный священный театр, также связанный с богами. В нем не использовались декорации: главным было не создавать для зрителей ту или иную внешнюю иллюзию, а, наоборот, пробуждать в них внутренние образы, идеи, моменты интуиции. Поэтому основной акцент делался на движениях актера, на его словах и на том, чтобы во время представления каждый зритель мог почувствовать что-то в своей душе.

Нельзя не упомянуть о Греции, об истоках того, что сегодня мы называем театром, о его сокровенной сути и глубоком смысле. Греческий театр начинался не с представлений в изумительно построенных театральных зданиях, а со священных танцев, сопровождавшихся звуками магических музыкальных инструментов. Согласно легенде, когда новорожденного Зевса нужно было уберечь от гнева его отца Крона, пожиравшего своих детей, вокруг ребенка, спрятанного на острове Крит, критяне танцевали живой, радостный танец, сопровождая его звуками трещоток и других громких инструментов, чтобы заглушить плач мальчика. Танец критян был особым видом театра. Когда в великих храмах оракулов верховный жрец предсказывал судьбу или передавал волю богов, он не делал это произвольно, никогда не отвечал на вопрос сразу. Для того чтобы ответить, ему нужно было создать особую атмосферу с целым рядом театральных и декоративных элементов, чтобы тот, для кого предназначался ответ, хотя бы на мгновение мог ощутить себя на Небе, а не на земле. Поэтому в храме всегда курился ладан; свое слово жрец произносил медленно, глубоким, но чистым драматическим голосом.

Танцор из традиционного индийского театра Катхакали

Испокон веков жрецы Греции держали в глубокой тайне все, что касалось магических религиозных представлений, и всегда внимательно следили за тем, чтобы это искусство не было доступно непосвященным, а передавалось от одного поколения жрецов к другому. Поэтому все связанное с инициатическими Мистериями тщательно скрывалось и охранялось. Только в особых случаях и в честь особых праздников к этим религиозным магическим представлениям допускались простые люди.

Общепринято мнение, что трагедия родилась в Греции. Как объяснял Аристотель, который, один из немногих, собрал мно-

го материалов на эту тему, слово «трагедия» происходит от двух греческих слов — «ода, песнопение» и «козел». Первым исполнителям песнопений, певцам хоров, тем, кто впервые участвовал в состязаниях Олимпийских игр, всегда в знак благодарности дарили козла как символ Диониса — божества, которому люди посвящали плоды своей души, великого бога жизни, энтузиазма, плодородия и вечного возобновления.

На самом же деле корни трагедии уходят гораздо глубже. За тысячу лет до того, как Эсхил писал свои произведения, в Египте уже существовали театральные представления. В них рассказывалось о трагедии Осириса, растерзанного на куски собственным братом, о трагедии Исиды, в отчаянии разыскивающей остатки тела своего супруга по всему Египту, чтобы вновь объединить их и вернуть ему жизнь. Эти таинственные религиозные представления — Мистерии — происходили за закрытыми дверями храмов, в них участвовали только жрецы. Лишь раз в год двери храма открывались и в представлениях участвовал весь народ, сострадая Осирису, умирающему в муках и воскресающему к вечной жизни, и Исиде, безутешно ищущей своего супруга.

Недавние исследования ученых, занимающихся переводом текстов папирусов, показали, что на тысячу лет раньше, чем в Греции появился театр, в Египте уже существовало настоящее театральное произведение из трех действий, которое рассказывало о боге Горе, отыскивающем и побеждающем убийцу своего отца. В нем были предусмотрены даже перерывы, которые заполнялись танцами.

Но как бы то ни было, именно греческой трагедии мы благодарны за то, что она наиболее ярко отражала в своих произведениях глубокий смысл, который вкладывали в театр люди всех народов и всех времен. Театральное произведение всегда начиналось песнопениями и танцами вокруг алтаря Диониса — бога, который меньше, чем все остальные божества, поддавался объяснениям и описаниям, которого труднее всего было изобразить в какой-либо форме. Диониса называли богом энтузиазма. При анализе этого понятия мы получаем En-Theos — Бога в нас самих, Бога, входящего в душу всех ищущих. Поэтому

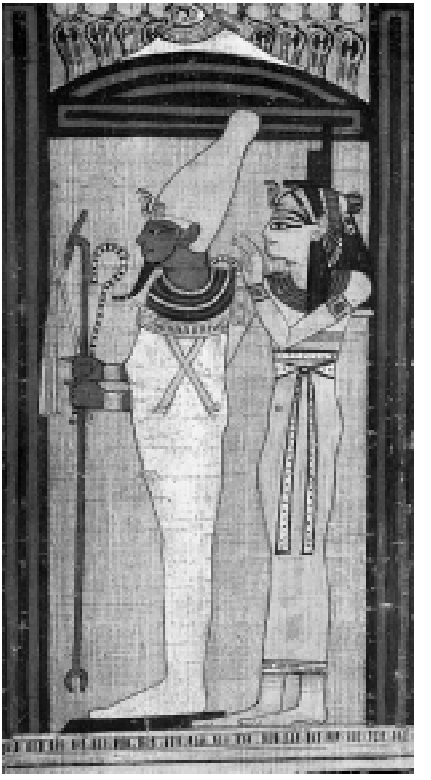
сила Диониса состояла в том, что он мог вызвать у человека особое состояние души, благодаря которому тот чувствовал Бога внутри самого себя не потому, что увидел его, услышал его голос и его имя или мысленно призвал его образ. Человек чувствовал Бога в себе, потому что жил им всем своим существом, потому что ощущал себя наполненным его силой, вдохновленным его присутствием, окрыленным и вознесенным к Небу его благословением.

Дионис проникал в душу человека благодаря песнопениям, танцам, ритмам, звучанию инструментов и слов, и люди полностью покорялись магической силе его обаяния. В этом и состояло основное достоинство трагедии: предоставить возможность, хотя бы на мгновение, жить совершенно по-другому, вступить в контакт с Божественным внутри себя и вокруг себя, почувствовать себя Богом. Поэтому такой театр назывался инициатическим — он учил людей прикасаться к божественным принципам.

Во многих книгах мы можем найти пространные описания тех удивительных, особых дней, когда граждане Афин собирались в театре. Приходили не только афиняне. Со всех концов Греции, изо всех ее городов люди совершали целые путешествия, чтобы участвовать в театральных представлениях.

В те времена театр представлял собой несколько иное зрелище, чем то, к которому мы привыкли. Сегодня существует много театров и огромное количество разнообразных театральных произведений, постоянно повторяющихся в репертуаре. Мы можем выбирать, в какой театр пойти, какое произведение смотреть, какому актеру выразить свою любовь и уважение. В Афинах, где родилась трагедия, театральное представление было событием уникальным. Эти представления являлись священными праздниками, которые проходили в конце января — начале февраля и в конце марта — начале апреля. Они всегда посвящались Дионису, принципу возобновления жизни и мистического ощущения Божественного присутствия. Это были периоды великого возрождения; люди посещали театр под воздействием сильного импульса, охватывавшего всех, как бывает всегда, когда рождается не-

что поистине великое. Развивающееся действие очаровывало, околдовывало зрителей. Когда уже были созданы первые сцены и первые прекрасные строения для представлений, греки посещали театр не для того, чтобы в очередной раз посмотреть, как создается мир, как спасают Зевса от гнева его отца или как продвигается священное шествие из Элевсина. Для них важнее всего было то, что они являлись не зрителями, не наблюдателями, а участниками всего происходящего, и в этом состояло особое мистическое чувство их причастности к Божественному. Речь шла не о том, чтобы через театральное представление познакомиться с еще одним новым сюжетом, а о том, чтобы, принимая участие в нем, проживать вместе с персонажами все события, понимая, что все во Вселенной и в человеческой жизни происходит согласно закону цикличности. Раз в год повторялось одно и то же театральное произведение, одни и те же действия персонажей, и это давало человеку возможность приобщиться к тому, что всегда циклично повторяется в самой Природе, к великим героям, великим сущностям, великим богам.



Папирус с изображением Осириса и Исиды

Когда говорится о греческом театре, всегда упоминаются три больших направления: трагедия, драма и комедия. Трагедия больше всего приближается к тому, что мы называем инициатическим театром. В ней Судьба и боги полностью управляют событиями в мире людей. Люди кажутся куклами, влекомыми собственной слепотой и неведением, дошедшими из-за этого до самого дна пропасти, из которой не могут выбраться. Словно вихрь, их уносит в разные стороны страшная сила — сила трагедии и сила Рока, а воля богов всегда берет верх над волей людей.

В драме ситуация немного смягчается: воля богов и воля людей иногда совпадают, а иногда боги и люди находят компромиссные решения, идя друг другу навстречу. Люди в драме кажутся более уверенными в себе, более готовыми стать хозяевами собственной судьбы, и им всегда предоставляется возможность искупления своих ошибок, возможность вновь и вновь пытаться, прилагать усилия и преодолевать преграды судьбы. Люди в драме страдают, но они уже не слепы.

Комедия всегда показывала жизнь как интересную и смешную игру. Люди в ней смеются, шутят друг с другом. Боги также подшучивают над людьми, но с любовью и пониманием, словно заботливые родители, которые с умилением наблюдают, как сражаются их чада в стремлении достичь того, что им дорого, и как неуклюжи бывают их действия и попытки. Судьба обходится с людьми более мягко, она не так строга и неумолима — сами люди нечасто дают ей повод гневаться, не нарушая в главном основных законов Природы. Люди в комедии словно дети, утратившие контакт с Мистериями, с Инициацией; на самом деле они не живут, а играют в жизнь. Люди смеются, а потому смеются и боги.

Самое главное в инициатическом театре то, что через все жанры — на глубоком уровне трагедии или на более легком и простом уровне комедии — он передавал определенное учение, подталкивая человека к пробуждению внутренних потенциалов и состояний души, открывая новые дали. Самыми глубокими и самыми закрытыми были Мистерии, истинный Инициатический театр, в котором только жрецы понимали то,

Дионис со статуей Коры-Персефоны. Мрамор. IV в. до н.э. Санкт-Петербург, Эрмитаж

о чем говорилось и что происходило, и знали, каким образом и в какие моменты нужно говорить и действовать.

Второй аспект, вторая функция театра состояла в побуждении к размышлению и к очищению, так как все, что происходило на сцене, происходило также и в человеческой душе. Именно это заставляло зрителя задуматься. В своей жизни он проходил через страдания, но благодаря театру у него появлялся иной взгляд на них. Человек получал возможность внутреннего очищения, катарсиса, так как те попытки, решения и выходы из ситуаций, которые предлагались в театральном произведении, соответствовали шагам, в которых нуждался он сам. То же самое относится к финалу театрального произведения (если вообще можно сравнивать финальные моменты в жизни и в театре). Суть финалов в театре состояла именно в том, чтобы человек попытался понять и применить этот принцип в своей жизни, зная, что каждое начинание и каждая ситуация имеют свое разрешение. Каким оно будет, зависит не только от богов и Судьбы, но также и от самого человека.

Рассматривая более простые, популярные и доступные людям театральные представления, можно сказать, что они также сыграли очень важную роль. Они являлись прекрасным способом через форму, близкую для души и доступную для понимания, указать людям на существование иной реальности, на которую, не будь этой формы, человек так и не обратил бы внимания. Они показывали, что за занавесом происходит много такого, что не всегда замечается в реальной жизни. Они давали понять, что после того, как опускается занавес, для зрителя настоящая работа только начинается. Ведь если человек не сможет открыть глаза, чтобы замечать в жизни то, что показывалось в театре, ему будет очень трудно уловить другие, незримые для глаз, более высокие духовные истины.

Кто является главным в инициатическом театре — автор, актер, зритель? Может ли любой человек написать театральное произведение?

Очевидно, что существует огромная разница между авторами эпохи классической греческой трагедии и теми, кто

сегодня, зачастую не будучи профессионалами, берутся писать произведения для театра (хотя всегда есть прекрасные исключения из правила).

Биографы Эсхила рассказывают, что писал он только тогда, когда был вдохновлен импульсом и силой Диониса; часто то, что изливалось из его души, пугало его, заставая врасплох. Эсхил был настолько погружен в Мистерии, в получаемые через них познания и мудрость, что загадочной и таинственной была не только его жизнь, но и смерть. Казалось, что в коллегиях жрецов все желали, чтобы он замолчал, перестал писать о сокровенном. Столь сильным было его вдохновение и его способность проникать в глубокие таинства существования, что он открывал величайшие сокровенные истины, рассказывать о которых в рамках театрального произведения, не искажая и не профанируя их, многие считали невозможным. В любом случае, большинство публики было не готово воспринять то глубокое содержание, которое передавалось таким способом.

Главным для автора является руководящий им принцип — вдохновение. Без вдохновения, без контакта с высшей Идеей, или Архетипом, невозможно создать не только театральное произведение, но и любое произведение искусства.

В греческом театре зрители не были простыми наблюдателями, сидящими на каменных трибунах. В эпоху, когда зарождались великие театральные представления, люди начинали смотреть пьесу на восходе солнца и заканчивали на закате (с небольшими перерывами). Но все это время зрители лишь формально оставались на своих местах — на самом деле они были на сцене, жили жизнью персонажей. Как говорил Аристотель, публику переносили в иной мир великие чувства страха и сострадания. Речь идет не об обычном ощущении страха. Это особое состояние рождалось, когда зритель проникался судьбой персонажа. Он боялся за него и одновременно за себя. Он страшился тех последствий, которые могут возникнуть, когда из-за собственного неведения, по собственной глупости человек нарушает неумолимые законы природы. Человек боялся реакции Судьбы на то, что

он выбивается из универсального порядка и гармонии. Именно благодаря этому чувству страха зрители более глубоко осознавали собственные ошибки, а также свои обязательства и ответственность за все, что происходит с ними и вокруг них. Они проявляли искреннее соучастие и сочувствие к великим персонажам, к тем, кто умеет проходить через испытания с гораздо большим достоинством и благородством, чем они сами. Это было священное сострадание, благодаря которому зрители разделяли с персонажами добро и зло, радости и переживания. Они понимали, что каждое существо, начиная с богов и кончая человеком, проходит через трудности и ситуации великого выбора, которые больше, чем всех остальных, мучают именно людей: это момент, когда приходится выбирать между человеческим и божественным. Зритель испытывал сострадание к театральному персонажу и к самому себе, и в нем пробуждался удивительный процесс катарсиса, внутреннего очищения.

Актеры полностью жили инициатическим театром, каждый из них входил в роль так, словно она была создана для него. В течение представления актер несколько раз менял костюмы, маски, голос. Он играл разных персонажей одновременно. Роль мученика сменялась ролями женщины, старца, ребенка. Таким образом актер мог почувствовать, какими изменчивыми и относительными являются многие ситуации в жизни, как быстро они приходят и уходят, что значит родиться и что значит умереть. Он также мог почувствовать, как мало различаются между собой мужские и женские персонажи, состояние актера на сцене и зрителя перед ней.

Играя на сцене, человек жил многими жизнями в течение нескольких часов; за считанные минуты он проходил через самые разнообразные ситуации и длительные этапы истории человечества. Если он был подлинным актером, то именно для него был создан инициатический театр.

Возвращаясь к театру нашего времени, можно сказать, что сегодня в его распоряжении находится многое из того, чего не существовало раньше, в том числе совершенные сценические и технические спецэффекты для воспроизведения

перед зрителем самых разнообразных ситуаций и состояний. Но часто не хватает именно того древнего духа актера и духа зрителя, позволявшего тому и другому жить тем, что происходит на сцене. Случается, что даже когда актеру удается уловить дух своего персонажа, он оказывается неспособен передать его, зажечь им зрителя, наблюдающего за спектаклем.

С другой стороны, как сильно изменилось содержание театральных представлений с тех пор! Сегодня в театре мы часто смотрим сцены из повседневной жизни с ее мелкими интересами, нам приходится наблюдать за тем, как люди ссорятся, враждуют, уничтожают друг друга — сюжеты, ничем не отличающиеся от того, что можно прочесть в любой газете. Мы все с удовольствием участвуем в этой коллективной театральной психотерапии (столкновение со стрессами, их проявление наружу), но таким образом мы не открываем никаких новых дверей, никаких новых далей, не учимся ничему новому. Инициатический театр, каким его создавали в древности, всегда имел своей основной задачей научить чему-то, подтолкнуть к внутренним изменениям, трансформации. Профессор Ливрага, посвятивший одну из своих книг греческой трагедии, говорил, что инициатический театр никогда не был ни фарсом, ни чем-то искусственным. Он представлял собой живую реальность без времени и пространства.

В своей жизни мы подвластны категориям и законам физического пространства и времени, оказывающим на нас сильное давление, заставляющим совершать определенные, ограниченные действия за определенный временной интервал. В инициатическом театре, в этом прекрасном театре познания и ученичества, существовала абсолютная реальность, наполненная вечными ценностями, и человеку, погружавшемуся в нее, становилось совершенно неважно, какое пространство и какое время ему потребуется. Важной была та суть, которую он извлекал, то, что он узнавал и чему учился, тот живой внутренний опыт, который он уносил с собой.

Основная задача инициатического театра состояла в том, чтобы с каждого представления зрители выходили другими,

немного более обогащенными в отношении человеческих качеств, понимания смысла существования. Но самое главное заключалось в том, что для этого не обязательно было испытывать «на собственной шкуре» все ситуации, события и противоречия конкретной реальной жизни.

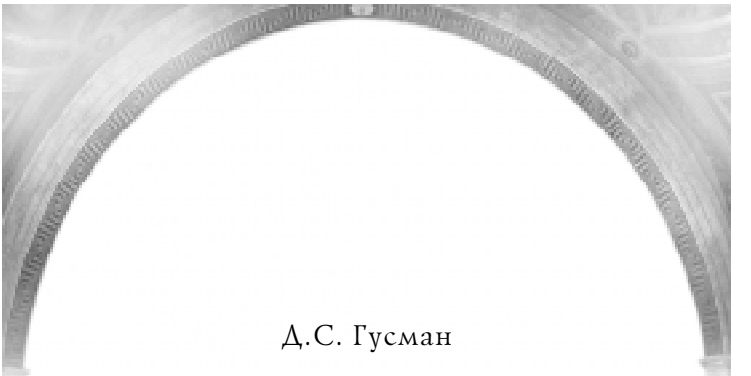
Мы не можем говорить, что только древний инициатический театр преодолевал границы пространства и времени, так же как не можем призывать вернуться назад: категории «назад» и «вперед» реально не существуют. То, что мы можем предложить, — это вернуться к истокам инициатического театра, для того чтобы возродить его священные принципы и элементы, чтобы вновь, уже в другой форме, попытаться создать Театр жизни. Очень хочется возродить такой театр, в котором вновь стало бы возможно жить происходящим, а не просто наблюдать за ним, в котором сидящие перед сценой магическим образом могли бы почувствовать себя одновременно и зрителями, и актерами, для того чтобы вернуться к глубинам собственной Души, к невидимой сути всего окружающего нас, как делали это наши предки.

Откуда мы, кто мы, куда мы идем? В ответе на эти вопросы заключается глубокий смысл инициатического театра.

Для того чтобы ответить на них, нужно было бы, чтобы в душе каждого зрителя закрылось что-то старое и открылось нечто новое. Сегодня у нас нет инициатических театров, но несмотря на это мы также чувствуем сильную потребность передать идеи, вечные ценности, принадлежащие человечеству всех времен и эпох. Ведь это то же самое человечество, которое живет сегодня, и то же, которое будет жить завтра.

Почему бы не помечтать о том, что среди людей, живущих в наше время, могут найтись те, кто были бы готовы возродить театр, для того чтобы вновь научиться жить, чтобы вновь кто-то научил нас жить? Верить в это хочется, хотя бы потому, что, так или иначе, желая этого или нет, каждый из нас играет определенную роль в великом Театре жизни, театре вечном, поистине инициатическом.

Мадрид, февраль 1995 г.



Д.С. Гусман

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИК

Между понятиями «искусство» и «художник» для нас существует такая же связь, как и между понятиями «идеал» и «идеалист», «правосудие» и «юрист», «наука» и «ученый» и т. п.

Идеал является таковым благодаря идеалистам и вопреки им, и он продолжает оставаться идеалом, даже если нет людей, которые могли бы жить им и осуществлять его. Подлинные идеалисты помогают ему обретать силу, слабые принижают его, но идеал есть неизменный Архетип, который всегда является целью для тех, кто способен преодолеть собственную темноту и невежество окружающего мира.

Искусство — выражение Красоты и отражение Прекрасного — уже само по себе есть реальность, хотя ни один художник в мире не смог бы уловить эту реальность и выразить в форме.

Художник — это тот, кто способен достичь высот искусства, не называя искусством любую деятельность, всякое созидание.

Искусство с давних пор является предметом разнообразных толкований, которые оказываются тем более субъективными, чем более объективными пытаются быть интерпретаторы. Большая часть авторов определяют искусство с помо-

щью двух характеристик: творчество и беспристрастие. Под творчеством они понимают способность создавать новые вещи, а под беспристрастием — «искусство для искусства», свободное от любых интересов и связей. Но разве можно говорить о создании чего-то совершенно нового? И разве можно представить себе искусство абсолютно свободное, не имеющее ни причин, ни следствий?

Это приводит нас к новому вопросу: каково предназначение искусства? И вновь мы встречаемся с различными вариантами ответа, которые по-прежнему не могут нас удовлетворить: искусство — это подражание (миметизм), форма восприятия или выражения, воспоминание, формула морального совершенства... А вокруг этого строятся новые предположения, все более и более спорные.

По нашему мнению, хаос в идеях, который царит сейчас, связан с превратным пониманием принципов, средств и целей искусства. Он рождается из потребности — которая уже превращается в навязчивую идею — удовлетворить всех, не признавая ничью правоту, не воспринимать то, что было в прошлом, и не думать о том, что произойдет в будущем, из потребности существовать только в настоящем, которое должно быть динамичным и интересным, но при этом не обязательно опирается на опыт и пережитое, на более глубокое знание.

Все то, что художник хочет выразить, философ хочет объяснить, даже рискуя найти не истину, а лишь ее тень. Но не всякое выражение или объяснение может называться Искусством или Философией.

ИСКУССТВО

Попробуем развить некоторые из предположений, касающихся искусства.

Искусство — это творчество, но не в привычном для нас значении этого слова, а в аспекте интуиции-воображения: человек воспринимает Архетипы, подлинные Идеи, и воспроизводит предметы и явления жизни с помощью систем гармонии Вселенной.

Искусство — это подражание, имитация либо живой Природы, либо тех Идей, которые не проявляются в нашем мире, но могут быть восприняты интуицией. Это подражание отнюдь не умаляет ценности искусства, но, напротив, увеличивает ее, и увеличивает настолько, насколько оно приближается к имитируемым Архетипам. Через подражание происходит обретение определенного опыта Действительности.

Искусство — это воспоминание, ибо душа, согласно Платону, хранит память о своем божественном происхождении. Воспоминания эти, хотя и нечеткие и неопределенные, все же достаточно сильны, чтобы давать импульс лучшей части нас самих, наших представлений и действий.

Искусство — это выражение, но оно не может быть выражением какого-то беспорядочного ощущения, импульса, чувства; оно не может быть путем бегства от жизни, способом выплескивания душевных состояний мнимого художника. Скорее, оно должно выражать лучшее в человеке и лучшее, что человек может найти во Вселенной, частью которой он является. Ощущения, чувства, идеи, интуиции должны быть утонченными и сознательными, чтобы стать ступенями, по которым с каждым шагом можно все выше подниматься к пониманию великих таинств души и мира. Дисгармония, бессодержательность, отвращение и ужас не являются Архетипами, это результаты отсутствия Архетипов, и те формы, в которых они выражаются, нельзя назвать искусством, а их создателя — художником.

Искусство — это катарсис; авторы, подобные Гегелю, не любят определять конечную цель искусства как моральное совершенство, однако это совершенство можно было бы определить как неотъемлемое и естественное свойство искусства. Еще древние греки видели здесь неисчерпаемый источник очищения, подлинную причину соприкосновения человека и архетипальных Идей. Это соприкосновение освобождает душу от шлаков и дарит вечную молодость, оно усиливает воображение и поддерживает его, делая постоянно бодрствующим, постоянно активным, постоянно ищущим чего-то более высокого.

Искусство — это развитие, если оно не довольствуется копированием повседневного, но стремится к созвучию с универсальными законами. В противоположность тем, кто вместе с Гегелем приписывает авторство творения художнику, а не Природе, мы выделяем основополагающее наставление из «Голоса Безмолвия», сборника древних тибетских текстов, составленного Е.П. Блаватской в XIX веке:

«Помогай Природе и работай заодно с ней, и тогда Природа признает в тебе одного из своих творцов и станет покорна тебе. И откроет перед тобой широко вход в свои сокровенные недра... Она раскрывает свои сокровища только духовным очам, никогда не смыкающимся...»

ХУДОЖНИК

Что касается художника, давайте сначала укажем некоторые его характеристики, но не будем останавливаться на догматических определениях, которые ограничивают творческую натуру. Художник — это тот, кто рождает на свет произведение искусства при посредстве своего воображения. Для этого необходимы:

— активный ум, способный улавливать и воспроизводить идеи, трансформировать их в эстетические образы;

— дисциплинированное и творческое воображение, совершенно свободное от путаницы, вносимой фантазией, но, напротив, связанное с интуицией;

— вдохновение, или интуитивная способность воображения. Много говорят о том, что вдохновение приходит извне, но мало — о том, что его вызывает. Но вдохновение — это связь с миром Идей, которого способно достичь именно сильное и деятельное воображение человека.

Талант и гений — понятия не абсолютно тождественные, но они необходимы друг другу и друг друга дополняют. Талант имеет отношение к личной способности выражения и творческой работе. Гений имеет отношение к вдохновению. «Талант без гения — не более чем сноровка».

Художник должен быть подлинным священнослужителем, толкователем Природы, чутким посредником между со-

вершенным Идеалом и людьми. Его предназначение в том, чтобы пробуждать душу зрителей, а не только вызывать их восхищение.

ЭСТЕТИКА И ЭТИКА

Выделяя способность искусства и художника к преобразованию, мы начинаем иначе оценивать и другой аспект вопроса, внутренне с ней связанный: это эстетика в сопоставлении с этикой.

Мы сказали, что искусство выполняет очистительную функцию, функцию моральной трансформации: здесь эстетика порождает этику — в то время как этика углубляет и оживляет понятие Красоты.

Этические представления неотделимы от эстетических, когда искусство истинно и заключает в себе подлинное послание. Речь не идет об этике поверхностной и преходящей, как мода, или затрагивающей тот или иной народ; это совокупность неизменных ценностей, которые трогают душу всех людей во все времена.

Все, чем является художник, каким-то образом отражается в его творении. Ведь хотя интуиция действует как посредник и черпает непосредственно из источника вдохновения, «человеческая» личность творца будет отчасти влиять на формы, в которых его интуиция выражается. Если характер художника груб, его искусство — если его можно так назвать — тоже будет грубым и топорным, хотя люди той же эпохи, проникнутые теми же идеями, могут этого не замечать. Здесь заложен секрет метафизического, воплощенного в физическом: этика и эстетика отражаются в искусстве при посредничестве художника.

С этими идеями созвучны размышления тех, кто посвятил искусству прекрасные слова, которые, не исчерпывая темы, подтверждают то, что мы хотели подчеркнуть.

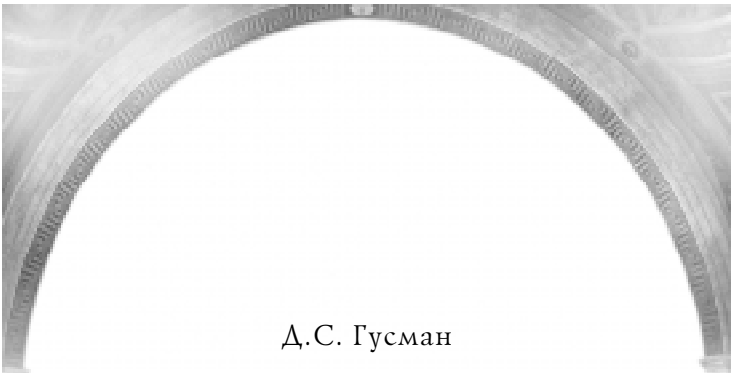
«Искусство отражает реальное и вечное, а не временное и иллюзорное» (Джинараджадаса).

«Искусство — это душа, отделенная от факта» (Карлайл).

Искусство, как уже говорилось, не ограничивается сознанием, которое знает факты, но требует интуитивного действия, чтобы достичь «души фактов». Следовательно, искусство через любую из своих областей приводит нас к вечной сути вещей.

Об этом говорил Шиллер: искусство — это «то, что возвращает человека к его утерянному достоянию». Это «самый сильный импульс человеческой жизни» — так сказал Вагнер, который мечтал о Всеобщем искусстве, объединяющем и магию, и науку и служащем для трансформации и возрождения человека; Вагнер, который с интуитивной силой и колоссальным вдохновением создавал свое «Credo», возведя искусство в ранг религии, метафизической этики и эстетики. Его словами мы и завершим эту статью.

«Верую в Бога-Отца, в Моцарта и Бетховена, в их учеников и апостолов. Верую в Святого Духа и правду Искусства, единого и неделимого. Верую, что Искусство проистекает от Бога и живет в сердцах всех людей, освещенных Небом. Верую, что тот, кто однажды отведал его возвышенной сладости, обратится к нему и впредь никогда ему не изменит. Верую, что все могут достичь счастья посредством него. Верую, что на Страшном суде будут преданы позору все те, кто на этой земле имел наглость торговать этим благородным искусством и запятнать его низостью сердца и грубою чувственностью. Верую, что верные ученики его пребудут во славе в божественной сущности, лучистой, сияющей блеском всех солнц, среди прекраснейших благоуханий и созвучий, и что они соединятся навеки в божественном источнике всей гармонии. Дай мне Бог быть удостоенным этой благодати! Аминь!»



Д.С. Гусман

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА: МИФ И СИМВОЛЫ

ДРЕВНИЕ ИСТОКИ ЛЕГЕНДЫ О ТРИСТАНЕ

Истоки этого мифа-истории теряются в глубине веков, и найти их весьма непросто. С течением времени легенда о Тристане превратилась в одно из наиболее распространенных поэтических сказаний средневековой Европы. На Британских островах, во Франции, Германии, Испании, Норвегии, Дании и Италии она стала источником вдохновения для авторов рассказов и рыцарских романов. В XI–XIII вв. появились многочисленные литературные версии этой легенды. Они стали неотъемлемой частью распространенного в то время творчества рыцарей и трубадуров, воспевавших великую романтическую любовь. Одна версия легенды о Тристане порождала другую, та — третью; каждая последующая расширяла основной сюжет, добавляя к нему новые детали и штрихи; некоторые из них становились самостоятельными литературными произведениями, представляющими собой подлинные произведения искусства.

На первый взгляд, во всех этих произведениях основное внимание привлечено к центральной теме трагической любви и судьбы героев. Но на этом фоне проявляется другой,

параллельный сюжет, гораздо более важный, — своеобразное сокровенное сердце легенды. Это история пути бесстрашного рыцаря, через многие опасности и борьбу дошедшего до понимания смысла своего существования. Одерживая победы во всех испытаниях, которые ставит перед ним судьба, он становится целостным, интегральным человеком и достигает вершин во всех отношениях: от совершенства в бою до способности к великой бессмертной Любви.

Культ романтической любви к Даме и ее рыцарского почитания, воспетый бардами, менестрелями и трубадурами, имел глубокую символику. Служение Даме означало также служение своей бессмертной Душе, возвышенным и чистым идеалам чести, верности и справедливости.

Ту же самую идею мы встречаем и в других мифах, истоки которых найти так же непросто, как истоки мифа о Тристане, — например, в саге о Короле Артуре и поиске Грааля и в греческом мифе о Тесее, который победил Минотавра благодаря любви его дамы сердца — Ариадны. Сравнивая символику этих двух мифов с символами, встречающимися в легенде о Тристане, мы видим, что они во многом схожи. Более того, мы наблюдаем, как по мере развития основных сюжетных линий это сходство становится все более очевидным.

Нашу исследовательскую работу затрудняет и то, что в этих мифах элементы истории, мифа, легенды, местного и универсального фольклора удивительным образом переплетаются, создавая интересные, но очень сложные произведения, в которых трудно разобраться с первого взгляда.

Некоторые предполагают, что миф о Тристане восходит к кельтам, так как в нем отражаются магические элементы древних верований, относящихся к периоду более раннему, чем XII век. Другие, ссылаясь на взаимосвязь символов, указывают на то, что ключ к пониманию мифа надо искать в астрологии. Третьи видят в Тристане некое «лунное божество», а четвертые считают, что история его жизни символизирует путь Солнца.

Есть и те, кто делает акцент исключительно на психологическом содержании повествования, на человеческой дра-

ме, которую проживают герои. Парадоксальным кажется тот факт, что несмотря на эпоху, в которую эта история появляется в литературе, ее герои не испытывают никаких религиозных чувств, скажем, раскаяния за свое поведение; более того, любовники чувствуют себя чистыми и невинными и даже находящимися под покровительством Бога и Природы. Есть нечто странное и загадочное в событиях этого мифа, выводящего своих героев за пределы «добра» и «зла».

Некоторые исследователи указывают также на возможное восточное происхождение некоторых эпизодов либо всего произведения в целом. По их мнению, эта история была перенесена с Востока на Запад арабами, осевшими на Иберийском полуострове.

Другие ученые подчеркивают тот факт, что эта легенда, в разных версиях, неоднократно повторялась по всему атлантическому побережью Европы; это наводит их на мысль о том, что ее происхождение уходит в глубины истории, к ариоатлантам, жившим задолго до кельтов.

Интересно, что, независимо от гипотез о происхождении и истории мифа о Тристане, практически все исследователи приходят к выводу о существовании общего источника вдохновения, одной изначальной древней легенды. Именно она послужила основой для всех ее многочисленных поздних вариантов и рыцарских романов о Тристане. Каждый из этих вариантов более или менее точно отражает отдельные детали и нюансы первоначальной истории.

СЮЖЕТ

Мы попытались рассмотреть все известные версии мифа о Тристане и, проанализировав их, выявить основной сюжет. Хотя он не во всех деталях совпадает со знаменитым произведением Рихарда Вагнера, но, тем не менее, помогает лучше понять значение целого ряда символов, проявляющихся в рамках сюжета.

Тристан — молодой принц, живущий при дворе своего дяди, короля Марка Корнуэлльского. В страшном бою он

побеждает Морольта Ирландского, которому Марк ежегодно должен был отдавать в качестве дани 100 девушек. Однако и сам он смертельно ранен отравленной стрелой. Тристан покидает двор и без весел, паруса и руля, взяв лишь свою лиру, уплывает на лодке. Чудесным образом он достигает берегов Ирландии, где встречает Изольду Золотоволосую, владеющую искусством магии и целительства, унаследованным от матери. Она залечивает его рану. Тристан выдает себя за некоего Тантриса, но Изольда узнает в нем победителя Морольта, сравнив зазубрину на мече Тристана с металлическим осколком, который она извлекла из черепа погибшего Морольта.

По возвращении ко двору короля Марка Тристану поручают особенно важную миссию: по золотому волоску, оброненному ласточкой, найти женщину, на которой хотел бы жениться его дядя. Тристан узнает золотой волос Изольды. После множества подвигов, достойных восхищения, — как, например, победа в битве со страшным змееподобным чудовищем, разорявшим Ирландию и наводившим ужас даже на самых смелых рыцарей, — он завоевывает прекрасную даму для своего дяди.

По дороге из Ирландии в Корнуэлл служанка Изольды случайно путает волшебные напитки, которые везла с собой принцесса. Ослепленная обидой Изольда предлагает Тристану напиток, несущий смерть, но благодаря ошибке служанки вместо яда они оба выпивают волшебный бальзам любви, который связывает молодую пару великим бессмертным чувством и непреодолимой страстью.

Приближается день свадьбы Изольды и Марка. Однако молодая королева и Тристан, раздираемые сердечными муками и тоской друг по другу, продолжают свою жаркую любовную связь, до тех пор пока король не разоблачает их. Далее каждая версия легенды о Тристане предлагает свой вариант развязки этой истории.

Согласно одной из версий, некий рыцарь короля Марка наносит Тристану смертельную рану, после чего герой удаляется в свой родовой замок, ожидая смерти или появления

Изольды, которая могла вновь спасти его. И действительно, Изольда приплывает па лодке. Но ее преследуют король Марк и его рыцари. Развязка оказывается кровавой: погибают все, кроме короля Марка, молчаливого свидетеля драмы. Прощаясь с жизнью, Тристан и Изольда поют гимн великой бессмертной Любви, пронизанный высоким чувством, торжествующим над смертью и оказавшимся гораздо сильнее боли и страданий.

По другой версии, сразу после разоблачения измены король Марк изгоняет любовников. Они укрываются в лесу (или в лесном гроте), где живут в уединении. Однажды Марк застает их спящими и видит, что между ними лежит меч Тристана как символ чистоты, невинности и целомудрия. Король прощает свою супругу и увозит ее с собой. Тристана же отсылает в Арморику, где тот женится на дочери местного герцога — Изольде Белорукой. Но память о своей прежней великой любви не позволяет Тристану ни полюбить свою супругу, ни даже прикоснуться к ней.

Защищая своего друга, однажды Тристан вновь оказывается смертельно раненным. Он посылает друзей на поиски Изольды Золотоволосой — единственной, кто способен излечить его. Белый парус на лодке, которая была отправлена на поиски Изольды, должен был означать, что она найдена, а черный — что найти ее не удалось. Лодка, возвращающаяся из путешествия, появляется на горизонте под белым парусом, но супруга Тристана, Изольда Белорукая, в приступе ревности говорит мужу, что парус черный. Так умирает последняя надежда Тристана, а вместе с ней жизнь покидает его тело. Изольда Золотоволосая появляется, но поздно. Увидев своего возлюбленного мертвым, она ложится рядом с ним и тоже умирает.

ПЕРСОНАЖИ: ИМЕНА И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Тристан (иногда Тристрам, Тристант) — это имя кельтского происхождения. Тристан или Дростан — это уменьшительная форма имени Дрост (или Друст), которое носили неко-

торые пиктские короли в VII–IX веках. Это имя связано и со словом «tristeza», означающим печаль и намекающим на то обстоятельство, что его мать умерла при родах, вскоре после смерти отца. Тристан был сыном Ривалена, короля Лионии (Лоонойса), и Бланшефлор, сестры Марка Корнуэлльского.

Тристан — это «герой, не имеющий себе равных, гордость царств и прибежище славы». Именем «Тантрис» Тристан пользуется всякий раз, попадая в Ирландию: когда впервые сражается с Морольтом, получает смертельную рану и отдается на милость судьбы в лодке без весел, паруса и руля и когда возвращается, чтобы завоевать руку Изольды-Изеи и передать ее своему дяде Марку. В том и другом случае это имя исполнено особого смысла.

Символично не только то, что в имени меняются местами слоги, но также и то, что изменяются все жизненные ценности Тристана. Он перестает быть рыцарем без страха и упрека и становится похожим на человека, который одержим любовной связью, ведущей к смерти, и уже не в состоянии себя контролировать. Он уже не бесстрашный рыцарь, а слабый человек, с одной стороны, нуждающийся в помощи волшебницы Изеи, с другой стороны, обманывающий ее любовь и доверие, собираясь вручить ее другому мужчине.

Изея (Изеут, Изаут, Изольт, Изольде, Изотта) — еще одно кельтское имя, возможно, восходящее к кельтскому слову «эссильт», обозначающему ель, либо к германским именам Ишильд и Исвальда.

Марио Росо де Луна в своих исследованиях идет еще дальше и связывает имя Изольды с такими именами, как Иза, Исида, Эльза, Элиза, Изабель, Исида-Авель, склоняясь к тому, что наша героиня символизирует священный образ Исиды — чистой Души, дающей жизнь всем людям.

Изольда — дочь королевы Ирландии и племянница Морольта (по другим версиям — его невеста или сестра). Она волшебница, владеющая магическим искусством врачевания и напоминающая Медею из мифа о Ясоне и аргонавтах, а также Ариадну из мифа о Тесее.

Изольда Белорукая — дочь Хоуэлла, короля или герцога Арморики, или Малой Британии. Этот персонаж большинство авторов считает более поздним; скорее всего, его просто добавили к первоначальному сюжету мифа.

Морольт (Мархальт, Морхот, Армольдо, Морлот, Морольдо) — зять короля Ирландии, человек гигантского роста, ежегодно отправляющийся в Корнуэлл забирать дань — 100 девушек. В вагнеровской версии мифа Морольт — жених Изеи, погибший в поединке с Тристаном; его тело было брошено на необитаемом острове, а голова повешена в землях Ирландии.

«Мор» по-кельтски значит «море», но также и «высокий», «большой». Это то самое знаменитое чудовище, которое должен был победить не только Тристан, но также и Тесей в греческом мифе, символизирующее все старое, изжившее себя и умирающее в человечестве. Ему противостоит сила молодости героя, способность совершать великие подвиги, творить чудеса и вести к новым далям.

Марк (Марос, Марке, Марко, Марс, Марес) — король Корнуэлла, дядя Тристана и супруг Изеи. По словам Росо де Луна, он символизирует Карму, или закон Судьбы. Он один выживает после драматической развязки. Но разворачиваются все события в мифе именно вокруг него, именно он становится причиной, порождающей все известные нам последствия этой драмы.

Брангвейна (Брангель, Бренгана, Брангена, Бранжьена) — верная служанка Изеи, которая, по разным версиям, намеренно или случайно меняет местами напитки, предназначенные Тристану и Изее. В произведении Вагнера Брангвейну просят подать Тристану и Изее магический напиток, приносящий смерть, но она не то из страха, не то по рассеянности подает им магический напиток, вызывающий любовь. Согласно некоторым источникам, Брангвейна заменяет собой Изею на свадебном ложе с Марком, чтобы скрыть вину своей госпожи.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭПИЗОДЫ

В легенде о Тристане можно найти много совпадений с мифом о Тесее и Минотавре. Как и Тесей, Тристан должен победить чудовище — великана Морольта, требующего дань в виде юных прекрасных дев, или же дракона, опустошающего земли Ирландии. В некоторых вариантах мифа великан Морольт и дракон четко различаются и являются разными персонажами, в других же они соединяются в одно чудовищное существо.

Идя по стопам Тесея, Тристан отвоевывает Изею, но не для себя: Тесей отдает Ариадну Дионису, а Тристан отдает Изею своему дяде, королю Марку.

В конце повествования корабль под белыми парусами означает возвращение Тесея (или смерть его отца Эгея) и возвращение Изеи, а под черными — смерть для обоих любовников. Иногда говорится не о парусе, а об особом флаге: в произведении Вагнера лодка Изольды приближается к берегу с флагом на мачте, выражающим «светящуюся радость, ярче самого света...».

СЮЖЕТЫ ИЗ ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ

В свое время Вагнер задумывал объединить сюжеты «Тристана» и «Парсифаля»: «Я уже сделал набросок трех действий, в которых намеревался использовать весь сюжет „Тристана" целиком. В последнее действие я ввел эпизод, который впоследствии вычеркнул: умирающего Тристана посещает Парсифаль, отправляющийся на поиски Грааля. Смертельно раненный Тристан, все еще сражающийся и не испускающий дух, хотя час его уже пробил, отождествлялся в моей душе с Амфортасом, персонажем из повести о Граале...»

Амфортас — король, хранитель Грааля — был ранен магическим копьем, заколдованным одним из известных черных магов, и осужден на великие страдания: вследствие кол-

довства его рана никогда не заживала. Нечто подобное происходит с Тристаном, которому дважды (а то и трижды) наносятся смертельные раны; только Изольда может излечить их. Фактор магии и колдовства здесь бесспорен: Тристан ранен Морольтом или драконом, и только Изея владеет волшебным искусством, способным противостоять губительным последствиям ранения. Раненый Тристан же теряет свои качества доблестного рыцаря и превращается в Тантриса, потому что становится жертвой колдовства, черной магии, и только мудрая Изея знает, что нужно сделать, чтобы снять с него ужасные чары, несущие смерть. Неожиданный поворот в сюжете напоминает некоторые фрагменты сказаний о древней Атлантиде. Увидев своего умирающего возлюбленного, Изея приносит последнюю жертву, совершает последнее великое исцеление. Она уже не ищет средство, способное вернуть Тристану жизнь, но выбирает путь смерти как единственный способ спасения и преображения.

Есть еще одно сходство с сюжетом легенды о короле Артуре: Марк находит любовников спящими в чаще леса, с мечом, положенным между ними. Король Артур наблюдал аналогичную сцену, когда нашел Гиневру и Ланселота, которые бежали в лес, не в силах больше скрывать свою любовь друг от друга. Более того, в галисийско-португальском сборнике стихов отмечается, что Тристан и Изея жили в замке, который был предоставлен им Ланселотом. Затем Тристан решает принять участие в поисках Грааля и, отправляясь в путь, в соответствии с традицией, которой придерживались молодые люди, искавшие приключений, берет с собой арфу и зеленый щит, описанные в рыцарских романах того времени. Отсюда имена, которые ему присваивались: Рыцарь зеленого меча или Рыцарь зеленого щита.

Смерть Тристана у разных авторов описана по-разному. Есть упомянутый нами эпизод с парусами. Есть вариант, согласно которому Тристана ранил король Марк или один из придворных рыцарей, обнаружив его с Изеей в дворцовых садах. Есть другие версии, и в том числе известный вариант Вагнера. Но чаще всего именно Марк сжимает в руке

смертоносный отравленный меч или копье, посланные Морганой специально для того, чтобы уничтожить рыцаря.

ВОПРОС О СНАДОБЬЯХ

Оставляя без обсуждения сюжет о любовном напитке, который королева Ирландии подготовила для свадьбы своей дочери, и ошибку, из-за которой его выпили Тристан и Изольда, поищем объяснения этой истории.

Чтобы понять значение греческого мифа о Тесее и легенды о Тристане, можно применить одни и те же символические ключи.

Согласно одному из этих подходов, Тристан символизирует человека, а Изея — его душу. Тогда вполне естественно, что они были объединены узами любви еще до того, как выпили снадобье. Но в жизни часто случается так, что разные обстоятельства вынуждают человека забыть о своей душе, отрицать ее существование или просто перестать считаться с ее потребностями и переживаниями. В результате происходит «отчуждение» друг от друга, из-за которого страдают обе стороны. Но душа никогда не сдается. Изея предпочитает смерть измене любимому, считая, что лучше умереть вдвоем, чем жить в разлуке: она предлагает Тристану выпить якобы напиток Примирения, который на самом деле оказывается ядом, то есть напитком, ведущим в смерть. Но, может быть, это было не единственным решением, может быть, не только смерть способна примирить человека с его душой? Происходит счастливая ошибка: напитки подмениваются и оба выпивают снадобье Любви. Они вновь вместе, их примирила великая сила Любви. Не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы жить и вместе преодолевать все жизненные трудности.

Здесь мы рассматриваем сюжет с философской точки зрения. Ко многому, что касается этого мифа, можно применить философские воззрения великого Платона.

Тристан — это человек, распятый между миром чувств и миром духа, между удовольствиями земной жизни и тягой к вечной Красоте, к вечной небесной Любви, которой можно

достичь лишь через смерть теневых сторон своей личности, лишь через господство над ними.

Тристан ни разу не испытывает чувства вины за свою любовь, но зато чувствует себя виновным в грехе гордыни, который поражает его сердце: вместо того чтобы сражаться за собственное бессмертие, он уступает жажде власти и земной славы. И если для этого надо отдать свою душу, он, конечно, без колебания пожертвует ею — так Тристан жертвует Изольдой, позволяя ей выйти замуж за Марка.

Тристан обретает бессмертие лишь ценой собственной смерти, которая становится для него искуплением, освобождением от всей грязи земной жизни. С этого момента начинается его возрождение, его окончательный и решительный переход из царства теней и боли в царство света и счастья. Смерть побеждена бессмертием. Песнь трубадура уступает место гимну воскрешения, лира и роза любви превращаются в сияющий меч жизни и смерти. Тристан находит свой Грааль.

В этой истории отразилось и великое учение о душах-близнецах, ибо наши герои постепенно достигают совершенства, далеко превосходящего обычную земную страсть. Их любовь превращается в полное взаимное понимание, в глубокое слияние друг с другом, в мистическое единство душ, благодаря которому каждый из них становится неотделимой частью другого.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В этой истории переплетается множество символов и символических ключей. Тристан олицетворяет все человечество — молодое и героическое по духу, способное сражаться, любить и понимать красоту. Мудрая Изея — это образ заботливого ангела-хранителя человечества, воплощенного в лице Тристана, — образ, символизирующий вечные таинства бытия, которые всегда имели два лица, содержали две соединяющиеся противоположности: разум и пол, жизнь и смерть, любовь и войну. Дуальность «разум — пол» берет свое нача-

ло в древних эзотерических традициях, рассказывающих о переломном, критическом моменте истории, пройдя через который человек получил искру разума. Мужчина и женщина (в куртуазной литературе — рыцарь и дама) первый раз должны были испытать боль разлуки, в которой в то же время было и нечто притягательное. Однако только что зародившийся Высший Разум был еще не в состоянии постичь смысл происходящего. С тех пор любовь стала восприниматься через влечение полов, а также через боль и страдание, сопутствующие ей. Но такое восприятие значительно отличается от чистого, сильного, идеалистического чувства великой, вечной небесной Любви, которое можно полностью испытать лишь благодаря пробужденному в человеке Высшему Разуму.

Другие пары противоположностей: «жизнь — смерть», «любовь — война» — мы попытаемся объяснить исходя из философского учения о Логосах, которые в своем тройственном аспекте влияют на состояние человека. Тристан черпает свой опыт из Высшего Разума — формы, характерной для Третьего Логоса. Он рыцарь, обладающий разумом, позволяющим пожинать славу в мире форм, победитель во многих битвах, но он еще не знает настоящей Войны; он галантный кавалер и обольститель прекрасных дам, но он еще не знает настоящей Любви; он трубадур и утонченный музыкант, но еще не знает настоящей Красоты. Он чувствует присутствие Изеи, но все еще не обладает мудростью, чтобы узнать в ней собственную душу.

Именно смерть подводит его к следующему шагу, именно смерть открывает перед ним двери, ведущие ко Второму Логосу — к Энергии-Жизни, Любви-Мудрости. Смерть его телесной оболочки подводит его к пониманию великого таинства энергии Жизни, в которой таятся жизненные соки, питающие всю вселенную, в которой кроется причина Бессмертия: через Смерть понимается Жизнь, и через Смерть же понимается, в конечном счете, и Любовь. Его Разум превращается в Мудрость. И только с этого момента он может одержать победу в великой войне, в великой битве, которую

описывает тысячелетняя Бхагавадгита, в сражении за обретение собственной души, за обретение самого себя.

Именно в этот момент музыкант и любовник преображается в человека мудрого, теперь он знает, что Искусство и Любовь — две части одной вечной Красоты, неотделимые друг от друга.

Еще один шаг — и он живет в экстазе Смерти ради Любви. Это состояние дает ему новое зрение, открывает глаза души, приносит понимание:

Прекрасное — это то же самое, что добро и справедливость.

Разум — лишь победы и триумфы в земном мире, далеком от души.

Форма — это музыка земных звуков.

Энергия — это жизнь и знание смерти форм.

Любовь — это мудрость, искусство и красота, заслуженные в войне за обретение самого себя.

Закон — это красота, доброта и справедливость.

Воля — это преодоление всех испытаний, сублимация желания.

Тристан олицетворяет совершенную, идеальную модель Пути, называемого неоплатоником Плотином «восхождением к Истине».

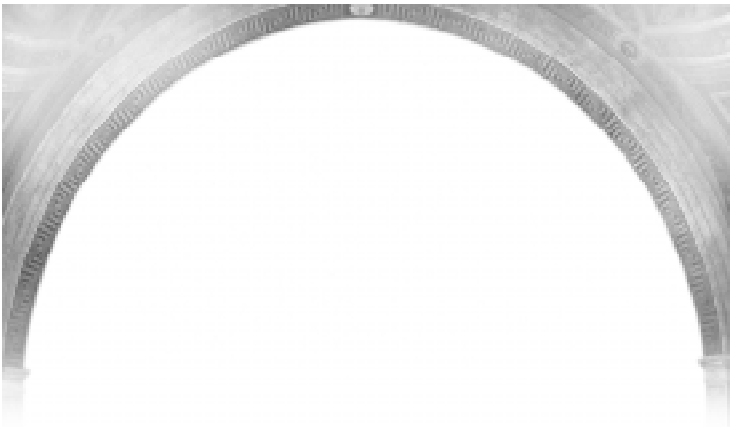
Тристан — любовник и музыкант, однако земные страсти превращают его любовь в красную розу с окровавленными шипами, а его лиру — в меч, который может смертельно ранить. И вдруг он входит в мир Идей. Музыкант и любовник уже может понимать и видеть. Он уже совершил путешествие, пройдя через опасные воды, защищаясь своим щитом, следуя за своей душой. Он уже дошел до дверей Нового человека, новой формы жизни.

Таков путь настоящего музыканта: от форм — к Идеям, от желания — к Воле, от воина — к Человеку.

Лучше всего изложил суть этого пути Рихард Вагнер, описавший переживания и опыт любви, которая всегда объединяет то, что из-за нашего неведения подвержено разлуке. Его слова показывают весь путь Тристана и Изольды,

погруженных вначале в неутолимую волну желания, которая, рождаясь из простого, робкого признания, растет и приобретает силу... Сначала вздохи в одиночестве, потом надежда, затем наслаждение и сожаление, радость и страдание... Волна растет, доходя до своей вершины, до неистовой боли, пока не находит спасительную брешь, через которую все великие и сильные чувства сердца изливаются, чтобы растворить в океане бесконечного наслаждения истинной Любви: «Даже такое опьянение ни к чему не приводит. Ибо сердце, неспособное сопротивляться, полностью предается страсти и, охваченное неутоленным желанием, вновь лишается сил... Ибо оно не понимает, что каждое удовлетворенное желание — лишь семя нового, еще более алчного... Что вихрь страсти, в конечном итоге, приводит к неизбежному, полному истощению сил. И когда все заканчивается, в душу, истерзанную вихрями желаний, понимающую, что она вновь остается опустошенной, закрадывается предчувствие иного, высшего наслаждения — сладости смерти и небытия, окончательного искупления, достижимого лишь в том чудесном царстве, которое тем больше от нас удаляется, чем сильнее мы стремимся туда проникнуть.

Можно ли назвать это смертью? Или это и есть сокровенное царство Мистерии, давшее семена любви, из которых выросли виноградная лоза и плющ, тесно переплетенные между собой и обвивающие могилу Тристана и Изольды, как рассказывает легенда?»



СОДЕРЖАНИЕ

Об авторах 5
Предисловие 6

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Х.А. Ливрага. Сокровенный смысл жизни 11
Х.А. Ливрага. Что такое Идеал? 26
Х.А. Ливрага. Что такое «быть человеком»? 33
Х.А. Ливрага. Будем ли мы жить снова?
Основы теории перевоплощения 47
Х.А. Ливрага. Предопределенность или свобода выбора? 69
Х.А. Ливрага. Верим ли мы в предсказания? 79
Д.С. Гусман. Четыре стихии в космосе и в человеке 86

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ МЕЧТЫ

Х.А. Ливрага. Как осуществляются Мечты 97
Х.А. Ливрага. «Невозможные» Мечты 110
Х.А. Ливрага. Таинственное искусство побеждать 115
Х.А. Ливрага. Я, Ты, Он — как нам превратиться в Мы 132
Х.А. Ливрага. Историческая роль Рима и проблемы
современности 150
Х.А. Ливрага. Последний триумф Императора 160
Х.А. Ливрага. Боевые искусства и рыцарские ордены 170
Д.С. Гусман. Философия — школа жизни 181

Х.А. Ливрага. Искусство всегда быть философом 191
Х.А. Ливрага. Капельку вежливости, господа! 195
Д.С. Гусман. Оптимизм и философия 199

КОНЕЦ ВЕКА И НЕ ТОЛЬКО

Х.А. Ливрага. Предсказания на 2000 год 211
Д.С. Гусман. Конец века и не только 229
Х.А. Ливрага. Мир без святых и героев 237
Д.С. Гусман. Скучно жить без супермена! 250
Х.А. Ливрага. Почему набирают силу
преступность и терроризм? 256
Д.С. Гусман. Природные катастрофы 267
Х.А. Ливрага. Бунт предметов 273
Х.А. Ливрага. Конец света через 10 лет? 281

ВНУТРЕННЕЕ ЗЕРКАЛО

Х.А. Ливрага. Внутреннее зеркало 291
Х.А. Ливрага. Возможно ли спокойствие внутреннее
и спокойствие внешнее? 294
Д.С. Гусман. Эгоизм и эгоцентризм 305
Д.С. Гусман. Труднейший из выборов 309
Д.С. Гусман. Почему мы обманываем? 315
Д.С. Гусман. У времени в плену 321
Д.С. Гусман. Любовь платоническая
и любовь сексуальная 331
Д.С. Гусман. Душа женщины 343

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИК

Х.А. Ливрага. Театр Мистерий Древней Греции 361
Д.С. Гусман. Инициатический театр 368
Д.С. Гусман. Искусство и художник 385
Д.С. Гусман. Тристан и Изольда: миф и символы 391

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
«НОВЫЙ АКРОПОЛЬ»

— это возможность больше узнать о прошлом и будущем человечества, о великих цивилизациях, о законах Вселенной и тайнах внутреннего мира человека

— это возможность открыть то лучшее, что есть в нас, — художника, поэта, музыканта, ученого, философа...

— это возможность найти друзей и единомышленников среди людей, стремящихся сделать наш мир хоть немного лучше

«Новый Акрополь» приглашает на цикл лекций по философии и культуре

В программе цикла:

— Символизм древних культур (Египет, Греция, Рим, Индия, Тибет и др.)
— Философские школы Востока и Запада
— Основы древних наук (математика, алхимия, астрология, медицина)
— Глубинная психология
— Представления о жизни и смерти

и многое другое

Адрес Культурного центра «Новый Акрополь»:
Москва, ул. Шипиловская, д. 7 (м. «Орехово»).

Телефоны для справок: 391-18-04, 391-18-14.
E-mail: info@newacropol.ru www.newacropol.ru

Филиалы «Нового Акрополя» в России:
Санкт-Петербург (812) 554-15-28
Тверь (08-222) 9-36-97
Великий Новгород (816-22) 7-18-23
Калининград (0112) 21-01-93
Самара (8462) 36-28-47
Нижний Новгород (8312) 30-95-82
Смоленск (08-12) 3-04-18

«Новый Акрополь» в Украине:
Киев (044) 458-36-52

Хорхе Анхель Ливрага
Делия Стейнберг Гусман

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Перевод с испанского:
Е. Сикирич, А. Мусулин, И.Н. Каменщикова,
Ю.В. Александрин, О.В. Наумова,
О.Р. Архипова, Д.В. Головин

Ответственный редактор *О.В. Наумова*
Научный редактор *Е.В. Косолобова*
Художественный редактор *С.Ю. Гордеева*
Технический редактор *А.С. Мишачева*
Литературные редакторы
О.В. Наумова, А.Б. Шахнович
Корректор *О.В. Наумова*
Компьютерная верстка *Г.А. Фетисовой*

Изд. лиц. ИД № 03784 от 17.01.01.
Подписано в печать 25.03.2003.
Формат 84 ´ 108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «PetersburgCTT». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,42. Тираж 500.
Тип. зак. №

Издательство «Культурный центр „Новый Акрополь”».
115569, Москва, ул. Шипиловская, д. 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Самарский Дом печати» 443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.